

Цакариас ТОПЕЛИУС ШКАТУЛКА ДОМОВОГО

СВЫШЕ СТА ШЕСТИДЕСЯТИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
И ЭЛЕМЕНТОВ ОФОРМЛЕНИЯ
СКАНДИНАВСКИХ
И РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Цакаркас Топеліус
(1818–1898)

Цакариас Топелиус

ШКАТУЛКА ДОМОВОГО

Сказки и рассказы
для детского чтения

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(4)-4
УДК 821.113
Т58

Иллюстрации

*А. Эдельфельта, Ю. Акке, Й. Нюстрём, О. Адельборг,
В. Сольдан-Бруфельдт, А. Энгстрёма, А. Мальмстрёма, К. Ларссона,
Г. Ступендаля, У. Хьёрицберга, Р. Койву, В. Крюкова, К. Изенберга*

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmergo
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирувания
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Т58 **Топелиус Ц.** Шкатулка домового / Пер. с швед.; Сост., вступ. ст. и примеч.
Д. Кобозева. — СПб.: СЗКЭО, 2023. — 448 с., ил.

Из-под пера выдающегося финского писателя-классика Цакариаса Топелиуса (1818–1898) вышло огромное количество замечательных сказок и рассказов для детей. Лучшие их образцы объединены в этой книге авторской присказкой о шкатулке с историями. Чего-чего там только нет! Читателя встретят Туттели и Путтели, Стари-чок с луны, стрекоза, что не мерзнет в зимнюю пору, Рождественский козел, домовые, тролли, короли с королевами и даже старый сосновый пень, исполнявший желания, но утверждавший при этом, что в нем нет ничего волшебного. На страницах сказок Топелиуса оживают обычные финские мальчики и девочки, сказочное переплетается с реальным, элементы фантастики соединяются с историческими преданиями. Автор постоянно внушает читателям высокие и благородные чувства — любовь к ближним, верность отчизне, преклонение перед поэзией и сказкой; учит презирать высокомерие и жадность. Вот почему его маленькими шедеврами, рожденными на лоне самобытной природы Севера, зачитывается уже не одно поколение детей и взрослых.

© Кобозев Д. Р., аннотация, вступительная статья,
составление, перевод, примечания, 2023

ISBN 978-5-9603-0841-0 (7БЦ)

ISBN 978-5-9603-0842-7 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2023

ДЯДЮШКА ЦАКРИС

Сказка сказке рознь. Есть сказки, которые почти ничего не дают ни уму, ни сердцу и заключают в себе только фантастическую, лишенную всякой идеи фабулу. Однако есть и другие — те, что пробуждают в юных читателях добрые чувства, преподносят ряд ценных поэтических картин, наводят на размышления, заставляют детское сердце откликаться на переживаемые героями радости и страдания и, по образному выражению русского сказочника Кота Мурлыки (Н. П. Вагнера), «ведут к добру, сеют отвращение к злу».

К числу произведений этого последнего рода принадлежат сказки финского писателя Цакариаса Топелиуса, являющегося одним из самых ярких продолжателей традиций Х. К. Андерсена в Скандинавии. Он считается крупнейшим сказочником не только своей родины, но и Швеции, поскольку писал на шведском языке. А распространившаяся в другие страны слава его сказок сделала их популярными и любимыми среди детей и взрослых разных народов.

Цакариас Топелиус родился 14 января 1818 г. в усадьбе Куднэс, неподалеку от финского городка Ньюкарлебу. Его отец был сельским врачом, увлеченным изучением местных обычаев, языка и религиозных верований. Будущий писатель воспитывался, окруженный трепетной заботой домочадцев. Он с детства знал и любил руны, которые пели его отцу коробейники; старая нянька Брита рассказывала малышам чудесные сказки. Позднее Топелиус признавался, что рос с убеждением, будто все в природе дышит и чувствует, мыслит и разговаривает.

В одиннадцать лет Цакариаса отправили учиться в Улеаборг, где жила его тетка, содержавшая библиотеку. За чтением книг школьник проводил все свободное время. 5 июня 1833 г. юноша сдал экзамен и поступил в Хельсингфорский университет, в котором по окончании курса был профессором истории, а в 1875–1878 гг. и ректором. Вплоть до самой смерти в 1898 г. круг его научных интересов составляла история России и Скандинавии.

Литературная деятельность Топелиуса началась очень рано: еще мальчиком он сочинял стихи, вел дневник, а в восьмилетнем возрасте написал свою первую сказку о том, как избавил Ньюкарлебу от ужасного дракона, захватившего церковную башню. Творческое наследие Топелиуса велико и разнообразно: сборники стихов и новелл, романы, драмы, публицистика. Огромной популярностью пользовались издававшиеся с 1851 г. «Рассказы фельдшера», где дано романтическое описание истории Швеции и Финляндии. Однако самую большую известность принесли Топелиусу его сказки — к их созданию автора подтолкнуло знакомство с творчеством Х. К. Андерсена. В 1847 г. увидел свет первый выпуск сборника «Сказки», проиллюстрированный супругой Топелиуса Эмилией, которая к тому же собственноручно раскрасила отпечатанные картинки всех 500 (!) экземпляров книги. В течение следующих пяти лет были опубликованы еще три выпуска. В своих сказках автор обработал

Ц. Топелиус. Акварель Ф. Кашенройтера, 1845

и интерпретировал сюжеты и образы финского, скандинавского и европейского фольклора. Первоначально он не предназначал их конкретно детям или взрослым. Позднее, когда Топелиус включил сказки, наряду с пьесами, рассказами и стихами в сборники «Детское чтение» (1865–1896), они получили более определенный адресат и имели громадный успех. Рецензенты писали о «поэтическом даре» и «богатой фантазии» их автора и считали его особой заслугой то, что он не превратил эти «невинные рассказы» в проповеди тенденциозной морали.

Верное представление о значении Топелиуса для финской литературы дают нам отзывы людей, которые были детьми или подростками в ту пору, когда увидели свет его произведения. Так, один из самых выдающихся лирических поэтов Финляндии К. А. Тавастшерна (1860–1898) писал о Топелиусе: «Этот удивительный человек был одарен сердцем и простой речью ребенка, умом мудреца, взором добряка, беспритязательной скромностью и прозорливостью гения. В его сказках и рассказах красота финской природы и вообще колорит северного пейзажа представлялись нам живее и ярче, нежели в самой натуре. Он научил нас любить березки и звезды, тростник и озера, водопады

Ц. Топелиус с внуком Микаэлем Нюбергом, «Миккули-Пиккули»

и горные ручьи, полет облаков... А после камней и деревьев мы научились любить и Матти с Майей и узнали из сотни других его рассказов, что все мальчики и девочки Финляндии составляют своего рода братство. Вследствие этого наша любовь от камней, деревьев, ручьев и озер распространилась и на отца и деда Матти, на Пекку и Айну, Марию и Грету и на всех прочих людей, молодых и старых...»

Другой современник финского сказочника свидетельствовал о его популярности у детской аудитории следующими словами: «Ребенок в Финляндии проводит темные зимние вечера у жарко вытопленной печи, склонившись над книгами Топелиуса. Он читал их сотни раз и знает так хорошо, что стоит ему прочесть начало фразы, чтобы он мог кончить ее наизусть. При одном упоминании об ее продолжении он уже заранее улыбается». По словам одного из биографов писателя, школы его родины согласились бы скорее «лишиться всех столов и скамеек, чем его сказок». Они стали национальным сокровищем.

Маленькие шедевры Топелиуса полны жизни, искрятся солнечным светом и оптимизмом, в них замечательно изображена сумрачная природа Севера.

Описания природы полны любовью к ней и художественно изящны. В голубых водах Финского залива «ели отражают свои густые зеленые ветви», в этом заливе много островков, «где дивные березки тихо раскачиваются ветром и где вода так прозрачна, что можно видеть на белом песчаном дне резвую игру рыбок». На островках часто возвышаются «мшистые утесы, около берега растет белоснежная хрупкая кувшинка». «Весенней порой в ветвях сосен дрозды распевают свои нежные песни, а маленькие бледно-розовые цветы вереска поглядывают наверх с таким смирением...» Когда же поднимается буря, то «все море походит на белую волнующуюся равнину и гроза рассекает острым огненным лучом каменные сердца вековых утесов». Легкие штрихи, разбросанные по всем сказкам Топелиуса, дают читателю полное представление о суровой девственной красоте Финляндии, которая закаляет и укрепляет душу и способствует созданию сильных гордых характеров. В сказках других писателей вы не найдете такого преклонения перед «героем» в настоящем

Топелиус в лодке. Портрет работы Р. В. Экмана, 1868

Топелиус и дети. Скульптурная группа В. Вальгрена, 1909

*В усадьбу Топелиуса Бьёркудден слетаются поздравления
по случаю 78-летия писателя. Рисунок Ю. Акке, 1896*

смысле этого слова, такого здорового безобидного юмора, столь прекрасной, утонченной и вместе с тем мощной свободы фантазии. На страницах произведений финского сказочника часто затрагиваются религиозные темы, в деликатной и доступной форме утверждается торжество истинной веры, любви и справедливости. Сам автор придерживался мнения, что в мире существуют две великие силы, с помощью которых можно сдвинуть горы — это сказка и вера. Вместе с тем дидактический элемент сказок Топелиуса не оскорбляет, как это нередко случается, эстетическое чутье читателя. Во всем сквозит неподдельная искренность и глубина — результат сложных душевных переживаний и чуткой совести.

Самыми беспристрастными и «опасными» рецензентами своих произведений Топелиус считал горячо любивших его детей, в многочисленных письмах ласково называвших сказочника «Дядюшка Цакрис». Автор же неизменно платил им ответной любовью, одаривая маленьких читателей все новыми и новыми волшебными сказками, которые, по словам А. Линдгрена, «не сдают своих позиций и в наши дни».

Д. Кобозев

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

ШКАТУЛКА ДОМОВОГО

У меня завелся малютка-домовой; его зовут Эли, и живет он в стеклянной горенке. Мой приятель почти двух лет от роду и столько же дюймов ростом, выглядит, как маленький ребенок, когда тот просыпается по утрам: босоногий, с голыми ручками и совершенно светлый, если не считать крохотного красного колпачка, который Эли носит поверх золотистых волос. В течение дня Эли сидит смирно; но рано утром и поздно вечером он записывает услышанное за день и складывает свои заметки в стеклянную шкатулку. Одни берутся им из природы, другие — из человеческой жизни, иные — из мира фей; однако лучшие заимствованы из Царства Божьего. И поэтому никто другой, кроме детей, коим принадлежит Царство Божье, не понимает сказок Эли.

Давай попросим Эли открыть нам свою шкатулку. Я знаю, что он охотно это сделает; он знаком со стрекозой, летающей в зимнюю пору¹, любит детей — домовый ведь и сам дитя — и с удовольствием преподнесет им кое-что полезное и вместе с тем приятное. Я же попытаюсь перевести сказки домового на человеческий язык, и ты услышишь их одну за другой, по мере того как они будут попадать к нам в руки.

Итак, шкатулка, откройся!

Мгновенье — и она открыта. Что я вижу! Малютка Эли начинает со сказки...

ЦЕРКОВНЫЙ ПЕТУХ-ФЛЮГЕР

Мы начнем с замечательной сказки, которая могла бы называться *«Высокомерие ведет к падению»*; однако каждый волен озаглавить ее так, как ему вздумается. Высокомерным может быть кто угодно, даже малинный червяк, а уж церковный петух-флюгер и подавно!

Так вот, был когда-то церковный петух-флюгер, который сидел на высокой башне. Откуда он взялся и каким образом забрался так высоко — сказать сложно. Однако полагали, что отцом ему доводился не простой петух, а плотник, умевший вырезать деревянных орлов и драконов. Вероятно, из куса дерева он изготовил и петуха, после чего водрузил его на башенный шпиль при помощи веревки, ведь петух был редкостным увальнем и не желал учиться летать.

А может быть, дело было и не так. Может быть, петух был раньше первым лицом в курятнике могущественной сказочной королевы Гилимилиадолги и из высокомерия восстал против своей повелительницы, за что был превращен в деревянного петуха и посажен на церковную башню. Никто этого достоверно не знает. Верно только то, что он сидел там, высоко-высоко, — выше, чем самая высокая крыша и самое высокое дерево на расстоянии семи миль вокруг. С этой невероятной высоты земля казалась ему блином, а люди — мухами, ползающими по нему. Их возня, происходившая на глазах у петуха, быстро заканчивалась, по-видимому, с появлением огромной мухобойки.

Церковный петух отличался внушительной наружностью. У него был великолепный красный гребень, зеленые глаза, большущие, словно тарелки, и необычайно пышный хвост. А в живот его можно было всыпать бочонка три ржи — такой он был толстый. Можно себе представить, как он гордился собой. Он думал, что является очень важной персоной только потому, что так

велик и так высоко сидит. Все петухи высокомерны; взгляни на какого-нибудь из них, когда он стоит на навозной куче и, вытянув шею, смотрит на тебя; так и кажется, что он хочет сказать: «Ты что еще за дрянь?» А церковный петух-флюгер был в этом отношении хуже всякого другого петуха. Но мы увидим, что подобное самомнение добром не кончается. Многие гордые петухи лишились головы, и их в виде вкусного жаркого подавали на стол в праздничный день под разными соусами, с огурцами или брусничным вареньем.

Но петух-флюгер, верно, знал, что не годится на жаркое, а потому еще более гордился. Он обладал свойством, весьма полезным в нашем мире: всегда поворачивать свой нос по ветру. Таким образом, он обзирал мир при любом направлении ветра. Но куда бы петух ни таращил свои зеленые глазища — он нигде не видел никого, кто был бы на него похож. Вследствие этого он возомнил о себе, что он лучше всех на свете и что весь мир обязан ему повиноваться. Он думал про себя:

«Я великий петух, необычайно знатный и могущественный. Подобного мне среди петухов не найти. Я действительно „петушье величество“! Вероятно, и церковь-то выстроена, чтобы я имел достойное меня место. Для чего людям приходиться каждое воскресенье в церковь, если не для того, чтобы любоваться мною и поклоняться мне? Да, я и впрямь великий петух, знатный и необыкновенный!»

Но знатым людям подчас бывает скучно. Эта участь постигла и церковного петуха. Летать он не мог, работать не хотел, еда ему была не нужна — только и оставалось что поворачивать нос по ветру. Он часто с завистью наблюдал за пасторскими курами, которые шествовали внизу одна за другой к какой-нибудь мусорной куче и сосредоточенно рылись в ней, отыскивая себе зернышки.

Однажды над церковью пролетала ворона и задела крылом петуха-флюгера, который сидел, насупившись, и злился оттого, что ворона посмела поднестись на ту же высоту, что и он.

— Крра! Крра! — каркнула ворона. — Как поживаешь, дружище?

— Бррр! — заскрипел петух в ответ, поворачиваясь по ветру и показывая вороне хвост. — Мне кажется, — заметил он, — что ты могла бы, по крайней мере, называть меня «сиятельством».

— Скажите пожалуйста! — воскликнула ворона. — Ну да ладно! Не скучаете ли вы, ваше сиятельство, здесь одни от безделья? По-моему, вам не мешало бы жениться.

— Жениться? — откликнулся петух. — Но где мне найти курицу, достаточно знатную и важную, за которую я мог бы посвататься, не уронив своего достоинства?

— Вы правы, ваше сиятельство, — согласилась ворона, — такую курицу действительно нелегко найти. Не припомню, чтобы когда-либо существовали курицы-флюгеры. Но почему бы вам не заняться какой-нибудь работой: тогда и время пойдет быстрее, да и веселее будет.

— Работать? — проворчал петух и взглянул на ворону с глубоким презрением. — Знатные и благородные особы никогда не работают, это не принято.

«Хе-хе! — подумала про себя ворона, улетаая. — Ты смотришь по сторонам, господин петух, и все же имеешь слабое представление о происходящем в мире. Часто знатным и благородным приходится работать, да еще как! А ты, глупец, думаешь, что знатность состоит в бездельничанье и пользовании услугами от других! Оно и видно, что церковному петуху сто лет: рассуждает так, как многие думали еще во времена его юности. Но теперь иной образ мыслей: все должны трудиться, если хотят жить в довольстве. Но петух не желает этого понимать. Ленив он больно, вот и говорит: не принято».

Так это и было на самом деле. Церковный петух был ленив и высокомерен. Много-много лет сидел он на башенном шпиле и пальцем не шевельнул. Хоть бы раз прокукарекал для приличия! Нет, его стоило угостить хорошей березовой кашей¹. Но кто бы отважился на подобное? А кроме того, он был деревянный, и вряд ли березовая каша оказала бы какое-нибудь действие.

Послушаем же, что было дальше.

В один прекрасный день, когда петух по обыкновению таращил свои зеленые глаза на Божий мир с очень умным видом, хотя в голове его не было ни единой мысли, он увидел, к своему удивлению, перед церковью толпу народа.

«Это что такое? — подумал он. — Ведь сегодня не воскресенье».

Однако вскоре все объяснилось.

Известный канатный плясун Караматти² натянул свой канат между церковной башней и колокольной. На канате прыгали его дети, мальчик и девочка, выделявая разные фокусы.

«Это еще что? — подумал петух. — Уж не оказывают ли мне люди новые почести?»

Вдруг маленький Караматти послал толпе воздушный поцелуй и, как кошка, стал взбираться на церковный шпиль: в него были вделаны железные штыри, расположенные один над другим. Цепляясь за них, мальчик карабкался все выше и выше. Наконец он добрался до петуха.

— Ах! — воскликнул про себя петух, краснея от досады.

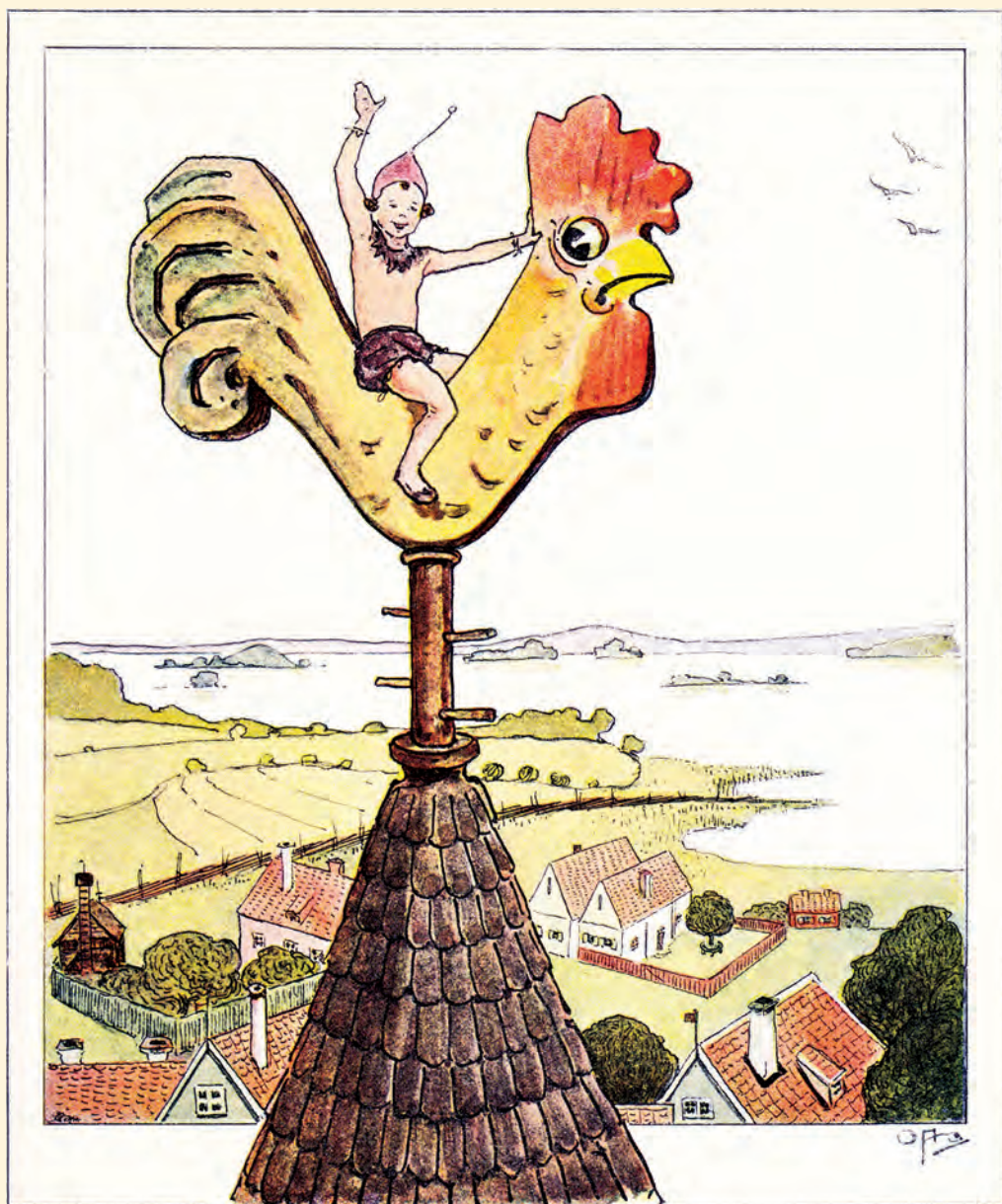
Но Караматти не испугался, а в одно мгновение вскочил петуху на спину, уселся поудобнее и принялся кричать благим матом:

— Гоп, гоп, моя лошадка, но-о! Трогайся!

Можешь себе представить, что случилось с петухом? Он, знатный, великий петух!.. И вдруг у него на спине сидит какой-то малыш и кричит: «Гоп, гоп, моя лошадка!»

Сначала петух ожидал, что церковь обрушится от такой неслыханной дерзости. Но церковь все так же крепко стояла на своем месте. Тогда петух в сильном гневе принялся вертеться и кидаться во все стороны. Что ему оставалось делать? Он не мог ни кукарекать, ни летать, а потому ему пришлось молча стерпеть этот щелчок по его самолюбию, в то время как толпа внизу кричала:

— Браво! Брависсимо!

— Гоп, гоп, моя лошадка, но-о! Трогайся!

Казалось, люди радовались тому, что петух оскорблен. Так всегда случается: когда кто-нибудь ленив и кичлив, является маленький Караматти и оседлывает его, как церковного петуха. Можешь не сомневаться.

Но петух не стал умнее после этого. Год за годом сидел он на своем шпигеле, а люди, поколение за поколением, пели хвалебные гимны в честь Господа в церкви по воскресеньям, доживали свой век и умирали. Им на смену приходили новые люди, пели те же старые псалмы, в той же старой церкви. А петух все так же гордо восседал на верхушке и ждал, что на его долю выпадет особенное счастье. Быть может, он рассчитывал оказаться вызолоченным чистейшим золотом и сиять подобно солнцу, или же думал, что его когда-нибудь провозгласят великим петушиным султаном всего мира, как знать? Он ждал да ждал, а счастье все не приходило.

Между тем церковный петух состарился, дерево сгнило, целые куски его отрывало ветром, и они падали на землю. Однажды случилась страшная буря. Порыв ветра налетел на церковь, сорвал со шпиля флюгер и понес его к морю. У петуха закружилась голова от такого путешествия, и он в первый раз пожалел, что не умеет ни летать, ни кричать, потому как, умей он это делать, не несся бы сломя голову к морю, а полетел бы на крышу городской ратуши и так громко прокукарекал там, что магистрат и весь город услышали бы его! Но ураган отнес церковного петуха напрямик в море и швырнул в воду с такой силой, что щуки и окуни испугались и, удивленно разинув рты, спрашивали, что это за чудовище морское. В конце концов несчастного петуха выбросило на берег, где он и остался лежать.

Неподалеку стояла маленькая хибарка, в которой жила старушка с двумя детьми — мальчиком и девочкой. Как-то раз дети играли на берегу, устраивая для своих рыбок плотины и запруды. Отправившись собирать нужные им камушки дальше обычного, они набрали на церковного петуха, который выглядел теперь прямо-таки жалко. Волны окончательно смыли с него краску, и он так сильно разбился о камни, что лишился и клюва, и хвоста.

Дети воскликнули:

— Лучше не придумаешь! Матушка постоянно жалуется, что вороны и воробьи клюют горох. Теперь мы устроим великолепное пугало. Пойдем за веревкой и оттащим эту махину на огород.

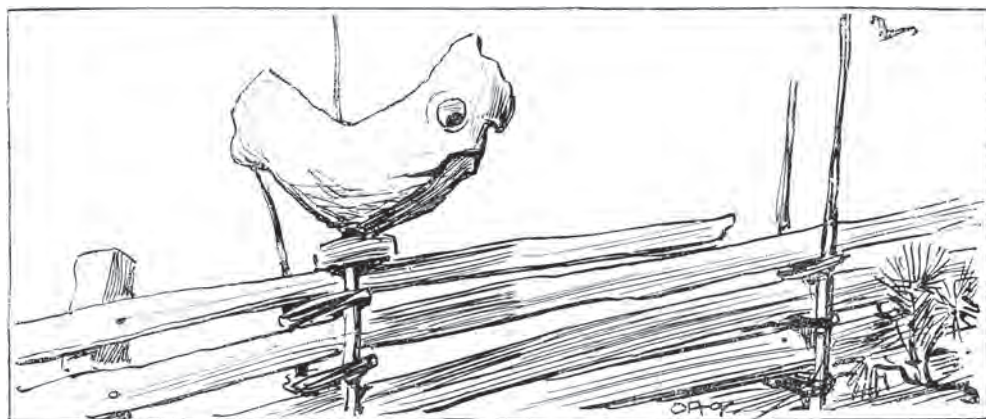
И вот на старости лет церковный петух-флюгер сделался пугалом вместо того, чтобы быть вызолоченным и провозглашенным великим петушиным султаном всего мира. Случилось, что ворона, в дни его могущества величавшая петуха «сиятельством», прилетела однажды на огород полакомиться горохом.

— Ой! — воскликнула она, увидав пугало, и повернула прочь. Но, отлетев немного, оглянулась и узнала старого знакомого.

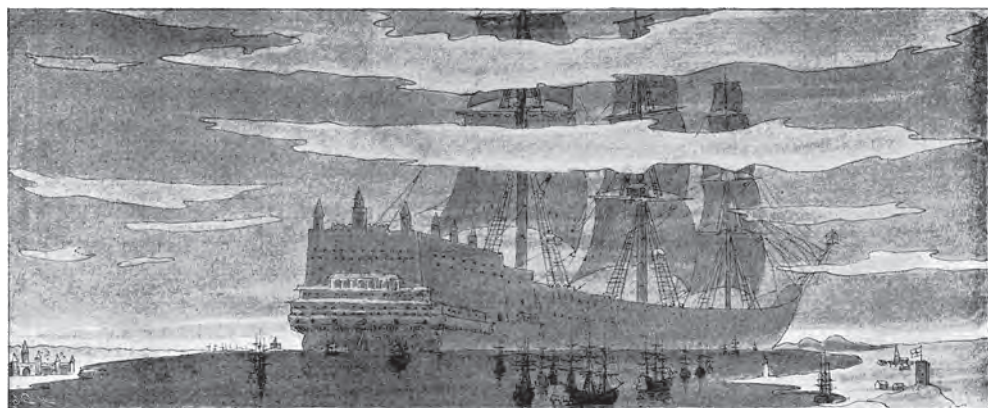
— Кррра! Кррра! — каркнула она. — Покорнейшая слуга! Полюбуйтесь-ка на его сиятельство, который стал пугалом! А все высокомерие, высокомерие; да-да, так оно и бывает!

— Попридержи клюв на замке! — шикнул на ворону мудрый ворон, сидевший тут же, на сосновом пне. — Бедняга петух был высокомерен и ленив, оттого он нынче и страдает. Но теперь он стар и несчастен, а над старыми и несчастными смеяться нельзя. Никто ведь не знает, что случится с ним на склоне лет!

Петух слышал все это, но не мог сказать ни слова — он лишился деревянного клюва и молча сидел на колу изгороди. Там он, верно, остается и по сей день.

«РЕФАНУТ»

Шхуна «Надежда»¹ стояла пришвартованная у пристани в гавани; целой ватаге мальчишек позволили подняться на палубу и лазить по вантам². Некоторые смельчаки влезли до площадки большого марса³, двое добрались до малого марса, а одному захотелось хоть раз в жизни испытать, каково сидеть верхом на бовен-брам-рее⁴. Был воскресный вечер, боцман⁵ Матте сидел на якорной цепи в носовой части верхней палубы и читал Псалтырь⁶, но теперь отложил его в сторону, чтобы наблюдать за детьми. Матте был старый морской волк, просоленный матрос, который избородил все моря и испытывал всевозможные бури и непогоды с тех самых пор, как научился работать веслом. Шутник и весельчак был этот боцман Матте; он умел рассказывать разные забавные истории, и с такими прикрасами, что слушатели захлебывались от восторга. Мальчишки уважали Матте: по их мнению, был он мужик что надо, и умел рассказывать, как никто другой, хотя иногда как будто и хватал через край.

Матте отложил Псалтырь, поднял глаза на марсы и закричал:

— Эй, там, наверху!

— Слышим! — ответили мальчишки, забравшиеся выше всех.

— Надейся на руки, а не на ноги, ты, там, на верхушке, а не то слетишь отсюда, как вороненок! — кричал Матте.

— Как раз! — откликнулся самый отчаянный смельчак, выбравший свою целью бовен-брам-рей.

Матте пробормотал что-то о щенках, желавших казаться котятками, и как будто перестал и думать о детворе, однако продолжал пристально следить за ней, потому что был дежурным на палубе. Немного погодя мальчишки устали лазить по мачтам. Один из них, сошедший с марса, отер пот со лба и заявил, что «Надежда» — большой корабль и взобраться на нок-рею⁷ — дело нешуточное.

— О да, — спокойно сказал Матте, — неудивительно, ведь это часть дороги, что ведет на луну. Но хотя «Надежда» — и не маленькое судно, а что бы вы сказали, если б увидели «Рефанут»!

— Что это такое, «Рефанут»? — спросили дети. — Расскажи нам, Матте!

— Но ведь об этом известно каждому поваренку, плававшему на деревянной посудине в Копенгаген. Не может быть, чтобы вы этого не знали.

Нет, мальчики никогда не слыхали о таком во всех трех королевствах⁸; Матте должен непременно рассказать им об этом.

Матте взял свежую понюшку табаку, погладил свою бороду, прищурил глаза и принялся рассказывать.

— Бывал ли кто из вас в Торнео⁹?

— Нет, — отвечали мальчишки.

— Ну, да это все равно. Город Торнео лежит так далеко на Севере, что когда там забрасывают вентерь¹⁰, в день летнего солнцестояния можно поймать им солнце. Там водятся такие огромные лососи, что глаза у них — не меньше полной луны. Еще дальше на Севере находится высокая гора, Аавасакса, куда люди ездят за сотни миль, чтобы проверить свои часы по солнцу ровно в двенадцать часов ночи, и высекают там свои имена на скале.

— Вот как! — удивились мальчишки.

— Много лет тому назад жил в Торнео богатый купец, которого звали господин Пер. И до того он был богат, что посылал в море двадцать кораблей. А когда в Торнео прибыл король поглядеть на полуночное солнце, господин Пер соорудил посреди реки горницу с хрустальными стенами, чтобы король мог видеть, как плавают лососи.

Но человек никогда не бывает доволен тем, что у него есть; так и господин Пер, как ни был богат, а хотел сделаться еще вдвое богаче. Он вбил себе в голову, что должен покрыть всю гору Аавасакса золотом, потому что это такая замечательная гора, и тогда пошла бы по всему миру слава, что сделал это господин Пер. Послал он за одним знаменитым колдуном в Лапландию и спросил его, как бы раздобыть в короткое время столько золота, сколько ему было нужно. Колдун, а с ним и все лапландские тролли¹¹, думали об этом целых семь лет, по прошествии которых кудесник сказал: «Построй «Рефанут»!»

«А что это такое?» — спросил господин Пер, потому как был не умнее вас, салаг, несмотря на то что слыл богачом.

«Видишь ли, — ответил колдун, — “Рефанут” — это волшебный корабль, подобного которому нет во всем мире. В нем поместится товару больше чем в сотнях других кораблей, и меньше чем через три года он привезет столько золота, сколько камней во всей Лапландии».

— Ого! — воскликнули мальчишки.

— Да, то же самое было и с господином Пером. «Ого! — сказал он. — А где я возьму материал и строителей для такого корабля?»

«Предоставь это мне, — ответил колдун. — Я построю корабль, а ты взамен отдашь мне в жены свою дочь, девицу Солнечный Свет».

Господин Пер немного призадумался. Ведь колдуну было уже сто лет, а его дочери не исполнилось еще и двадцати. Но когда ему представилась гора Аавасакса, покрытая золотом, он дал свое согласие с уговором, что свадьба состоится не раньше, чем «Рефанут» вернется из первого своего плавания.

Колдун принялся за работу. В горах Косамо¹², на Крайнем Севере, высятся сосны, которые ненамного моложе всемирного потопа. Туда были посланы все лапландские тролли рубить и перетаскивать лес; они запрягали в сани медведей и свозили деревья к морскому берегу. Там возвели корабельную верфь величиною с горный хребет, и началась постройка «Рефанута». Когда его спустили на воду, море вышло из берегов, дно морское треснуло, морские валы докатились до озера Улео и завалили камнями все пороги на реке Кеми.

Когда «Рефанут» очутился в воде, его корма расположилась в Торнео, между тем как форштевень¹³ маячил у города Васа, а бушприт¹⁴ при повороте смел леса в Тавастланде¹⁵. Имелись три мачты, расстояние между которыми было столь велико, что вороне приходилось лететь целый день, чтоб с одной верхушки попасть на другую. И так высоки были эти мачты, что когда

посылали маленького юнгу наверх закрепить парус марса, он возвращался назад глубоким стариком. Для экипажа на судно набрали десять тысяч храбрых матросов, и если каждый из них съедал одну чашку гороха да плошку каши в день, то можно высчитать, сколько там выходило в год гороху и каши на продовольствие.

Мальчишки засмеялись и стали считать на пальцах.

— На каждом блоке была там съестная лавка, а на каждом марсе — гостиница. Я уж не говорю о якорной цепи: чтобы поднять одно железное звено, понадобилось бы двенадцать человек, а ванты были толще меня...

— О, это не шутка! — согласилась ребятня.

— Да, но самое худшее было то, что когда требовалось сделать поворот и поставить паруса под ветер, курьер должен был мчаться во весь опор три недели — сперва вдоль судна, а потом от одного борта к другому и кричать во все горло!

— Вероятно, там были почтовые станции по дороге! — заметил один мальчуган.

— Ясное дело, еще бы там не быть станциям! Но для такого огромного корабля трудно было подыскать искусного капитана. По всем церквам было объявлено: тот, кто на расстоянии восемнадцати миль не сможет увидеть, который час показывают ратушные часы в Торнео, и не сможет с рупором перекричать шума десятка водопадов, пусть не утруждает себя и не добивается места шкипера. И с Востока, и с Запада приходило много желающих: великаны с глазами точно у единорога, и горластые дьячки, которые могли перекричать всех своих прихожан, но ни один из них так и не смог выдержать испытания. Наконец явился невысокий малый из города Нодендала¹⁶, всего шести кварт¹⁷ росту, — хотя, может статься, было в нем шесть кварт и два дюйма...

— Три дюйма! — шутливо подсказали дети.

— Пусть будет по-вашему, шести кварт и трех дюймов ростом, лысый, кривоногий, и все в таком же роде. Вот этот молодец поднялся на церковное крыльцо в Лиминго¹⁸, в восемнадцати милях к югу от Торнео, и взглянул на север. «Погодите-ка немного, — сказал он, — я не вижу хорошенько, потому что за двенадцать миль отсюда, между мною и ратушными часами, пролетает стая из шестидесяти восьми гусей — из них тридцать один белый, а тридцать семь серых. Теперь они пролетели; часы показывают без двадцати одной минуты и четырнадцати секунд десять, только со стороны магистрата непростительно, что он не позаботится смести паутину с циферблата. Там жужжат две осы, одиннадцать мух и тридцать девять комаров, из них четырнадцать с длинными ногами и двадцать пять — с короткими». Тотчас был послан курьер в Торнео проверить его слова, и все оказалось верно, только на циферблате нашлось пятнадцать комаров с длинными ногами, однако же ноги последнего загораживала часовая стрелка. Затем невысокий малый отправился к водопаду Эмме близ замка Каянеборг¹⁹ и закричал оттуда в Улеборг,

чтобы ему прислали самого большого лосося, пойманного в реке Улео. От его крика задрожали берега, а люди, спускавшиеся вниз по реке в ста двадцати лодках, разом обернулись и спрашивали друг у друга: не гром ли это слышен из Лапландии?

Вот таким-то образом невысокий малый из Нодендаля сделался шкипером на «Рефануте». Назначенное ему жалованье было сущим пустяком по сравнению с тем количеством золота, которое он обещал привезти. Решили, что корабль отправится в Полинезию с грузом смолы, лососины и варенья из мамы²⁰ и вернется оттуда с грузом редких пряностей и золотого песка.

«Рефанут» начал распускать паруса. Тут поднялся скрип, треск и грохот выше всякой меры! Течение ветра приостановилось, флаги хлестали по облакам, обитатели моря — от дельфина и лосося до ерша и уклейки — решили, что целая гора обрушилась в воду и в ужасе спасались бегством в свои леса из морских водорослей. Господин Пер с колдуном стояли на берегу и потирали руки от удовольствия; один думал о горе Аавасакса, а другой — о девице Солнечный Свет. Но голубые глазки девицы Солнечный Свет сделались от слез красны, точно малина, потому что она постоянно думала о колдуне. Она знала, что тот заколдовал судно, так что ни воздух, ни вода, ни огонь не могли причинить ему ни малейшего вреда. Корабль наверняка вернется обратно, и тогда ей, бедняжке, придется стать женой колдуна.

Да, колдун был страшно хитер и чрезвычайно искусен во всяком колдовстве; он полагал, что ему нечего бояться, раз воздух, огонь и вода не имели никакой власти над «Рефанутом». Однако он забыл о четвертой стихии,

а именно — о земле. Как ни умен был колдун, но он никогда не плавал по морю, а какая польза быть умным на суше, ни разу не хлебнув соленой воды? Разве не так, сорванцы? Ведь глупо быть такой сухопутной крысой?

— Очень глупо, — согласились мальчишки.

— Ну вот, видите ли, колдун и подумал: «Это судно будет плыть по воде, ему могут угрожать бури, огонь, волны, но ведь оно никогда не окажется на суше». Вот как глупо думают здесь, на сухом берегу. Если бы колдун спросил меня, я ответил бы ему: «Милый колдун, — следует быть очень вежливым с колдунами — дорогой кудесник или кто ты там такой, — сказал бы я ему, — все это одни глупости. Лучше бы тебе заколдовать свой корабль от мелей, подводных рифов и утесов, потому что хороший моряк и без колдовства справится с воздухом, огнем и водой». Но раз он не посоветовался ни со мной, ни с другими понимающими людьми, то вышло так, как и следовало ожидать.

— А что вышло-то? — спрашивали нетерпеливые мальчишки, пока боцман Матте доставал свежую понюшку табаку.

— Да с самого начала не заладилось. Дул попутный северный ветер, люди на корме видели, как дамы махали платками на пристани в Торнео, между тем как нос судна находился уже в проливе Кваркен. Но там было очень мелко, и киль «Рефанута» задевал за дно. Капитан тотчас приказал выкинуть часть корабельного балласта, и курьер помчался во весь опор кругом палубы; за борт вышвырнули столько земли, столько камней, что из них образовалась большая, красивая группа островов, которая и поныне зовется Миккелевыми островами. Бывали ли вы там?

— Нет, Матте, никогда не бывали!

— Не велика важность. И так как второпях вместе с балластом выбросили за борт около ста тысяч банок с вареньем из мамыры, то и теперь именно на Миккелевых островах растет самая чудесная мамыра.

— Ого! — удивились мальчишки.

— «Рефануту» с большим трудом удалось выбраться из Кваркена и попасть в Балтийское море, где было гораздо глубже. После бури море было неспокойно. Кок как раз был в камбузе и мешал кашу, когда громадная волна перекатилась через палубу и швырнула целый голландский бриг прямо в громадный котел. «Полюбуйтесь-ка, — закричал кок, — эти глупые мальчишки на аландском берегу²¹ строят лодки из стручков гороха и бросают их сюда, чтоб испортить нам кашу».

Теперь надо было повернуть судно в Балтийском море, чтобы пройти через проливы Эресунн и Каттегат. Опять курьер помчался во весь дух с приказаниями. Пока он доскакал до мачты на носу, паруса на марсе были уже готовы к повороту, и так как ветер сразу окреп, еще немного, и «Рефанут» очутился бы в Копенгагене. Однако дело обошлось настолько благополучно, что большой реей снесло лишь несколько церковных шпилей в городе; корабль сделал поворот и направился прямо в Эресунн.

Когда нос судна вошел в пролив, а корма оставалась еще далеко позади в Балтийском море, капитан закричал «ура!», и вместе с ним весь экипаж. Но не успели они еще вдоволь накричаться и нарадоваться, как корабль вдруг остановился и так прочно засел, словно кто-то его пригвоздил. Да это было и неудивительно; когда хорошенько присмотрелись, то оказалось, что «Рефанут» был шире самого пролива и застрял теперь между Зеландией²² и шведским берегом, точь-в-точь как поросенок, который просунул голову между двумя перекаладинами забора и не может вытащить ее оттуда.

— Хо! Хо! Хо! — захохотали мальчишки.

— Да, вот где пришлось остановиться «Рефануту». От сильного толчка капитан и весь экипаж попадали на палубу, и радость их тотчас улетучилась. Теперь надо было попытаться снять корабль с мели. Ветер толкал его, волны толкали его, но «Рефанут» прочно застрял между провинцией Сконе в Швеции и Зеландией. Когда капитан вместе с экипажем напрасно поработали до упаду три дня и три ночи и так же бесполезно выбросили за борт пятьсот тысяч бочек смолы, триста тысяч бочек лососины и двести тысяч банок с вареньем, они порешили сойти на берег и подумать, что им предпринять. Но, очутившись на берегу, вздумали вовсе не возвращаться на борт корабля.

Шесть недель простоял «Рефанут» в своей ловушке, а шведы и датчане ездили смотреть на это диво. На корабле оставалось еще так невероятно много варенья из мамуры, в виде каши в трюме, что долго еще после этого случая датские крестьяне лакомились блинами с вареньем. По истечении шести недель к королю Дании стали поступать серьезные жалобы: «Господин король, — говорил народ, — избавь нас от этого ужасного „Рефанута“. Он загораживает весь пролив, так что ни одно судно не может ни выйти, ни войти. В Каттегате ждут семьсот кораблей, чтобы попасть к нам, а шестьсот кораблей в Балтийском море — чтобы покинуть его. В Швеции, Финляндии, России и Северной Германии большой недостаток в соли и кофе, а когда народу не хватает соли и кофе, он начинает бунтовать, так что вскоре можно ожидать долгой и разрушительной войны».

Король отвечал: «Подождем еще немного, ветер и волны разобьют, верно, корабль в щепки».

Но ветер и волны знали, что делали, колдун заговорил их, и они не могли причинить никакого вреда «Рефануту». Новые жалобы стали прибывать со всех сторон: «Господин король, „Рефанут“ запрудил Балтийское море, и много больших рек изливается в это море, а когда лишние воды не уходят, начинаются ужасающие наводнения: тонут люди, уничтожаются города, и целые государства оказываются на грани гибели».

Король все-таки хотел еще подождать, но был он большой охотник до нюхательного табаку, и вот однажды, когда ему захотелось взять себе понюшку, его табакерка оказалась пустой.

«Достаньте мне моего вест-индского табаку», — приказал король.

«Это невозможно, господин король, — ответил главный гофмейстер²³ двора. — В Каттегате ждут семь кораблей с нюхательным табаком, но не могут попасть сюда, „Рефанут“ загородил весь пролив».

Тут король наконец рассердился.

«Послать туда десять линейных кораблей и двадцать фрегатов и велеть им разрядить пушки в „Рефанут“!»

Сказано — сделано. Все приготовились к ужаснейшему грохоту и заткнули уши ватой.

«Раз! — скомандовал король. — Раз, два, три!»

Но не раздалось ни единого выстрела.

«Что это значит? — спросил король, который командовал, стоя на крепостной башне в Хельсингёре²⁴. — Разве не слышали команду? Слушайте еще: раз, два, три!»

Никакого щелчка. Было так тихо, что можно было слышать писк комара.

«Что за оказия? — кричал рассерженный король. — Заряжайте снова... раз, два, три!»

Нет, ни малейшего звука. Волоски поднялись дыбом от изумления в косячках датских офицеров.

«Должно быть, порох виноват!» — закричали все в один голос.

«Порох-то в порядке! — сердито возразил главный пороховой мастер. — Причина в том, что пушки успели заржаветь во время продолжительного мира. Лучше сложим целую гору пороха в „Рефанут“, тогда весь остов его разнесет в щепки».

«Хотел бы я, чтоб это удалось, — сказал король. — Можно попробовать».

Тотчас собрали весь порох, который только отыскался в половине Европы, и сложили его высокой черной горой внутри «Рефанута». Затем было объявлено, что ввиду опасности взлететь на воздух все должны удалиться оттуда на шесть миль. Для исполнения этой затеи доставили из тюрьмы одного искусного вора, приговоренного к виселице, и обещали помиловать его с тем условием, чтобы он поджег порох при помощи серного фитиля длиной в семь саженей. Теперь ожидали, что море расколется от ужаснейшего взрыва. Все видели, как вор поджег фитиль и затем соскочил в воду, чтобы плыть к берегу... в бинокли было видно, как фитиль горел все дальше и дальше... Наконец огонь добрался до горы из пороха и...

— И что? — вне себя от любопытства спросили мальчишки.

— Ну, и ровно ничего не вышло. Фитиль угас в самой гуще пороха.

— О-ох!

— Да, с пороховой горой вышла та же штука, что и с канонадой. Кто был рад-радехонек, так это осужденный вор. Король же прямо позеленел от гнева, приказал позвать главного порохового мастера и спросил его, как он смел продать казне порох, который никуда не годился. Бедняга клялся своей бородой, что порох был самого лучшего качества, и вызвался тотчас это доказать. Для этого он приказал свезти порох на берег, вошел до колен в большую

черную кучу и сунул — для опыта — горящую спичку прямо в порох. Бумм! Из пороховой горы сверкнула молния, воздух сотрясся от страшного взрыва, громадное облако дыма поднялось над всей Данией, и людям показалось, что земля вот-вот разверзнется под их ногами. От главного порохового мастера не нашлось потом ни единого кусочка, даже с картофеляину величиною.

Тут явился к королю один старый матрос...

— Это был ты, Матте! — закричали дети.

— Я вовсе не утверждаю, что это был именно я, но, во всяком случае, то был не глупый моряк, только немного глуховат на левое ухо от взрыва. Он сказал королю:

«К чему вы напрасно трудитесь? Даже ребенку ясно, что „Рефанут“ заговорен от огня, воздуха и воды. Попробуем лучше, не возьмет ли железо это морское чудище. Разрубим его на части и из полученного материала построим непобедимый военный флот. Я полагаю, что десять тысяч плотников справятся с ним к будущей весне».

«А тем временем во всех странах на берегах Балтийского моря начнутся мятежи», — возразил военный министр.

«А тем временем Балтийское море выйдет из берегов, и мы все пойдем ко дну», — заметил адмирал, министр морского флота.

«А тем временем семь кораблей, нагруженных табаком, тщетно ждут в Каттегате», — присовокупил обер-гофмейстер двора.

«Нет, так дело не пойдет, это мешает благоденствию государства, — заявил удрученный король. — Пойдем спать! Утро вечера мудренее!»

Заснули они, а пока спали, случилось нечто необыкновенное. Маленький червячок, ничтожное создание, о существовании которого никто даже не подозревал, вышел из морской пены и в одну ночь источил весь громадный корабль. Далеко-далеко вокруг море было покрыто древесной мукой, а когда король с придворными проснулись утром, от громадного «Рефанута» осталась лишь небольшая часть камбуза, и из этих останков построили потом трехмачтовый корабль. Пролив освободился, соль и кофе могли беспрепятственно ввозить, излишек воды нашел себе выход, и весь народ был доволен. Город иллюминировали, лавочки с нюхательным табаком украсились флагами, и все придворные кавалеры нарядились в честь события во фракы табачного цвета.

Господин Пер вместе с колдуном долго и тщетно ждали каких-либо известий о «Рефануте» и утешались только тем, что путь до Полинезии неблизкий. Однажды ночью господину Перу приснилось, что гора Аавасакса от подножия до вершины покрыта золотом, и на следующее утро он поспешил позвать к себе колдуна.

«Вот мне приснилось то и то, — сказал он, — это означает, что „Рефанут“ нынче же вернется домой, доверху нагруженный золотом. Созови сюда весь город, колдун! Отпразднуем пышную свадьбу».

Колдун пригласил на свадьбу не только весь город, но и всех лапландских троллей, а одного из них, семиглазого, послали на самую высокую башню подать сигнал, когда «Рефанут» покажется далеко-далеко в Балтийском море. Но у девицы Солнечный Свет глаза от слез стали совсем багровыми, как закат солнца, предвещающий бурю.

Все было готово, тролль на башне подал сигнал, и все заторопились к пристани с венками и флагами, и даже крики «ура!» были готовы сорваться с их языков. Но вместо «Рефанута» показался несчастный, жалкий ялик с парусом из рогожи; в нем сидел исхудалый человек в лохмотьях. То был капитан корабля «Рефанут», единственный, кто вернулся домой, чтоб рассказать о его судьбе.

Да что тут оставалось говорить? Большинство заявили, что они давно ожидали такого исхода, и все вернулись домой со своими венками и флагами. Лицо у колдуна сделалось лиловым от досады, и он тут же, не сходя с места, лопнул. Господин Пер так обеднел, что вынужден был просить милостыню, а гору Аавасакса и без него каждое лето золотило полуночное солнце. Глаза девицы Солнечный Свет, разумеется, прояснились; она вышла замуж за бургомистра по имени Лунный Свет, жили они хорошо и взяли господина Пера к себе.

Много лет прошло с тех пор, но и по сию пору ни один старый матрос не проделает путь от Торнео до Эресунна, не рассказав поварятам и юнгам о «Рефануте». Еще и теперь случается иногда, что в Кваркене и Балтийском море подымается туман и в утреннем полумраке принимает зловещие очертания. Тогда морякам кажется, будто видят они в тумане громадный корабль, с мачтами, упирающимися в облака, и парусами, развевающимися до неба. Старые матросы надвигают тогда поплотнее на воротник свои зюйдвестки²⁵ и говорят друг другу, пожевывая табак: «Это „Рефанут“! Уберем-ка реи на фок-мачте²⁶ да большой парус: сейчас налетит буря!» Потому что, видите ли, сорванцы, бравый моряк не знает страха, он боится только Бога, а коли уберет реи, может смеяться колдуну прямо в бороду. Если вам когда-нибудь случится повстречать «Рефанут», смело смотрите привидению в лицо, тогда оно пронесется, как туман, и через минуту перед вами будет спокойное море.

— А что, это все правда, Матте? — наивно спросил младший из мальчиков.

— Пусть поклянется в этом тот, кому охота, — ответил боцман Матте. — Но тут столько же правды, сколько и во всякой другой морской истории, — честный матрос рассказывает, а десять малышей слушают, вытаращив глаза на луну. Ты только слушай, а рассказывать я умею!

ЛАСТОЧКА ИЗ ЕГИПТА

Видал ли кто-нибудь у проселочной дороги небольшую усадьбу с желтыми воротами и маленьким красным домиком, на котором выделяются белые ставни? Это очень уютный уголок, и там наверняка живут хорошие люди. Перед самыми воротами у дороги расположилось высокое развесистое дерево, в ветвях которого всегда поют птички, а весной это дерево источает такой аромат, что вся окрестность наполняется им. Кто же хозяин прелестного домика, и что это за диковинное иноземное дерево, которое никогда не встретишь здесь, на холодном Севере?

Много лет тому назад в красном домике жила старушка, у которой были три маленькие девочки. Старшую из них звали Илия, среднюю — Милия, а младшую — Эмилия. Странные имена дала старушка девочкам! Интересно, как звали бы четвертую, если б была еще и она?

А впрочем, не стоит стараться угадывать. Девочки были очень хорошие, послушные, и никогда не капризничали. Ну, а в таком случае, конечно, все равно, как бы их ни звали. Имя не имеет никакого значения, и глупа та девочка, которая плачет из-за того, что ее зовут Сусанна или Стина. Главное, надо быть добрым и честным, а подобные качества украсят любое имя.

В усадьбе была еще и пятая особа — ласточка. Все ее маленькое хозяйство помещалось под крышей; там она и жила со своими птенчиками целое лето. Осенью ласточка всегда готовилась к долгому путешествию, но для этого ей не требовалось паковать корзины с чемоданами и нанимать коляску или сани. Она стрелой неслась по воздуху на своих черных блестящих крылышках, и я хотел бы видеть того, кто отважился бы бежать с ней наперегонки. Ласточка

улетала каждый год в определенное время. При этом никто не говорил ей осенью: «Пора улетать!», или весной: «Возвращайся домой!» Она уже знала это сама, без напоминаний, как и девочки, которые очень любили хорошенькую трудолюбивую пташку. Да и можно ли было не любить ее? Ведь ласточка — самая домашняя птичка на всем Божьем свете, и тот, кто обидит ее, достоин быть заклеванным вороной.

Однажды в сентябре, когда деревья уже начали желтеть, а небо стали затягивать серые тучи, три сестры сидели на скамейке перед крыльцом и разговаривали. Одна из девочек сказала:

— Сегодня улетает ласточка!

— Квиrrр! Квиrrр! Я действительно отправляюсь в путь, — прощепетала ласточка, которая завтракала на крыше перед путешествием и слышала слова девочки.

— Но скажи нам, милая ласточка, — попросили сестры, — куда улетаешь ты каждую осень, где проводишь зиму, что делаешь в чужих краях и кто указывает тебе путь туда и обратно?

— Квиrrр! Слишком много вопросов зараз, — прощепетала ласточка. — Думали ли вы когда-нибудь о Том, кто говорит цветочкам весной: «Распускайтесь!», а траве: «Покрой землю зеленью!» Тот же добрый, нежный голос Господа указывает и птичкам осенью: «Улетайте!», а весной: «Возвращайтесь!» И маленькие пташки, послушные Божьи чада, внемлют Ему, а Он указывает им путь через безграничные пространства, над цветущими землями и бурным океаном. Так и мы осенью, как только раздастся в нашем сердце Его голос, покидаем дорогой Север, преодолевая за несколько дней тысячи миль, пока наконец не окажемся далеко на Юге, в стране, называемой Египтом.

— Да-да! — воскликнули девочки. — Мы знаем эту страну! Туда бежал Христос со своими родителями от преследований царя Ирода¹. Это, вероятно, чудная страна!

— О да, чудная, благословенная страна! — ответила ласточка. — Блеск драгоценных камней и золота так и режет глаза, в долинах цветет бесчисленное множество благоухающих роз, а воды кишат редкостными животными. А если бы вы только видели дерево, на котором я живу! Листва его никогда не умирает, цветы источают райский аромат, плоды же его — королевские. В ветвях этого дерева, расположенного на берегу могучей реки Нил, где у кромки воды блестят в лучах солнца золотые рыбки, я свила себе гнездышко. Оттуда я взмываю в небесную синеву, проношусь над знойными пустынями, где львы рычат от жажды, и над величественными горами Сеннара², в безмолвных ущельях которых сверкают алмазы.

— Но почему же весной, милая ласточка, ты улетаешь из этой благословенной страны?

— Ах, я и сама не знаю. Там не различают зиму и лето, осень и весну: есть лишь сезон дождей и засуха. Но я как-то чувствую, когда на Севере наступает

весна. Тогда меня охватывает невыносимая тоска, так хочется увидеть родное, уютное гнездышко, оставшееся в далеком краю. Я думаю об уединенном красном домике с белыми ставнями, где я родилась, где матушка дала мне первое в моей жизни семечко и научила летать с ветки на ветку, с крыши на крышу. И тогда мне кажется, что нет на свете страны, которая была бы столь прекрасна, столь дорога моему сердцу, как та, что лежит далеко-далеко на Севере. Когда же я вспоминаю ее молодые березки, зеленые ивы и бесчисленные прозрачные водоемы — о! тогда я готова променять все золотые райские плоды на красную землянику, а сверкающие алмазы Сеннара — на мое маленькое бедное гнездышко под крышей. Как должны быть привязаны люди к своей родине, если даже маленькая ласточка, находясь за тысячу миль отсюда, не в силах забыть свое убогое гнездышко!

Девочки согласно кивнули.

— Однако мне нужно торопиться! — спохватилась ласточка. — Принести вам что-нибудь из Египта?

— Мне хотелось бы иметь алмаз из долины Сеннара, — с горящим взглядом сказала Илия.

— А я, — молвила Милия, — ничего не желаю так сильно, как золотую рыбку из Нила.

— Принеси мне, дорогая ласточка, семечко того дерева, на котором ты живешь, — скромно попросила Эмилия.

— Квиrr! Квиrr! — прощепетала ласточка на прощание и улетела.

Настала осень и принесла с собою слякоть, дожди и ненастье. Все принялись варить варенье и делать разные запасы на зиму. Затем наступила зима со снегом, холодом, с ярким пламенем в каминах, со сказками в долгие зимние вечера, с чудными подарками на Рождество, катаньем на санках с высоких гор и многими другими прелестями. А на смену зиме явилась весна с тающими снегами, чирикающими воробьями, милыми скромными цветочками, с голой черной землей, с деревьями, покрытыми душистыми почками, с зеленеющим лесом, наполненным птичьим гамом и кукованьем кукушек. Все только диву давались, как быстро пронеслась долгая зима.

Прекрасным весенним утром Илия, Милия и Эмилия опять сидели на маленькой скамейке перед своим домиком и разговаривали. Одна из девочек заметила:

— Сегодня вернется ласточка!

— Квиrr! Квиrr! — раздалось сверху.

Ласточка уже сидела на крыше и клевала зернышки после утомительного путешествия. Девочки вскочили со своих мест и послали ласточке по воздушному поцелую.

— Ты принесла с собой то, что обещала? — спросили они.

— Титтерли! — прощепетала ласточка, и в то же мгновение в передник Илии скатился блестящий алмаз. Она живо его поймала. Алмаз был величиной с самую крупную горошину и так ослепительно сверкал, что больно было

смотреть на него. Какова же была его цена — девочки еще не понимали. Они, верно, удивились бы, если б узнали, что алмаз стоит не меньше ста тысяч крон.

— Ну, что же вы стоите с разинутыми ртами? — опять защebetала ласточка. — Скорее несите воду для Милиной рыбки! Алмаз запросто поместился у меня под крылом, тогда как с рыбкой было невероятно трудно: всю дорогу она плескалась в наполненном водой узелке из листа инжира, который я держала в клюве от самого оазиса Кордофана³.

Милия не замедлила принести большой стеклянный сосуд, наполненный водой. Внизу сосуд был очень широк, и в его основании имелась выемка или углубление, чтобы положить туда цветы или даже посадить живого чирика. Вышло очень забавно, когда рыбка и птичка оказались под одной крышей: чирик пытался клевать плававшую над ним золотую рыбку, а та виляла своим хвостиком и ускользала прочь. Милия была на вершине блаженства! Она находила, что гораздо приятнее иметь живое золото, нежели мертвый драгоценный камень.

Между тем Эмилия терпеливо ждала. Она была уверена, что ласточка, обладавшая такой хорошей памятью, не забыла и про нее.

— Лови же! — прошептала ласточка, и тотчас на раскрытую ладонь Эмилии упало маленькое серое семечко, размером не больше яблочного.

И ласточка упорхнула.

Сестры с любопытством подошли к Эмили. Но, увидав некрасивое семечко рядом с алмазом и золотой рыбкой, они засмеялись и сказали:

— Хорош подарок из Египта, нечего сказать! Отдай-ка это гадкое семечко курице на завтрак. Видать, ласточка посмеялась над тобой, и у нее есть подарок получше этого.

Эмилия раздумывала, как ей поступить: «Нет, — решила она, — лучше посажу семечко в горшок и посмотрю, что будет. Ведь мой подарок может оказаться лучшим из всех!»

Ну, дети, теперь послушайте, что случилось с тремя сестрами и их подарками. Илия, получившая роскошный, восхитительный алмаз, не могла наглядеться на него. Дни напролет она любовалась им, а по ночам клала его себе под подушку и созерцала во сне. Она ни о чем не думала, кроме своего алмаза; ее больше не заботили ни молитва, ни работа. Девочка сделалась непослушной, нерадивой и рассеянной. Но хуже всего было то, что, повзрослев, Илия стала почитать себя страшно богатой, сделалась гордой, высокомерной, щеголяла в нарядных платьях и давала понять, что она лучше других девушек. Поскольку она и в самом деле была богата, многие льстили ей, и к ней сватались женихи. Илия многим отказывала, пока наконец не выбрала себе мужа. Этой чести удостоился brave лейтенант с черными усами, шитым золотом воротником и саблей на боку. Года два молодые жили на широкую ногу: они устраивали у себя блестящие балы и, словно какие-то князьки, владычествовали над собиравшимся у них обществом. Но так как они всё брали в долг, а алмаз приходилось постоянно закладывать, в один прекрасный день им перестали верить, и они больше не могли достать денег. И вот однажды утром пришел городской фогт⁴, вежливо извинился и забрал алмаз, а также и все другие драгоценности — прощай, счастье!

Лейтенант бежал в Америку. Илия страшно бедствовала и должна была зарабатывать свой хлеб тем, что пекла имбирные пряники и готовила колбасу, начиненную кашей. От богатства к бедности ведет одна широкая дорога — расточительность. И на этой дороге, к несчастью, постоянно наблюдается большое движение.

Но как вы думаете, что случилось с Милией? Она сделалась чрезвычайно мечтательной и поэтичной девушкой, которая только и думала, что о своей маленькой золотой рыбке, и постоянно воображала, будто рыбка больна чихоткой или коклюшем. Кроме того, Милия читала романы и писала стихи, которые можно было читать задом наперед⁵. Ее необычайная образованность не позволяла ей заняться хоть каким-нибудь мало-мальски полезным делом, а своей мечтательностью и рассеянностью девушка утомила всех окружающих. В один прекрасный день золотая рыбка умерла. Милия была безутешна. Ей требовался кто-то другой, кого она могла бы опекать. Так появилась комнатная собачка Типпе, тотчас ставшая ее кумиром. Только и слышно было: «Типпе болен, у Типпе расстроены нервы, сегодня Типпе надо дать каплю, а завтра малинового варенья и сливок. Типпе должен спать в мягкой постельке

и, сохрани боже, не выходить на улицу, а то простудится!» При этом свет не видывал более злой и неблагодарной псыны, чем Типпе, на которого бедняжка Милия потратила большую часть своей жизни.

Но вы, конечно, хотите знать, что случилось с Эмилией и ее семечком? А вот я вам сейчас расскажу. Спустя три месяца после того, как Эмилия посадила семечко в горшок с землей, на поверхности показались крохотные светло-зеленые сердцевидные листики. Эмилия сразу же накрыла их стаканом и начала ухаживать за растением, как за ребенком. Правда, это маленькое дитя-растеньице не нуждалось в пище, ему требовалось лишь питье, и его поили каждое утро, причем чистейшей родниковой водой. Через полгода растение стало таким большим, что его пришлось пересадить в горшок покрупнее. А еще через полгода оно сделалось чуть ли не в три локтя⁶ высотой. Тогда его пересадили в землю у проселочной дороги и обнесли забором. Зимой его тщательно обертывали рогожей, чтобы оно не замерзло. И вот через несколько лет маленькое невзрачное семечко превратилось в великолепное дерево. Да, то было дерево, подобного которому никогда не видывали на Севере. В конце концов оно сделалось таким густым и раскидистым, что двадцать старушек смело могли бы пить кофе в его тени. Его аромат был настолько силен, что им благоухала вся окрестность, а равные по вкусу плоды вряд ли отыскались бы даже на столе короля Марокко!

Заметили ли вы, что тот, кто любит растения и цветы, — хороший человек и всегда бывает счастлив? Вот и Эмилия сделалась отзывчивой и доброй ко всем людям. Каждое утро и каждый вечер она молилась Богу, а днем работала. Все ее любили. Один добрый, хороший юноша сделал ей предложение, Эмилия ответила согласием, и молодые люди поженились. Поскольку они любили друг друга, не забывали Бога, работали и жили честно, счастье не покидало их. А когда обе сестры Эмилии обеднели и остались одни, она приютила их в своей усадьбе, где прежде жила их мать. Увидев, что труд и молитва являются залогом счастливой жизни, Илия с Милисей сделались прилежными и благочестивыми и сожалели о том, что столь поздно поняли, как найти истинное счастье на земле.

Так прошло много лет. Илия, Милия и Эмилия состарились, стали носить чепчики и вязали чулки детям и внукам Эмилии. Однажды я шел по проселочной дороге мимо красного домика. Ласточка из Египта уже умерла, старушка — тоже, а три сестры, Илия, Милия и Эмилия, были уже совсем старые и седые. Но дерево, выросшее из семечка ласточки, было все такое же молодое и зеленое и по-прежнему источало дивный аромат, невзирая на осень, а его плоды сияли золотом среди листвы. Глядя на это дерево, я подумал о вечной юности природы, тогда как люди стареют и умирают; а еще — о вечной Божьей любви в сравнении с человеческим непостоянством. Мое сердце наполнилось грустью вкупе с радостью, ибо я подумал о том, что дерево это будет зеленеть еще и через сотню лет, тогда как та, которая его посадила, давно уже обретет покой в сырой могиле, а милосердие Божье будет жить еще дольше,

Эмилия раздумывала, как ей поступить: «Нет, — решила она, — лучше посажу семечко в горшок и посмотрю, что будет...»

гораздо дольше — всегда, вечно! Подобные мысли растрогали меня и увлажнили глаза слезами.

Между тем под великолепным деревом сидели три старушки в чепцах и пили кофе. Они пригласили меня присоединиться к ним, и я увидел, что лица их дышат счастьем и миром, словно говоря: «Отчего ты плачешь? Неужели нам пришло бы в голову горевать из-за того, что мы состарились, и это дерево нас переживет? О, нет! В первую очередь надо любить Господа, а уж потом друг друга, и, наконец, оставаться молодым в душе. Тот, кто следует этому, походит на дерево: после каждой суровой зимы со скорбно опавшими листьями наступает новая весна, когда радостно распускаются почки. И что же, если мы и умрем? Никогда не умрет лучшее, что в нас есть — душа, ибо и она подобна дереву: после короткой зимы для нее наступает вечная весна!»

В то время как я читал все это на лицах старушек, с дерева раздалась песня. Вполне возможно, что была она без слов, но мне почудилось, будто птичий хор распевал о том, что Господь благословляет всех, кто трудится и не забывает Его, кто радуется весне и зеленеющим полям, ибо работа, молитва и вера составляют счастье жизни.

ОСТРОВА-ПУШИНКИ

Далеко-далеко в Ботническом заливе¹, примерно на полпути между Швецией и Финляндией, лежат несколько маленьких зеленых островков, известных как Острова-Пушинки. Там очень красиво. Никто б никогда и не подумал, что так далеко на Севере, в бушующем море, где ходят волны высотой с дом и осенними ночами терпят крушение корабли, можно отыскать столь свежие, радующие глаз зеленые острова, предлагающие усталым морякам свои дружелюбные гавани. Там не ревет буря, не набегают высокие волны, не кричит, вздымаясь на пенящихся бурунах, чайка. Все дышит сладостным покоем. Отдыхает ветер, спит волна, тихо-тихо поют птицы, а лунный свет играет, отливая золотом, на благоухающих цветах и деревьях, которые пьют прозрачную росу в вечерней прохладе.

Ах, до чего же радостно и приятно, сражаясь в своей лодочке с волнами житейского моря, отдохнуть наконец на таком прекрасном и счастливом берегу, как Острова-Пушинки! Однако немало тех, кто тщетно пытается отыскать этот уголок, день и ночь мечется среди волн, но так и не находит желаемого. Многие охотно расстались бы с золотом и зелеными лесами, чтобы только отыскать этот благословенный край, и тем не менее острова ускользают от них в морские глубины.

Ибо есть нечто особенное и таинственное в этих Островах-Пушинках. Ни один шкипер, каким бы опытным он ни был, путешествуя во все части света, не смог бы отыскать их средь бела дня, когда сияет солнце, а люди и животные трудятся в полную силу. Но если он утомлен работой и бодрствует,

прилежно творя молитву, а затем спокойно укладывается в свою лодку и отдается на милость волн, то непременно попадет туда, как если бы руководство вался компасом и морской картой. Потому что на Острова-Пушинки можно добраться тремя непостижимыми водными путями, которых нет ни на одной карте: *каналом Труда, целебным заливом Здоровья и спокойной гаванью Чистой Совести*.

Бывает, на Острова-Пушинки удастся попасть лишь последним из перечисленных водных путей, поскольку на свете немало больных и страждущих, наделенных чистой совестью. На островах они забывают все свои печали и обретают покой, словно добрые дети, окруженные материнской заботой.

Все это может показаться тебе очень странным, и ты, вероятно, усомнишься в существовании Островов-Пушинок. Однако они столь же реальны, как и то, что каждый вечер солнце заходит, а поутру вновь подымается над добрыми и злыми². Можешь спросить у любого послушного ребенка: он знает Острова-Пушинки. Их местоположение определить невозможно, поскольку с ними происходит то же, что, как говорят, было в старину с островом Готланд³: каждое утро, когда кричит петух, они во всем своем великолепии погружаются в пучину морскую, а вечером, когда тени становятся длинными и на небе начинают сиять звездочки, острова вновь встают из таинственной глубины, свежие и прекрасные. Они скользят по гладкой поверхности моря так же легко, как пушинки. Оттого-то, вероятно, их и прозвали Островами-Пушинками.

На этих безмятежных островах, в самой чаще леса, где все безмолвно, свяшенно и уединенно, есть грот, сооруженный из раковин и украшенный всевозможными диковинами земли, моря и небес. Там мерцают ярчайшие звездочки; там искрятся редчайшие драгоценные камни. Спустившись по коралловым ступеням, гость попадает в перламутровые залы, где стены из чистейшего золота отражаются в мерцающем серебре пола, а потолочные своды сработаны из сияющего хрусталя. Тысячи жемчужин красуются на золотых стенах, словно крохотные окошки, а сверкающие алмазы свисают с потолка подобно перевернутым языкам пламени. Все дивные цветы лета наполняют воздух нежнейшими ароматами. Сладостная истома и умиротворение овладевают каждым, кто их вдыхает. Но сильнее других цветов благоухают здесь, как, впрочем, и всюду на земле, беспечные маки. Они не похожи на те, что красуются на цветущем лугу, утонченные и глуповатые, с хорошеньким тельцем и пустой душой: от здешних бордовых и фиолетовых маковых венчиков по всей округе распространяется тонкий, приятный, но одурманивающий аромат, что слаще самого сладкого меда.

В этом восхитительном гроте многие сотни, да-да, бесчисленное множество зал. Все они светлые и высокие, однако в них царит не режущее глаз солнечное сиянье, а мягкий, приглушенный свет, подобный свету луны и звезд над прекрасными озерами ночью порой. Вот почему, очутившись в этих залах впервые, кажется, будто вступил в таинственный мир тени и полумрака.

Но очень скоро замечаешь, что все вокруг сияет своим собственным удивительным блеском, совершенно не ослепляя. При этом мягком свете легко угадываются знакомые черты всех дорогих сердцу людей и добрых старых приятелей.

Твои лучшие друзья являются сюда, чтобы встретиться с тобой, словно здесь их дом, обнимают тебя и сердечно приветствуют. Даже если сейчас они на другом конце света, да и даже если навеки мертвы и ты выплакал над их поросшей травой могилой тысячу слезинок, они встречают тебя здесь, в этом волшебном гроте, такие же пышущие здоровьем и молодостью, такие же радостные и счастливые, как если бы ни расстояние, ни смерть никогда не разлучали вас. Ты пожимаешь им руки и целуешь их румяные щеки, и кажется, будто все по-прежнему. Тебя снова влекут к себе старые игры. Великолепный мячик, который ты малышом получил в подарок, но давным-давно одному богу известно где потерял, снова у тебя, он взлетает, как и прежде, и никакой другой в целом мире не сравнится с ним. И любимая старая кукла, давно лишившаяся головы и рук, и разрисованная лошадь-качалка, подарок на Рождество, впоследствии сломавшая себе все четыре ноги; красивая книжка с картинками, которую твоя младшая сестренка изорвала, когда тебя не было дома; санки со стальными полозьями, обгонявшие всех остальных и горько оплаканные тобой, когда их похитили, — все-все это опять в твоём распоряжении, новое, красивое, как и прежде. На мяче — ни пятнышка; кукла — целая и чистенькая, да к тому же в своем абсолютно новом изначальном платьице; лошадка — со всеми четырьмя полагающимися ей ногами; книжка с картинками — не тронута, в ней даже нет ни одного «собачьего ушка»⁴, а санки только и ждут, чтобы сию же минуту скатиться с тобою с пригорка. Да, кто бы мог поверить в подобное счастье? Но взгляни, так оно и есть, и до чего ж это приятно!

Теперь ты начинаешь играть. Но все идет не так, как обычно. Одна игрушка непостижимым образом исчезает из твоих рук, а вместо нее тотчас появляется другая, хотя ты и не брал ее, — она уже сама тут как тут. Твои друзья появляются и исчезают тем же странным способом. Да и сам ты находишься то тут, то там, но если сильно торопишься, никогда не успеваешь и топчешься на одном месте. А иной раз словно бы летишь по воздуху. Вроде бы играя в родном старом доме, где все знакомо до мелочей, ты запросто можешь очутиться в школе, зубря свой урок, и ты знать не знаешь, как туда попал. Точно так же, плывя в своей лодке по озеру и с каждым взмахом весла преодолевая несколько миль, ты вдруг оказываешься на вершине высокой горы. И тебя это ничуть не удивляет. Пес, что облаял тебя накануне, оказался той же собакой, которая много лет назад бросалась в воду за твоей палкой. Школьный учитель — одновременно и маленький мальчик, давным-давно пасший коров на лугу. Да и сам ты — настолько мал, что не можешь завязать шнурки на своих ботинках, но вместе с тем уже достиг такого возраста, когда делаешь бутерброды целой ораве малышей. Словно в порядке вещей, дом становится кошкой, лошадь — деревом, а твоя книжка — имбирным пряником. Тебе сдается,

что так оно и должно быть. Ты не удивился бы даже своему семимильному росту и тысячелетнему возрасту.

На Островах-Пушинках невероятно спокойно и чарующе прекрасно. Однако неподалеку от них лежат Острова-Колючки. Туда по большей части попадают те, что вступили на неверный путь и поддались лени или не в ладах с собственной совестью. Там также имеется пещера, вход в которую ничем не отличается от входа в грот на Островах-Пушинках, и многих это сбивает с толку. Но вскоре они начинают понимать, что ошиблись. В пещеру Островов-Колючек ведет скользкая тропа, выдолбленная в грубой, уступчатой скале. Отсыревшие стены покрыты плесенью, а потолочный свод завешан паутиной. Постельки из роз с Островов-Пушинок заменены здесь крапивой и чертополохом, тихое журчанье ручья — ревом бурного потока, а щебетанье птишек — карканьем ворон. Есть там высоченная башня, с которой бесконечно падаешь в своем воображении, и бездонная топь, откуда никак не можешь выбраться. Жутковатые и уродливые фигуры разгуливают там вниз головой. А во мраке ночи белоснежный ангел раскаленным углем чертит на стенах дурные поступки зловредных, лживых, завистливых и корыстолюбивых посетителей пещеры.

Нет, нечего нам делать на Островах-Колючках и у Синьоры Мары, что хозяйничает там. Лучше отправимся на Острова-Пушинки, где живет наш добрый друг. У входа в грот нас поджидает там старый-престарый человечек. Да, он настолько древний, что когда Адам в первый раз уснул под деревом в раю, старый Нукку Матти уже стоял рядом и накинул на него покров, сплетенный из роз. Длинная седая борода ниспадает с его почтенного подбородка; он подпоясан красным бархатным кушаком. Его длинный белый халат, голубые чулки и желтые туфли сотканы из нежнейшего пуха. Его рука мягка, словно тончайший хлопок, и когда он тихонько касается твоих век, они тотчас становятся на удивление тяжелыми. Ничто на свете так не успокаивает, как его сладкозвучный голос, когда под мягкий шелест листьев или жужжанье пчел старичок убаюкивает малышей, чтобы те уснули. А его взгляд столь ласков, что даже самые робкие маленькие девочки льнут к его груди и в дружеских объятьях сонно клонят свои курчавые головки.

О, эти прекрасные глаза! Знай ты, что в них сияют любовь и милосердие Всевышнего, — полюбил бы их обладателя с удвоенной силой. Ибо когда милостивый Господь заглянул в первозданный рай, он послал туда доброго ангела, чтобы тот в темноте ночной смежал очи наших прародителей. А когда впоследствии Господь узрел, как много на земле испытаний и скорби, послал того же доброго ангела, дабы люди могли обрести покой и утешение. И этим добрым ангелом был Нукку Матти, старший брат Смерти; вот почему в его дивных очах сияет свет безграничной мудрости. И все люди знают его, любят и величают по-разному. Однако больше всех любят его дети, поскольку с ними он ласков, как ни с кем другим. Младенцы, еще не забывшие свою матушку, уже знают его, и старичок не отходит от колыбелек ни днем, ни ночью.

*...под мягкий шелест листьев или жужжание пчел
старичок убаюкивает малышей, чтобы те уснули.*

А когда они становятся постарше, он заключает их в свои объятия и переносит добрых деток на Острова-Пушинки. Он забрал бы туда даже злых и непослушных детей, только они сами этого не хотят. Нукку Матти же плачет при одной мысли о том, как худо им приходится на Островах-Колючках, и терпеливо ждет, не раскаются ли эти ребятишки, тогда он с радостью уложит бы их на постельки из роз.

Из любви к детям он частенько проделывает с ними безобидные штуки. Это он вечерами сыплет песок в их глазки и рисует розы с Островов-Пушинок на их щечках. Он же вынуждает мальчиков потягиваться в школе, а девочек — зевать, играя гаммы на фортепиано. Да, он также может запросто явиться без приглашения в собрание вельмож и советников или к премудрому магистру, разглагольствующему о грамматике перед своими учениками, и все эти господа тотчас испытывают непреодолимое желание вздремнуть. Старым дамам в церкви нередко достается от Нукку Матти. Они клуют и клуют носом, и во время проповеди священника у них в ушах стоит жужжанье. Это озорная проделка Нукку Матти, желающего проверить искренность их регулярных походов в церковь. Но насколько он добр и любезен во время отдыха, лучше всего известно тому, кто хотя бы раз побывал на Островах-Пушинках. Старичок отлично знает, как наилучшим образом разместить своих гостей в залах: усталых тружеников — в полутемных покоях с мерцающими звездами, а утомленных танцем девиц — в горенках с лунным светом, румянящим щечки. Он осыпает всех белоснежными цветами черемухи и оставляет наедине с прелестными, порхающими вокруг сновидениями.

Ты ведь знаком со сновидениями? Еще бы! Да, в них-то все и дело. Знай же, что это маленькие мальчики и девочки ночи, которым Нукку Матти позволяет слетать со звезд на вечернем небосводе, а иной раз им удается украдкой проскользнуть сквозь облака даже днем. Это прекрасные создания, сотканные из света и тени, поэтому они с легкостью могут изменять свое обличье. Сновидения принимают все мыслимые и немыслимые формы и с точностью, словно зеркало, повторяют людей. В мгновение ока они уносят тебя за сотню миль и тотчас возвращают обратно. Они сулят тебе все, чего ты больше всего желаешь, и ты в таком восторге от этого! Но в следующий миг забываешь обо всем. Они устраивают представления на манер театра теней, и кажется, будто ты в них участвуешь. Они играют с тобой в жмурки, и ты никак не можешь их поймать. Еще временами сны пытаются убедить тебя в своем умении прорицать, однако если чему-то суждено случиться, оно случится, а коли нет — не случится. Сны — пеной полны.

На Островах-Колючках обитают лишь кошмары. Горе тому, кто оказывается во власти их плутовства! Они заставляют его думать, будто он падает в море, хотя в действительности это не так. Они ведут его по темному пути и толкают в руки разбойников или отдают на растерзание злобному псу и свирепому быку. Правда, разбойники не причиняют ему ни малейшего вреда, пес не кусает, а бык не насаживает его на рога. Но несчастному кажется

*Он осыпает всех белоснежными цветами черемухи и оставляет
наедине с прелестными, порхающими вокруг сновидениями.*

совсем наоборот. Это доводит его до безумия. Не попадай на Острова-Колючки!

На золотых стенах грота Островов-Пушинок начертано множество занятных надписей, и тот, кто удосуживается прочитать их, никогда не испытывает недостатка в прелестнейших сказках. Проблема лишь в том, что мало кто успевает их прочесть, поскольку услужливые сновидения то и дело обмахивают стены от пыли своими мягкими метелками, стирая при этом сияющие строчки.

В прежние времена я знавал маленького мальчика, который ночи напролет проводил с Нукку Матти на Островах-Пушинках и поднаторел в удивительном искусстве улавливания снов. Паук с розового куста научил его плести сеть из вечернего зарева и лунного света. Мальчуган расставил сеть промеж заката и восхода солнца, и сновидения запутались в ней. Так изловил он озорных детей ночи и запер их в маковых коробочках. Теперь он успел прочитать золотистые надписи, после чего выпустил сновидения из их темниц. Это рассмешило Нукку Матти, и следующей ночью он послал сто пятнадцать веселых снов танцевать вокруг мальчика. Ну а мальчуган, некогда успевший прочитать сказки волшебного грота, теперь охотно делится ими со всеми, кто желает их услышать. «Малыш Лассе» и «Принцесса Линдагуль» — только две из них⁵. В действительности же этих сказок намного больше.

МЕДВЕДЬ

Давным-давно жил в городе Раумо¹ богатый купец по имени Гульдберг; да и чего бы, кажется, ему не доставало? У него был большой нос, маленький мальчишка и много кораблей, которые привозили из дальних стран кофе, сахар, имбирь, кардамон и мускатный орех. Его кораблям всегда сопутствовала удача, за исключением самого большого, который назывался «Нептун». Корабль, управляемый капитаном Скугом, плыл из Америки с грузом хлопка, но хлопок воспламенился, и «Нептун» сгорел в океане со всем своим грузом и капитаном, пожелавшим остаться на борту до конца.

Гульдберг сокрушался о своем драгоценном корабле так, словно на море сгорела половина его сердца, и не мог простить капитану Скугу, что хлопок воспламенился. Зачем капитан купил такой хлопок? Быть может, хлопок загорелся и не сам собой? Что, если матросы спускались в трюм с открытым огнем? И почему капитан Скуг недостаточно хорошо следил за порядком на корабле? Да вот еще его фамилия, которая по-шведски означает «лесной», — разве не приходится частенько слышать о лесных пожарах?

По возвращении домой команда погибшего корабля была приведена к присяге. Все поклялись, что капитан Скуг соблюдал образцовый порядок и, как шкипер, был мастер своего дела. Но хозяин «Нептуна» так не думал. За Скугом числился давний долг, и Гульдберг взыскал его с вдовы погибшего.

Вдова капитана Скуга была бедна и осталась с маленьким сыном на руках, которого звали Бьёрн. Она должна была продать свою маленькую усадьбу,

чтобы заплатить Гульдбергу долг мужа, и теперь не знала, как ей прокормить себя и своего милого мальчика.

К несчастью, она была красива. И вот в один прекрасный день купец Гульдберг, который также был вдов, нарядился в синий фрак с блестящими пуговицами, красный жилет и белые панталоны, сделавшись похожим на российский флаг, явился со своим внушительным носом к вдове Скуга и заявил:

— Сударыня, ваш муж сжег мой корабль! И как вы только могли связать свою жизнь с подобным человеком? Но я великодушно прощаю вам этот необдуманный шаг и собираюсь оказать великую честь, предложив стать моею женой. Надеюсь, это вас очень радует!

Бедняжку совсем не обрадовала подобная честь, но что ей оставалось делать? У нее был маленький мальчуган, который мерз и недоедал, а потому скрепя сердце она дала свое согласие и стала женой Гульдберга. Маленького Бьёрна захватили в придачу, и он сделался его пасынком. Родного сына Гульдберга окрестили Моисеем, но поскольку говорил он невнятно и не мог как следует произносить своего имени, его прозвали Мосепом. Мальчика пичкали сдобными булками и миндальным молоком, наряжали в бархат, жил он в комнатах у папеньки и мог делать все, что ему заблагорассудится. Бьёрн жевал сухой хлеб со слугами, спал в людской на соломе, носил грубую поношенную одежду и исполнял обязанности мальчика на побегушках. Он изнемогал от тяжелой работы, подвергался незаслуженным наказаниям, получал тычки от Мосепа. В довершение всего, поменяв местами имя и фамилию мальчика, его наградили прозвищем Скутсбьёрн, что означает «медведь». Конечно, хорошо воспитываться в более радостной и приятной обстановке, но не всегда дурно претерпеть горе и нужду. Из Мосепа вышел негодный и ленивый мальчишка, тогда как Бьёрн вырос и окреп, стал скромным, ловким и отзывчивым на все хорошее. Временами, когда Мосеп поколачивал его и сваливал на него свои шалости, Бьёрну неудержимо хотелось бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше. Но тут он вспоминал свою мать, которую подобный поступок довел бы до слез, а этого он не желал. Ей и так приходилось несладко, но отрада в жизни у нее все же была. Когда купец Гульдберг уплывал на одном из своих кораблей, а Мосеп до отвала наедался инжира, госпожа Гульдберг звала к себе своего милого Бьёрна, мыла и причесывала его, угощала булкой с молоком, учила читать Слово Божье и призывала всегда быть терпеливым, прилежным и любящим, всегда говорить правду, всегда бояться Бога и надеяться на Его помощь.

— Не горюй, мой мальчик, — говорила мать, — сейчас ты Медведь, но настанет время, и ты с Божьей помощью выбьешься в люди!

— Ты так думаешь, мама? — спрашивал Бьёрн.

— Да, я в этом уверена, — отвечала мать.

— Я буду стараться, — обещал Бьёрн.

Как-то раз летом богатый купец Гульдберг отправился на своем корабле «Аполлон» в Стокгольм и взял с собой обоих мальчиков. Они проплывали

— Сударыня, ваш муж сжег мой корабль!

мимо Аландских островов, ветер был попутный, погода хорошая. Мосеп по-леживал в каюте и читал романы. Бьёрн исполнял обязанности каютного юнги и был у всех на побегушках. Он уже успел надраить палубу, перемыть тарелки, вычистить сапоги, слазил на марс² и бушприт³, чтобы поправить главный парус и зашкотить кливер⁴, когда Гульдберг позвал его:

— Эй, Медведь!

— Да, хозяин! — откликнулся Бьёрн. Он никогда не решился бы назвать своего отчима иначе.

— Вычисти мои трубки!

— Сейчас, хозяин!

— Да смотри, будь поаккуратнее с большой пенковой трубкой в серебряной оправе. Помни, болван, что она стоит сотню риксдалеров!⁵

— Хорошо, хозяин!

Бьёрн стоял у поручней на баке⁶ и чистил трубки, вдруг сзади подошел Мосеп, ткнул его булавкой и спросил:

— Что ты тут делаешь, Медведь?

— Я чищу трубки хозяина.

— Давай-ка я помогу тебе! — сказал Мосеп, схватил большую пенковую трубку и начал стучать ею о поручень, как иногда делал его отец. Но трубка свободно сидела на мундштуке и была без шнура. Не успел Мосеп оглянуться, как трубка полетела в Аландское море⁷ и исчезла в волнах.

Бьёрн так растерялся, словно это он сам свалился в море. Но Мосеп тут же нашелся, что сказать:

— Зачем ты меня толкнул?

— Разве я толкал тебя? — спросил изумленный Бьёрн.

— Конечно, ты толкнул меня! — воскликнул Мосеп.

И стоило ему заметить приближающийся к ним внушительный нос отца, как Мосеп закричал еще громче, притворяясь, будто плачет:

— Зачем ты меня толкал? Видишь, из-за тебя лучшая папенькина трубка упала в море!

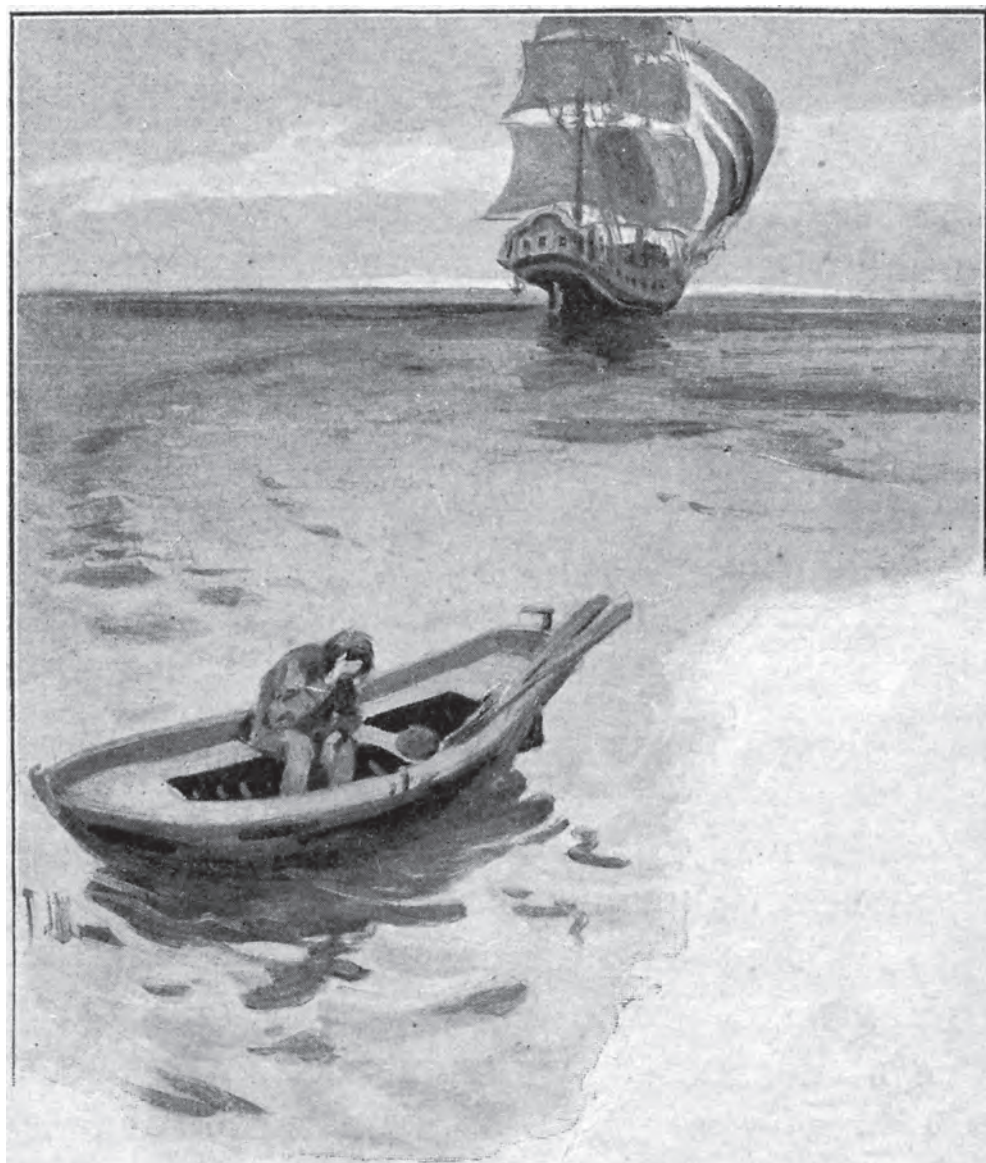
Гульдберг был человеком, в ярости терявшим всякое благоразумие.

— Вот как! — воскликнул он. — Мало того, что отец твой сжег мой лучший корабль, так теперь ты швыряешь в море мою самую дорогую трубку!.. Штурман! Спустить шлюпку на воду, бросить в нее Медведя, и пусть он убивается на все четыре стороны!

Штурман выглядел глубоко потрясенным, но не посмел ослушаться приказа. Через несколько минут шлюпка была спущена, в нее толкнули Бьёрна, и штурман едва успел бросить ему хлебную лепешку.

— Отправляйся-ка да поищи теперь мою трубку! — закричал Гульдберг с юта⁸.

Корабль «Аполлон» быстро летел с попутным ветром, и в скором времени маленькая шлюпка осталась далеко позади. Бьёрн был так поражен случившимся, что начал задаваться вопросом, уж не толкнул ли он и вправду своего

Корабль «Аполлон» быстро летел с попутным ветром, и в скором времени маленькая шлюпка осталась далеко позади.

сводного брата? Честному мальчику трудно понять, как другой мальчик может лгать. Но когда корабль «Аполлон», уплывавший от него все дальше и дальше, сделался наконец едва различимым белым пятнышком на горизонте, Бьёрн осознал к своему ужасу, что он один-одинешенек в маленькой лодочке посреди открытого моря. Крупные рыбы плескались вокруг шлюпки, дельфины пускали струи воды, тюлени высовывали из волн свои темно-коричневые собачьи морды. Но никто из них не мог ему помочь. Ветер все усиливался, море покрылось белой пеной; наступил вечер, стало темно, а Медведь неся в своей лодочке навстречу ночи и смерти.

Да, кого теперь на всем белом свете заботил этот бедный маленький мальчик, брошенный на произвол судьбы? Никто и не спросил бы о нем; он должен был утонуть в море, волны сомкнулись бы над его головой, к утру на поверхности синего моря не осталось бы от него ни единого пузырька, над ним проплыли бы корабли, и матросы распевали бы свои веселые песни, как и прежде.

Впрочем, нет, на свете было одно существо, которое горевало бы по нему — его мать. Бьёрн зарыдал, вспомнив о ней. Но, наплакавшись, он проголодался и начал жевать сухой хлеб. Это укрепило и ободрило его. Бог никогда не оставляет несчастных и всеми покинутых: Он поддерживает их и вливает бодрость в их душу.

Бьёрн не мог понять, отчего у него сделалось так легко на сердце. Он вспомнил, как мать учила его в горе и нужде прибегать к Господу и надеяться на Него.

«Не помолиться ли мне?» — подумал мальчик.

Поначалу ему никак не удавалось это сделать. Громадные волны так и перекатывались, шлюпку бросало, как щепку: ее то поднимало, точно на высокую гору, то швыряло в бездонную пропасть. Нелегко было собраться с мыслями. Бьёрн прочел все молитвы, которым учила его мать; он словно отвечал затверженный урок, это были слова без смысла, но скоро молитва стала исходить из его сердца.

— Дорогой Господь! — говорил он. — Я несчастный маленький мальчик, рука моя слаба, и я не могу бороться с бурным морем. Но Ты, Господь Бог, всемогущ и велик, Ты сильнее морских волн, буря слушается Твоих повелений. Ночь и смерть не причинят мне зла, если Ты запретишь им это. Я уповаю на Тебя, Господи. Ты всегда был добр ко мне, не оставь меня и теперь: пусть ангелы Твои сойдут на воду и повелят волнам не трогать меня. Я хочу быть Твоим дитятей, Господи, и спать под Твоей защитой. Благодарю Тебя, Боже! Спокойной ночи, темное море! Спокойной ночи, светлые звездочки! Спокойной ночи, мама!..

И маленький Бьёрн сладко заснул на дне шлюпки посреди открытого моря.

Было совсем темно, и никто не мог увидеть мягкий светло-зеленый бережок, возвышавшийся над пенистыми волнами далеко-далеко отсюда, на самом краю моря. То были Острова-Пушинки. Там на бархатистой травке сидел

добрый старичок Нукку Матти, которого шведы называют Йон Блаунд, а датчане Оле Лукойе. Он пристально всматривался в темное пространство океана и заметил лодочку Бьёрна, которой ветер играл, словно мячиком. Нукку Матти забросил в море тонкие, как паутина, нити, подтянул шлюпку к берегам Островов-Пушинок и отвел Бьёрна к постели из роз в одной из своих сверкающих серебром зал. Там уже ждала их тысяча сновидений в пестрых нарядах бабочек, они легко вспорхнули и привели к Бьёрну его милую маму. Он ощутил ее мягкую руку на своей голове, он почувствовал ее поцелуй на своем лбу, он услышал ее милый голос, нашептывавший ему:

— Будь мужествен, мой мальчик! Будь всегда правдив, будь терпелив и кроток! Господь не оставит тебя, и Медведь еще выбьется в люди!

Старый Нукку Матти тихо и неподвижно стоял возле Бьёрна. Только одно из сновидений долго жужжало, точно пчела, мальчику на ухо и упрямо твердило:

— Три вещи! Три вещи!

— Да перестань ты! — отмахнулся Бьёрн от сновидения. — На что мне твои три вещи? Сны — пеной полны!

Ночь прошла, занялась утренняя заря. Бьёрну показалось, что потолок над ним уплыл ввысь и обернулся ясным небом, что стены раздвинулись и растворились в прозрачном воздухе, пол начал колебаться и превратился в тихо шумевшее море. Поблекли все алмазы и кристаллы в гроте на Островах-Пушинках, все укрыла легкая розовая дымка, а тихая музыка, ночь напролет звучавшая в гроте, слилась с однообразным рокотом волн.

Бьёрн почувствовал, как по лбу и волосам пробежал свежий ветерок, открыл глаза и удивленно осмотрелся по сторонам. Над ним простиралось небо, под ним волновалось море, его окружал прохладный утренний воздух. Бьёрн лежал на дне лодки, шапки на его голове не было, ее сдуло ветром.

«Я видел сон, — подумал он, — и Бог охранял меня. Благодарю Тебя, Боже!»

Затем Бьёрн сел и принялся жевать остатки хлеба. Он почувствовал жажду: вода Балтийского моря была соленая, невкусная, но при крайней необходимости ее все-таки можно было пить.

Вдруг, к своему великому удивлению, Бьёрн увидел совсем близко большой корабль без мачт; его беспомощно носило по морю. Ночь была бурная, и хотя буря уже почти прошла, по морю все еще перекачивались внушительные волны. Бьёрн взялся за весла и подплыл к судну.

Да, это был большой нагруженный корабль, который дал течь во время шторма и на котором срубили мачты, чтобы он не опрокинулся. Частично затопленное судно едва держалось на плаву и было брошено командой. Подплыв к нему, Бьёрн громко закричал. Никто ему не ответил. Тогда мальчик смело поднялся на палубу.

Здесь в большом беспорядке были разбросаны снасти, товар, инструменты и разные обломки. В трюме оказалось много дорогого товара, но на корабле

не было ни одной живой души. Бьёрну сделалось жутко, и он хотел уже спуститься в свою шлюпку, как вдруг услышал жалобное блеяние, доносившееся с носовой части корабля.

Блеяла коза, привязанная к одной из перегородок на палубе. Бьёрн отвязал ее, попутно захватил подмокший хлеб и снова хотел вернуться в свою лодку. Ему пришлось пройти мимо затопленного спуска в каюту: в воде плавало много разных предметов, и вдруг он вспомнил навязчивый сон.

«Так пусть же будет три вещи, ведь две-то у меня уже есть!» — подумал Бьёрн, схватил небольшую шкатулку красного дерева, что была ближе всего, и поспешил с козой, хлебом и шкатулкой в свою шлюпку. Медлить было нельзя. Не успел он отплыть на расстояние нескольких саженей⁹, как услышал необычный шум — в море образовался глубокий водоворот, большой корабль погрузился под воду и вскоре волны сомкнулись на этом месте, как будто там никогда и не было потерпевшего крушение судна...

Два дня и две ночи скитался Бьёрн по морю в своей лодке. Он делил свой хлеб с козой, а та давала ему молоко. На третий день утром показался корабль; когда он подошел ближе, с него увидали курточку мальчика, привязанную к веслу в виде флага, сигнализирующего о бедствии. Мальчика взяли на борт и доставили в Стокгольм.

— Ну, малыш, к кому же мне отвести тебя теперь? — спросил капитан.

— Я никого не знаю в Стокгольме, — ответил Бьёрн. — Позвольте мне остаться на корабле каютным юнгой, я хочу выучиться морскому делу. Мне бы очень хотелось сделаться таким же хорошим моряком, каким был мой отец.

— Вот как, — сказал капитан. — Ну, ладно. Мой каютный юнга уходит, он соскучился по маменькиному имбирному печенью. Оставайся здесь, я продам твою козу, а на эти деньги ты купишь себе одежду получше. Твой бывший хозяин, видно, был не слишком щедр к тебе.

— Он кормил меня, — ответил мальчик.

— Да, а еще называл тебя Медведем, это указано на твоей одежде. Но теперь-то Медведь выбьется в люди!

У Бьёрна радостно заколотилось сердце. Он в третий раз слышал эти слова!

На следующий день Бьёрн отправился в город покупать себе новую одежду. Дойдя до угла одной из улиц, он заметил кучку людей, которые столпились у вывешенного объявления и читали его. Бьёрн также остановился и спросил, в чем дело.

— Ого, — откликнулся широкоплечий чернорабочий, засунувший обе руки в карманы штанов, — всякая мелюзга лезет туда же с любопытством! Уж тебя-то это не касается. Один знатный господин обещает награду в тысячу риксдалеров тому, кто достанет маленький ящичек со дна Аландского моря. Иди-ка лучше домой да читай Катехизис! ¹⁰

Бьёрн вспомнил маленькую шкатулку красного дерева, которую он прихватил с погибшего корабля.

— Три вещи! — зывало к нему сновидение.

В мгновение ока Бьёрн вернулся на пришвартованный в гавани корабль. Шкатулка лежала под кроватью среди щепок и старых сапог. Бьёрн стрелой полетел обратно в город, спрятав шкатулку под своей дырявой курткой. Мальчику указали дом знатного господина, но на лестнице ему тотчас преградили дорогу с полдюжины слуг с презрительными физиономиями.

— Убирайся, оборванец ты этакий! — закричали они. — Для попрошаек у нас ничего нет!

— Мы еще посмотрим, кто здесь попрошайка! — ответил Бьёрн и достал из-под куртки шкатулку.

— Что это? — удивились слуги и попытались отобрать ее у него. — Давай-ка шкатулку нам, а заплатят тебе завтра!

— Нет, я не настолько глуп! — возразил Бьёрн, крепко сжимая свое сокровище. Но тут самый высокий и сильный слуга схватил его за шиворот и начал трясти, приговаривая:

— Воришка, признайся, что ты ее украл!

— Да твоя ложь с тебя ростом! — вопил Бьёрн, отбиваясь изо всех сил.

Поднялся шум и возня. Вдруг отворилась дверь, и на пороге появился господин в красивом халате; он спросил, что здесь происходит.

— Ваша милость, — закричал один из слуг, — вот мальчишка, который украл шкатулку!

— Я никогда не воровал! — возмущенно воскликнул Бьёрн.

— Иди-ка сюда со своей шкатулкой, мальчик! — строго приказал господин.

Бьёрн храбро вошел, ведь его совесть была чиста. Стоило хозяину дома взглянуть на шкатулку, как он тотчас выхватил ее из рук мальчика.

— Моя шкатулка! Мое сокровище! — воскликнул он, нажал на потайную пружину, и крышка открылась. Бьёрн ожидал увидеть под ней по меньшей

мере настоящий жемчуг, но в шкатулке оказалось лишь несколько пожелтевших листков бумаги. «Стоило за это обещать такие деньжищи!» — подумал Бьёрн.

Но знатный господин сказал ему:

— Мой дорогой мальчик, ты спас мою честь и мое состояние. Меня обвиняют в растрате казенных денег, а эти бумаги доказывают, что я невиновен. Расскажи теперь, как ты нашел шкатулку!

Бьёрн рассказал о своем приключении, но умолчал о том, как дурно его отчим поступил с ним.

— По всему видно, что ты честный мальчик, — сказал господин в халате. — Если хочешь, я положу в банк на твое имя тысячу риксдалеров и дам тебе в том письменное удостоверение.

Конечно, Бьёрн остался этим очень доволен: что ему было делать с таким огромным богатством? Он поблагодарил знатного господина, возвратился к своему капитану и рассказал ему о своей очередной удаче. Капитан улыбнулся и молвил:

— Ну, Медведь, теперь ты богат и тебе незачем работать на море. Отныне можешь сделаться лентяем и в течение нескольких лет питаться одними пирожными.

— Нет, спасибо, я не настолько глуп, — ответил Бьёрн. — Сейчас я хочу хорошенько потрудиться и выучиться морскому делу. Тогда через несколько лет я смогу стать старшим матросом, потом штурманом...

— А потом капитаном?

— Да, потом капитаном, — ответил Бьёрн и покраснел за свое беспредельное честолюбие. — Я употреблю деньги на изучение мореплавания, — добавил он, — и когда у меня будет собственный корабль, я поплыву на нем в Раумо и заберу матушку...

— Вот это правильно, Медведь! — воскликнул капитан. — Держись наменного курса, и Господь поможет тебе.

Бьёрн держался молодцом. Два года он был каютным юнгой, заметно прибавил в силе, начал ходить вразвалку, как заправский моряк. Затем сделался юнгой, потом матросом, потом старшим матросом и, наконец, штурманом. Он плавал по всему миру, трудился в поте лица, но всегда был бодр и весел. Две зимы он изучал мореплавание, математику и географию и с честью выдержал экзамен; тогда под его команду дали корабль. Бьёрн был справедлив, надежен, знал свое дело, и счастье ему улыбнулось. Через несколько лет у него появился свой собственный роскошный корабль, названный им «Медведицей».

В один прекрасный день Раумо был охвачен необычайным волнением. Туда прибыл иноземный корабль, подобного которому еще не видывали. Все мачты и блоки были обшиты медью и сверкали на солнце, словно золотые. Ахтерштевень¹¹ был позолочен, на форштевне¹² блестела медведица из серебра, а на всех флагах можно было прочесть: «Медведица».

Целый город любовался, все спешили в гавань, чтобы вдоволь насладиться зрелищем величественной «Медведицы». Не менее других сгорали от любопытства старый купец Гульдберг и его сын Мосеп. В последние годы счастье отвернулось от Гульдберга; у него только и оставался теперь его внушительный нос да старый корабль «Аполлон». Мосеп по большей части проводил свое время лежа на диване, за чтением старой газеты. Но теперь и Мосепу захотелось в гавань; отец с сыном велели переправить их на лодке к «Медведице». Там они покорнейше попросили о великой чести — разрешить им осмотреть дивный корабль.

— Пожалуйста, поднимайтесь! — пригласил капитан Бьёрн Скуг, стараясь не показать вида, что он узнал своего отчима и его коварного сына. Им же никогда не пришло бы в голову, что этот молодой красивый капитан был не кто иной, как их маленький Медведь. Они приняли его за богатого англичанина, который путешествует, чтобы посмотреть чужие страны.

Капитан дал им вдоволь налюбоваться достопримечательностями корабля, а потом пригласил отобедать на борту. Вообще он имел самые скромные привычки, но тут велел подать к столу множество редких блюд и дорогие вина из разных уголков мира. Его гости не могли надивиться великолепию корабля и изысканности обеда: они готовы были лопнуть от зависти, а это-то и веселило Бьёрна.

После того как гости кисло-сладкими словами выразили капитану свою благодарность за гостеприимство и попрощались с ним, Бьёрн как бы невзначай спросил, жива ли еще госпожа Гульдберг.

— Как же, бедняжка жива, — ответил купец, — но она никуда не выходит, все оплакивает своего глупого сына.

— Вот как, — сказал Бьёрн, — у нее был сын?

— Да, скверный и глупый мальчишка, который утонул в Аландском море пятнадцать лет назад.

— А он точно утонул? — спросил Бьёрн.

— К несчастью, да, — со вздохом ответил Гульдберг. — Его смыло волной, и он камнем пошел ко дну.

— Нечего было толкать меня! — вмешался в разговор Мосеп.

— Но я слышал, что его несправедливо обвинили и бросили в шлюпку одного в открытом море, — продолжал капитан Бьёрн.

Мосеп покраснел и воскликнул:

— Да, но ведь ему дали с собой хлебную лепешку!

— Замолчишь ли ты? — крикнул на него отец.

Капитан Бьёрн пристально посмотрел им в глаза и сказал:

— Я слышал, что мальчик жив и хочет подать жалобу на своего отчима в суд. Вся команда может засвидетельствовать, что мальчика бросили одного в открытом море.

Гульдберг и Мосеп побледнели, а внушительный нос Гульдберга сделался голубого цвета. Они не могли придумать ничего более умного, кроме как все отрицать.

— Неужели? — воскликнул капитан Бьёрн. — Я читал про другого маленького мальчика, который жил в древние времена, его тоже звали Моисеем, только не Гульдбергом. Он также был брошен в маленькой корзинке в реку Нил, и все-таки остался жив и выбился в люди¹³. Разве вы не знаете, что волны повинуются воле Божьей? Перед Господом лгать нельзя. Что вы сделали с маленьким Медведем?

Уф! — казалось, Гульдберг и Мосеп в этот миг попрощались со своими жизнями. Они узнали Медведя, совесть заговорила в них, и, задышавшись от волнения, отец с сыном пали ниц, умоляя о прощении и клятвенно заверяя, что никогда так больше не поступят.

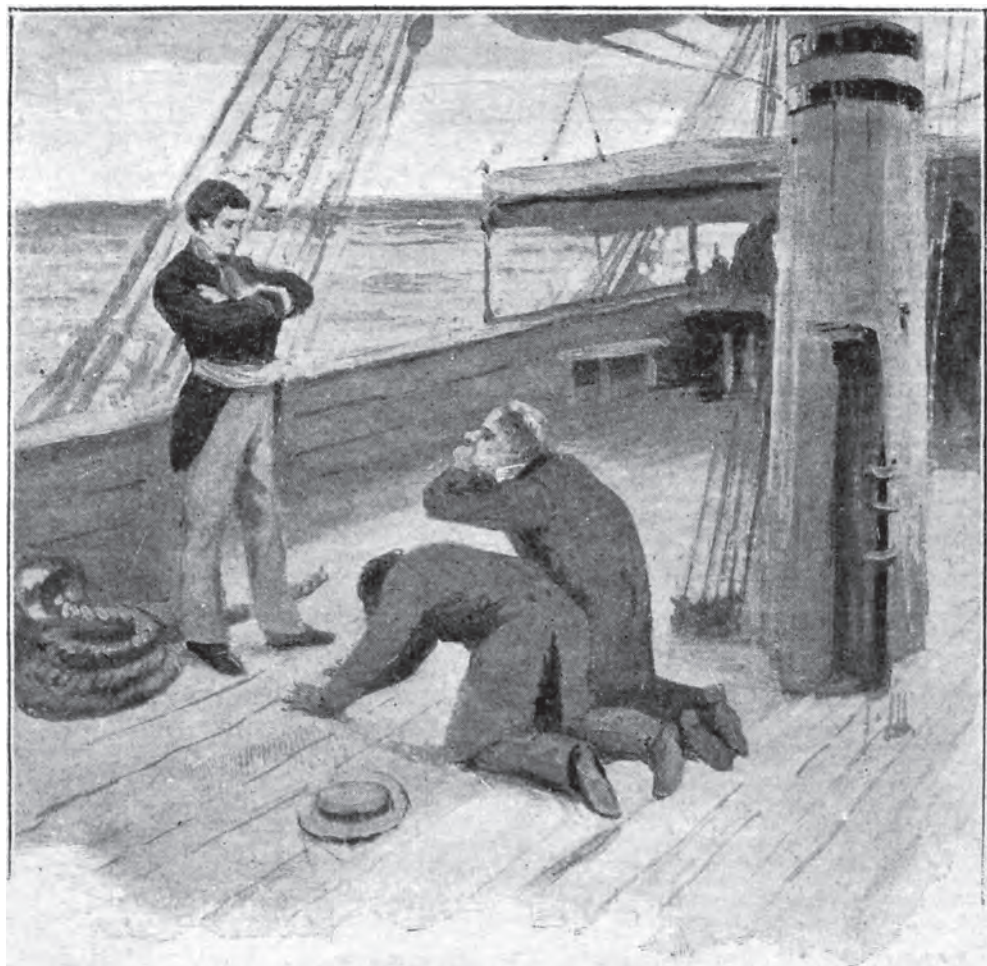
Медведь, который теперь превратился в строгого капитана Бьёрна Скуга, некоторое время не поднимал их с колен, но затем со слезами на глазах молвил:

— Встаньте, отчим! Встань, Мосеп! Я здесь не для того, чтобы жестокосердием отплачивать Господу за милости, явленные мне им. Нет, я не собираюсь обвинять вас, все забыто. Отдайте мне только мою мать, тогда мы снова будем добрыми друзьями!

Слова эти произвели тот же эффект, что и солнце во время града! У Гульдберга точно гора свалилась с плеч, и нос его снова сделался темно-красным. Мосеп притворился, будто плачет, и от радости начал лгать, что никогда никого не любил так, как своего милого братца Бьёрна. Затем все отправились к несчастной, брошенной госпоже Гульдберг. Изумление и восторг, выказанные ею при встрече, не поддаются описанию. Пятнадцать лет она оплакивала своего милого маленького Медведя, и вот теперь он стоит перед ней живой: этот статный, отважный моряк — ее сын! Да, он действительно выбился в люди, как она и предсказывала во времена его детства.

Бьёрн почувствовал себя совершенно счастливым только теперь, когда возвратил свою мать. Он сейчас же купил для нее и себя красивую усадьбу, в которой они поселились и прожили счастливо целый год, меж тем как «Медведица» стояла на якоре в гавани. За это время в доме появилась еще одна прекрасная «медведица». Капитан Бьёрн полюбил бедную и трудолюбивую девушку из Раумо, которая умела плести тончайшие кружева¹⁴, и женился на ней. Некоторое время он жил совершенно счастливый, но вскоре его снова потянуло в море. Теперь, когда его мать была не одна, он мог спокойно отправляться в плаванье — только не на край света, как прежде, а поближе к дому. Он делал это каждую весну в мае и возвращался в ноябре с чудными рождественскими подарками для своей матери, для жены-медведицы и для своих маленьких ребятишек-медвежат. Плясать с ними вокруг елки было веселее, чем когда-то сидеть одному в лодке посреди открытого моря.

Казалось, все было хорошо. Но Гульдберг и его сын Мосеп предпочли бы, чтоб Медведь остался в своей шлюпке и никогда больше не возвращался. Они завидовали его счастью и думали денно и нощно, как бы сделаться такими же богатыми, как Бьёрн, который поведал им о своем приключении

...отец с сыном пали ниц, умоляя о прощении и клятвенно заверяя, что никогда так больше не поступят.

с Нукку Матти, о погибшем корабле и шкатулке красного дерева. Он, смеясь, рассказывал, как сновидение твердило ему: «Три вещи! Три вещи!» Об этом-то главным образом и думали Гульдберг с сыном и все больше и больше начинали верить, что это было не что иное, как волшебство. «Но ведь таким образом и мы могли бы разбогатеть», — решили они.

Стоило попытаться сделать то же самое! Старый корабль «Аполлон», разошедшийся и растрескавшийся, все еще стоял на якоре в гавани. Гульдберг велел его законопатить, нагрузил дегтем и мехами и отправился на нем со своим сыном в Стокгольм, надеясь во время путешествия найти в Аландском море шкатулку красного дерева.

Все должно было происходить совершенно так же, как тогда, когда Медведя бросили в открытом море. Гульдберг швырнул в море старую, негодную пенковую трубку, сделал вид, будто очень сердится на Мосепа, и высадил его в большую лодку в спокойном море. В лодке была сооружена постель из двух перин, шелкового одеяла, двух простынь и трех подушек. Мосепа снабдили провизией: ему дали с собой четыре большие булки, кадушку масла, телячье жаркое, сыр, блюдо блинов, банку с вареньем, корзину пива и шесть бутылок вина. Мосеп, одетый в волчью шубу и высокие сапоги, расположился на мягких подушках и курил сигару.

Корабль отплыл, лодка осталась одна, все было тихо. Мосеп плотно поужинал, выпил пива, вина, опять закурил сигару и нашел приключение довольно забавным. Когда стемнело, он натянул одеяло на уши и заснул как убитый. Прочесть вечернюю молитву он счел совершенно лишним.

К ночи разыгралась буря. Мосеп спал, а непогода прибила его лодку к берегам Островов-Колючек¹⁵. Там на голой скале сидела Синьора Мара и высматривала добычу. Она заметила Мосепа и, вытащив лодку на берег, поволокла его в свою промозглую пещеру. Здесь она швырнула его на постель из крапивы. Все тело его горело, как в огне, его кололо, точно иглами; свинец давил ему веки и сердце; колдунья царапала и щипала его до синяков, таскала за волосы и при этом так хохотала, что козлиная шкура, в которую она была завернута, лопнула у нее на спине. Вдоволь натешившись, Мара бросила Мосепа обратно в лодку и оттолкнула ее от берега.

Мосеп проснулся, почувствовав, что лежит в воде, а лодку, словно мяч, швыряет из стороны в сторону. Он вскочил в ужасе, но тут же свалился: его голова болела, все тело пылало, точно его высекли крапивой. Три дня его носило по морю: двигаться он не мог, солнце его жгло, есть он был не в состоянии. Теперь приключение уже не казалось ему забавным. Наконец, на третий день буря утихла, и Мосеп решил хорошенько подкрепиться. Но, увы! — булки и сыр совсем размокли, кадушка с маслом скатилась в море, а блины сделались добычей рыб. К счастью, оставалась еще телятина, пиво и вино. Мосеп поел и ободрился. Но что это? Верить ли глазам? Перед ним и вправду был разбитый корабль без мачт, засевший на каменном рифе. Мосеп подплыл к нему: на борту никого не оставалось, все было в беспорядке, товар плавал в воде.

Мосеп много чего мог бы спасти, но он искал только три вещи: козу, хлеб и шкатулку красного дерева. Козы не было, но зато он нашел серую кошку; хлеба также не оказалось, но зато он прихватил смоляную бадью. Теперь осталось отыскать только шкатулку. Какая удача! Он нашел круглый ящик, правда, тот был не красного дерева, а осиновый. С этими тремя сокровищами, довольный, он отплыл от корабля.

Наступил вечер; Мосеп поел телятины, выпил пива и заснул, в то время как его продолжало носить по морю. Утром Мосеп проснулся и, почувствовав голод, хотел было приняться за телятину, но оказалось, что ее съела за него кошка. С каким наслаждением он швырнул бы кошку в море, но та оцарапала ему лицо, да и он вспомнил: три предмета! Нет, она должна жить. На седьмой день у бедняги не осталось ничего, кроме вина! Он напился, голова у него пошла кругом, и он непременно свалился бы в море, если бы в это время мимо не проплывала барка с дровами с Аландских островов.

— Поймай-ка лодку да прихвати пьяницу! — закричал хозяин барки своему единственному матросу. Матрос сделал, как было приказано, и Мосепа втащили на барку.

— Освежи-ка его малость линьком¹⁶, тогда он придет в себя! — сказал хозяин.

Мосепа освежили и взялись за хорошую плату доставить в Раумо. Встретившись с отцом, Мосеп со злостью ударил кулаком об стол и грубо спросил, как тот посмел оставить его в море на целых шесть дней.

— Ах, мой дорогой мальчик, — ответил Гульдберг, — если бы ты знал, что случилось! Той же ночью, после того как тебя спустили в лодке, поднялась

страшная буря; мы срубили мачты, но корабль наткнулся на подводную скалу, и никому не было времени подумать о тебе. Ах, мой прекрасный «Аполлон»! Мои бочки с дегтем и мои драгоценные меха! Они стоили дороже целого ведра золота и серебра. Ах! Ах! — и Гульдберг горько зарыдал, поскольку ничто так глубоко не огорчало этого человека, как потеря денег.

— Ну, а как твои дела? — спросил он, всхлипывая. — Нашел ли ты шкатулку?

— Конечно, нашел! — ответил Мосеп. — И нелегко она мне досталась! Меня таскали за волосы, царапали, кусали, щипали, били так, что я едва ноги волочу. Но это пустяки. Я спал наполовину в воде, солнце жгло меня, меня обокрали, я должен был питаться одним вином и отведал линька, но и это все ничего. Так-то и так было дело. Теперь я настолько богат, что Медведь в сравнении со мной — жалкий нищий!

— Милый мальчик, неужели мы и вправду богаты? — воскликнул отец.

— Я говорю, что я богат, а тебя это ничуть не касается, — дерзко возразил Мосеп.

— Ненаглядный мой сынок, ведь я теперь беден, неужели же мы не поделимся, как хорошие друзья?

— Не видать тебе и старой подошвы! — ответил Мосеп.

— Ах, Мосеп, как ты можешь быть таким неблагодарным к своему доброму отцу! Где же твоя шкатулка?

— Вот она! — гордо ответил Мосеп и показал ящик.

— Что такое? — воскликнул Гульдберг. — *Этот* ящик? Но, выходит, ты был на нашем погибшем «Аполлоне»?

— На «Аполлоне»? — удивился Мосеп.

— Да, на «Аполлоне»! Хорошее сокровище, нечего сказать! Как ты думаешь, что в этом ящике?

Мосеп объяснил, что поскольку Медведь открыл свою шкатулку только в Стокгольме, он не решался заглянуть в ящик до тех пор, пока не окажется в Раумо. Но что там могло быть, кроме золотого песка и алмазов?

— Золотого песка? Ах ты, простофиля! Открой сам и посмотри!

Мосеп дрожащими руками открыл ящик. И что же он в нем нашел? Старый отцовский парик, который должны были заново завить в Стокгольме.

Гульдберг при всем своем горе не мог удержаться от смеха. Это рассердило Мосепа, считавшего, что у него и так довольно огорчений.

— Послушай-ка, отец, — сказал он, — ведь «Аполлон» был нагружен дегтем и мехами?

— Да, к несчастью, к несчастью, — вздохнул отец. — И все это теперь лежит на дне морском.

— Но я кое-что спас!

— Неужели? Что именно?

— Вот эту смоляную бадью!

— Стыдись! Неужели ты ничего не спас из моих драгоценных мехов?

— Конечно, спас! — сказал Мосеп.

— Не серый ли?

— Да, именно серый!

— Ну, это хоть какое-то утешение! Где же мех, мой дорогой мальчик?

— Да вот он, бегают на своих четырех! — ответил Мосеп, указывая на корабельную кошку, которая выгнула спину перед удивленным хозяином.

— Ах ты, дурень ты этакий! — гневно закричал господин Гульдберг, схватил трость и принялся охаживать ею Мосепа по спине. Трость плясала, кошка шипела, а Мосепу Гульдбергу казалось, будто он снова очутился на Островах-Колючках. Медведь же ничего этого не слышал: он был далеко от них и учил своих медвежат взбираться к нему на спину, как на мачту большого корабля.

ALBERT ENGSTRÖM

ПРИНЦЕССА ЛИНДАГУЛЛЬ

А теперь полетим на крыльях ветра в страну тысячи сказок, на родину роз и тюльпанов, где утренней зарей прекрасные феи возводят свои волшебные замки, где во мраке полуночной поры кружат черные гномы; где солнечные лучи обливают золотым дождем синие горы Джиннистана¹ и водяные лилии тихо любятя собою в зеркале глубоких озер; где по берегам рек в камышах сверкают глаза тигров, а люди, загорелые и черноглазые, пылают ненавистью и горят любовью. Мы полетим в Персию.

Жил-был в Персии король, и звали его Шах Надир. Он был несметно богат и властвовал над большими прекрасными землями и миллионами людей; у него были громадные высокие залы, наполненные золотом и драгоценными камнями; корабли его, нагруженные товарами из Индии, бороздили все моря на свете. Он показывался народу в своей столице Исфахане всегда окруженный сотней тысяч телохранителей в серебряных доспехах, огнем сверкавших на солнце, и пятьюдесятью тысячами всадников на прекраснейших конях с золотыми уздечками и седлами, расшитыми драгоценными камнями; и все эти воины готовы были по первому мановению его руки броситься вперед — завоевывать мир.

Но могущественный Шах Надир был стар, его не влекло ни к войне, ни к завоеваниям. Он одержал уже много побед; много вражеских народов пало жертвою его гнева, и за то время, когда рука его была сильна и непреодолима, меч его уничтожил бесчисленные вражеские войска. Но он стал стар и слаб и лучше всего чувствовал себя на мягких пурпурных диванах в своем роскошном дворце. Только изредка весной, когда окаймленные золотом тучки заслоняли собой палящее солнце Персии и с гор Загрóса² веяло приятной прохладой, старый Шах Надир садился в разукрашенный золотом паланкин, и восемь чернокожих рабов в серебряных одеждах несли его осматривать войска или любоваться боем зверей.

У Шах Надира было много сыновей, так как он, по восточному обычаю, имел много жен. Однако сыновья доставляли ему мало радости: они были честолюбивы и неблагодарны; они находили, что отец их живет слишком долго, жаждали его смерти и домогались его короны. Потому-то король отослал всех своих сыновей в отдаленные провинции, подальше от двора, и назначил их там наместниками. А при себе он оставил лишь свою единственную, дорогую ему дочь, принцессу Линдагуль, потому что ее он любил превыше всего на свете, даже больше всех своих сокровищ и всего своего царства.

Правда, такого имени, как Линдагуль, никогда прежде в Персии не слышали, да и произносить-то его персы как следует не умели. Но мать принцессы была родом с далекого Севера, — хотя никто не знал хорошенько, откуда именно. Совсем молодой она попала в руки африканских морских разбойников, а потом ее купил за ее необыкновенную красоту персидский царь. Шах Надир сделал ее впоследствии своей женой и любил больше всех остальных жен. Прекрасная шахиня умерла, когда ее дочь была еще маленькой; она назвала прелестную принцессу Линдагуль, что на родном языке матери означало «Златолипка». Этим именем шахиня намекала на то, что принцесса так же прекрасна и светла, как золотые лучи солнца, когда они весною играют в ветвях северной липы и покрывают золотом ее нежную бледно-зеленую листву.

И, надо признаться, более прекрасного и более чистого существа, чем принцесса Линдагуль, никогда еще не носила наша грешная земля. От отца она унаследовала царственную и величавую осанку, но обаятельную внешность и неоцененные сокровища сердца она унаследовала от своей матери. Лицо и тело ее были белее скандинавского снега, а глаза — так же кротки, как тихие звезды в августовский вечер, когда на небе нет луны. Сердце у нее было благородное, доброе и отзывчивое; во всем государстве Шах Надира не было ни единого живого существа, которое не любило бы принцессы Линдагуль, ибо молва о ее необыкновенной красоте и о ее прекрасном сердце облетела всю Персию.

Старый шах хорошо знал об этом, а потому его гордое сердце делалось мягким, как воск, всякий раз, когда он смотрел на свое дорогое дитя. Она была зеницей его ока, радостным и неизменным сновидением его ночей. Единое ее слово обезоруживало самый сильный его гнев; и не было на свете ни одного ее желания, в котором бы он мог ей отказать. Не отказывал он ей и тогда, когда она просила за какого-нибудь несчастного узника. Под влиянием тяжелых мыслей о своих коварных и непокорных сыновьях шах решил выбрать для дочери благородного супруга и подарить молодым и их потомкам в наследственное владение все свое государство.

Однако самые чистые чувства в человеческой груди порождают ошибки и грехи; так случилось и с отеческой любовью Шах Надира. Он безгранично любил свою дочь: она была ему дороже его бесчисленных подданных, и это уже было с его стороны большой несправедливостью, потому что правитель не должен ставить свой народ на второе место после своего ребенка.

А Шах Надир любил свою дочь даже больше Аллаха, своего Бога; он молился на нее, как молятся только Богу; и вот эта греховная любовь, это боготворение смертного человека навлекли на него гнев Аллаха, и он покарал его.

Нельзя было представить себе более прекрасной, более приятной жизни, чем та, которою жила принцесса Линдагуль. Ее великолепный мраморный дворец расположился среди прохладного сада, в тени высоких пальм; всюду журчали и сверкали фонтаны, освежая воздух, напоенный благоуханием множества самых прекрасных и самых редких цветов. Прежде чем осветить высокие покои дворца, солнечные лучи преломлялись в окнах из шлифованного горного хрусталя. Ночью принцесса покоилась на мягких шелковых подушках, а когда наступало утро, являлись служанки и сопровождали ее к прекрасному бассейну из слоновой кости и перламутра, в глубине которого бил ключ, и студеная прозрачная вода нежно и игриво принимала в свои объятия стройное тело принцессы. Днем она со своими девушками занималась рукоделием и ткала прекрасные материи; или же слушала пение птиц и звуки цитры³ и гуляла в саду, играя темно-красными розами и резвясь, как дитя, среди золотых крылатых бабочек.

Принцессе Линдагуль было всего лишь двенадцать лет; но на Востоке двенадцать лет то же самое, что на Севере шестнадцать.

Не очень-то хорошо, когда человек живет в роскоши и излишестве и когда малейшее его желание исполняется по первому его знаку. Многие от такой жизни делаются гордыми и капризными; принцесса же Линдагуль была не из таких. Но мало-помалу ей стало скучно. Она сама не отдавала себе отчета, как это случилось, но ни игры с бабочками, ни благоухание цветов, ни журчание фонтанов, ни звуки цитры больше ее не развлекали, на сердце у нее становилось пусто, и она стала замечать, к своему удивлению, что частенько ей хочется плакать. Отчего это происходило, ни она, ни ее служанки понять не могли. Малютка Линдагуль не знала, что ничто на свете не может казаться прекрасным и желанным, если рядом с величайшим счастьем не стоят горе и нужда и не придают ему особенную окраску и блеск. То же самое было и с ее счастьем. Она должна была испытать горе, чтобы научиться пользоваться счастьем.

Между тем принцессе показалось, что она открыла причину своей тоски. Она решила, что это происходит от ее затворнической жизни во дворце. Ей захотелось хоть один раз полюбоваться на шум и движение толпы в великом городе Исфахане. И потому-то однажды, когда отец пришел навестить ее, она попросила его разрешить ей присутствовать на большом зверином бою, который должен был состояться в скором времени в ознаменование торжественного дня шестидесятилетия короля. Поскольку Шах Надир не мог ни в чем отказать своей дочери, он согласился исполнить ее желание, хотя в первый раз он давал свое согласие неохотно.

Шах Надир был могущественным повелителем, перед которым трепетала половина Азии; а такие властители имеют немало врагов. Однако он не боялся неприятелей, потому как покорил их своим мечом. Одного из этих врагов

*...ни игры с бабочками, ни благоухание цветов, ни журчание фонтанов,
ни звуки цитры больше ее не развлекали, на сердце у нее становилось пусто...*

король глубоко презирал, и когда тот попался ему в руки, Шах Надир велел обрить ему бороду и затем отпустил его на волю. То был король великанов из Турана — большой горной и пустынной страны к северу от Персии. А звался король Бум-Бали. Этот Бум-Бали во время своих разбойных набегов на дальнем Севере захватил в плен лапландского колдуна по имени Хирму, который умел превращаться во всевозможных зверей и потом снова принимать свой прежний облик. И вот когда Бум-Бали узнал через своих лазутчиков, что в Исфахане предстоит большой звериный бой, он призвал к себе Хирму и сказал:

— Презренный пес, хочешь ты жить?

Хирму отвечал:

— Господин, пусть никогда не умалится тень твоя! Ты знаешь, что верный твой пес хочет жить!

— В первый день месяца Мухаррем⁴, — сказал Бум-Бали, — состоится большой звериный бой в Исфахане. Шах Надир прислал в наши горы звероловов; преобразись в тигра, дай поймать себя и укради для меня принцессу Линдагуль, гордость Шаха и всей Персии.

— Твое приказание будет исполнено, господин, — ответил лапландский колдун.

Персидские звероловы прибыли в Туран и наловили в горных пустынях множество зверей; они посадили их в клетки и перевезли живыми в Исфахан.

Настал первый день месяца Мухаррем, и все приготовления к торжеству в столице Персии подошли к концу. Самые свирепые звери из Индии, Аравии, Турана и даже из пустыни Сахары в ожидании боя сидели запертые в боковых помещениях рядом с большой круглой ареной. Вокруг этой арены в просторных ложах помещалось более шестидесяти тысяч зрителей. Ради их безопасности между ложами и ареной возвели могучую железную решетку.

С раннего утра весь город находился в движении. Принцесса Линдагуль радовалась, словно дитя: ей предстояло в первый раз, как птичке, вылететь

из клетки; она должна была увидеть представление, где действующими лицами были настоящие львы и тигры, а не люди, надевающие для устрашения зрителей бороды, чтобы снять их с себя, как только представление кончается.

Зрители уже собрались вокруг арены, и ждали только короля. Но вот появился и он сам в сопровождении блестящей стражи, однако на этот раз не один: с ним была дочь, прекрасная принцесса Линдагуль. По восточному обычаю на ее лицо спускалось покрывало-чадра; можно было любоваться лишь ее стройной фигурой и царственной осанкой. В сопровождении своих служанок она ехала верхом на прелестной маленькой зебре, которая красиво выступала, как бы гордясь выпавшей на ее долю честью. Хотя люди и не могли видеть лица принцессы, все знали благодаря молве, как она прекрасна и добра. Все знали, что своим заступничеством она спасла жизнь многим узникам и что каждый день посылала она своих служанок с целебными снадобьями и хлебом к беднякам Исфахана. А потому при ее появлении раздался такой единодушный возглас восторга, какого в персидской столице не слыхали с самого дня торжественного въезда Шах Надира в Исфахан после одержанных им побед, когда в триумфальном шествии шагали шестнадцать пленных правителей.

Очень может быть, что от этой восторженной встречи принцесса покраснела, но этого никто не видал. Она села рядом со своим отцом на богато расшитые пурпурные подушки, разложенные на коврах в королевской ложе, — и представление началось.

Сперва на арену выпустили петухов. Под громкий смех зрителей они яростно выщипывали друг у друга перья, что показалось многим весьма забавным, но принцессе Линдагуль вовсе не понравилось.

После этого состоялся бой между дикой кошкой и морским орлом, которому предварительно подрезали одно крыло, чтобы он не мог улететь. И кошка, и орел набрасывались друг на друга с растопыренными когтями; орел клевал кошку в бок, а кошка старалась вцепиться зубами в горло орла. Наконец кошке удалось выпарапать орлу оба глаза, после чего он пал в борьбе, а тяжело израненную кошку зрители приветствовали, как победительницу.

Потом на арену вытащили двух громадных крокодилов в длинных лоханих, наполненных водой; а перед крокодилами бросили мертвого поросенка. Крокодилов не кормили целый месяц, и они изголодались, но вместе с тем ими овладела такая сонливость, что они не шевелились и только грелись на солнце. Тогда на арену смело выбежал маленький мальчик и пощекотал хлыстом морду одного из крокодилов; тот раскрыл свою страшную пасть и начал тяжело и косолапо вылезать из лохани, чтобы поймать мальчика. Однако мальчик ловко отскочил, а крокодил повернулся в другую сторону. Разбудив одного врага, мальчик таким же образом раздражил и другого и затем быстро скрылся за маленькой дверкой в решетке. Только теперь крокодилы увидели мертвого поросенка и набросились на него, но тут между ними завязался бой из-за добычи. Оба тяжело переваливались друг через друга, стараясь впиться

один в другого своими острыми зубами, однако ни тому ни другому не удавалось прокусить жесткий панцирь. В конце концов, когда один крокодил оказался лежащим на спине, другой распорол ему брюхо, после чего и завладел поросенком.

Но вот завязался бой между шестью большими арабскими собаками и шестью шакалами из Туранской пустыни. Шакалы, так же как и волки, сродни собакам, но гораздо трусливее их. Шесть шакалов пытались куда-нибудь укрыться и избежать боя, но в конце концов они принуждены были защищаться и вступить в борьбу с собаками. Завязалась кровавая борьба. Вскоре пять собак лежали мертвыми, а из шакалов пал только один. В эту минуту в одной из лож послышался свист. Это свистнул храбрый молодой арабский принц Абдерраман, поощряя этим к бою своего любимого пса Валледивау. Услышав свист хозяина, пес с новыми силами набросился на шакалов; вскоре шакалы попадали один за другим, и победителя Валледивау приветствовали громкими криками.

Вслед за этим произошел бой между гиенами и волками, а после этого травили друг на друга леопарда и пантеру. Перед ними бросили кусок свежего мяса, из-за которого оба зверя со страшной жестокостью вцепились друг в друга зубами и когтями. Победительницей осталась пантера; она оказалась сильнее и изворотливее леопарда.

После этого на арену вывели большого индийского слона; у него на спине возвышалась маленькая башенка с четырьмя лучниками. Противником слона был пятнистый королевский тигр необыкновенной величины и редкой красоты, нареченный в честь князя тьмы Ариманом⁵. Чтобы раздражить его, стрелки на спине слона выпускали из лука одну стрелу за другой. Тигр сидел, сжавшись в комок, сверкая глазами и размахивая хвостом; по-видимому, он решил не отвечать на вызов и не вступать в бой. Но вот стрела попала ему в морду; раздалось страшное рычание, Ариман начал бить хвостом по песку арены и одним ловким прыжком бросился на слона и вцепился ему в хобот. Тогда и слон в свою очередь заревел от боли и, обмотав хоботом тигра, поднял его и с такой силой швырнул оземь, что, казалось, сокрушил его насмерть. Однако же это было не так. Через мгновение Ариман снова поднялся, сделал мощный прыжок и, очутившись у слона на спине, глубоко вонзил зубы в его шею. Вне себя от боли, слон пытался сбросить страшного зверя, но напрасно. Силы его убывали, он медленно опустился на землю; башня сломалась, и стрелки быстро убежали, тогда как тигр упивался кровью своего врага.

После того как Ариман немного отдохнул, на арену вывели огромного льва, названного Ормуздом в честь князя света⁶. Чтобы разъярить зверей, им хотели бросить живого ягненка; этого принцесса Линдагуаль, и так уже вдоволь насмотревшаяся на кровавое зрелище, вынести не могла. Она сделала знак рукой, и дрожащий от страха ягненок был спасен. Вместо ягненка хищникам бросили одну из мертвых собак. Голодный лев тотчас ринулся на добычу. Тигр был сыт, так как только что упился кровью слона, но, жадный

от природы, он не хотел уступить добычу льву и бросился отнимать у него собаку. И вот завязался страшный бой между Ормуздом и Ариманом, между князем света и князем тьмы. Всю окрестность огласило эхо их страшного рычания, высоко вздымался песок от их лап и окрашивался их кровью. Они перепрыгивали друг через друга, сцеплялись, разнимались, потом снова с ожесточением набрасывались друг на друга; это было страшное и удивительное зрелище, все зрители дрожали от возбуждения. Долгое время исход поединка был неясен, но наконец лев подмял под себя тигра и разодрал ему брюхо. Ариман лежал мертвым, а Ормузда с триумфом увели с арены.

Кровавая забава должна была закончиться боем между целыми стаями самых кровожадных индийских и африканских зверей. Но так как солнце жгло нестерпимо, зрителям дали на некоторое время отдых, в продолжение которого они пили прохладительные напитки. Многие спустились на арену, чтобы осмотреть мертвых зверей, еще лежавших на песке. Принцесса Линдагулла также пожелала удовлетворить свое любопытство и посмотреть на страшных хищников вблизи. До сих пор она никогда не видала ничего, кроме цветов и птичек, и не имела никакого представления об этих существах. В сопровождении служанок и стражи она ступила на арену; рабы расстилали перед нею затканые золотом ковры, чтобы окровавленный песок не запачкал ее нежных ножек.

Чего ей было бояться? Все оставшиеся в живых звери были крепко заперты, а самый свирепый из них, огромный тигр Ариман, лежал на арене мертвый. Принцесса приблизилась к мертвому хищнику, любуясь его красотой, в особенности его великолепной пятнистой шкурой; она решила просить отца подарить ей во дворец эту тигровую шкуру.

Но неожиданно «мертвый» тигр поднялся на задние лапы, прыгнул на принцессу, схватил ее своими страшными зубами и помчался прочь.

По тысячной толпе зрителей пронесся крик ужаса, но ни у кого не хватило мужества выхватить у тигра его добычу. Только храбрый принц Абдерраман преградил дорогу хищнику, схватил его за окровавленную спину и стал бороться с ним. Несчастный принц! Тигр откусил ему правую руку, и, прежде чем подоспела помощь, принц Абдерраман, истекая кровью, уже лежал на песке, а тигр Ариман, перепрыгнув через железную решетку, исчез с принцессой Линдагуль в зубах.

Велико было горе старого Шах Надира, велико было горе Исфахана, да и всей Персии. Телохранители короля — пятьдесят тысяч всадников на конях с золотыми уздечками — тотчас же кинулись на поиски принцессы. Они обыскивали каждый кустик, каждое ущелье в горах Турана, где был пойман звероловами страшный тигр. Много сотен хищников пало жертвами их стрел и копий, но все было напрасно. А когда всадники объехали не только Туран, но и половину Азии, телохранители принуждены были вернуться в Исфахан с печальной вестью о том, что никаких следов принцессы не найдено.

Шах Надир рвал на себе седые волосы и проклинал день своего шестидесятилетия, который стоил ему самого дорогого, что у него только было на свете, его Линдагуль. Он приказал, чтобы весь народ оделся в траур, как после смерти шахини, и чтобы во всех мечетях молились о возвращении принцессы. Кроме того, король объявил следующее: тот, кто возвратит ему дочь живую, получит руку Линдагуль и унаследует корону Персии; а тот, кто возвратит ее мертвою, получит в награду шестьдесят ослов, нагруженных золотом и драгоценностями.

Надежда на столь высокую награду прельстила многих благородных принцев и князей и заставила их отправиться на поиски пропавшей дочери Шах Надира. Но рано или поздно все вернулись назад, так и не найдя ее, — все, за исключением одного, а именно принца Абдеррамана. Он дал священную клятву искать принцессу в продолжение пятнадцати лет, освободить ее своей единственной левой рукой или же умереть.

Если бы принцессу действительно похитил настоящий тигр Ариман, наша сказка на этом бы и кончилась, потому что для королевского тигра нет ничего святого: он не пощадил бы даже самой очаровательной принцессы на свете. Но на сей раз все было иначе. Колдун Хирму воспользовался звериным боем, исполнил приказание своего господина, но принцессу похитил для самого себя. Хотя он и принял вид тигра, но сердце у него осталось его собственное; а пока в нем жило его сердце, никто не мог убить колдуна. Понятно, что, овладев таким сокровищем, как принцесса, он не пожелал его выпустить из своих рук, и, вместо того чтобы отнести ее к королю великанов Бум-Бали в Туран, он помчался с ней к себе домой, в далекую Лапландию.

В Лапландии стояла в то время осень, и царил тьма. Старая лапландка Пимпедора сидела у очага в чуме и варила кашу, меж тем как ее сын Пимпепантури в ожидании еды любовался своими пьексами⁷ из оленьей кожи. Пимпепантури был славный мальчик, но немножко глуповатый, да и ленивый

к тому же. Отец его Хирму очень желал воспитать сына колдуном, но из этого ничего не выходило: Пимпепантури предпочитал есть и спать, нежели учиться чему-нибудь полезному.

Вдруг лапландка повернулась к сыну и спросила:

— Ты ничего не слышишь?

— Я слышу, как трещит огонь и как шипит каша в котле, — зевнув, ответил Пимпепантури.

— Разве ты не слышишь рычание, оно доносится издалека? — спросила опять лапландка.

— Верно, — согласился Пимпепантури. — Это волк задирает одного из наших оленей.

— Нет, — возразила лапландка, — это отец возвращается домой. Он отсутствовал в продолжение четырех зим; я слышу его тяжелое дыхание и фыркание: он, вероятно, очень торопится.

В эту минуту появился Хирму в обличье тигра, с принцессой Линдагуль в зубах; он опустил ее на мох, разложенный в чуме, и, приняв свой настоящий облик, воскликнул:

— Жена, что у нас сегодня на ужин? Я хорошо прогулялся.

Старая лапландка от испуга чуть не свалилась в котел. Но она хорошо знала своего мужа и пообещала ему вкусный ужин, если он только расскажет ей, где провел четыре зимы и что это за нарядная кукла, которую он принес с собой.

— Долго рассказывать, — отмахнулся старик. — Поухаживай немножко за этой куклой и дай ей теплого оленьего молока, чтобы она ожила и пришла в себя. Она важная барышня из Персии и принесет нам счастье.

Но принцесса Линдагуль вовсе не умерла, она даже не была ранена, а только потеряла сознание от страха. Когда же принцесса очнулась, она обнаружила, что лежит в своем роскошном одеянии, расшитом жемчугом и серебром, на оленьей шкуре, разостланной на мху. Было темно и холодно; огонь очага тускло освещал стены тесного чума и старушку, поившую ее оленьим молоком. Принцесса подумала, что попала в подземное царство мертвых, и горько заплакала о том, что она должна навсегда расстаться с солнцем Персии и прекрасными розовыми садами Исфахана.

Между тем колдун придумал хитрый план, чтобы завладеть сокровищами Персии, и сказал Линдагуль:

— Не плачь, прекрасная принцесса: ты не умерла, тебя просто похитил свирепый тигр, но мой сын, доблестный рыцарь Морус Пандорус фон Пиккулукуликуккулу, спас тебя, рискуя своей драгоценной жизнью. Мы станем твоими рабами и будем служить с величайшим усердием до тех пор, пока не представится возможность отправить тебя обратно в Персию.

— Что ты там врешь, старик, — сказала честная лапландка на своем родном языке колдуну.

— Моя жена говорит, — продолжал Хирму, — что если ты согласишься взять себе в мужья нашего сына, несравненного, прекрасного, доблестного

рыцаря Моруса Пандоруса фон Пиккулукуликуккулу, то мы сейчас же отвезем тебя обратно в Персию.

Пимпепантури не понимал по-персидски, он страшно удивился, когда отец подтолкнул его к принцессе и обеими руками пихнул в неповоротливую спину, чтобы заставить его согнуться и изобразить нечто вроде поклона.

Линдагуаль не была бы принцессой и дочерью гордого Шах Надира, не оскорбись она подобной неслыханной дерзостью. Она посмотрела на колдуна и на его неотесанного сына такими глазами, — нет, даже не посмотрела, а сверкнула ими, ибо в Персии умеют сверкать глазами, — да так, что и у отца, и у сына побежали по коже мурашки.

— Нет, так не годится! — возмутился колдун. — Сперва ее надо усмирить!

У колдуна в чуме было отгороженное место длиною в три локтя⁸ и шириною в два. Там он запер принцессу и давал ей каждый день половинку оленьего сыра и ковш воды из талого снега. Тем временем на землю спустилась крошечная тьма, которая не прекращалась ни днем, ни ночью, потому что в Лапландии быстро наступает зима, — лишь северное сияние светило в щелку чума.

Несчастливая Линдагуаль сверкнула глазами только один раз, — но разве она могла поступить иначе? Однако во время грозы вслед за молнией следует дождь, а потому и слезы принцессы не заставили себя долго ждать. Бедняжка плакала так, как только можно плакать в двенадцать лет в ее ужасном положении: ведь она была персидской принцессой, жила в мраморном дворце среди розовых садов, ей прислуживали прекраснейшие девушки, и вдруг она очутилась в холодной Лапландии в грязном чуме, терпела голод и холод. Да, Линдагуаль плакала, как плачут о погибшей жизни; ее слезы были подобны росе, скорбящей о прекрасном угасающем дне, проведенном в великолепных садах Исфохана. А когда принцесса выплакала все свои слезы, то заснула. И что же? Она вдруг увидела возле себя добродушного старичка, властителя прекрасных снов, которого финны называют Нукку Матти, шведы Йон Блаунд, а датчане и норвежцы Оле Лукойе, что означает Оле Закрой глазки. Уж не знаю, как величают его в Персии, — но этот добрый старичок взял ее за руку и перенес в прекрасный грот на Фьедерхольме, Островах-Пушинках⁹, где уложил Линдагуаль на мягкую постель из благоухающих роз. Здесь все дышало тишиной и покоем. Кроткая луна освещала финиковые пальмы и миртовые сады, совсем как в Персии в самый разгар весны; на бархатистом лугу вокруг принцессы бойко отплясывали воздушные малютки-сновидения в шелковых туфельках и указывали путь домой, к ее отцу, старому Шах Надиру, к ее милым друзьям и ко всем дорогим ее сердцу местам... Так прошла долгая зимняя ночь, так проходили недели, месяцы, ночь за ночью в царстве снов, ибо ночь в тех краях не прекращалась, а Линдагуаль была терпелива и перестала плакать. Сновидения говорили ей: «Жди, скоро явится твой избавитель!»

Но кто же освободит ее? Кто найдет дорогу в непроходимых снегах? Правда, старая лапландка думала о том, чтобы освободить принцессу, но она

*Она посмотрела на колдуна и на его неотесанного сына такими глазами...
что и у отца, и у сына побежали по коже мурашки.*

боялась мужа. Да и Пимпепантури тоже подумывал освободить ее, но для этого он был слишком ленив.

Так прошла зима, снова начало светить солнышко, растопившее снег, в воздухе заплясали комары. Тогда колдун подумал: «Ну, теперь она присмирела!» Он подошел к Линдагуаль и спросил, не хочет ли она вернуться в Персию. Для этого ей надо только согласиться взять в мужа храброго и несравненного рыцаря Моруса Пандоруса фон Пиккулукуликуккулу, — и тогда оленья упряжка тотчас же умчит ее на юг.

На этот раз принцесса больше не сверкала глазами; она только подумала о молодом принце Абдеррамане, который уже один раз пролил свою кровь за нее на арене Исфахана, закрыла лицо руками и не ответила ни слова.

Ну и разгневался же колдун! Неподалеку от чума возвышалась гора, в которой была глубокая, мрачная пещера. Колдун заточил Линдагуаль в эту пещеру и сказал ей:

— Скоро созреет морошка. Отсчитывай хорошенько каждый день, в который ты не дашь мне согласия. В первый день ты получишь тридцать ягод и тридцать капель росы, на второй — двадцать девять ягод и двадцать девять капель росы, и затем каждый день одной ягодой и одной каплей меньше. А как минет тридцать дней, я спрошу у тебя о твоём решении.

И вот в продолжение тридцати дней Линдагуаль оставалась в пещере. Между тем в пустынной Лапландии было светло днем и ночью, но в пещере царилась тьма. Ягод морошки и капель росы с каждым днем становилось все меньше и меньше, но щеки Линдагуаль не поблекли и терпение ее не истощалось. Ведь все, чего она была лишена днем, Нукку Матти и чудесные сны возмещали ей по ночам. Тогда раздавались своды пещеры, и принцесса могла любоваться багровым северным полуночным солнцем, слушала шум водопада, с грохотом низвергавшегося с крутой скалы; а камни пещеры увлажняла медовая роса, заменявшая несчастной Линдагуаль пищу и питье. Принцесса грезилась о принце Абдеррамане, пела восточные песни и радовалась, когда эхо повторяло их на горных склонах.

На тридцатый день колдун дал ей последнюю ягоду морошки и последнюю каплю росы, завернутые в листочек лапландской карликовой березы.

— Ну, — спросил он, — ты надумала?

Линдагуаль снова закрыла руками свое милое личико и ничего не ответила.

— В таком случае я даю тебе еще один день на раздумье, — сказал колдун, — а теперь встречай приятное общество.

С этими словами он отворил вход в пещеру, и словно живое облако ринулось внутрь. То были голодные лапландские комары; они влетали в пещеру туча за тучей до тех пор, пока не стало казаться, что все пространство заполнено густым дымом.

— Желаю тебе приятно провести время с твоими новыми знакомыми, — усмехнулся злой колдун, запирая дверь.

Линдагуль не поняла его; она не знала ни лапландских комаров, ни персидских ядовитых мух, потому что на родине при ней день и ночь находилась служанка с длинным опахалом, чтобы защищать принцессу от крылатых чудищ. Но судьба пощадила ее, так и не дав понять, что такое человеческая злоба. Едва колдун запер за собою дверь, как принцессу окружила тончайшая кисея, которую сновидения принесли ей с ткацких станков эльфов. Сквозь эту кисею комары не могли проникнуть, — им не довелось полакомиться королевской кровью. Они изо всех сил кусали твердый гранит, но эта пища пришлась комарам не по вкусу, и они, подобно серой паутине, расположились на-конец лагерем на стенах пещеры.

В полночь дверь тихонько отворилась, и в пещеру вошла лапландка Пиммедора с кружкой в руке, а следом за ней — Пимпепантури с горящей лучиной.

— Бедное дитя, — молвила кроткая старушка, — мне жаль тебя, но я не смею выпустить тебя на волю, потому что мой старик превратил бы меня за это в крысу. Взгляни-ка, я принесла тебе немного смоляного масла; намажь им все тело — это лучшее средство от комаров, иначе они съедят тебя.

— А вот копченый олений окорок, чтобы ты не умерла с голоду, — добавил добродушный Пимпепантури. — Он уже немного обглодан, потому что по дороге мне захотелось перекусить, но все-таки на кости еще есть мясо. Я украл ключ от пещеры, пока отец спал, но не смею выпустить тебя, потому что отец превратил бы меня за это в росомаху. Только, пожалуйста, не думай, что ты обязана взять меня за это в мужья; бьюсь об заклад, что ты и настоящего пальта¹⁰ состряпать не сумеешь.

— Нет, этого я, конечно, не сумею, — ответила принцесса Линдагуль и горячо поблагодарила мать и сына за их доброту; но вместе с тем она растолковала им, что ничуть не голодна и что комары ее вовсе не беспокоят.

— Ну, все-таки возьми на всякий случай смоляное масло, — сказала старая лапландка на прощанье.

— Да и олений окорок также оставь себе, — сказал Пимпепантури.

— Большое спасибо! — поблагодарила Линдагуль.

Дверь снова закрылась, и так миновала ночь. На следующее утро в пещеру вошел колдун, уверенный, что его пленница присмирела настолько, насколько он этого желал; он думал, что найдет ее полумертвой от укусов комаров. Но когда он нашел Линдагуль такой же цветущей, как и прежде, и увидал, что вместо ответа она снова закрыла свое лицо руками, колдун страшно разгневался.

— Следуй за мной! — приказал он.

Линдагуль вышла из пещеры на яркий дневной свет, легкая и воздушная, как эльф в лунной дымке. Когда она откинула со своего лица чадру, чтобы полюбоваться белым днем, солнечные лучи заглянули в ее сияющие глаза так же ласково, как озаряли весенней порою синие горы Джиннистана.

Колдун сказал:

— Я мог бы отправить тебя королю великанов Бум-Бали в Туране; он с радостью навьючил бы шесть ослов золотом, лишь бы иметь тебя в своих руках хоть на один день. Но я принял другое решение! Ты превратишься в цветок вереска на Лапландской вересковой пустоши и проживешь столько, сколько живет вереск. Взгляни на солнце, оно уже очень низко. Через две недели и один день наступят первые морозы, когда все цветы вереска умирают! Накануне этого дня я в последний раз приду узнать твое решение.

Сказав это, он замолчал, словно ожидая получить сейчас же желаемый ответ, но Линдагуль лишь снова закрыла свое лицо руками и не произнесла ни слова. Тогда колдун крикнул дрожавшим от злости голосом:

— Адома данаи маррабатаесан!

На языке природы это означает: «Человек, обернись цветком вереска!» Колдун научился этому заклинанию у южного ветра, прилетевшего прямо из Африки и улегшегося отдыхать в горах Лапландии. А ветер знает все слова, поскольку все слова бросают на ветер.

Стоило колдуну произнести заклинание, и Линдагуль показалось, будто цветы на пустоши превратились в целые деревья и осенили ее своей тенью. На самом же деле это она стала маленькой и вросла в землю. Миг — и вот уже никто не мог бы отличить ее от тысячи других бледно-розовых цветочков вереска, которые жили и умирали на дикой вересковой пустоши Лапландии.

— Ровно через две недели! — пробормотал колдун и с мрачным видом вернулся в свой чум.

Пока все это происходило в Лапландии, принц Абдерраман скитался по всему свету с саблей на боку и посохом в левой руке. Не было такой горы в Азии, такой пустыни в Африке, такого поля, деревни или города в Южной и Средней Европе, которых он не исходил бы вдоль и поперек. Но в Европе не было других тигров, кроме тех, что показывали укротители зверей в родах жадной на зрелища толпе; однако даже среди этих тигров он не нашел Аримана. Печально ехал принц верхом обратно в Персию, а за ним следовал его верный пес Валледивау. Но вот однажды случилось, что пес загнал в камыши дикую утку, поймал ее и принес живой своему хозяину. Принц уже хотел убить утку, как вдруг она закричала:

— Подари мне жизнь, а я что-то скажу тебе взамен!

— Я дарю тебе жизнь, диковинная птица, — согласился удивленный принц. — Но что ты можешь мне сказать?

— Отправляйся в Лапландию! — снова крикнула утка и тут же исчезла в камышах.

Лапландия? Принц никогда не слышал о такой стране. Когда же он принял-ся расспрашивать о правителе Лапландии и о том, где эта страна, собственно, расположена, ему ответили:

— Скачи на север, все время на север, и не останавливайся до тех пор, пока не кончится дорога, пока не кончится лес и не перестанет больше встречаться человеческое жилище с очагом, выложенным из камня.

«Странно!» — подумал принц, но последовал совету и поскакал на север; он ехал до тех пор, пока не кончилась дорога, не кончились леса и не исчезли из виду человеческие жилища за исключением чумов кочевников. Стоял последний день августа, солнце еще светило, поля еще зеленели, но небо уже приобрело зеленоватую окраску, а с севера дул прохладный ветер, вслед за которым должны были наступить морозы.

Принц ехал уже несколько дней и не встретил ни единой души, когда неожиданно у подножия высокой горы заметил чум из звериных шкур. Он подъехал ближе, чтобы еще раз возобновить свои бесплодные расспросы, и, к своему неопишуемому изумлению, увидел на склоне горы крупную надпись: «Линдагуль». Колдун Хирму высек это имя над входом в пещеру, в которой была заточена принцесса, чтобы найти это место, когда он передвинет свой чум.

Принц обнажил своей левой рукой саблю и уже хотел ринуться в чум, но в этот миг из него вышел колдун Хирму, направлявшийся на вересковую пустошь.

— Верни мне принцессу Линдагуль! — воскликнул принц. — А не то я отправлю тебя в царство Аримана.

Колдун был очень хитер и не раз спасал себя благодаря своей изворотливости, но при этой неожиданной встрече совершенно растерялся. Он моментально превратился в песка, так как не придумал ничего лучшего, и бросился бежать в горы. Хирму полагал, что таким образом спасется от сабли принца, но забыл про пса, следовавшего за своим хозяином по пятам. Едва Валледивау увидел песка, как сейчас же погнался за ним. Песец ловко проскальзывал сквозь все расселины скал и перепрыгивал через горные пропасти, но Валледивау был еще проворней и настиг песка на вершине горы, разорвал на куски и съел его сердце. А как только сердце было съедено, колдуну пришел конец.

Когда пес возвратился с окровавленной мордой, принц понял, что враг его погиб. Но где же Линдагуль?

Принц вошел в чум.

Лапландка Пимпедора варила оленье мясо, а Пимпепантури спал на мягком мхе в ожидании обеда.

— Старуха, — сказал принц, — твой муж мертв, отдай мне Линдагуль, и тогда я не причиню тебе никакого зла!

— Ах, батюшки, да неужели он умер? — воскликнула лапландка, по-видимому, не особенно огорченная печальным известием. — Да, этого следовало ожидать после всех его злобных проделок. А Линдагуль вам придется искать вон там, среди вереска на дикой пустоши. Мой муж превратил ее в цветок вереска, каких на пустоши тысячи; а ночью ударит мороз, — и тогда принцессе конец.

— Ах, моя милая, ненаглядная Линдагуль, неужто ты умрешь нынче ночью, а я не найду даже того стебля, на котором ты увянешь! — воскликнул принц и в отчаянии бросился на вересковую пустошь, где тысячи бледно-розовых

цветочков, как две капли воды походивших друг на друга, ожидали своей смерти.

— Пстой-ка, — задумчиво сказала лапландка. — Я припоминаю те слова, что превратили Линдагуль в цветок вереска. Мне было жаль бедное дитя, я спряталась за камень поглядеть, что сделает мой старик. И я услышала, как он произнес: «Адома данаи маррабатаесан!»

— Ах, — вздохнул принц, — что нам до этого, раз мы не знаем тех слов, которые снимают заклятие!

Пимпепантури надоело ждать обеда; он тоже выбрался из чума и пошел искать мать. Когда он услышал горькие сетования принца, то задумчиво почесал себе затылок, стараясь припомнить что-то, и вдруг сказал:

— Когда батюшка хотел разрушить волшебные чары, он всегда переставлял слова.

— Правда, так он и делал, — подтвердила лапландка.

Принц Абдерраман проникся слабой надеждой. Возбравшись на скалу, он закрычал что есть сил над всей бескрайней вересковой пустошью:

— Маррабатаесан данаи адома!

Но слова замерли, и ни один цветочек не шелохнулся; солнце же неумолимо спускалось к горизонту, а ветер стихал.

Принц боялся, что он неверно произносит заклинание на незнакомом языке, и повторял слова много раз в различном порядке и с разными видоизменениями. Но тщетно! Только один раз ему показалось, будто вереск на отдаленном холме чуть приподнялся, прислушиваясь. Но тут же вновь поник и сравнялся с остальными вересками на необозримой, однообразной и безнадежно молчаливой пустоши.

— Солнце садится, — предупредила принца старая лапландка. — Если ты сейчас же не найдешь нужные слова, ударит мороз, и будет слишком поздно.

Багровый диск солнца уже почти совсем касался линии горизонта, наступила мертвая тишина. Холодный и влажный вечерний туман, предвестник мороза, уже застилал тонкой дымкой поля и холмы. Все, что росло, все, что хоть на краткий миг осмеливалось цвести в суровой Лапландии, было обречено ныне на смерть.

Принц Абдерраман побледнел от ужаса, и голос изменил ему. Еле слышно произнес он слова заклинания так, как еще не произносил:

— Марраба данаи адома таесан!

И что же? На отдаленном холме поднялась вдруг веточка вереска. Она стала расти с такой быстротой, с какою растут на заре лилии синих гор, побуждаемые к этому волшебными палочками фей Джиннистана. Туман уже окутал окрестность, но неожиданно из него выступила стройная фигура. А когда принц, затаив дыхание, несколькими прыжками достиг этого холма, ему навстречу шагнула сама принцесса Линдагуль, такая бледная, словно ее уже коснулось ледяное дыхание смерти. Только в последнее мгновение принц нашел нужные слова, спасшие бедняжку.

Колдун... при этой неожиданной встрече совершенно растерялся.

Абдерраман отнес принцессу в чум, и там с помощью доброй лапландки к ней понемногу вернулись силы. Пимпедора была очень довольна, а Пимпепантури на радостях даже забыл свой долгожданный обед, который так и сгорел в котле. От безмерного счастья принц Абдерраман лишился чувств, хотя это почти никогда не случается с героями. Первыми его словами, когда он пришел в себя, была благодарственная молитва Аллаху, после которой он спросил Линдагуль, что она чувствовала, будучи цветком.

— Это все равно что вернуться в раннее детство и не ведать ничего иного, кроме как пить, спать и быть счастливой, — ответила принцесса.

— А что ощущаешь, когда вновь пробуждаешься к жизни?

— То же самое, что и при пробуждении ясным утром от глубокого и приятного сна.

— Завтра мы отправимся в Персию!

— Хорошо, — ответила Линдагуль. — Но эта добрая женщина и ее сын пожалели меня, несчастную пленницу. Возьмем их с собой и подарим им дворец в Исфахане.

— Нет уж, спасибо, — возразила Пимпедора. — Мне больше по душе мой чум в Лапландии.

— А есть ли в Персии снег и олени? — спросил Пимпепантури.

— Снег там лежит лишь на самых высоких горных вершинах, а вместо оленей у нас антилопы и газели, — ответила принцесса.

— Ну, в таком случае спасибо, — сказал Пимпепантури. — Можешь спокойно ехать и выходить замуж за кого угодно. Нигде на свете нет страны прекраснее Лапландии!

Что толку было с ними спорить! На следующий день принц и принцесса отправились в путь, одарив перед отъездом лапландку и ее сына своими шитыми золотом одеждами со множеством драгоценных камней. Взамен они получили лапландские платья из оленьих шкур.

Лапландка спрятала драгоценные персидские одежды в берестяной короб и высчитала, радуясь в душе, что сможет купить за них целый мешок муки.

Меж тем в золотом дворце Исфахана не находил себе места Шах Надир; он поседел от горя и ни на минуту не забывал свою дочь. Его неблагодарные сыновья подняли против него мятеж и направлялись теперь со своими войсками к столице Персии, чтобы свергнуть отца с трона. В один прекрасный день великий визирь доложил королю Шах Надиру, что молодой дикарь и молодая дикарка, одетые в оленьи шкуры, в сопровождении собаки, хотят броситься к ногам правителя. Шах Надир никогда не отказывал чужестранцам в приеме: в нем всегда теплилась надежда, что, может быть, такой чужестранец знает что-нибудь о его несчастной дочери. Дикаря и дикарку привели к нему: дикарь бросился к ногам шаха, а дикарка так бесцеремонно бросилась к нему на шею, что великий визирь позеленел от страха и негодования. Но Шах Надир узнал даже в одежде лапландки свою ненаглядную, безнадежно оплакиваемую дочь.

— Аллах, Аллах! — воскликнул он. — Теперь я с радостью готов умереть!

— Нет, мой повелитель, — возразил ему принц Абдерраман, — теперь ты должен жить, чтобы радоваться нашему счастью и возвратить себе государство.

Когда Шах Надир узнал, как похитили его дочь и как самоотверженно ее спас принц, он сейчас же объявил принца Абдеррамана наследником престола, обещал ему руку своей дочери принцессы Линдагуль и послал его во главе пятидесяти тысяч всадников на конях с золотыми уздечками усмирять восставшие войска. Очень скоро принц одержал блестящую победу своей мужественной левой рукой, взял в плен мятежных королевских сыновей и с триумфом вернулся в ликующий Исфахан. Тут-то и отпраздновали с необычайной пышностью свадьбу Абдеррамана и принцессы Линдагуль, — но во время свадебных торжеств звериного боя не было. После этого молодые жили долго, в полном счастье и согласии. Но раз в год, а именно тридцать первого августа, — в день освобождения принцессы Линдагуль из плена, — королевская чета появлялась, к величайшему изумлению любящих роскошь персов, в бедной одежде из оленьих шкур: будучи счастливыми, они не забывали дней бедствий.

Шах Надир дожил до преклонного возраста, качал на коленях внучат, а его коварные сыновья кончили свои дни свинопасами у короля великанов Бум-Бали в Туране. Пес Валледивау дожил до тридцати лет, скончался от зубной боли, и из него с превеликими почестями сделали чучело. Что же касается до Пимпедоры и Пимпепантури, который некогда удостоился громкого имени Моруса Пандоруса фон Пиккудукуликуккуду, то о них ничего больше в Персии не слыхали. По всей вероятности, они так и не отыскиали на земле страны прекраснее Лапландии.

СВЯТАЯ НОЧЬ

Все знают Рождественского гнома, но кто помнит Рождественского козла? ¹

В прежние времена он был добрым другом детей, когда в сочельник прокрадывался на четвереньках в залу, завернутый в мохнатую шубу, с длинной бородой, рогами из деревянных ложек и корзиной, полной отборнейших рождественских подарков. Теперь он сделался несовременным и уступил свою должность Рождественскому гному, который имеет честь передвигаться на двух ногах и сохранил от козла лишь бороду да шубу. Времена меняются, Рождество справляют по-разному. Но хотя Рождественский козел нас больше и не навещает, ему приходится появляться в других местах; он должен быть в движении, ведь его участь в мире — постоянно блуждать, блуждать, блуждать...

Кто такой Рождественский козел? Да, скажи-ка мне! Я ставлю тридцать кулечков изюма против старой косточки чернослива, что ты не скажешь мне, кто такой Рождественский козел. Если сможешь сказать, то ты выиграл тридцать кулечков, но если не сможешь сказать мне, а я смогу тебе это рассказать, тогда я выиграл у тебя косточку чернослива. И не только ее, но также и дерево, что вырастет из этой косточки. И не только дерево, но и весь чернослив, что со временем на нем вырастет. И не только весь чернослив, который вырастет на этом дереве, но также все деревья, что вырастут из этого чернослива, и весь чернослив, который может вырасти на этих бесчисленных деревьях, и все деревья и весь чернослив, что со временем может вырасти из этого бесчисленного чернослива — короче говоря, весь чернослив на свете. Полагаю, ты задумаешься.

Так кто же такой Рождественский козел? Тебе любопытно? Хочешь, расскажу? Но тогда ты проиграешь пари. Нет, не пытайся убедить меня в том, что

Рождественский козел — это Андерс или Майя, завернутые в шубу! И в том, что я ничего про него не знаю. И в том, что я нашел сказку о нем в корзине с обертками от рождественских подарков на чердаке, когда мне было восемь лет. Ладно, слушай историю, она не будет длинной.

Читал ли ты в Евангелии про Рождество? Думаю, что читал; иначе как бы ты узнал, что такое Рождество? Суть Рождества не в подарках, не в украшенной свечами ели, вяленой треске, каше и пироге; Рождество — это даже и не освобождение от всевозможных забот, связанных с уроками, и не многочисленные свечи с прекрасными псалмами в церкви. Рождество — нечто гораздо, гораздо большее, и об этом говорится в Евангелии. Но описанное там столь велико и возвышенно, что ему нет места в маленькой сказке. Поэтому я лишь кое-что расскажу тебе о Святой ночи.

То было время года, когда зима окутывает весь Север снегом. Давным-давно в далекой Швеции и безвестной Финляндии все было сковано холодом, но в теплой Иудее стояла зимняя ночь, такая бывает у нас в октябре. Источник продолжал журчать, деревья казались немного угрюмее прежнего, но еще не утратили свою листву; на высочайших горных вершинах виднелся снег, однако в долинах еще оставалось немного травы для пасущихся стад. Природа не производила впечатление умершей, как в северных странах; она лишь отдыхала после летней жары; она спала, как счастливое дитя; это дитя сбросило с себя одеяло и все же не замерзло.

То была удивительно тихая и спокойная ночь. Она пришла внезапно, как это бывает на юге, без промедления и сумерек. Солнце клонилось к горизонту, а всюду еще царил день; оно опустилось ниже края небес — и все окутала самая настоящая тьма. Тогда вспыхнули звезды, словно зажглись свечи на небосводе, не одна за другой, как у нас, самые большие первыми, а мельчайшие — последними, но все сразу, как это бывает, когда занавес поднимается и взору предстает сверкающая иллюминация. В горах, где воздух был темно-синим и прозрачнее тончайшего стекла, небесные звезды сияли своим величественнейшим блеском и, тем не менее, с таким удивительным спокойствием, словно никто никого не желал затмить. Мельчайшие неподвижные звездочки мерцали столь же блаженно, как и огромные таинственные светила в беспредельной дали. Сириус² подмигивал слабому туманному свечению Млечного Пути, словно говоря: «Смотри, смотри, не спи, нынче мы все должны сиять во славу Господа!» А огромная полная луна, что обычно так гордо проплывает по небесному океану, теперь кралась на цыпочках по небесной тверди, страшась заслонить хоть одну звезду собственным сияющим диском.

Пастухи охраняли свои стада в долине у Вифлеемской горы и приметили новую, огромную и великолепную звезду, взошедшую на небеса прямо над ними. Они часто бодрствовали по ночам под открытым небом, звезды сделались их близкими друзьями, однако новой звезды пастухи не знали. И стоило им задаться вопросом, что бы это могло означать, как до них донеслась радостная весть с дивной ангельской песнью, о чем упомянуто в евангельской истории про Рождество³.

У одного пастуха были с собой двое его маленьких детей, мальчик и девочка, и отец устроил им мягкую постельку в горном ущелье.

— Козел, — сказал пастух своему здоровяку козлу с крепкими рогами, — охраняй моих малышей, пока я ненадолго отлучусь в город! Я постелил детям ароматного сена в ущелье, дабы им мягко и тепло спалось. Проследи, чтоб никто из стада не жевал их постель!

Козел был ленивым, сонным и сварливым. Он не посмел отказать, но про себя подумал:

«А я, значит, должен перебиваться здешним скудным кормом, в то время как пастух позволяет своим детям спать на ароматном сене?»

И он с ропотом улегся охранять вход в ущелье. Ни пастух, ни козел еще не ведали, что стояла Святая ночь. Вся природа уже знала об этом, получив через ангелов повеление, гласившее, что в эту ночь ни одно существо не смеет причинять зла другому.

Волк тихонько крался горной тропой, покосился на беззащитное стадо, но мирно прошел мимо. Лев приблизился к ручью, чтобы утолить свою жажду, увидел спящих ягнят, но не коснулся их. Гиена следовала за львом по пятам, учуяла в ущелье детей, однако и она робко удалилась. Оливковое дерево сказала пауку, ткавшему свою паутину среди ветвей:

— Смотри, чтобы ни одна муха не запуталась в твоей сети, потому что нынче ночью ты не должен ловить добычу!

Сосна в горной теснине сказала скорпиону, утнездившемуся среди ее корней:

— Спрячь свое жало; этой ночью ты не должен пускать его в ход!

В лесной чаще кинжал у разбойника на боку заявил своему хозяину:

— Не прикасайся ко мне, ибо нынче не должна проливаться кровь!

Рожок для кормления обратился к младенцу:

— Я раздражаю тебя? Ах, прости, я не хотел!

Кувшинка на болоте молвила ящерице:

— Аккуратно ползай по моему стебельку, потому что этой ночью запрещено беспокоить даже мельчайший листочек!

Ночной туман предостерег кузнечика:

— Спрячься под увядшим пальмовым листом, пока я не улечусь, не то охрипнешь от моей сырости!

А травинка сказала голодному козлу:

— Погоди немного, съешь меня утром, ибо нынешней ночью ты не должен меня щипать!

— Что это значит? — проворчал козел. — Всяк сам себе ближе. Я что, должен лежать здесь голодным среди камней, в то время как дети пастуха спят на ароматном сене?

— Да ведь они и впрямь спят на моем корме! — сказал козел, заглянув в ущелье. — Какими же глупыми могут быть дети! Они даже не понимают, что траву нужно есть!

«Что, если я всего один разок отщипну ароматного сенца? — немного погодя подумал козел. — Ведь никто и не заметит. Всего лишь маленький жалкий клочок сена. Ням-ням... просто удивительно, какое оно вкусное!»

Козел отщипнул еще, а потом еще чуть-чуть, отщипывал и отщипывал, пока ему не пришлось вытаскивать сено из-под спящих детей. И вот осталась лишь маленькая копна.

«Детям от нее никакого проку, ведь они все равно спят», — решил козел и вытащил из-под малышей последний клоч сена.

Тут дети проснулись, нащупали в темноте козлиные рога и принялись кричать. Козел рассердился.

— Чего вы кричите? — пробурчал он и боднул их...

В тот же миг вернулся пастух.

— Козел! — воскликнул он. — Несчастный козел, что ты наделал? Разве ты не знаешь, что это Святая ночь? Нынче повсюду на земле царит мир, и ты один нарушил его! Теперь ты обречен скитаться по свету, дабы искупить свою вину перед малышами, пока их молитвы не освободят тебя.

Козел тотчас ощутил приговор в действии. Он ринулся в горы, но его одолел сон, в котором он пребывал до следующего Рождества, когда очнулся и был вынужден начать свое долгое путешествие. Вот так и донныне бродит козел каждую рождественскую ночь по земле и слышит, как голоса природы твердят друг другу:

— Нынче Святая ночь, нынче никто не должен причинять другому зла!

Козел это слышит и не может отделаться от голосов, потому что той ночью они раздаются повсюду: в горах, в долинах, в лесу и на равнинах, высоко в небе и глубоко в море. Козел, единственно нарушивший мир на земле, скитается по ней, голодный, и не видеть ему ароматного сена. Однако он знает, кого ищет: он разыскивает детей, дабы отплатить им за ту несправедливость, которую он совершил по отношению к малюткам пастуха в ущелье. Козел старается всеми способами завоевать благосклонность детей; он приносит им чудеснейшие рождественские дары, и все же малыши редко когда вспоминают поблагодарить его. Бедный Рождественский козел! Когда другие счастливы, он опечален: дети ждут не дождутся его появления, а покидает он их, будучи позабытым; приходит к ним такой нагруженный, а удаляется с пустой корзиной, после чего перестает занимать умы детей. Они едва помнят, что было вчера, где уж им помнить о том, что случилось почти две тысячи лет назад?

Зато теперь ты знаешь, кто такой Рождественский козел, а я выиграл у тебя весь чернослив в мире. И когда весь этот чернослив будет посажен (если никто не съест его раньше) и из всех этих косточек вырастут деревья, и все эти деревья произведут на свет новые плоды и новые деревья, Рождественский козел все еще будет бродить по земле и петь детям в Святую ночь:

«Сена клок, сена клок
Я с постельки уволок
У детей, что мирно спали,
В ночь Святую зла не ждали.
Должен я теперь бродить,
Чтоб провинность искупить.

Сена клок, соломы клок,
В покаянье я бы мог
Жемчуг, золото предложить,
Дабы деткам отплатить.
Их порадовать не прочь —
Ведь Святая нынче ночь!»

Тут дети проснулись, нащупали в темноте козлиные рога и принялись кричать.

СТАРАЯ ХИЖИНА

В северной оконечности острова, на вершине холма, видневшегося над кронами деревьев и синими волнами, стояла старая-престарая хижина — до того ветхая, что никто не мог сказать, когда ее построили. Она была не окрашена и ни разу не обшивалась досками; полусгнившие бревна, казалось, вот-вот вывалятся из стен, а в окнах не осталось ни единого целого стекла, только кое-где торчали острые осколки. Труба давно обрушилась, но внутри уцелел очаг, сложенный из крупных гранитных плит, над которыми не властно время. Пол был изрешечен огромными дырами; крысы прогрызли их еще в те времена, когда могли рассчитывать отыскать здесь что-нибудь съестное, и все в этой заброшенной постройке покрылось толстым слоем пыли, копоти и грязи.

Но в глубине хижины, в самом темном углу, наполовину загороженном высокой прикрепленной к стене кроватью, которую разделяла на две половины доходившая до потолка перегородка, что-то таинственно блестело — никто не знал, было ли то серебро или золото, жемчуга с драгоценными камнями или просто луч заходящего солнца, проникший сквозь щель и казавшийся вдвойне прекрасным и ярким в темной комнате. А может, это блуждающий огонек, светящийся над спрятанным сокровищем, или старик домовый, зажгший в вечерней тишине свою свечку?

Нет, рассказать тебе, что это было? Не золото, не солнце, и даже не призрак, а просто часть старого бревна в стене. От времени и сырости бревно

совсем сгнило и теперь светилося в темноте, как это иной раз бывает с трухлявой древесиной. Всего-то и навсего.

Однако у меня на сей счет имеется свое мнение. Я полагаю, что все прекрасные воспоминания, все радостные мысли, все веселье, спокойствие и удовольствия, которые когда-то царили под крышей этой хижины, живут теперь в ее самом темном углу и мерцают там, как добрая память о минувших днях. Я убежден, что саму старую сосну в стене переполняло счастье, оттого-то она и сияла.

Ибо знай ты все, что довелось видеть этим старым руинам, — непременно разделил бы мое мнение. В прежние времена хижина стояла одна-одинешенька на всем прекрасном острове, и дверь ее была всегда открыта для бедных и богатых, для несчастных и счастливых. Каждый мог найти гостеприимный приют в бую, крышу над головой во время дождя, очаг, чтобы поджарить трепещущего окуня, и постель из мягчайшего сена, когда наступала ночь и покой казался слаще сладкого. Лето напролет здесь можно было видеть радостных горожан и окрестных жителей. Они не церемонились: сообща варили кофе в большом блестящем медном горшке, затевали игры, спали бок о бок, зарывшись в расстеленную на полу солому. Для тех же, кто был постарше да познатней, имелись высокие кровати; самые важные ночевали на перинах.

А все эти шутки и смешные выдумки, безмятежность, забавные выходки и веселые праздники, свидетелем которых была хижина! Нет, их невозможно описать. Теперь она стояла одинокая и разрушенная, а из всех ее прежних обитателей тут оставалось лишь единственное семейство, не покидавшее ее в старости; то были комары. Когда хижину наполняли люди, ценившие ночной покой, комары не входили в число желанных гостей. Хозяйева обычно клали крупные можжевеловые ветви в очаг, закрывали дымоход, и помещение наполнялось дымом, что очень смущало комаров. Теперь же они могли преспокойно танцевать кадрили в лучах солнца у разбитого окна и, хотя и не лакомились юной человеческой кровью, по крайней мере не страдали от можжевелового дыма и имели все основания гордо называть себя пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-правнуками комаров, живших здесь в те далекие счастливые времена. Они сохранили некую привязанность к этому месту и все еще благоденствовали там, несмотря на то что им приходилось довольствоваться лишь солнечным светом и летним ветерком.

Старая хижина стояла заброшенной, поскольку теперь на острове появилось множество других, новых и гораздо лучше благоустроенных жилищ, в которых те, кто мог себе это позволить, имели обыкновение проводить лето в наши дни. Здесь попадались настоящие двухэтажные дворцы в миниатюре со всеми мыслимыми удобствами; в окружавших их садах виднелись рукотворные аллеи и цветочные клумбы, а если кто-нибудь желал подольститься к хозяину подобной красивой *виллы*, стоило лишь спросить, как ему удалось создать такое чудо среди дикого леса и бурного моря. В ответ хозяин кивал головой, замечая:

— Гм, стоит лишь выписать из города художника с садовником и целую уйму знатоков своего дела, вырубить деревья, распилить их на доски, да в придачу истратить несколько тысяч марок, тогда, наконец, и невозможное станет возможным.

У новых вилл были красивые названия, такие как Лиседадь, Сансуси, Фрамнэс и тому подобные. Жизнь в них почти не отличалась от городской — принимали гостей, устраивали музыкальные вечера; здесь можно было видеть зеленые игорные столы, кегельбаны и карусели. Отдыхающие гуляли по посыпанным песком аллеям и выкрашенным в зеленый цвет китайским мостикам, перекинутым через небольшие ручейки, однако в благоухающий лес навевывались лишь тогда, когда на кочках краснела мамура¹ или когда пригорок манил к себе земляникой. Тут уж девушки, подоткнув подолы, с маленькими, хорошенькими корзиночками в руках на час-другой отправлялись навстречу приключениям. Между тем молодые люди выходили в море на изящных белых шлюпах с флагами и вымпелами, подкарауливали девушек у мыса и галантно сравнивали их с пастушками и лесными нимфами, ни за что на свете не желая угодить в их корзинки, хотя и знали толк в ягодах.

В одной из самых красивых вилл, что носила величественное название Альбано, жили с родителями две девушки — Антония и Мария. Обе молодые, прекрасные и счастливые, взбалмошные и легкомысленные, но каждая по-своему. В то время как Антония предавалась ежедневным развлечениям и сиюминутному удовольствию, Мария была наделена более отзывчивым сердцем, открытым всевозможным впечатлениям; именно поэтому она могла испытывать куда большее счастье, даже будучи иной раз опечаленной.

Кроме родителей, братьев, сестер и всех домочадцев, переехавших сюда на лето, в маленькой комнатке на втором этаже еще поселилась старенькая бабушка. Ей было под девяносто лет, глаза уже почти ничего не видели, у нее была плохая память на то, что произошло накануне, однако старушка прекрасно

помнила случившееся несколько поколений назад. Она сидела у себя, тихонько напевая псалмы, и никому не была обузой. Каждое утро дети поочередно подходили целовать ей руку и украдкой посмеивались, когда она в сотый раз спрашивала их имена.

Больше всех любила бабушку Мария, и она была единственной, чье имя старушка не забывала. Поэтому остальные в шутку прозвали Марию «юной бабулей»:

— Ты ведь так похожа на нашу старую бабушку, сидящую в своем кресле, — говорили они.

И хотя Мария очень любила бабушку, ей не очень-то нравилось, что ее сравнивают с морщинистой седой старушкой. Слова «ты так похожа на бабушку!» доводили Марию до слез.

Девяностолетняя дама слышала это со своего места и утешительно говорила внучке:

— Не плачь, малютка Майя; видела бы ты мой портрет!

Надобно сказать, что в городском доме, где жили родители Марии, в изящной гостиной висели два старинных портрета в овальных позолоченных рамах. На одном был изображен молодой человек лет тридцати, в напудренном парике с косичкой, в сюртуке с крупными блестящими пуговицами, превосходными манжетами и изысканным кружевным жабо; а сбоку от него, на другом портрете красовалась очаровательная двадцатилетняя девушка с высокой прической, в парадном платье на фижмах с вытянутым лифом и великолепными длинными манжетами, доходившими почти до середины предплечья. На обоих полотнах стояла дата: 1775. Это были портреты бабушки и дедушки, написанные в Стокгольме сразу же после их свадьбы. Дедушка давно умер, а молодой и очаровательной девушкой с гордым, насмешливым и в то же время столь добродушным выражением лица, с едва заметными ямочками на хорошеньких цветущих щеках и нежным блеском в голубых глазах, была она, теперь девяностолетняя подслеповатая старушка с увядшим лицом, одиноко коротавшая дни в своей комнате. Да, так бабушка выглядела семьдесят лет назад. Она еще помнила счастливые времена ее молодости, когда слышала столько льстивых слов о своей прекрасной наружности, а потому спокойно и невозмутимо, без единой горькой мысли о недолговечности всей земной красоты, говорила внучке:

— Не плачь, малютка Майя; видела бы ты мой портрет!

Однажды утром солнце вынырнуло из моря такое алое и огромное, словно тележное колесо, а день выдался довольно теплым. Антония и Мария взяли свои корзинки и отправились собирать мамуру. В лесу было так прекрасно, так спокойно, а тень от берез и ольхи манила к себе божественной прохладой. Крупные темно-красные ягоды выглядывали из-под густой листвы по краям кочек; — нет, подобных ягод девушки еще никогда не собирали: до того они были спелые, аппетитные и сочные! Чем дальше сестры шли по лесу и благоухающим, еще не скошенным лугам, тем больше попадалось им ягод и тем

быстрее наполнялись их корзинки. Это было необычайно весело, и поэтому девушки продолжали собирать ягоды и после полудня.

— Пора возвращаться домой, — сказала наконец Антония. — Солнце начинает жечь так же горячо, как и печка.

— Подожди еще немного, — попросила Мария. — Мне не хватает лишь пары десятков ягод, чтобы доверху наполнить корзинку.

И девушки отправились дальше, переходя от одной кочки к другой.

— Я здесь никогда не была! — воскликнула Антония. — Видишь ветхую полуразрушенную хижину между деревьями? Она сильно смахивает на замок старого домового. Просто в голове не укладывается, что нечисти до сих пор позволено жить на нашем чудесном острове!

— Хижина уродливая и старая, — ответила Мария, — однако мы не должны насмехаться над ней из-за ее возраста. Бабушка вот тоже морщинистая и старая, но, тем не менее, она такая хорошая, а в молодости и вовсе была красавицей.

— Скажешь тоже, ведь это трухлявый сарай! — засмеялась Антония.

— Ладно, пора возвращаться домой, сегодня моя очередь подавать вечерний чай.

— Легко сказать, но по какой тропе мы пойдем?

— Пойдем по той, что слева.

— Ты ошибаешься, надо идти направо.

— Ведь мы оттуда и пришли!

— Однако прежде мы долгое время сворачивали налево. Знаешь, Мария, похоже, мы заблудились.

— Я тоже так думаю, Антония.

— Что нам теперь делать?

— Пойдем вдоль берега, так мы в конце концов доберемся до Альбано.

— Ну да, аккуратно к завтрашнему дню! Ты разве не знаешь, что остров имеет целую милю в окружности?

— Ах, вот незадача! Да еще и дождь начинается!

— Ого, большая черная туча закрыла солнце! Думаю, сейчас разразится жуткая буря.

— В небе грохочет...

— Какая молния... Антония!

— Капли размером с вишни!

— Наши новые платья!

И девочки бросились бежать со всех ног, не разбирая дороги. Но дождь усиливался, молнии сверкали все ближе; из-за облаков донеслись резкие и звучные раскаты грома, словно по булыжной мостовой во весь опор мчалась тяжелая колесница. Непогода разбушевалась.

— Я дальше не пойду, — сказала промокшая, уставшая и бледная от страха Антония.

— Давай отдохнем здесь, под этой березой, — предложила Мария.

— Нет-нет! Разве ты не знаешь, что молния часто ударяет в высокие деревья?

— Верно! Значит, надо бежать отсюда.

И девушки опять побежали. Но через некоторое время очутились на том же месте. Тут бедняжкам стало не по себе, Антония ухватила за дерево и заявила:

— Дальше я не пойду, даже если молния ударит у самых наших ног!

Мария заплакала. Но в тот же миг грозовая туча ненадолго рассеялась, и девушки заметили недалеко от себя стены старой хижины.

— Бежим, сестра! — крикнула Мария, и менее чем через две минуты обе они оказались в укрытии.

Почему Антония сперва так нелестно отзывалась об этой полуразрушенной постройке? Она и впрямь выглядела довольно грязной, что особенно бросалось в глаза при сравнении с Альбано; однако в непогоду годилась для гостеприимного убежища, в котором, если сторониться углов, где через дырявую крышу дождь проникал внутрь, можно было чувствовать себя безопасно и комфортно.

— Мы устроимся здесь, как жемчужины, — засмеялась Мария, которая всегда довольствовалась малым. — Смотри, домовый ждал гостей. Иначе зачем он набросал свежих листьев на пол и свежего душистого сена на кровати? Теперь сколько угодно может идти дождь и греметь гром: хижина повидала так много ливней на своем веку, что укроет нас и от этого.

— До нас здесь были рыбаки, и, возможно, скоро вернутся, — заметила Антония. — Они оставили сковороду на очаге, а вот голова окуня.

— Ах, было бы у нас хоть немного огня, чтобы высушить одежду!

— Давай посмотрим! В золе остался тлеющий уголек.

— Раздуй огонь, Антония! Дуй! Еще раз! Вот уже разгорается, и щепки отлично горят. Еще несколько кусков старой сухой ольхи, и у нас будет великолепный огонь. Еще кусок древесины... ну, вот; я же говорила, что мы устроимся здесь, как жемчужины.

Пока Мария пыталась ободрить сестру, Антонии удалось развести настоящий огонь. Охваченная пламенем старая ольха потрескивала и сыпала искрами, и вскоре платья девушек почти совсем высохли. Они уже хотели было вновь попытаться отыскать дорогу домой, но дождь лил плотной стеной; в такую погоду не могло быть и речи о том, чтобы блуждать по высокой траве.

Значит, надо ждать, пока не кончится ливень, а всем известно, что когда ждешь — время тянется бесконечно долго. Сестры решили лучше осмотреть хижину: кто знает, что здесь может отыскаться?

Антония обнаружила на старой прокуренной и закопченной стене нежные и вместе с тем нелепые стихи, которые она принялась декламировать с напускной серьезностью. Звучали они так:

Милая дева, как ты сладка!
Участь быть тенью твоей — нелегка.

А ниже какой-то шутник подписал:

Вот бы отвесить тебе тумака!

Другой стих гласил:

И я в Аркадии² бывал,
Но час прощания настал.

*Антония обнаружила на старой прокуренной и закопченной стене
нежные и вместе с тем нелепые стихи...*

— Ах, как нежно и трогательно! — воскликнула Антония. — Но вот послушай еще более чувственный стишок:

Прощай! Если б знать я уверенно мог,
Что вспомнишь того, кто, покорный судьбе,
Каждый свой вздох посвящает тебе,
Беата Софи, каждый вздох!

— Беатой Софи ведь зовут нашу бабушку! — воскликнула Мария.

— Многие носят это имя, — ответила Антония, продолжая разбирать строчки, коими были испещрены стены хижины. Но в конце концов стемнело, больше ничего не удалось прочесть, и сестры вернулись к огню.

— Знаешь что? — вздохнула Мария.

— О чем ты? — спросила Антония.

— Нам придется остаться здесь на ночь. Поскольку дождь и гроза не прекращаются, нам не следует уходить отсюда, рискуя заблудиться в лесу.

— О да! — вздохнула Антония. — Но я так голодна...

— Мне известно, как тебе помочь, — ответила всезнающая Мария. — Я читала в одной книге, что арабы, путешествуя по пустыне, часто довольствуются горсткой вареного риса на ужин.

— Можжевельник или вороника заменят нам рис? — сострила Антония. — Из чего ты собираешься приготовить кушанье?

— Погоди, увидишь! — и Мария достала из кармана горстку рисовых зерен, которые ей нравилось грызть сухими, поскольку она еще не избавилась от некоторых детских привычек. Затем она протерла сковороду, набрала в нее немного дождевой воды и поставила варить рис. Скоро он был готов, и когда девушка добавила туда немного сока мамыры, приобрел отменный вкус.

— Ты всегда что-нибудь придумашь! — заметила Антония.

Потом девушки выбрали самую чистую постель с самым сухим сеном и легли спать, прикрыв перед тем поплотнее дверь.

Антония уснула быстро, а Мария не могла сомкнуть глаз. Она думала о том, как встревожены теперь их судьбой родители; размышляла о старой бабушке, о стихах к Беате Софи и тысяче других вещей, что приходят на ум молоденькой девушке, когда ей никак не удастся заснуть. Мария испробовала все известные ей средства, чтобы привлечь к себе сон: подумала о самом, по ее мнению, скучном на свете — старом нюхавшем табак военном советнике, который всегда норовил поцеловать ей руку своим беззубым ртом; считала до трехсот тридцати трех... Ничего не помогало.

В конце концов девушка повернулась на другой бок. Она уставилась в темный угол напротив. Там поблескивало что-то яркое, как огонек, и все же свечение было блее и бледнее испускаемого пламенем. «Что это? Быть может, туда попала искра от очага?» — подумала она.

Мария встала, чтобы посмотреть, что же это на самом деле. Оказалось, вовсе не пламя, а просто старое, полусгнившее дерево, которое светилось

Прощай! Если б знать я уверенно мог,
Что вспомнишь того, кто, покорный судьбе,
Каждый свой вздох посвящает тебе,
Беата Софи, каждый вздох!

1772

в темноте. Некоторое время девушка любовалась сияньем. Однако тут она заметила неподалеку на стене другую мерцающую точку, правда, свет от нее был еще белее. «Опять гнилушка», — подумала Мария и попыталась ее потрогать. Но нет, она нащупала маленькое колечко, глубоко упрятанное в стенную расщелину. С трудом достав его, девушка, хоть и было темно, поняла, что блестел небольшой бриллиант, вправленный в кольцо. Какая находка! И как Марии действовало на нервы то, что сейчас она не имела возможности получше рассмотреть кольцо! Она надела его на палец и вернулась в постель. На сей раз сон не заставил себя долго ждать.

Тебе ведь наверняка известно об Островах-Пушинках, Фьедерхольме? ³ Так вот, как и все добрые дети, Мария частенько бывала там, и золотистые сновидения порхали на небесно-голубых крыльях вокруг ее постельки. Они взяли ее за руки и перенесли на семьдесят лет назад; там девушка увидела старую бабушку в семнадцать лет, такую же счастливую, приветливую, нежную и прекрасную, как сама Мария.... Она в той же старой хижине, где теперь спит ее внучка. Но что это была за хижина — чистая, новая и нарядная! А подле семнадцатилетней бабушки стоит прекрасный юноша лет двадцати в костюме моряка. Молодые люди чистят ягоды и смотрят друг на друга... Какие ясные, милые глаза! Неужто бабушкины?.. Да-да, они самые, но только семьдесят лет тому назад!.. Теперь красивый светловолосый юноша берет ее руку, целует, выбегает из хижины — и уплывает на корабле в море. О, как рыдает старая бабушка... Я по привычке называю ее старой, а ведь тогда ей было семнадцать лет! О, как она плачет, прелестная, нежная молодая дева! В хижину входят ее братья и сестры с корзинами, полными ягод... Они кольцом окружают старую бабушку — окружают возлюбленную юную сестрицу, они танцуют вокруг нее, желая утешить и развеселить, но она плачет... плачет и смотрит в сторону голубого сверкающего моря, простирающегося далеко на север!

Мария проснулась и огляделась. Исчезла молодая девушка, проливавшая слезы; исчез юноша, исчезла новая нарядная хижина. Дома в Альбано сидела старая бабушка, девяностолетняя и слепая, а Мария лежала в ветхой грязной лачуге, грозившей обрушиться. Ее сердце переполняли странные чувства.

И все же Мария вновь очутилась в дружеских объятиях сновидений, но теперь они перенесли ее на семьдесят лет вперед. Что же она видит! Это остров? Как он переменялся, хотя его и можно узнать! Старой хижины больше нет, она исчезла без следа, не говоря уже о тех, кто жил на земле и знал о ее существовании; лишь Мария, одна-единственная, помнила о ней. На месте хижины и других вилл, да и по всему некогда зеленому острову раскинулись теперь улицы и площади с высокими домами; катятся экипажи, все кишит спешащими людьми; всюду жизнь, шум и движение, город перебрался сюда с его прежнего места на материке и с тех пор увеличился вчетверо, многолюдный и богатый... Ах, но где же дивная мамура, сладкоголосые певчие птицы в уединении лесов? Городской шум спугнул их, им не по нраву изысканные парки, разбитые вдоль берега. Глядь — сидит очень старая женщина, окруженная

своими праправнуками; ее ноги парализованы, она больше не может ходить, ее возят в инвалидном кресле. Старушка тугоуха, она не слышит, однако еще не ослепла, как старая бабушка Марии. Она выглядит такой доброй, такой милой в свои преклонные лета; кто же она? Мария смотрит на нее во сне, вглядывается в ее черты, ласкает старушку, целует ей руку, но не узнает... Тогда чей-то голос шепчет ей на ухо:

— Это же ты, Мария, ты через семьдесят лет!..

Мария вздрагивает во сне, непонятное чувство вновь тревожит ее сердце; она хочет заплакать от переполнившей ее грусти и любви, но не может... Девушка чувствует себя старой-престарой, ведь она — парализованная и глухая девяностолетняя старуха, сидящая в инвалидном кресле... она уносится мыслями в прошлое... далекое прошлое! Перед ней — то самое место, где когда-то стояла старая хижина, а теперь красуется небольшая беседка с розовыми занавесками и вымпелом на крыше. Старушка рассказывает своим праправнукам:

— Можете ли вы поверить, что здесь когда-то стояла старая, полуразрушенная хижина, которая много чего поведала бы о прошлом, умей она говорить? Сто сорок лет назад на этом самом месте моя бабушка простилась со счастливым юношей, который отправился в море и больше не вернулся... А семьдесят лет назад, когда я была молода и невинна, мы с сестрой Антонией заблудились в лесу, ночевали в этой старой хижине, и я нашла там кольцо... Тогда мне было семнадцать лет!..

И молодая девушка, стоявшая ближе всех к юной, прекрасной Марии... нет, о чем это я, ведь Мария — девяностолетняя, морщинистая, парализованная и глухая старуха!.. так вот, молодая девушка удивленно взглянула на сидящую в инвалидном кресле старушку и в простоте душевной воскликнула:

— Неужто и бабушке когда-то было семнадцать лет!

Снова что-то давило сердце Марии. Она увидела, как туман спустился на беседку с розовыми занавесками и вымпелом на крыше, туман же окутал все остальное, включая старушку в инвалидном кресле и галдевших вокруг нее детей... Мария тотчас проснулась и ощутила горячие слезы, струившиеся по ее щекам. Она вскочила в страшном испуге... Может, она и в самом деле такая старая, морщинистая и безобразная, какой увидела себя в инвалидном кресле? Ах, нет, она столь же юна, легка и подвижна, как и прежде; ее щеки — милые, теплые, пухлые и румяные. Мария посмотрела на свои руки — по-прежнему белые и нежные! Да, ей только семнадцать лет, и то, что она увидела и что так необычайно растрогало ее сердце и вызвало слезы, было всего лишь сном!

Неужели все это сон?

Да, ведь теперь сквозь разбитые стекла старой, грязной хижины радостно светило солнце; гроза и ливень закончились, и в окна струились сладостные ароматы зелени.

Мария провела ладонью по лбу.

— Это был сон, — тихонько сказала она себе, — но какой сон!

Антония еще спала. Мария разбудила ее поцелуем, затем сестры подоткнули подола своих платьев, поскольку трава была довольно мокрой, и простились с хижинкой. Но не успели уйти далеко, как увидели у берега лодку, в которой сидел их обеспокоенный отец, отправившийся на поиски. Менее часа потребовалось им, чтобы вновь очутиться в Альбано.

Антонии было о чем рассказать, когда она вернулась домой: о грозе, о грязной старой хижине, о нелепых стихах, прочитанных с ее стен. Мария же тотчас направилась к старой бабушке, обняла ее, покрывала поцелуями бабушкины иссохшие руки и осыпала ее всевозможными ласками. Она не могла забыть своего сна и постоянно твердила себе: «Бабушка была такой, как я, а я стану такой, как бабушка!» Потом девушка вспомнила о прекрасном моряке, который сгинул в море, и подумала о... я не хочу говорить его имени, а еще о том, как замечательно было бы спустя семьдесят лет мысленно вернуться к нему и всем этим чудесным дням молодости, которые она проводила теперь в радости. Тут на глаза Марии вновь навернулись слезы; они ведь всегда были наготове, независимо от того, грустила их хозяйка или ее переполняло счастье.

— Представляешь, бабушка, — молвила она, — я побывала в старой хижине! На ее стене было написано твое имя, и всю ночь мне снились о тебе удивительные вещи.

Но старушка, казалось, не слушала ее; она лишь держала руку Марии в своей и сосредоточенно ощупывала бриллиантовое колечко на безымянном пальце.

— Кольцо... кольцо!.. — шептала она дрожащим голосом. — Где ты взяла кольцо?

— Я нашла его в старой хижине, глубоко спрятанным в стенную расщелину.

— Это оно, то самое! — воскликнула старушка. Наклонившись, она поцеловала кольцо и надела его на свой сморщенный палец.

— Спасибо тебе, малютка Майя; это то самое, да-да, то самое! Я искала его вчера, искала целый день и не смогла найти. Но теперь оно у меня.

— Вчера, бабушка? Ты искала его вчера?

— А разве это было не вчера? Да, ты права, это было несколько недель назад, тогда, когда *он* покинул меня.

— Молодой красивый моряк в синей форме?

— Да, он самый. Откуда ты его знаешь?

— Это тот, который чистил с тобой ягоды в старой хижине, а потом ушел в море?

— Именно... Тебе вряд ли известно, что мы были очень привязаны друг к другу. С малых лет мы привыкли держаться вместе; он был всего на три года старше меня. Я любила его, как брата, но он испытывал ко мне нечто большее, чем братская любовь. Прощаясь со мной несколько недель назад, он сказал: «Беата Софи, ты не питаешь ко мне тех же чувств, что я питаю к тебе;

я уезжаю, и, может статься, никогда не вернусь. Но в этой хижине я спрятал кольцо, которое ты видела накануне; найди его, оно принадлежит тебе! Если кольцо вновь окажется на твоей руке, это будет знаком, что я скоро к тебе вернусь, а не найдешь — мы больше никогда не увидимся».

— И ты искала кольцо?

— Еще бы я его не искала! День и ночь, ночь и день, но безуспешно. Я искала лето за летом, однако он так и не вернулся. Скажи мне, малютка Майя, давно он уехал? Несколько месяцев назад?

— Ах, бабушка... прошло уже семьдесят лет!

— Семьдесят лет!.. Ты права, дитя мое, я не подумала об этом. Тот день кажется мне вчерашним; все, что было потом, пронеслось мимо меня, словно бурный поток, а я оставалась совсем одна на берегу. Скажи-ка, что там выгравировано на внутренней стороне кольца?

— «1772. Я приду к тебе!».

— Он придет ко мне! Да, теперь я уверена, что встречу с ним, только не он придет ко мне, а я отправлюсь к нему. Он ждет меня в царстве света, где нет места разлукам. Скоро и я попаду туда. Там-то он ко мне и придет!..

— Нет, бабушка, не надо нас покидать!

— Не горюй, малютка Майя! Самый долгий день не обходится без вечера, точно так же, как и короткий. Но неважно, короток день или долог, лишь бы каждый час приближал нас к Царству Божьему. Тогда встретишь вечер с радостью и сможешь спокойно почить, а вечное утро блаженно взойдет над ночным мраком прошлого.

* * *

Старая бабушка говорила это с поистине неземной уверенностью, свойственной лишь тому, кто много чего испытал и все же сохранил свою веру до конца. Когда настало следующее лето, на ее могиле уже зеленела нежная молоденькая травка. Однако Антония и Мария вновь приехали со своими родителями на остров; как и год назад, случилось это в августе.

— Пойдем, сестра, посмотрим, цела ли еще старая хижина! — предложила Мария.

— С удовольствием, — согласилась Антония, — только постараемся на этот раз не заблудиться.

И они отправились в путь.

Когда девушки приблизились к живописному холму неподалеку от моря, то увидели, что старой хижины больше нет. Она не устояла под натиском ноябрьских бурь прошедшей осени, часть бревен уже была растащена; остались

лишь самые гнилые, да еще внушительный очаг из гранитных глыб, на котором сестры когда-то варили рис. Правда, над руинами по-прежнему танцевали комары, а заходящее солнце золотило своими нежными лучами воспоминания о бывших обитателях этого места.

— Что я вижу! — воскликнула Антония. — У домового больше нет крыши над головой, его замок разрушен, и теперь он может запросто перебраться в Альбано!

Мария не слушала сестру. Она смотрела на развалины хижины. Солнце окутывало их своим сиянием, словно покрывалом надежды, и девушка тихонько сказала себе:

— Через семьдесят лет здесь будет огромный город с кораблями в порту и фабриками. А на этом самом месте — маленькая беседка с розовыми занавесками, увенчанная вымпелом. Тогда уже никто не будет знать о старой хижине, служившей приютом добрым, счастливым людям... Лишь дряхлая старушка будет помнить о ней...

— Иди сюда, Мария! — позвала Антония. — Здесь растет самая роскошная, самая красная, самая редкостная мамура. Смотри, как сверкают ягоды! Понюхай, как они пахнут! Ах, я не знаю ничего чудесней на свете, чем по-настоящему крупная, спелая, темно-красная мамура. Ты со мной согласна?

— Да-да, конечно. Давай скорее собирать! — засмеялась Мария. И в этом жизнерадостном, милом, невинном смехе растворились и прошлое, и будущее.

КНУТ ДУДАРЬ

Кнут был бедный мальчик-сирота и жил со своей бабушкой в маленькой лачужке около Жемчужной отмели. Всего-то и было у него, что рубашка, курточка, пара штанишек и шапка, летом ему этого было вполне достаточно. Зимой же надевал он еще шерстяные чулки да башмаки из бересты, а это не малость! Несмотря на то, он всегда был весел и бодр, но и всегда голоден. А ведь это редко бывает, чтобы кто-нибудь в одно и то же время мог быть и голодным, и веселым.

На его несчастье, у бабушки редко бывало столько кушанья, чтобы она могла досыта накормить мальчика. Она пряла шерсть, а Кнут бегал продавать ее в Осу¹, большую усадьбу господина Петермана, которая находилась в миле от них. Когда Кнут возвращался домой с деньгами, старушка тотчас покупала ржаную муку и пекла хлеб. Был у нее и вентерь¹, так что иногда можно было и порыбачить, в особенности когда сыновья Юнаса-рыбака помогали Кнуту ставить сеть. А коли удавалось выручить побольше денег за шерсть, то можно было полакомиться и простоквашей. Небольшой же огородик, величиною с пол в их горнице, приносил им картошку. Правда, такое богатство перепадало на их долю далеко не всегда; маленькому желудку Кнута частенько приходилось голодать, но сам он все-таки всегда был одинаково весел.

Однажды утром сидел он возле Жемчужной отмели и собирал желтые камушки, которые походили на мягкий, теплый вареный картофель. Бедный Кнут, ведь их нельзя было кушать, — и он со смехом бросал их в воду. Неожиданно мальчик что-то приметил между береговыми камнями. Оказалось, что это маленькая тростниковая дудочка, какую дети, живущие на побережье, вырезают для своей забавы. В дудочке не было ничего особенного, но Кнут захотел послушать, будет ли она дудеть. И вправду, она издавала три звука: «Пу-ю», «пю-ю» и «пи-и». Натешившись вволю, Кнут сунул находку в карман курточки.

Похоже, день выдался голодный: мальчику с утра не пришлось ничего поесть.

«Эх, сидеть бы мне сейчас на кухне господина Петермана в Осе!» — подумал он, воображая, что вдыхает запах жареной салаки.

¹ Вершина (швед.) — Здесь и далее примеч. Д. Кобозева, если не указано иное.

Что-то надо было делать. Усевшись на камень близ самого берега, он принялся удить рыбу. Но рыба совсем не клевала. После вчерашней бури море было спокойно, солнце сияло, и только время от времени волны тихо разливались у берега.

«Хотел бы я знать, что у бабушки нынче на обед?» — подумал Кнут.

В этот момент к берегу подкатила такая высокая волна, что замочила босые ноги мальчика, послышалось легкое журчание, и чей-то голос произнес:

— Кнут, не нашел ли ты волшебную дудочку морской принцессы? На ней можно играть три звука: «пу-ю» — чтобы спать, «пю-ю» — чтоб рыдать и «пи-и» — чтоб хохотать.

— Это еще что? — спросил Кнут. — Неужто дудочка — волшебная? Убирайся прочь, волна! Дудочку нашел я и оставляю ее себе!

Волна что-то прожурчала в ответ, но что именно — нельзя было расслышать, откатилась назад и больше не возвращалась. Кнут вынул из кармана дудочку и стал ее рассматривать.

— Вот как! Стало быть, ты умеешь колдовать? А ну-ка, приколдуй мне рыбку на крючок!

И с этими словами он заиграл на дудочке: «Пу-ю, пу-ю, пу-ю».

Недолго пришлось ему дудеть, как на поверхности воды показалась сначала уклейка, затем плотва и, наконец, щука, — и все лежало на боку, словно в глубоком сне.

«Теперь-то у нас будет много свежей рыбы!» — подумал Кнут, продолжая наигрывать на дудочке. Через некоторое время вся поверхность воды у берега была усеяна плывущими на боку спящими рыбами: колюшки, уклейки, плотва, окуни, лещи, язи, судаки, сиги, лососи и вся прочая быстroxвостая мелюзга, какая только водится в море.

«Здесь будет отличный лов!» — подумал Кнут и побежал домой за сачком для рыбной ловли.

Когда он вернулся, весь берег был заполонен морскими птицами. Самые ненасытные и жадные — чайки — кричали:

— Хватай! Хватай!

Они кричали так громко, что голоса их слышались на полмили вокруг. Но в их компании было еще немало и других птиц: утки, крохали длинноносые, гоголи, дикие гуси и даже лебеди. Все эти жаждущие легкой добычи незваные гости были заняты тем, что поспешно глотали плавающих рыб, а в самую середину их опустился орел, державший в когтях лосося не меньше полфунта весом.

— Ну, погодите, воры вы такие! — закричал Кнут и, собирая камни, стал бросать ими в птиц. Некоторым он попадал в крыло, другим — в лапку, но ни одна из них не хотела выпускать своей добычи. Вдруг из близлежащего пролива раздался выстрел, потом другой, третий. Некоторые из птиц, сраженные пулями, теперь также плыли на боку, как и рыбы. Выстрелы продолжали раздаваться до тех пор, пока вся дичь не была частью перебитая, а частью с криком рассеялась во все стороны.

Лодка с тремя охотниками приблизилась к берегу, чтобы подобрать добычу. Там сидели господин Петерман с двумя друзьями — охотниками на птиц. В добром расположении духа высадились они на берег.

— Гляньте-ка, Кнут! — сказал господин Петерман. — Каким чудом тебе удалось собрать так много птиц у Жемчужной отмели?

— Я играл рыбам на дудочке, а птицы вздумали присоседиться к ним! — находчиво ответил Кнут.

— Ну, так ведь ты после этого очень ловкий музыкант, — сказал господин Петерман. — С этих пор ты будешь зваться Кнутом Дударем.

— Пожалуй, по мне все равно! — согласился Кнут.

Прежде у него вообще никакого прозвища не было, и ему все едино было как зваться — Дударем или же Андерссоном, Сёдерлундом, Матссоном...

— Но послушай, Кнут Дударь, что с тобою сегодня? Ты совсем исхудал! — сказал господин Петерман.

— Отчего же мне и толстеть, когда я видел столько кушанья, а между тем не ел со вчерашнего дня? — ответил, по своему обыкновению весело, Кнут.

— Вот как! Приходи же тогда сегодня ко мне в усадьбу на обед, потому что благодаря тебе мы настреляли столько дичи! Но только к четырем часам пополудни; раньше нам птиц не ощипать и не зажарить.

— Благодарю покорно, — ответил Кнут, а про себя подумал: «Пожалуй, позновато для того, кто со вчерашнего дня ничего не ел!»

Господин Петерман уплыл с друзьями прочь, а Кнут пошел домой к бабушке.

— Ну, Кнут, много ли ты рыбы наловил сегодня? — спросила старушка.

— Наловить-то я ничего не наловил, а видеть — много видел; но птицы склевали ее, а птиц подстрелил господин Петерман.

— Жаль, Кнут, что ты ничего не наловил. У нас к обеду будут всего только две салаки, четыре картофелины и пол-ломтя ржаного хлеба.

— Невелика беда, бабушка! Кушайте вы, я же приглашен на обед к господину Петерману и принесу вам оттуда в кармане ломтик сыру.

— Не ходи ты только прямой дорогой через Киикальский лес, Кнут. Там обитают эльфы и три волшебных короля — Горный, Снежный и Лесной. Ступай лучше в обход вдоль берега, — это безопаснее, но берегись морской девы!

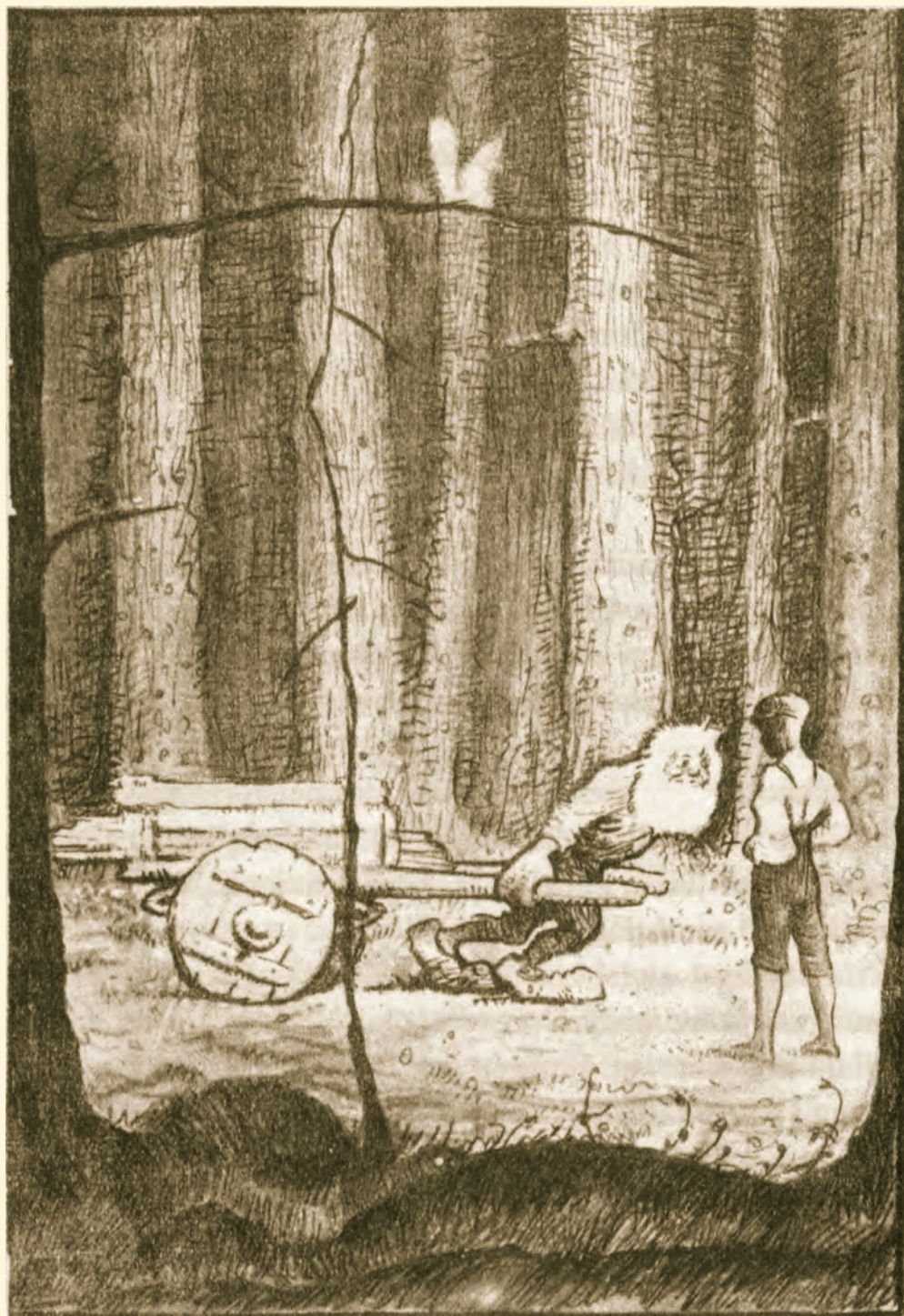
— Берегом идти больно далеко, бабушка, а я со вчерашнего дня ничего не ел!

— Ну, так ступай тогда как хочешь, да только не думай о кушанье: не вводи себя в искушение.

— Хорошо, бабушка, я буду думать о будущем уроке у пастора.

Кнут шел, мысленно повторяя предстоящий урок; но когда поравнялся с окольной дорогой, решил: «Ясное дело, я же не дурак, чтобы на пустой желудок вместо одной милой — две топать». И вот свернул он с прибрежной тропы на лесную и надумал, идя через лес, всю дорогу твердить предстоявший ему урок из Катехизиса². Но не успел он пройти и сотни шагов, как увидал

Но не успел он пройти и сотни шагов, как увидел маленького худощавого старичка, который вез на тележке двенадцать железных полос.

маленького худощавого старичка, который вез на тележке двенадцать железных полос.

— А, здравствуй, Кнут Дударь! — молвил старик. — Что с тобою сегодня? Ты совсем исхудал!

— Как же мне не исхудать, когда я со вчерашнего обеда, кроме Катехизиса, ничего не ел? Но кто сказал вам мое новое имя?

— Я знаю все имена, — ответил старик.

— Не помочь ли вам везти? Вы совсем запыхались.

— Помоги, если хочешь, Дударь.

Кнут стал подталкивать тележку сзади, и вскоре они добрались до высокой горы в лесу.

— Я живу здесь, — сказал старичок. — Входи, я угощу тебя превкусным блюдом за твою услугу.

Старик вошел в гору, а пустой желудок Кнута подсказывал ему: «Ступай за ним!» — и Кнут послушался. Скоро они очутились в огромном подземном дворце, где все блестело золотом, серебром и драгоценными камнями.

— Вы здесь живете? — удивился Кнут.

— Разумеется, — ответил старичок. — Ведь я — Горный король и завтра праздную свадьбу дочери. Весь мой народец так занят приготовлениями к завтрашнему дню, что я вынужден был сам привезти себе обед из кладовой.

— Не железо ли, которое лежит на тележке? — спросил Кнут.

— Полосовое, мой мальчик, полосовое, и к тому же самого лучшего сорта. Оно гораздо вкуснее простой железной руды. Это самое любимое мое блюдо, особенно если оно накалено добела. Ел ли ты когда-нибудь полосовое железо?

— Насколько я помню, нет, — запинаясь, ответил Кнут.

— Ну, так я тебя попотчую кое-чем особенным. Гляди, сейчас я кладу в пылающую печь две полосы. Через три минуты они будут накалены добела; полезай тогда в печь и откуси поджаренный кусок, пока он горяч!

— Благодарю покорно; дайте мне лучше кусок хлеба с маслом да горшок свежей простокваши.

— Посмотрите-ка на него! Он совсем не понимает, что вкусно! Полезай, говорят тебе, живей в печь — железо уже накалилось!

— Еще бы! Даже слишком! Нет уж, никуда я не полезу!

— Что за вздор! Ведь там обыкновенная комнатная температура, — проворчал старик и хотел силой запихнуть Кнута в пылающую печь.

Но не тут-то было. Тем, кто не заставил себя ждать, и был как раз Кнут. Он помчался со всех ног, и ему посчастливилось найти выход из дворца. Вскоре он вновь очутился на лесной дороге.

«Бабушка была права, — подумал Кнут. — Лучше повторю урок из Катехизиса».

Отвечая себе мысленно на трудные вопросы: «Что сие значит?» — Кнут начал вдруг зябнуть. А вскоре стало ясно, отчего ему так холодно. Перед ним в самый разгар лета возвышалась снежная гора.

«Вот так чудеса! — подумал Кнут. — Где бы раздобыть хоть немного горячей еды?»

С этими мыслями о еде ступил он на снег и вдруг, провалившись в глубокую яму, очутился в чудеснейшем дворце из сверкающего льда. Там сияли звезды и светил месяц, все залы были украшены зеркалами из прозрачного льда, а полы посыпаны бриллиантовой изморозью. Неуклюжие снежные чучела перекатывались по залам, лежа на животе. На ногах стоял лишь прямой, как статуя, высоченный застывший великан с ледяными сосульками в бороде и волосах, в ледяном халате и сапогах из замороженного ягодного сока.

— А, здравствуй, Кнут Дударь! — молвил великан. — Что с тобою сегодня? Ты совсем исхудал!

— Как же мне не исхудать, когда я со вчерашнего обеда ничего не ел, кроме каленого железа? — отвечал Кнут, стуча зубами от холода.

— Больно ты горяч, молодой человек, больно горяч! — воскликнул великан. — Я — Снежный король и учу уму-разуму всех своих подданных, превращая их в глыбы льда; хочу и тебя превратить в ледяную глыбу. Эй, обер-снежное чучело, окуни-ка мальчишку семь раз в ледяную воду, а потом повесь его на сучок, чтобы он хорошенько промерз!

— Нет, погоди немного, — попросил Кнут. — Угости меня лучше кружкой подогретого пива с молоком, ведь я уж и так сплошная ледяная глыба!

— Обер-снежное чучело, угости его куском замерзшего ртутного серебра да кружкой лихорадки с ознобом, прежде чем окунать в ледяную воду! — приказал великан.

Кнут хотел было снова дать тягу, но было уже слишком поздно. Обер-снежное чучело схватил его за шиворот, и тут Кнуту настал бы конец, не ухитрись он вытащить тростниковую дудочку. Другого средства спастись, кроме как подудеть в дудочку, Кнут не знал. И на этот раз она весело заиграла: «Пи-и, пи-и, пи-и». При этих звуках лицо великана тотчас скривилось в усмешку, которая на самом деле означала злость за то непреодолимое желание смеяться, которое так неожиданно овладело им. Он так неудержимо хохотал, так покатывался со смеху, что с головы и бороды у него стали отваливаться ледяные сосульки, колени подкосились и, наконец, с плеч свалилась голова и раскололась на куски. Все снежные чучела также рассыпались на кусочки, а обер-снежное чучело, расхохотавшись, растянулось на полу и превратилось в лужу; ледяные зеркала треснули и, превратившись в мелкие крошки льда, рассыпались вдребезги, а вся снежная гора обернулась ужасной метелью.

Сам Кнут с величайшим трудом удерживался от смеха и, сжав губы, продолжал дудеть. Среди этой метели он вдруг заметил, что снова идет по лесной дороге; снег стекал в виде широких быстрых ручьев, и скоро опять настало жаркое лето.

«Ну, теперь я поостерегусь», — подумал Кнут и стал бодро шагать вперед, мысленно отвечая себе на «что сие значит?».

Но не прошел он и нескольких шагов, как очутился среди гор рядом с чудеснейшим холмом, поросшим зеленой травой, где блестело бесчисленное множество красной спелой земляники.

«Кажется, не беда поесть немного земляники; ведь обедать придется не раньше четырех часов», — подумал Кнут, взбираясь на Лесной холм. Только он поднялся наверх, как заметил, что красные ягоды земляники были не чем иным, как многими тысячами крохотных прелестных эльфов в красных платьицах. Величиною они были не больше стебелька земляники и весело танцевали вокруг одной зеленой кочки, на которой сидела их королева ростом в три дюйма.

— А, здравствуй Кнут Дударь! — молвила королева эльфов. — Что с тобою сегодня? Ты совсем исхудал!

— Как же мне не исхудать, когда я со вчерашнего обеда не ел ничего, кроме каленого железа и замерзшего ртутного серебра? Я-то думал, что вы все — ягодки земляники.

— Бедный мальчик, он голоден! — сказала королева эльфов своей камеристке³. — Дай ему ножку комара и маковую росинку, чтоб он хоть раз в жизни наелся досыта.

— Благодарю покорно, — ответил Кнут. — Нельзя ли мне лучше съесть настоящую спелую земляничку и выпить ведро молока?

— Вот так обжора! — гневно воскликнула королева эльфов, крайне возмущенная столь неумеренным аппетитом. — А ведомо ли тебе, дитя человеческое, что ты явился без паспорта в мое королевство, затоптал насмерть тридцать три моих верных подданных, да так, что ничего, кроме красного пятнышка, от них не осталось! Эй, лесные пауки, исполняйте вашу обязанность!

Едва она успела вымолвить эти слова, как целый легион лесных длинноногих пауков, цепляясь за ветки, спустился с деревьев и стал опутывать Кнута бесчисленным множеством тонких паутинок. Эта глупая шутка не понравилась мальчику; он разорвал паутину и хотел было воротиться на лесную дорогу, но не мог тронуться с места. Оказалось, что его ноги опутывались все больше и больше, его руки прилипли к курточке, глаза ему залепила густая паутиновая сетка, и наконец он упал на траву.

Он ничего не мог видеть, но слышал, как весь Лесной холм смеялся, как эльфы танцевали вокруг него, как они прыгали по нему, щипали его, жали в щеки, словно комары, и были вне себя от веселья, радуясь своим уморительным забавам.

— Теперь лежи здесь и голодай до тех пор, пока не насытишься маковой росинкой и комариной ножкой! — говорили они.

— Послушайте, малытки-эльфы, — взмолился Кнут, — я могу довольствоваться маленьким кусочком тростника, что ношу в кармане курточки. Не будет ли кто-нибудь из вас так добр сунуть его мне в рот?

Эльфы очень обрадовались случаю увидеть, как ненасытное дитя человеческое станет есть тростник. Четверо из них полезли к нему в карман, сообщая вытащили волшебную дудочку и с большим трудом вложили ее ему в рот, а потом начали так весело танцевать вокруг него и прыгать по нему, что весь Лесной холм огласился их звонким смехом, который походил на шум миллион комариных роев.

Кнут не очень уверенно ощущал дудочку между губами, пока не начал дуть в нее. На сей раз дудочка заиграла: «Пю-ю, пю-ю, пю-ю». Сперва на Лесном холме замер веселый смех, а потом он услышал, как со всех сторон сотни тысяч эльфов заплакали навзрыд; плач этот походил на проливной дождик, и хотя Кнут ничего не мог видеть, он все-таки понял, что эльфы плачут; наконец ему стало жалко, что такие веселые существа заливались так горько слезами.

— Освободите меня, и вы опять будете смеяться, — пообещал Кнут эльфам.

Известно, что эльфы очень любят смеяться и летними вечерами просмеивают всю свою короткую жизнь напролет. Тотчас же сотни эльфов принялись гнать пауков, освобождать пленника, распутывать его руки и ноги и срывать паутину с его глаз. Кнут смог теперь увидеть своих крошечных врагов и нарочно еще раз продудел: «Пю-ю, пю-ю, пю-ю». О, как эти бедные малютки опять заgrimасничали и залились слезами! Им так хотелось смеяться, а между тем они должны были плакать от этого ужасного «пю-ю»! У Кнута не хватило сил мучить их дольше, и вот он заиграл: «Пи-и, пи-и, пи-и». При этом звуке эльфы чуть не сошли с ума от радости. Они так высоко подпрыгивали, что едва не превзошли жаворонков в небе, а некоторые падали прямо на Кнута, так что ему приходилось стряхивать их на землю. Он даже не заметил, как одна эльфа свалилась прямо в карман его курточки, да там и осталась.

— Прощайте, малютки-эльфы! — крикнул им Кнут и бодро зашагал по лесной дороге.

«Мне надо остерегаться Лесного короля, — подумал Кнут, — говорят, что он хуже всех. Дай-ка я повторю мой урок: „Что сие значит?“»

Вскоре Кнут поравнялся с болотистым местом, поросшим мхом, которое было сплошь усеяно спелой морошкой.

«Мне кажется, невелика беда, если я по пути полакомлюсь морошкой; ведь обедать придется только в четыре часа», — подумал Кнут. Но чтобы добраться до морошки, ему надо было перелезть через очень большую и толстую ель, которая лежала поперек дороги. Однако едва очутился он среди ее густых и пышных ветвей, как ель, к неописуемому ужасу Кнута, поднялась и грубым голосом закричала:

— А, здравствуй, Кнут Дударь! Что с тобою сегодня? Ведь ты страшно исхудал!

Кнут так и остался висеть высоко над землей на верхушке ели, но, несмотря на то, приободрился и весело ответил:

— Как же мне было не исхудать, когда я со вчерашнего обеда ничего не ел, кроме каленого железа, замерзшего ртутного серебра, маковой росинки и ко-мариной ножки?

— Ну, так зачем же ты помешал моему послеобеденному сну? — спросил лесной великан. — Разве ты не знаешь, что я — Лесной король и повелеваю всем окружающим лесом на расстоянии семи миль? Вот тут мой дворец; не правда ли, я хорошо живу?

Кнут посмотрел по сторонам, но не увидел ничего, кроме дикого непроходимого леса, а затем приветливо попросил позволения спуститься вниз, чтобы собрать себе немного морошки.

— Что такое? Морошки? — зарычал Лесной король. — Возьми себе добрую сосну вместо ложки да проглоти воез семь мху. Это я называю сытным кушаньем, и это мое любимое блюдо!

— А может, вы лучше соблаговолите попотчевать меня воезом яблочного киселя да большой ямой меда диких пчел? — уклончиво спросил Кнут.

— Яблочного киселя? Да я из тебя самого яблочный кисель сделаю за то, что ты осмелился потревожить мой послеобеденный сон! Эй, королевский орел! Жалую тебе мальчишку! Изруби его на гуляш для своих птенцов!

Только теперь Кнут заметил на самой верхушке ели огромного орла, который глядел на него своими хищными глазами. Спрыгнуть на землю Кнут не мог: сучья ели вцепились в его руки и ноги, и потому в скором времени он должен был превратиться в гуляш. Кнут никогда в жизни не пробовал гуляш, но все-таки, как он ни любил покушать, ему казалось очень неприятным самому сделаться кушаньем для орла с орлятами.

В эту опасную минуту мальчик почувствовал, как что-то нежное, словно цветок, карабкается вверх по его руке, по воротнику куртки, по подбородку, к самому рту. Оказалось, это была маленькая эльфа, застрявшая в его кармане, которая теперь с невероятным трудом тащила волшебную дудочку, что была в шесть раз длиннее ее самой.

— Играй! — приказала эльфа.

Как только Кнут почувствовал дудочку во рту, он начал дудеть. Теперь уж он заиграл: «Пу-ю, пу-ю, пу-ю». Громадная ель тотчас же начала зевать и потягиваться всеми своими ветвями, а затем пробормотала что-то о потревоженном послеобеденном сне и с высоты своего роста рухнула на землю, раздавив

во время падения огромного орла. По всему лесу раздавался такой богатырский храп, что казалось, будто сотня медведей ворчит один громче другого, а Кнут поспешно выкарабкался из-под сучьев и со всех ног пустился бежать.

«Теперь я буду осторожен, — подумал Кнут. — Здесь в лесу и вправду опасно; лучше я ворочусь и пойду в обход вдоль берега».

Вскоре он перебрался через упавшие спящие деревья, добежал до какой-то изгороди и, перепрыгнув через нее, очутился на дороге, которая шла вдоль берега. Перед ним простирались широкие открытые морские просторы. Дул западный ветер, но не суровый и буйный, что обыкновенно бывает на море, а легкий свежий бриз, от которого лодка словно пляшет по волнам и какой любят моряки. И до чего ж прекрасными показались ему эти маленькие волны с их круглыми гребнями и веселыми прыжками, когда они гнались вдогонку друг за другом! Волны были бы похожи на маленьких резвых детей, плескавшихся в корыте, не будь они одеты в зеленые курточки и в платица цвета морской воды с каймой из белых кружев.

Кнут сел у берега на скалу, чтобы немного отдохнуть, и стал любоваться игрою волн. Он любил их с самых малых лет, и весьма понятно — ведь он вырос вместе с ними у самого берега. После купанья в волнах самым любимым удовольствием Кнута было любоваться их веселой игрой. Если бы только он не был так страшно голоден!

«Будь у меня теперь все те плоские камушки, которые я давеча покидал в море, и будь все они настоящими бутербродами, боже, как бы я стал их упивать!» — подумал Кнут.

В это время одна волна подкатила так высоко к скале, что замочила его бо-
сые ноги; из пены морской показалось белое плечо, и сейчас же рядом с мальчиком очутилась маленькая хорошенькая девочка. На ней было светло-зеленое одеяние и серебряный браслет, а в длинных золотисто-желтых волосах — золотой гребень и венок из белых кувшинок.

— А, здравствуй, Кнут Дударь! — молвила она голосом, похожим на весеннее журчание ручейка. — Что с тобою сегодня? Ты совсем исхудал!

Кнут с удивлением посмотрел на нее и ответил:

— Как же мне было не исхудать, когда я со вчерашнего дня ничего не ел, кроме каленого железа, замерзшего ртутного серебра, маковой росинки, ко-
мавиной ножки и семи возов мху!

— Бедный мальчик! — с сожалением сказала малышка, расправляя своей нежной рукой его волосы. — Пойдем ко мне, я тебя досыта накормлю мор-
скою пеной и жемчугом!

— Благодарю покорно, — ответил Кнут, — я охотнее съел бы блюдо зажа-
ренной камбалы да штук пятнадцать бутербродов с налимьей икрой!

Девочка рассмеялась.

— А ты ел когда-нибудь снежный кисель с сахаром? Послушай, я — лю-
бимейшая камеристка Унды Марины, а Унда Марина — принцесса, ненагляд-
ное дитя Морского короля⁴. Она — та, что обитает далеко-далеко в море,

в коралловом замке и, играя в волнах, оставляет свои чудесные следы на песке. Вчера мы играли в горелки на берегу Жемчужной отмели, и наша принцесса потеряла там свою волшебную дудочку. Одна волна поведала нам, что ты нашел ее. Если ты пойдешь со мной и отдашь принцессе дудочку, то получишь в награду целую гору драгоценного жемчуга.

— Нет, благодарю покорно, — ответил Кнут, — я приглашен на обед в усадьбу Оса и со вчерашнего дня ничего не ел!

— Скажи-ка мне, как ты думаешь, ведь я красива? — спросила морская дева, взяв его за руки и глядя на него своими голубыми мерцающими глазами. — Не хочешь ли поцеловать меня в розовые уста?

— Правда, ты недурна, — ответил Кнут, — но я охотнее поцеловал бы хорошее жаркое.

— Послушайте только, что он говорит! — звонко засмеялась девочка. — Скажу тебе еще кое-что, Кнут Дударь: если ты пойдешь со мной и отдашь дудочку, то станешь моим милым женихом, а я — твоей милой невестой, и будем мы жить тысячи лет в шелку да в жемчуге!

— Ну вот, чего-чего только не приходится услышать! — воскликнул Кнут. — Я со вчерашнего дня ничего не ел и приглашен сегодня на обед в Осу, и теперь пойду туда. Прощай, барышня-плескунья!

— Ты хвастаешь, нет у тебя никакой дудочки! — лукаво сказала морская дева.

— Как это нет? — воскликнул Кнут и вытащил дудочку из кармана. В ту же минуту он почувствовал, как большая волна окатила его с ног до головы, и он во всю длину растянулся на скале. Очнулся Кнут, когда солнце стояло уже на западе, так что теперь наверняка был полдень.

Кнут протер глаза и с удивлением осмотрелся по сторонам. Неподалеку темнел Киикальский лес с его волшебными королями и королевами, где он пережил столько приключений и где ему предлагали такие странные кушанья. Тут, перед ним, расстиралось необозримое море, волны которого катились к берегу и обдавали место, где он лежал, своими брызгами. Но куда подевалась камеристка Унды Марины? Она исчезла, ее унесло волной. А где же волшебная дудочка и маленькая эльфа, застрявшая в его кармане и спасшая его из когтей королевского орла? Рядом с мальчиком на скале лежал старый сломанный кусочек тростника, но он не издавал ни единого звука, а в кармане курточки Кнут ощутил маленькое мокрое пятнышко, но обрызгала ли это место волна или это были остатки раздавленной им во сне маленькой эльфы — никто не мог сказать ему. Кнут начал подозревать, что лег спать на солнцепеке и все эти глупости ему приснились.

— Да ведь я же приглашен на обед в Осу! — внезапно воскликнул он.

В одно мгновение Кнут уже был на ногах и пустился во всю прыть бежать самой близкой дорогой, какую только знал, напрямик через лесную чащу. Это было не совсем легко: кусты можжевельника рвали его штаны, ветви срубленных елей цеплялись за его курточку, а засохшие кустики черники и вереска кололи его босые ноги. Но Кнуту надо было мчаться все вперед и вперед, и он все-таки, усталый, голодный, явился, запыхавшись, в усадьбу Оса ровно в четыре часа пополудни.

— Добро пожаловать, Кнут Дударь! — приветствовал его господин Петерман. — Сейчас ты выглядишь довольным и веселым!

— Как же мне не быть веселым и довольным, когда меня угощали каленым железом, замерзшим ртутным серебром, маковой росинкой, комариной ножкой, семью возами мху, блюдом морской пены и целой горой жемчуга?! — возразил Кнут.

— Ого, это уже слишком много блюд для одного дня! — засмеялся господин Петерман. — Нехорошо всегда так много думать о еде. Думая постоянно только о том, как бы набить себе желудок, можно легко наткнуться на какое-нибудь бесовское наваждение, которое будет только издеваться над человеком. Не голоден ли ты, мой мальчик?

Кнут, застенчиво мигая, комкал в руках свою шапку, но ответил, что пока еще не умер с голода.

— Ну, это меня радует, — сказал господин Петерман. — Я поздно позавтракал, а прислуга еще не успела изжарить птиц. Подожди уж до восьми часов; тогда заодно и поужинаешь.

«Это похуже каленого железа и семи возов мху», — подумал Кнут, но все-таки ответил:

— Что ж, я могу и подождать! Пожалуй, буду пока думать о Катехизисе.

Господин Петерман, как видно, хотел подшутить над ним. Он и сам был некогда бедным мальчиком и хорошо знал, что значит, умирая с голоду, ждать еще четыре часа.

— Слушай, Кнут Дударь, — сказал он, — я теперь вижу, что ты можешь думать и о чем-нибудь другом, а не только об одной еде. Знаешь ли ты, что уметь преодолевать себя во всем и добровольно отречься от самого необходимого — большая доблесть? Ты мне нравишься, мой мальчик, и я позабочусь, чтобы ты мог ходить в школу и со временем сделаться хорошим человеком. Но что это? Мне кажется, будто пахнет жареной дичью. Входи, мой мальчик! Теперь ты будешь сидеть со мною за одним столом и хоть раз покушаешь досыта.

«Что сие значит?» — подумал Кнут.

Случившееся далее было словно ответом из Катехизиса. Двери в столовую распахнулись, и большой накрытый стол, уставленный благоухающей жареной дичью, ожидал своих голодных гостей. Господин Петерман вел мальчика за руку. Кнут сидел за столом, как знатный господин, и оставался бы там по сегодняшний день, — так страшно он был голоден, — если бы давным-давно не отнес бабушке ломтика сыру и не начал ходить в школу.

ВИПЛУСТИГ

— Кто хочет поглазеть на мой ящик? Кто желает увидеть курьезнейшее на свете? — выкрикивал Виплустиг.

За воротами он установил на четырех колышках ящик с кукольным театром, и все, кто был во дворе, большие и малые, мужчины, женщины, мальчишки, девочки, кинулись сюда, расталкивая друг друга и крича:

— Пришел Виплустиг со своим чудо-ящиком!

— Внимание! — объявил Виплустиг. — Сейчас начнется представление!

Затем он повернул рукоятку, торчавшую сбоку ящика, его передняя стенка открылась, и зрителям представился ряд хорошеньких маленьких куколок, ловко перемещавшихся внутри ящика.

— Шапки долой, мальчишки! Перед вами — император Наполеон со своим великим орлом, генералами, фельдмаршалами и разбойничьими главарями. Посмотрите, какой он большой, шесть дюймов высотой, на целую голову выше короля Испании и Старичка с луны. Берегитесь! Идут солдаты с ружьем на плече; с дороги, мальчишки, сейчас начнется война! Тррррум! — гремят барабаны. Видите маленького барабанщика, что шагает во главе императорской гвардии в медвежьих шапках, прямой, как струна? Храбрец, надо полагать. А главный трубач сдул бы целый полк; попробуй-ка с ним потягаться!.. Ух ты! По морю плывут англичане на своем флоте... Паф! — хлопают пушки...

— Голубчик, пусть они хлопают чуть погромче! — попросила старая Кайса в красном чепце. — Просто удивительно: я ничего не слышу; верно, я совсем оглохла!

— Да, я тоже ничего не слышу! — крикнул Якоб Лентяй, за неимением стула усевшийся на траву. — У меня такие большие уши, и все равно ничего не слышно!

— Закрой рот! — приказал Виплустиг. — Ты думаешь, можно услышать пушки, когда люди гудят вокруг ящика, словно слепни?

— Но я ничего не вижу, — захныкала маленькая торпарева Грета, которая была ростом не больше веника, а стояла позади портного Андерса, одетого в просторную грубошерстную куртку. — Да, я ничегошеньки не вижу!

— Закройте рты на замок! — снова крикнул Виплустиг. — Говорю же вам: сейчас выступают англичане — пиф-паф! Если пушек не слышно, то их по крайней мере видно. Теперь крошка Наполеон со всей своей Великой армией переправляется по воде вброд...

— Не вижу я никакой воды! — воскликнула Кайса.

— Ну, если не видите воду, тогда слушайте, — сердито ответил Виплустиг. — Ррршшш! — шумит море, катятся волны, а корабли готовятся к сражению!.. И вот император Наполеон захватывает по линейному кораблю каждой рукой и направляется к берегу.

— Не вижу я никакого берега! — крикнул портной Андерс.

— Тихо там! Даже маленькому ребенку понятно, что берег расположен позади ящика. Вот идут турки, цыгане, мамелюки¹, мятежники и прочие людоеды. Теперь они вытаскивают свои длинные сабли и начинают сражаться. Хрясь! Один срубил голову другому...

— Это еще что такое? — воскликнула Кайса. — Они поубивают друг друга?

— Пошлите за ленсманом! ² — посоветовал Якоб Лентяй, сидевший на траве. Но сам не сдвинулся с места.

— Мне страшно, я жутко напугана! — закричала малютка Грета и разрыдалась.

— Что еще за шум? — возвысил голос Виплустиг. — Разве существует закон, запрещающий добровольно убивать друг друга? Внимание, сейчас

появится кое-кто другой! Вот по дороге странствуют трое портных и спорят о том, кто из них самый тяжелый. За ними едет крестьянин.

«Нет ли у тебя весов, старина?»

«Только безмен, господа хорошие».

«Сойдет, подавай его сюда».

Портные взвешиваются на безмене. Один весит лот³, другой — два лота, третий — три лота.

«Да, я так и знал, что окажусь самым тяжелым», — говорит тот, кто весит три лота.

«Нет, погоди! — восклицает крестьянин. — Сперва вынь из кармана утюжок и наперсток!»

Затем самого тяжелого портного взвешивают еще раз, и выясняется, что он весит лишь половину лота.

— Это неправда! — крикнул портной Андерс в огромной грубошерстной куртке. — Это неправда: они ведь всего лишь деревянные чурбаны! Портной гораздо солидней. Разве вы не читали о храбром портняжке, который уложил семерых одним ударом?

— Теперь вы увидите нечто великолепное! — объявил Виплустиг. — Вот Великий Могол⁴ со своей свитой. Он такой толстый, что его живот поддерживают четыре обруча, и все — из чистейшего золота. Далее следует госпожа Могол, его матушка, которая настолько тонка, что того и гляди переломится, как соломинка. А за ними на цыпочках семят все остальные, потому что так принято при дворе. Сейчас они будут танцевать: Великий Могол подает свою руку принцессе Лазуре для сленгпольки⁵.

«Нет, спасибо, — говорит она, — у меня заноза в ноге».

«Ерунда!» — отвечает Могол.

Музыканты трубят в фанфары, и парочка пускается в пляс. К счастью, лопается один из четырех обручей на животе Великого Могола.

— Нет, пора мне уходить! — воскликнула сапожника Лена. — Я этого не вынесу, ему ведь вовек не починить его!

— Ничего страшного, — успокоил Виплустиг. — Появляется золотых дел мастер со своими мехами и клещами, он сковывает обруч обратно. Теперь весь двор танцует фанданго⁶. Великан Бумбуррифекс приглашает принцессу Линдагуаль, а Кнут Дударь проносится с сотней жен короля богатой Аравии, под ручку с каждой.

— Это еще как? — воскликнула Кайса. — У него на каждую руку приходится по жене? Откуда у него взялось так много рук?

— Он сделал их из колбасных палочек⁷, — ответил Виплустиг. — Теперь все идет своим чередом, однако выясняется, что забыли пригласить Старичка с луны, слывшего галантнейшим кавалером на всех свадьбах. А вот и он, с армией лунных человечков...

— Разве на луне есть люди? — крикнул портной Андерс и склонился над ящиком, чтобы лучше видеть.

— Конечно, — подтвердил Виплустиг. — На луне все выглядит так же, как и на земле, разве что лунный свет непрерывно сияет. А еще замечательно то, что на луне все вверх тормашками. Перед вами — Старичок с луны со своим народцем. Они стоят на головах и ходят на руках; попробуйте-ка так, мальчишки!

— Да в этом нет никакой премудрости! — закричали те.

— Вот они вступают в бальную залу, — продолжил Виплустиг. — Вы заметили, что сапоги у них надеты на руках, а каски — на ногах? Их четыре раза по сорок четыре тысячи. Они переворачивают с ног на голову Великого Могола и весь его двор...

Бах! Ящик опрокинули на землю!

Виплустиг взвился от ярости.

— Кто посмел толкнуть мой ящик?

— Это дело рук портного Андерса, — ответил Якоб Лентяй. — Андерс слишком сильно наклонился, чтобы рассмотреть лунных человечков, и рухнул на ящик...

— Да ну, вы же слышали: все перевернули вверх дном, — заметила Кайса.

— Держи злодея! — закричал Виплустиг. — Андерс, Андерс, с Могола слетели обручи, а его матушка переломилась пополам!

— Да, держите его! — крикнул Якоб Лентяй и растянулся на траве. Но Андерс уже был далеко.

— Послушайте, люди добрые, — сказал Виплустиг. — Известно ли вам о законе природы? Сейчас Андерс сыграл с ним злую шутку. Видите, теперь мне придется сходить в город и купить золотой фольги для короны императора Наполеона. Вот моя шляпа; не пожалейте монетки для Старичка с луны и несколько штопальных игл для мачт английского флота! Бросайте, бросайте, ишь, как звенят! Благодарствуйте, люди добрые! Не позволяйте шарманщику дурачить вас — это всего лишь пустой звук, который не стоит ломаной пуговицы. Я еще приду, я вернусь с четырнадцатью императорами. Прощайте, мужи и жены! Прощайте, мальчики и девочки! Я вернусь в следующую среду.

Виплустиг отправился в город с ящиком на спине. Он прошел добрых полмили или около того и прежде чем одолел половину пути, спустилась вечерняя мгла. Было не очень темно, потому что полная луна ярко освещала листву и верхушки деревьев.

«Ночка-то хороша! — подумал Виплустиг. — Прикорну-ка я прямо у дороги».

И он улегся, подложив ящик под голову.

Несмотря на усталость, Виплустиг никак не мог уснуть, его смущало, что потолок над ним слишком высок.

— Просто удивительно, — сказал он себе, — как луна смотрит на меня своей огромной сырной физиономией. Я отчетливо вижу Старичка и Старушку. Они должны быть благодарны мне за то, что я так красиво заливал о них наивным людишкам.

Старичок и Старушка с луны ничего не ответили. Было тихо-тихо на небесах и на земле. Огромное ночное светило совершало свой безмолвный путь над голубым сводом и затмевало сиянье звезд.

Виплустига раздражало, что луна непрерывно смотрит на него и мешает спать.

— Чего ты на меня уставилась? — проворчал он.

— Жалкий бездельник! — сказала луна.

— Что такое? — воскликнул Виплустиг. — Ты набрасываешься на меня с грубостью? Разве я не художник? Разве я не богатейший и могущественнейший человек на земле? В моем ящике помещается все великолепие мира; армии и флоты подчиняются моим приказам, королей и императоров я низлагаю и возвожу на престол по собственному желанию...

— Жалкий бездельник! — повторила луна.

— Нет, у тебя ума не больше, чем у медной пуговицы! — воскликнул Виплустиг. — У кого хватит терпения слушать такую глупую болтовню? А вот и ты, Полярная звезда; висишь как раз над моей головой. Только не угоди мне в лоб; лучше расскажи луне, что я за человек!

— Шут! — ответила Полярная звезда.

— Вот как, моргунья, думаешь сейчас, что ты остроумна! Спроси у солнца, разве моя мишура не столь же хороша, как его золото? Но гляньте-ка, сюда летит орел... Орел, скажи луне и звездам, что я за человек!

— Ты — подходящий завтрак для меня, дождевой червяк! — ответил орел, устремился к Виплустигу, вцепился когтями в его рваную рубашу и поднял его над верхушками елей.

— Нет, погоди немного! — закричал Виплустиг. — Обожди до следующей весны: летом я такой худой! Там, в деревне, живет аппетитный портной и толстый лентяй. Могу я спросить, кто вы, милостивый государь, и куда держите путь?

— Я — знаменитый орел императора Наполеона и направляюсь на луну искать императорскую корону. Говорят, она там под надежной охраной.

— Вот и отлично! — обрадовался Виплустиг. — Разве я не узнаю короны Наполеона? Позволь спокойно слетать до луны и обратно; у меня там есть знакомые, мы выкупим корону, если она заложена.

Про себя же Виплустиг подумал: «Хотел бы я, господин орел, чтоб тебя прибили над воротами нашей деревенской конюшни!»

— Полетели! — сказал орел, расправил свои темные крылья, поднялся выше облаков в звездное небо и вскоре, запыханный, уселся на краю лунного диска.

— А теперь добудь корону! — приказал орел.

Виплустиг отправился на поиски; передвигаться по луне было на удивление легко. Ему казалось, что он вот-вот взлетит. Его окружала отливавшая золотом страна с высокими горами и глубокими долами, но все было перевернуто вверх ногами. Деревья стояли верхушками вниз, а корнями вверх; дымовые трубы усадеб упирались в лунную твердь.

«Кто бы мог предположить, что я лгу так достоверно?» — подумал Виплустиг.

«Теперь надо проверить, правда ли, что луна состоит из голландского сыра», — решил он затем; сел, отковырнул кусочек пашни и попробовал на вкус. Да, это и впрямь был голландский сыр.

— Я вырыл бы здесь глубокую яму, — заметил Виплустиг.

Он едва успел угоститься порядочным куском отменного сыра, когда заметил странную толпу, шествовавшую по долине. Это была армия лунных человечков; все они стояли на головах, передвигались при помощи рук, а ружья держали между пальцами ног. Во главе армии выступал сам Старичок с луны.

— Не тот ли это негодяй, который разболтал про нас, что мы ходим вниз головой? — рывкнул Старичок с луны.

— И кто посмел так грубо оклеветать меня? — с дрожью спросил Виплустиг. — Просто нелепо ходить на ногах, когда имеешь для этого руки!

— И все же это был ты! — прорычал Старичок с луны. — Полюбуйтесь-ка на этого болвана: он стоит на ногах!

— Я? — пролепетал Виплустиг. — Конечно же нет! Смотрите, разве я не хожу на руках согласно закону природы?

И он попытался встать на голову, но грохнулся на спину.

— Нет, — сказал Старичок с луны, — ты годишься разве что быть шутком для моей старухи. Бедняжке нужно развлекаться: вот уже тысячу лет, как ее нос зажат в лунной горé. Это стало ее наказанием, как тебе известно, когда она обманула меня и хотела просмолить луну. Ей не освободиться до тех пор, пока сюда не явится величайший чудака на небе и на земле. Откровенно говоря, я предпочел бы, чтоб старушка и впредь оставалась там. Слишком уж она аккуратная: если однажды ей удастся освободиться, она выметет и вычистит всю луну. Мне же по нраву небольшой безобидный беспорядок; я иной раз выбиваю золу из своей трубки: немного здесь, немного там — так приятно запачкать блестящий, надраенный пол! Когда станешь развлекать мою старуху, смотри, чтобы она не освободилась!

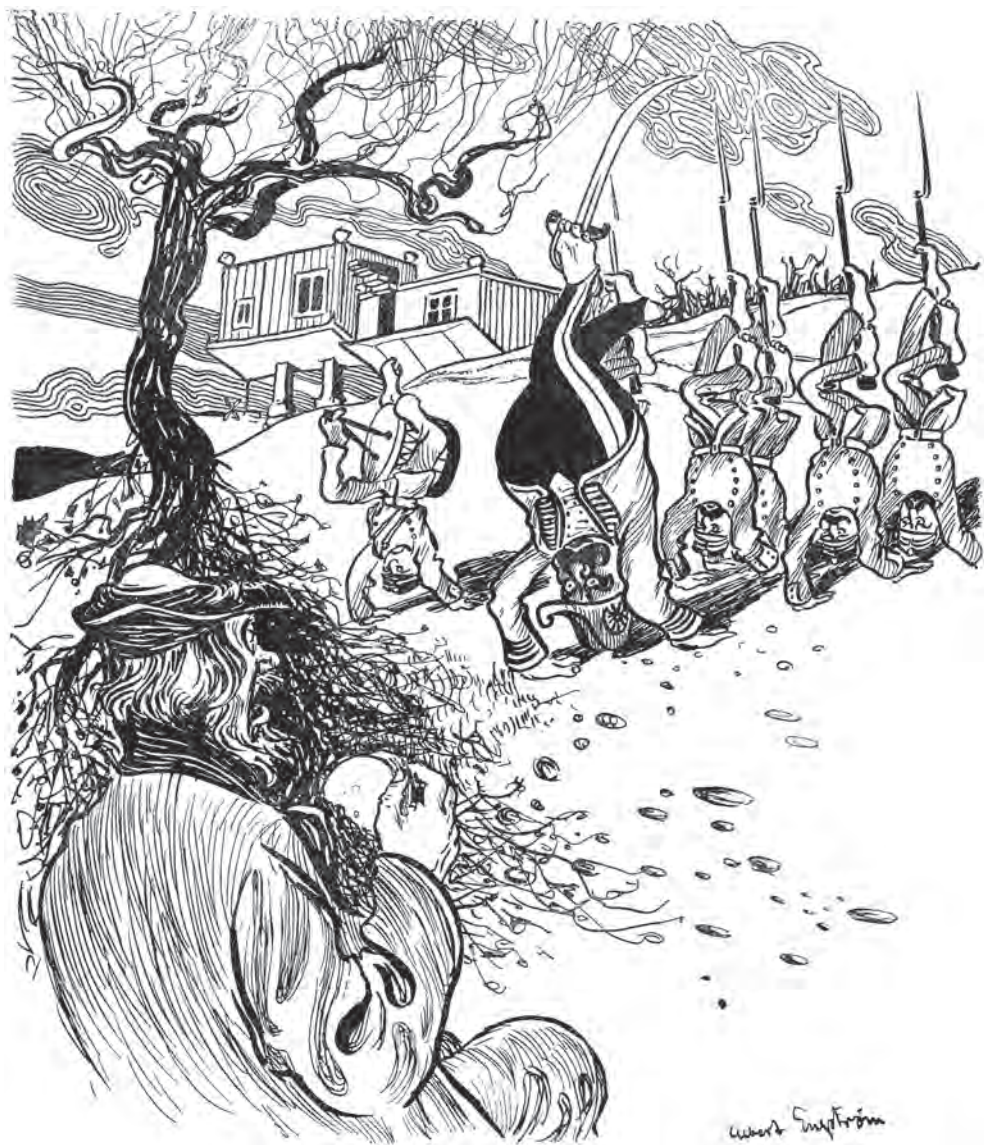
— Простите, — сказал Виплустиг, — я должен спешить обратно на землю: я обещал орлу Наполеона добыть корону императора.

— *Эту* безделицу? — воскликнул Старичок с луны. — Я отдал ее своим мальчишкам, она у них вместо шара для игры в кегли. Приступай-ка к своим обязанностям, земной человечиска!

Помощи ожидать было не от кого, Виплустиг последовал на руках за армией и добрался до огромной огненно-желтой горы, где и впрямь сидела Старуха с луны, застрявшая в расщелине.

— Не угодно ли понюшку? — предложил Старичок с луны и посыпал гору табаком.

— Алчхи! — чихнула его супруга. В тот же миг гора раздалась, и Старушка оказалась на свободе.

*Он едва успел угоститься порядочным куском отменного сыра,
когда заметил странную толпу, шествовавшую по долине.*

— Что такое! — воскликнул Старичок с луны. — Значит, сюда явился величайший чудака на небе и на земле! Им не может быть никто иной, кроме тебя, Виплустиг. Братцы, живо уносим отсюда ноги, ибо лунное затмение из пыли и мусора не случится сейчас, только если в лунном королевстве не осталось ни одной метлы!

Целая армия обратилась в бегство. Виплустиг хотел последовать за ней, однако был еще не силен в искусстве хождения на руках, упал, замешкался, вскочил на ноги и побежал что было духу. Обернувшись, он увидел позади себя огромное облако пыли и услышал голос Старушки с луны:

— Что за муравьи с червями намусорили в моей усадьбе? Дом должен быть чистым, дом в лунной усадьбе должен быть чистым!

Не успел Виплустиг сосчитать до четырнадцати, как очутился в толпе людей и чудовищ, улепетывавших от метлы. Они опрокинули его, топтали, таскали за волосы.

— Это тебе за мою корону! — кричал император Наполеон и щипал его за ухо.

— Это тебе за штопальные иглы в наших линейных кораблях! — вопили англичане и стреляли по нему из своих пушек.

— Это тебе за мой обруч! — пыхтел Великий Могол и щипал его за нос.

— Это тебе за то, что я переломилась пополам! — кричала матушка Могола и тыкала в скулу Виплустига булавкой.

— Это тебе за занозу в моей ноге! — рыдала принцесса Лазура и до полу-смерти душила его в своих объятиях.

— Это тебе за безмен! — кричали трое портных и обжигали его утюгами.

— Это тебе за то, это тебе за сё! — кричала сотня голосов разом, и несчастного Виплустига продолжали кусать, щипать, награждать щелчками и таскать за волосы, так что он уже ничего не слышал и не видел. Потасовка происходила во время неистового бега, а за всеми этими мучителями следовала Старушка с луны со своей огромной метлой. Никто не устоял перед нею: она начисто, до блеска вымела луну, словно медный котел; мусор полетел за край лунного диска — императоры, султаны, принцессы, линейные корабли, пушки, портные, барабанщики, трубачи, орлы, короны и безмены — все это на короткий миг закружилось в синем воздухе, а затем, подобно падающей звезде, исчезло в ночном полумраке.

Среди сметенного хлама оказался и Виплустиг. Он тщетно озирался по сторонам в поисках знакомого орла, он барахтался, кувыркался в свободном пространстве, он падал,

падал

и падал — и проснулся оттого, что муравей заполз ему в ухо. Где это он? На лесном пригорке, с ящиком под головой. Уже рассвело, но луна, бледная и утомленная, до сих пор взирала на него своей желто-серой физиономией. Верно! Он все еще мог различить Старичка и Старушку, и со вздохом облегчения убедился, что нет ни единого намека

Не успел Виллустиг сосчитать до четырнадцати, как очутился в толпе людей и чудовищ, улетающих от метлы.

на ужасную метлу. Очевидно, нос Старушки по-прежнему оставался зажатым в расщелине. Виплустигу больше не было нужды считать себя величайшим чудаком на небе и на земле.

— Из этого выйдет хорошая история для наивных людишек, — задумчиво сказал он себе, вешая ящик на спину. — Есть ли на свете тот, кто, как я, за одну ночь может совершать подобные путешествия? А еще осмеливались утверждать, будто я — жалкий бездельник!

— Жалкий бездельник! — откликнулось эхо в лесу.

— Это ты, безротая дева? — усмехнулся Виплустиг. — Что ж, считай меня бездельником. Говорят, все гениальные люди были в какой-то мере бездельниками. Но давать такому художнику, как я, прозвище шут...

— Шут! — повторило эхо.

— Слушай, сплетница, кое-кто прославился своим болтливым языком, но я предпочитаю не переходить на личности. Говорунья хочет угодить в мой ла-рец? Значит, я шут? Разве я, показывающий в своем ящике величайшие чудеса мира, — тот, о ком можно безнаказанно думать, что он — чудака?

— Чудака! — сказала эхо.

— Нет, это становится невыносимо! Пойду в город. Защелкни свой вороний клюв!

— Вороний клюв!

— Цыц!

— Цыц!

— Ну что ж, тогда желаю тебе хорошего дня!

— Хорошего дня!

ПИККУ МАТТИ

Вон там, на лесном пригорке, приютился торп¹ с единственным оконцем, настолько крохотным, что когда в нем показывается круглая белокурая головка маленького мальчика, она заполняет собой весь оконный проем. Прежде была там печная труба из кирпича, выкрашенные в красный цвет стены; изящная изгородь окружала хижину и зеленое картофельное поле. Но теперь все выглядит жалким, сильно обветшавшим: дым поднимается через дыру в крытой дерном крыше, а изгородь давным-давно завалилась. Из этого следует, что в торпе живут старые люди, а именно — слепой солдат со своей женой, которые уже не могут ни работать, ни строить. Они умерли бы с голоду, если бы старик не научился плести рыболовные сети, а старуха — вязать веники, и если бы приход ежегодно не выделял им три бочки зерна на хлеб.

Четыре или пять лет тому назад дела у них шли получше. Тогда в хижине вместе со стариками жила молодая и расторопная парочка — их сын с невесткой. Они усердно трудились, и в доме царило благополучие, пока не случилось несчастье. Однажды воскресным утром большую лодку, переправлявшую прихожан в деревенскую церковь, перевернуло бурей прямо посреди озера, и молодой человек со своею женой, как и многие другие, погибли в волнах. Старики же в тот день остались дома: солдат — по причине своей слепоты,

а старуха — присматривать за малышом. Когда над озером раздался звон колоколов, оповещавший о воскресной службе, он оказался и погребальным для усопших, которых Господь столь внезапно призвал к вечному служению на небесах.

Так и остались старики в хижине одни со своим горем, со своей бедностью и маленьким внуком. Потому что единственным наследством, перешедшим к ним от двух дорогих людей, которые погибли, был мальчонка по имени Матти — настолько крохотный, что его прозвали Пикку Матти. Тот, кто не понимает финского языка, догадается, что это значит². Малыш был кругл и розовощек, как спелое яблоко, с доверчивыми, ясными голубыми глазками и желтыми, как золото, волосами — единственным золотом на свете, которым владел Пикку Матти. Его круглое личико и появлялось в оконце хижины, когда на проселочной дороге что-нибудь происходило. Если тебе доводилось проезжать мимо, ты наверняка видел его. Быть может, случалось это темным и холодным осенним вечером. Тогда ты замечал яркий отблеск огня, пробиравшийся из очага убогого торпа: слепой солдат плел свой невод, старушка читала вслух из Библии о том, как несчастные слепцы, блуждавшие во мраке, увидели сияющий свет, и светом этим был Иисус Христос, отверзший им очи. А Пикку Матти сидел у очага, озаренный пламенем, с кошкой на коленях и так благоговейно слушал, будто понимал, о чем читает бабушка. Но в конечном итоге его голубые глаза сладко закрывались, и пухлая цветущая щечка тихонько клонилась к старческому колену. И, сидя в роскошнейшем экипаже, катящемся по мрачной дороге, ты с радостью и завистью взираешь на нищету этой жалкой хижины. Там царит благочестие и непорочность; там молитвенный покой, исцеляющий сердечное горе; там вера в Бога, которая облегчает все житейские тяготы. Эта хижина — богата; не кажется ли тебе, что своими сокровищами она затмит золото дворцов?

А коли будешь проезжать там погожим летним днем, то увидишь, что прямо возле торпа имеются ворота, перед которыми нужно будет остановиться, если никто их тебе не откроет. Тогда надо чуточку подождать: совсем скоро тут появится Пикку Матти. Он уже показался на пороге хижины, он бежит, не разбирая дороги, чтобы успеть, и его длинные золотистые волосы развеваются на ветру. Вот и он; если у тебя есть монетка, брось ее мальчугану, — он так надеется на это! А лучше всего новую — ту, что сияет! Такая монетка приведет Пикку Матти в восторг. Мальчик еще не знает цены деньгам; медный пенни доставляет ему такую же радость, что и блестящий дукат. Но будь осторожен, не бросай монетку до тех пор, пока лошади с экипажем не минуют ворота. Потому что Пикку Матти не видит дальше своего носа: заметив на дороге сияющую монетку, он тотчас бросается к ней, и ворóтина стукнет твоих лошадей по морде. Не ругай его за это; будучи малышом, ты вряд ли отличался бóльшим благоразумием.

Повседневной пищей Пикку Матти был сухой хлеб и ряпушки³ с квасом, однако временами ему перепадала картошка с кислым молоком, что считалось

пиршеством. От всего этого мальчик быстро рос и с каждым годом становился все упитанней. Он не смог бы прочесть ничего, кроме молитв и Десяти заповедей Господних. Но зато умел стоять на голове и ловко делать сальто там, где росла мягкая трава; пускал с берега «блинчики» по гладкой поверхности озера, пока бабушка стирала его рубашки. Он мог править на ровной дороге и, будучи в седле, отвести соседскую лошадку на водопой, предпочитая при этом, чтобы кто-нибудь шел рядом. Мальчуган умел различать на снегу следы куропаток и сорок, не говоря уже о волчьих следах. Ему не составляло особого труда выстругать себе сани из деревяшек, а также смастерить лошадок и коров из словых шишек и нескольких щепок, изображавших ноги. Вот список всех талантов Пикку, и этого было вполне достаточно для такого малыша. Но кое-чего не хватало. Пикку Матти нуждался в совершенно необходимой на свете вещи. Даже и не знаю, удобно ли говорить об этом... У него не было штанов!

Так вышло по двум причинам. Во-первых, его дедушка и бабушка были очень бедны, а во-вторых, все маленькие мальчики деревни считали сверхмодным разгуливать без штанов, чему следовал и Пикку Матти. Однако наилучшим образом это подходило для будней; по воскресеньям ребятя выглядела так же, как и прочий народ. Лишь у Пикку Матти не было ни воскресных, ни повседневных штанов, которые ему надлежало иметь, и с недавних пор его это стало сильно огорчать.

Долгое время он не замечал, что ему чего-то не хватает. Он ходил таким уверенным и веселым в своей маленькой рубашонке, словно в мире не существовало никаких других предметов одежды. Но что же случилось? Как-то воскресным утром, когда все прихожане собрались на берегу, готовые отправиться в церковь, Пикку Матти заявил, что хочет к ним присоединиться.

— Это невозможно, дорогое дитя, — сказала ему бабушка.

— Почему же? — удивился Пикку Матти.

— Потому что у тебя нет одежды.

Пикку Матти сделался необычайно задумчивым.

— Я могла бы одолжить тебе свою старую юбку, — сказала бабушка. — Но тогда все подумают, что ты — девочка.

— Не желаю быть девчонкой, я хочу быть мужчиной! — воскликнул Пикку Матти.

— Разумеется, — ответила бабушка. — Мужчина — всегда мужчина, даже если он не больше монеты в пять пенни. Будь благоразумным и останься дома, мой Пикку!

И в тот раз Пикку остался дома. Но через некоторое время в деревне собрался тинг⁴; туда явилось много народу, и среди прочих — Виплустиг со своим чудо-ящиком. Надеюсь, ты помнишь Виплустига? ⁵ Все хотели увидеть ящик, ведь в нем показывали императора Наполеона Бонапарте в золотой короне и с длинной саблей, Великого Могола с обручами вокруг живота и устрашающей бородой, принцессу Линдагуаль с тигром Ариманом на поводке,

великана Бумбуррифекса и старичка-домового Абоского замка. Одни зрители одаривали Виплустига звонкой монетой, другие давали ему хлеба, многие ничем ему не отплачивали, а некоторые даже издевались над ним, но всем было очень весело. Пикку Матти узнал об этом от остальной ребятни и тотчас объявил, что хочет взглянуть на чудо-ящик.

— Но это невозможно, дорогое дитя, — снова сказала бабушка.

— Да почему же? — спросил Пикку Матти.

— Там будет почтенная публика, судья, секретарь, писарь, ленсман⁶, судебный заседатель, бруфогт⁷. Ты не можешь явиться туда без штанов.

Мгновенье Пикку Матти боролся с самим собой, но в его голове так и кружились куколки Виплустига. Наконец он сказал:

— Если бы бабушка одолжила мне юбку...

— Ну вот, — молвила бабушка и засмеялась от души при виде малыша, расхаживавшего по полу в ее юбке. — Теперь ты похож на девочку.

— Если я похож на девчонку, то я никуда не пойду, — заявил Пикку Матти. — Я не девчонка, а мужчина!

— И все же ты похож на девочку, — сказала бабушка. — Но ты можешь говорить всем, кого встретишь, что ты — мужчина.

«Так и сделаю», — подумал Пикку Матти и ушел. По дороге ему встретился проезжий, который остановился и спросил:

— Девочка, не подскажешь ли, где тут собрался тинг?

— Я не девочка, я — мужчина! — воскликнул Пикку Матти.

— Что-то не похоже, — сказал проезжий.

Пикку Матти ничего не ответил, но, явившись на площадь тинга, он что есть мочи закричал, дабы все услышали:

— Я не девчонка, хоть и похож на нее. Я — мужчина!

Взрослые засмеялись, а мальчики и девочки окружили Пикку Матти, хлопая в ладоши и крича:

— Послушай-ка, малютка Майя, откуда у тебя такое славное платье?

— Это бабушкина юбка, а не платье, — ответил Пикку Матти. — Я вовсе не Майя, я Матти, вы прекрасно это видите.

Тогда самый рослый и самый вредный мальчишка схватил Пикку за шиворот, притащил его к чудо-ящику и заорал на всю площадь:

— Кто хочет взглянуть на мужичка в два пенни? Кто желает увидеть мужчину в юбке?

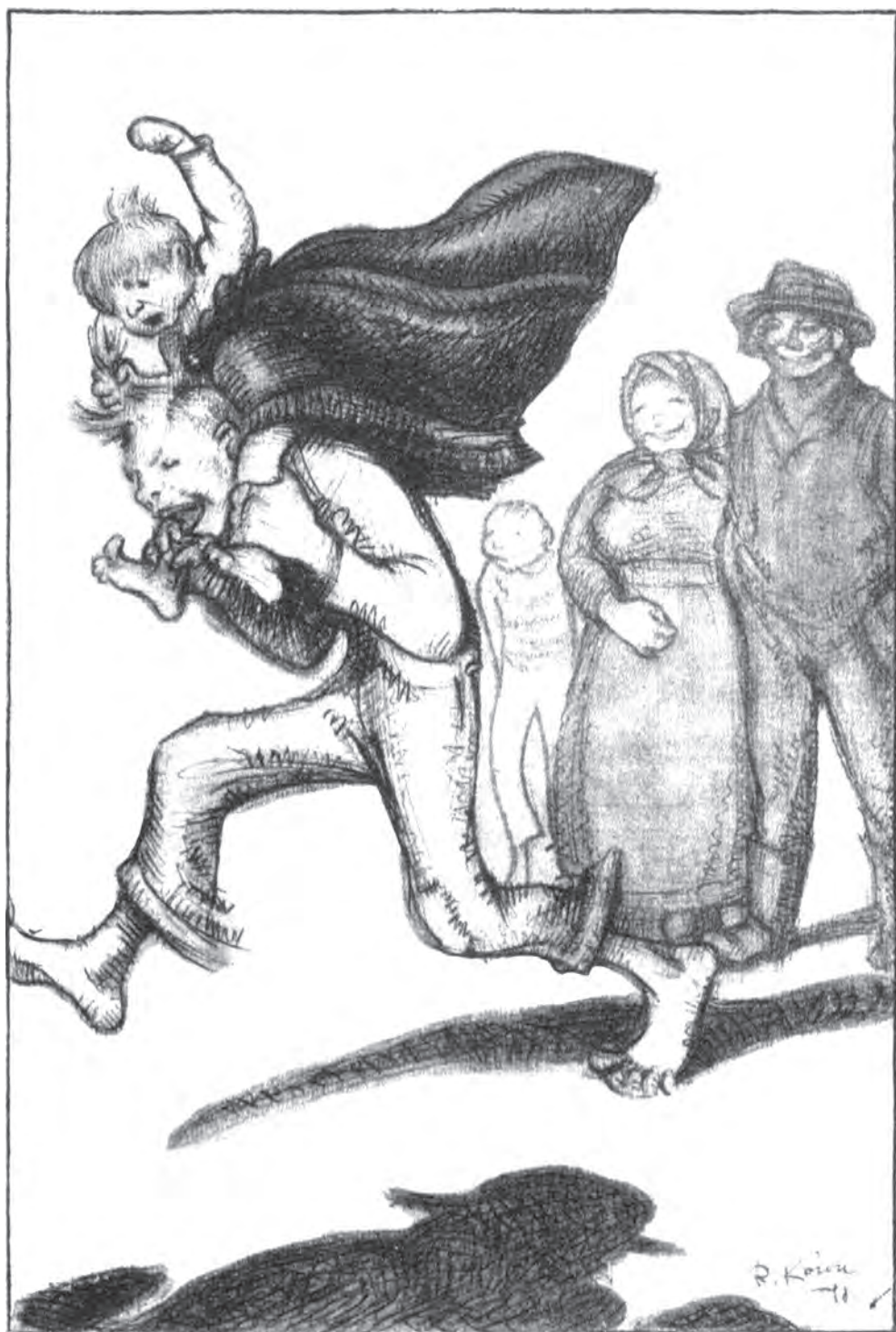
Пикку Матти пришел в ярость, вцепился в волосы обидчика и дернул их изо всех сил.

— Это не моя юбка! Это юбка моей бабушки! — крикнул он и разрыдался.

Но противный мальчишка продолжал зазывать:

— Кто хочет увидеть мужчину в юбке!

Под крики таскавшего его за волосы ребенка проказник обежал вокруг площади. Пикку никогда еще не доводилось попадать в столь затруднительное положение. Он плакал, кричал, царапался, кусался, а когда ему наконец

Под крики таскавшего его за волосы ребенка проказник обежал вокруг площади.

удалось освободиться, изо всех сил бросился наутек — бежал и падал, запутавшись в юбке, вновь поднимался, глотая слезы, опять спотыкался, вскакивал и бежал дальше, чтобы снова упасть. Малыш вернулся домой, в дедушкину хижину, запыхавшийся и зареванный.

— Сними с меня эту юбку! — крикнул он с порога. — Я не хочу больше быть в юбке. Я — мужчина!

— Не плачь, Пикку, — сказала бабушка, утешая его. — Когда ты вырастешь, то докажешь, что ты — мужчина не хуже остальных.

— Верно, — поддержал ее дедушка. — А в другой раз я одолжу тебе свои штаны.

Старики ведь так нежно любили бедного Пикку! После Бога он был для них единственным утешением и радостью на земле; они охотно купили бы ему расшитые золотом бархатные штанишки, если б это было в их силах. Пока же малыш получил бутерброд, который помог Пикку забыть его горе. Он сидел в углу хижины и больше не думал о том, как позорно мужчине наряжаться в юбки.

Спустя какое-то время на дороге сделалось пыльно от проезжавших и сновавших по ней людей, поскольку ожидали важного господина, путешествовавшего по стране. И говорили, что своим могуществом он ненамного уступает королю. Все местные жители собрались, чтобы поглазеть на него, и наперед рассказывали удивительные вещи. Утверждали, будто вельможа ездит в золотой карете, у него в упряжи двенадцать лошадей, и с головы до пят он разряжен в серебро да золотую фольгу (роскошней этого, по мнению обывателей, и быть не могло). Однако малыши имели на сей счет свои соображения. Они представляли знатного господина с огромной берестяной котомкой — кóнтом — на спине, наполненной серебряными монетами и лакричными палочками⁸, которые он по пути будет разбрасывать детям.

Этот слух достиг ушей Пикку Матти, и он тотчас заявил, что хочет пойти на встречу вместе со всеми. Бедняжка Пикку умел клянчить, как это нередко свойственно балованным внукам.

— Малыши должны слушаться старших! — пыталась вразумить его бабушка.

— А кроме того, у тебя нет одежды, — с улыбкой заметил дедушка. — Быть может, ты снова захочешь надеть бабушкину юбку?

— Не нужно мне юбки! — крикнул Пикку Матти и сделался красным, как малина, вспомнив об унижении, которое он испытал из-за этого наряда. — Нет, ни за что на свете я не стану надевать юбку. Я хочу надеть дедушкины штаны.

— Ишь ты! — сказал дедушка. — Ну так поди сюда и отведи меня на чердак, посмотрим, подойдут ли тебе штаны.

Кому, как не Пикку Матти, было радоваться! Он с проворностью кошки вскарабкался по лестнице, так что дедушка едва успевал за ним. Затем оба подошли к большому выкрашенному в зеленый цвет сундуку, который стоял

в самом дальнем углу чердака и на который Пикку всегда смотрел с большим уважением, когда приходил сюда расставлять мышеловки. Первым, что ему бросилось в глаза в сундуке, была огромная сабля в сверкающих ножнах.

— Дай мне ее! — воскликнул он.

— А ты не мал? — усмехнулся дедушка. — Подержи-ка саблю, пока я буду доставать из сундука военную форму.

Пикку Матти взял саблю, но она была такой тяжелой, что малыш едва мог поднять ее.

Старый дедушка ласково погладил его по щеке.

— Когда вырастешь, — молвил он, — тебе, возможно, тоже придется носить саблю и сражаться за родину. Ты ведь этого хочешь, Пикку?

— Да, — ответил малыш и гордо выпрямился. — Я отрублю головы всем врагам, сколько бы их ни было.

— Ого! — сказал дедушка. — Сколько бы их ни было? Это будет зависеть от того, с кем тебе придется сражаться.

— Да, — задумчиво сказал Пикку. — Я отрублю головы волкам и ястребам, крапиве и всем, кто обижает моих дедушку и бабушку. Да, дедуля. А пока я срублю головы всем, кто назовет меня девчонкой!

— Ну-ну, Пикку, поумерь свой пыл и не будь таким жестоким. Вот тебе штаны. Ты хотел бы получить и мундир в придачу, не так ли?

— Да, дедушка, а еще саблю и шапку!

— Так и быть, — сказал дедушка. — Ты получишь все это при условии, что не пойдешь дальше ворот на дороге, когда будет проезжать знатный господин.

— Хорошо, дедушка.

Едва они спустились с чердака, как услышали крики вихрем мчавшегося по дороге ленсмана, который приказывал толпившимся по краям зевакам отойти подальше, поскольку важная особа должна была появиться здесь через несколько минут. Все засуетились, спешили и в хижине стариков. Дедушкины штаны примерили Пикку Матти; они были серые, с бледно-голубыми лампасами, и оказались так велики и широки, что Пикку мог прекрасно поместиться и в одной штанине. Да, то еще было зрелище, но следовало действовать! Штаны пришлось наполовину подвернуть снизу и подвязать кушаком под мышками. Ничуть не лучше обстояло дело с мундиром, тоже серого цвета, с голубыми обшлагами, который казался скорее сшитым для великана, чем для лилипута. Когда его надели на малыша, рукава свисали до земли, а фалды подметали двор.

— Так дело не пойдет, — сказала бабушка и принялась подкалывать булавками рукава и фалды.

Пикку считал все это бесполезным занятием. Но вот ему на голову водрузили огромный кивер⁹, который опустился бы его крохотному обладателю на плечи, если б не был более чем на половине пути остановлен предусмотрительно подложенной внутрь соломой. Наконец на спину малыша повесили тяжелую, волочившуюся по земле саблю, и рыцарь Лилипут был готов. Ни один

герой, одержавший победу в сражении, не чувствовал себя более гордым, чем Пикку Матти, впервые надевший штаны. Вся его крохотная пухлая фигурка исчезла в широком одеянии, как плотва в море, и в узком пространстве между воротником мундира и кивером были видны только маленькие честные голубые глазки, румяные щечки да крохотный хитрый приплюснутый нос. Когда мальчуган решил величаво пройти в полном обмундировании, сабля загремела по камням, булавки повыскакивали, позволив рукавам и фалдам вести себя, как им вздумается, кивер норовил съехать то вправо, то влево, и сам храбрый рыцарь, казалось, вот-вот готов был рухнуть под тяжестью своих героических доспехов. Давно уже старики так не смеялись, как сейчас. Даже дедушка, который хорошо слышал, но не мог видеть всей амуниции, по крайней мере трижды повернул перед собой малыша, поцеловал его торчавший крохотный носик и сказал:

— Да благословит тебя Господь, малыш Пикку! Пусть менее достойный человек, чем ты, никогда не наденет старый бьёрнеборгский мундир¹⁰!

— Только не забудь! — добавил дедушка. — Когда будет проезжать важная особа, тебе надлежит отдать честь. Вот так!

И он научил малыша стоять прямым, как жердь, с отважным взглядом, с левой рукой, вытянутой вдоль тела, а правой — поднятой ко лбу.

— Хорошо, дедушка, — сказал Пикку Матти, который всегда был понятливым.

Едва Пикку встал на своем посту неподалеку от ворот, как на дороге показалось облако пыли, и вслед за тем подъехал вельможа... Ух, его экипаж мчался во весь опор, высекая из булыжников искры!.. Кучер внезапно осадил лошадей:

— Тпррру!

И тотчас крикнул:

— Живо откройте ворота!

Дело в том, что тут же собственной персоной стоял бруфогт, следивший, чтобы все было как подобает, и ворота в мгновение ока открылись по его команде, дабы у важного гостя сложилось самое благоприятное мнение о порядке на дорогах и их состоянии. Однако когда экипаж подъехал с быстротою молнии, бруфогт не придумал ничего лучшего, как поприветствовать вельможу, поклонившись до самой земли, потерял равновесие и шлепнулся в сырую придорожную канаву. Вследствие чего деревенский староста, ожидавший команды открыть ворота, пришел в такое замешательство, что совершенно забыл о своей обязанности, поэтому ворота оставались закрытыми перед самым носом достопочтенного господина.

Экипажу пришлось остановиться, вельможа удивленно выглянул из него, а кучер вновь крикнул:

— Откройте ворота!

Тут настал черед действовать Пикку Матти: он протиснулся к воротам и, пусть и с превеликим трудом, но открыл их и отдал важной особе честь,

как учил его дедушка, хотя походил при этом на щенка, выдрессированного сидеть прямо. Кучер взмахнул кнутом, лошади тронулись, но в тот же миг господин в экипаже крикнул:

— Стой!

И экипаж остановился во второй раз.

— Что это за маленькая фигурка в бьёрнеборгской форме? — окликнул вельможа Пикку Матти и захохотал так, что экипаж затрясся. Пикку Матти ничего не понял, он помнил только наставления своего дедушки и вновь отдал честь, насколько мог серьезно и торжественно. Это еще больше развеселило господина, он спросил окружающих о родителях мальчугана, и бруфогт, который уже выполз из канавы, поспешил рассказать, что ребенок — сирота и живет у своего дедушки, дряхлого, нищего и слепого солдата по имени Хуг. Бруфогт сообщил это презрительным тоном, подобающим чиновнику в разговоре о бедняках, но был немало удивлен, когда вельможа, услышав сказанное, вышел из экипажа и направился напрямиком к торпу.

Да, это надо было видеть! Старая бабушка так перепугалась, что чуть не упала со стула, когда в хижину внезапно вошел незнакомец. А дедушка, который ничего не видел, проявил больше мужества и указал рукой туда, где, как он помнил, стояла скамья.

— Храни вас Господь, друзья мои, — сказал вошедший и сердечно пожал руки хозяевам. — Мне кажется, я узнал тебя, мой старый товарищ, — продолжил он, внимательно рассматривая дедушку. — Ты ведь Хуг, тридцать девятый номер из моей бывшей роты?

— Да, господин капитан, — ответил дедушка, необычайно удивившись, потому что узнал голос говорившего.

— Хвала Господу, наконец-то я нашел тебя! — сказал наместник короля, ибо это был он. — Разве ты забыл, что во время самого жаркого сражения именно ты спас меня, взвалив себе на спину и перебравшись вброд через реку, когда я, раненый и обессиленный, чуть не попал в руки врага? Даже если ты позабыл об этом, неужели думаешь, что я когда-нибудь это забуду? ¹¹ После заключения мира я ничего о тебе больше не слышал; я долго искал тебя и наконец решил, что ты умер. Но теперь я нашел тебя и отныне буду заботиться о вас с женой и твоим мальчугане. Славный парень!

И с этими словами наместник схватил Пикку Матти, высоко поднял его и так крепко поцеловал, что с малыша свалился кивер, загремела сабля, а из мундира и штанов выскочили последние бабушкины булавки.

— Нет, пусти меня! — сказал Пикку наместнику короля. — Ты уронил мою шапку на пол, и дедушка рассердится.

— Милостивый государь, — сказала бабушка, вконец расстроенная манерами Пикку, — не обращайтесь внимания на болтовню мальчугана; он не привык общаться с людьми.

— Дедушка получит шапку лучше этой, — успокоил наместник, — а вы, матушка, не переживайте из-за слов малыша; мужчине надлежит беречь свой головной убор. Слушай, Пикку, похоже, из тебя выйдет парень что надо! Хочешь стать таким же храбрым солдатом, как твой дедушка?

— Дедушка говорит, что это зависит от того, с кем я буду сражаться, — ответил Пикку.

— Ты молодчина, — сказал наместник и засмеялся. — Право же, храбрости тебе не занимать!

— Да, милостивый капитан, это оттого, что он сегодня впервые надел штаны, а в них чувствуешь себя смелее.

— Вернее сказать, это из-за бьёрнеборгского мундира, — возразил наместник. — Этот старый мундир пропитан запахом пороха, оваян славой и почетом, и его воспоминания передаются из поколения в поколение. Но теперь иные времена, быть может, мальчику еще доведется встать на защиту родины. Ты ведь сильный, малыш?

Пикку не ответил; он лишь нацелился средним пальцем правой руки на петлицу наместника, норовя потянуть за нее.

— По твоему взгляду я вижу, — с улыбкой сказал наместник, — что ты станешь сильным, как медведь, когда вырастешь. Хочешь поехать со мной и кушать свежий хлеб и пить молоко каждый день? Быть может, иной раз тебе перепадет там лакрица и крендели, если будешь послушен.

— И я буду ездить на лошади? — спросил Пикку.

— Да, конечно! — ответил наместник.

Пикку ненадолго задумался. Его голубые глазки скользнули от наместника к дедушке, от дедушки к бабушке, а от бабушки снова к наместнику. Наконец он спрятался за спинами стариков и сказал:

— Я хочу остаться с дедушкой и бабушкой.

Пикку Матти... вновь отдал честь, насколько мог серьезно и торжественно.

— Но, дорогой Пикку, — взволнованно возразил слепой солдат, — у дедушки ты ешь только сухой хлеб с водой и соленых ряпушек. Разве ты не слышишь, что этот любезный господин предлагает тебе свежий хлеб с молоком и прочие вкусные вещи? А еще, только подумай, ты сможешь кататься на лошади!

— Я хочу остаться у дедушки; я не хочу от него уезжать! — крикнул Пикку Матти, готовый расплакаться.

— Ты славный мальчик, — молвил наместник со слезами на глазах и погладил пухлую щечку ребенка. — Конечно, оставайся у дедушки; я позабочусь о вашей семье, а когда ты вырастешь, приезжай ко мне, если я еще буду жив; ты сможешь пахать землю или валить деревья и сделаться крестьянином или солдатом — неважно кем! Ты все равно будешь честным и верным сыном своей родины. Не так ли, Пикку?

— Да, — уверенно и твердо ответил мальчик.

— Пусть благословит тебя Господь, дитя! — растроганно сказали дедушка и бабушка.

— И пусть Господь благословит нашу дорогую родину и пошлет ей много таких же верных сыновей, как ты, малыш Пикку, — добавил наместник. — Ибо многие готовы с легкостью променять бедняцкий сухой хлеб на свежие булочки; а выигрывают ли они от этого — ведомо лишь Богу да их совести. Ничего не выигрывает от этого их страна. Однако почитай отца твоего и мать твою в их бедности, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле!¹²

— Это написано в букваре, — сказал Пикку Матти.

— Да. Но не у всех людей в сердце, — ответил королевский наместник.

БЕРЕЗА И ЗВЕЗДОЧКА

Я знаю еще одну сказку из стародавних времен — о мальчике и девочке, которые в своей жизни неуклонно стремились к одной-единственной цели. Многие ли среди нас могут сказать то же самое о себе?

Около ста пятидесяти лет тому назад Финляндию постигло великое бедствие: бушевала война¹, города и деревни пылали, посевы уничтожались, а люди погибали сотнями тысяч от меча, голода, изгнания из родной страны и страшных болезней. Повсюду было горе: везде раздавались стоны и вздохи; куда ни глянь, только и видно было, что слезы, кровь да пепел; и те, кто дольше всех старались не терять надежды, под конец не знали, на что и надеяться. Бич Божий с небывалой силой разразился над страной, и то ужасное время не забудется никогда. Вследствие стольких несчастий многие семьи рассеялись: одних увели в неприятельскую страну, другие бежали в леса да на дикие безлюдные вересковые пустоши или в далекую Швецию; и жена часто ведать не ведала, где ее муж, брат не знал, где сестра, а отец и мать — живы или погибли их дети. Поэтому когда наконец был заключен мир, и те, кто остались в живых, вернулись на родину, почти не было человека, который не оплакивал бы кого-нибудь из своих близких. Как в сказке юная жена рыцаря Синяя Борода² посылает свою сестру на башню, откуда далеко была видна вся окрестность, и постоянно спрашивает ее: «Анна, сестра моя, не видать ли кого на дороге?» — так же спрашивали многие, когда в доме было пусто, одиноко и когда долго не имели известий о своих близких: «Не видать ли кого на дороге?» — и почти всегда получали в ответ: «Нет, никого не видать». Но порой, как и в сказке о Синей Бороде, случалось так, что вдали на дороге подымалось облачко пыли: облачко все росло, приближалось, и наконец появлялась кучка беглецов, возвращавшихся на родину... Тогда взоры отцов и матерей жадно искали между ними своих детей, и если они их находили после многих лет разлуки, то наступала такая радость, как будто бы никогда не было горя; поспешно строились хижины, засеивались поля, и после пережитого страдания и бедствий наступала счастливая пора.

Во время этой долгой войны двое маленьких детей, брат и сестра, были уведены в чужеземную страну, где они нашли приют у добрых людей, что заботились о них. Шли годы, брат с сестрой подрастали, и жилось им хорошо, но при всем своем благополучии они не могли забыть отца с матерью и родины.

С ними было то же, что с пленными евреями в Вавилоне³, которые повесили свои арфы на ивы и не могли ни петь, ни играть, ни плясать в чужой стране, потому что сердцем они были в Иерусалиме.

Когда распространился слух, что в Финляндии настал мир и что всем, кто хотел бы и мог, дозволено вернуться туда, детям стало слишком тяжело оставаться в чужой стране, и они попросили, чтобы их отпустили на родину.

Люди, приютившие их у себя, улыбнулись и сказали:

— Отпустить вас на родину? Глупенькие дети, вы, верно, не знаете, как далеко туда идти. Более сотни миль!

— Нам все равно, — отвечали дети, — только бы вернуться на родину.

— Но разве не обрели вы у нас новую родину? Здесь в изобилии одежда и еда, вы можете не страшиться холода, есть чудесные фрукты, пить молоко, жить в красивых домах вместе с добрыми людьми, что любят вас от всего сердца! Чего вам еще надо?

— Да, — отвечали дети, — но мы хотим на родину!

— В вашей стране большая нужда и недостаток во всем. Вам придется жить в ужасающей бедности: мох будет служить вам постелью, а хижина из ельника — жилищем, холод и ветер постоянно будут преследовать вас, древесная же кора станет вашим хлебом насущным. Ваши родители, сестры и братья, да и все ваши друзья давным-давно погибли. В надежде отыскать их следы вы найдете лишь следы волков, которые рыскали по сугробам, возвышающимся над тем местом, где некогда стояло ваше жилище.

— Пусть так, — отвечали дети, — но мы хотим на родину!

— Ведь почти десять лет прошло с тех пор, как вас увели оттуда. Тогда вы были маленькими неразумными детьми: брату было пять лет, а сестре — четыре года. Теперь вам пятнадцать и четырнадцать лет, и вы совсем не знаете света. Вы все забыли: и дорогу в родные края, и даже своих родителей; так же, как вы забыли их, они, если живы, забыли и вас.

— Пусть так, — сказали дети, — но мы хотим на родину!

— Кто тогда укажет вам дорогу?

— Бог, — ответил мальчик. — А кроме того, я помню, что на дворе у моих родителей росла высокая береза, где много хорошеньких птичек пели по утрам на солнышке.

— А я помню, — сказала девочка, — что вечерами сквозь листву той березы светит звездочка.

— Глупенькие дети, — сказали им чужие люди, — то, о чем вы просите — безрассудство, которое привело бы вас к гибели!

И детям запретили даже думать об этом. Но чем больше им запрещали, тем больше дети думали о своей родине, и делали они это не из непослушания, а потому что желание вернуться в страну своих предков овладело ими всецело и непреодолимо. Наконец, однажды лунной ночью мальчик, который не мог сомкнуть глаз из-за мучивших его мыслей, спросил у сестры:

— Ты спишь?

Она ответила:

— Нет, я не могу спать, я все думаю о нашей родине!

— Со мной точно так же, — сказал мальчик. — Давай свяжем наши вещи в узелок и убежим отсюда. Мне все кажется, будто я слышу голос Божий, который постоянно твердит мне: «Иди домой! Иди домой!» А что велит Бог, грешным быть не может!

— Да, — согласилась сестра.

И они потихоньку ушли.

Ночь была чудная, луна обливала своим светом дорожки и тропинки. Некоторое время дети шли молча, наконец девочка сказала:

— Знаешь, братец, я очень боюсь, что мы не найдем дороги на родину.

Брат ответил:

— Будем все время идти на северо-запад, туда, где заходит солнце в середине лета: там наша родина. А когда увидим на дворе березу, сквозь листву которой светит ясная звездочка, это будет означать, что мы нашли свой дом.

Через некоторое время сестра опять сказала:

— Знаешь, братец, я так боюсь, что дикие звери или разбойники нападут на нас!

Брат ответил:

— Бог защитит нас. Ты еще помнишь молитву, которой учили нас дома, когда мы были совсем маленькими?

Куда б я ни направился на свете,
Господь лишь за судьбу мою в ответе!

— Да, — сказала девочка. — И Бог пошлет своих ангелов, чтобы они следовали рядом с нами в чужой земле.

Так и шли они вперед, смело и мужественно. Мальчик вырезал себе из молодого дуба крепкую палку, чтобы защищать себя и сестру. Но никакой беды с ними не приключилось.

Однажды оказались они у перепутья, где две совершенно одинаковые дороги вели каждая в свою сторону, и дети не знали, которую из них выбрать. Вдруг возле дороги, ведущей налево, запели две маленькие птички.

— Идем, — позвал девочку брат, — вот наша дорога, я это слышу по щебетанию птичек!

— Да, — согласилась с ним сестра, — эти птички не простые. Божьи ангелы облеклись в птичье оперение и провожают нас домой.

Они отправились дальше, а птички, порхая с ветки на ветку, летели впереди, но так, что дети успевали следовать за ними. Брат и сестра питались лесными плодами и ягодами, пили прозрачную родниковую воду, а по ночам спали на мягких постелях из мха. И им казалось диковинным и непонятным то, что, куда бы они ни пришли днем, они всегда находили себе пищу и, где бы они ни останавливались вечером, всегда можно было переночевать. Они никак не могли объяснить себе этого, но каждый раз при виде птишек восклицали:

— Смотри, Божьи ангелы указывают нам путь!
И снова шли долгими дорогами все вперед и вперед...
Наконец девочка начала уставать и сказала мальчику:

— Когда же мы начнем искать нашу березу?

Мальчик ответил:

— Не раньше, чем услышим, что народ вокруг нас говорит на том же языке, на котором говорили наши родители.

И снова шли они долгими путями к северо-западу. Лето подходило к концу, и в лесах стало прохладно.

Девочка спросила:

— Не видать ли еще нашей березы?

Мальчик ответил:

— Еще нет!

Страна, по которой они шли, приобрела уже совсем иной облик. До сих пор брат с сестрой миновали обширные равнины, тогда как теперь на каждом шагу встречали холмы, горы, реки и большие озера.

Девочка спросила:

— Как мы переберемся через эти высокие горы?

Мальчик ответил:

— Я перенесу тебя.

И он на руках переносил ее через горы.

Девочка снова спросила:

— Как мы переправимся через бурные реки и большие озера?

Мальчик ответил:

— Мы будем грести.

И он греб через реки и озера, потому что у берегов, к которым они приходили, всегда стояла лодка, как будто нарочно для них приготовленная. Но некоторые реки брат с сестрой преодолевали вплавь. И плыть им было легко, как водяным птицам, ибо рядом с ними в птичьем оперении летели, прокладывая им путь, ангелы.

Однажды они с раннего утра шли целый день без отдыха и сильно устали. Вечером брат с сестрой набрали на одинокую усадьбу, где на месте сгоревшего дома стояла хижина, недавно срубленная из грубо отесанных бревен. На дворе они увидели ребенка, чистившего репу.

— Не угостишь ли ты нас репкой? — спросил мальчик.

— Конечно, ступайте в горницу, — ответил малыш. — Матушка вас кормит.

Услышав ответ, мальчик захлопал в ладоши и стал обнимать и целовать ребенка, плача от радости.

— Чему ты так радуешься, братец? — удивленно спросила девочка.

— Как мне не радоваться? — ответил мальчик. — Ведь этот ребенок говорит на языке наших родителей. Теперь можно начать искать березу и звезду дочку.

Брат с сестрой вошли в горницу, где их ласково приняли и спросили, откуда они.

Мальчик ответил:

— Мы пришли из чужой страны и ищем наш дом, но знаем лишь одну примету: во дворе растет береза, на ней поют птички, когда встает солнце, а по вечерам сквозь ее листву светит яркая звездочка!

— Бедные дети! — грустно сказали хозяева. — На земле растут тысячи берез, а на небе светят тысячи звезд. Как же найти нужные вам среди такого великого их множества?

Мальчик и девочка ответили:

— Бог укажет нам. Разве не привели нас Его ангелы долгими-долгими путями на нашу родину? Ведь мы почти уже дома.

— Финляндия велика! — заметили хозяева и покачали головами.

— Но Бог еще более велик, — ответил мальчик.

Поблагодарив хозяев, брат с сестрой отправились дальше. Им больше не приходилось есть и спать в лесу: теперь они шли от одного двора к другому, и хотя расстояния были огромные, а нужда и голод царили повсюду, добрые люди везде жалели их, давали им приют на ночь и кусок хлеба. Но березу и звездочку они так и не находили. Переходя от усадьбы к усадьбе, они искали их и видели множество берез и множество звездочек, но тех, что были им нужны, все не встречалось.

— Ах, — вздыхала девочка, — Финляндия такая большая, а мы такие маленькие! Никогда не найти нам нашего дома!

Но мальчик укорял ее и говорил:

— Ты веришь в Бога?

— Да, — отвечала девочка.

— Тогда ты должна знать, что бывали и не такие чудеса. Когда пастухи шли ночью в Вифлеем, их вела туда звезда⁴. Так и теперь, если мы будем верить, она доведет нас до дома.

— Да, это так, — ответила девочка, привыкшая всегда и во всем соглашаться с братом.

И они пошли дальше с верой в сердце.

Наконец пришли они однажды вечером к одинокому хутору. Случилось это на второй год их странствований, в Троицу, что пришлась на конец мая, когда на деревьях распускались первые зеленые листья. Войдя через калитку во двор, увидели они высокую березу с пышной кроной и нежной светло-зеленой листвой, сквозь которую в полумраке светила сияющая вечерняя звезда. Было уже по-летнему светло, так что звезда эта одна выделялась на небосклоне, потому что была самой большой и самой яркой среди всех.

— Это наша береза! — тут же воскликнул мальчик.

— Это наша звездочка! — тотчас подхватила девочка.

И они бросились друг другу на шею, благодаря Бога и проливая счастливые слезы.

— Вот конюшня, куда батюшка обычно заводил наших лошадей, — вспомнил мальчик.

— А я узнаю колодец, у которого мать всегда поила коров, — сказала девочка.

— Смотри, под березой — два маленьких креста, что бы это значило? — в раздумье спросил мальчик.

— Мне так боязно идти в горницу, — призналась девочка. — Что, если батюшки и матушки больше нет в живых или же они нас не узнают? Ступай первым ты, братец!

— Давай сперва послушаем у дверей, — с сильно бьющимся сердцем предложил мальчик.

В горнице сидел старик со своей женой. Собственно, ни тот ни другая не были стары, но горе и нужда избороздили морщинами их лица.

Муж сказал жене:

— Да, нынче Троица! В этот день Бог посылает утешение скорбящему сердцу; но нам никакое утешение не явится. Мы потеряли всех четверых детей: двое спят вечным сном под березой, а двое — в неприятельской стране и никогда больше не вернутся к нам. Тяжело быть одинокими в старости.

Жена возразила ему:

— Разве Господь не всемогущ и не всемилостив? Он, который вывел детей Израиля из рабства⁵, может и нам вернуть наших детей, коли сочтет это нужным. Сколько лет было бы теперь нашим старшеньким, будь они живы?

Отец ответил:

— Мальчику было бы теперь шестнадцать лет, а девочке — пятнадцать. Ах, не заслужили мы такого Божьего благословения, чтобы когда-нибудь вновь увидеть наших дорогих детей!

В это время отворилась дверь и в горницу вошли мальчик и девочка. Они сказали, что идут издалека, и попросили кусок хлеба.

— Подойдите ближе, дети, — позвал их отец, — и оставайтесь у нас ночевать. Ах, вот и наши-то были бы такими же большими, если б мы их не потеряли!

— Посмотри, — сказала жена, — как пригожи эти детки! Ах, такими же пригожими были бы и наши, останься они в живых!

И оба родителя горько заплакали. Тут дети больше не выдержали и со слезами на глазах бросились к отцу и матери в объятия, воскликнув:

— Разве вы не узнаете нас? Ведь мы — ваши дорогие дети, которых Господь чудесным образом возвратил вам из чужеземной страны!

Тогда родители прижали их к своему сердцу с неизъяснимой любовью, и все бросились на колени, чтобы возблагодарить Бога, который именно в Троицын день послал им такое великое утешение.

Затем детям пришлось рассказать о своей судьбе, а родители поведали им о своей. И хотя с обеих сторон было много горя, казалось, что все ныне забыто и сменилось радостью. Отец с удовольствием рассматривал сильные

— Это наша береза! — тут же воскликнул мальчик.
— Это наша звездочка! — тотчас подхватила девочка.

мускулистые руки сына, а мать любовалась темными волосами дочери и чуть не в сотый раз принималась целовать ее цветущие щечки.

— Да, — молвила с детской радостью мать, — я должна была догадаться, что случится что-то хорошее, ведь недаром две чужеземные птишки так весело пели сегодня на березе.

— Я знаю этих птишек, — сказала девочка. — Это два ангела в птичьем оперении, которые всю дорогу, пока мы шли, летели впереди, ведя нас за собой, и теперь вместе с нами радуются, что мы отыскали наш дом.

— Пойдем, поздороваемся еще раз с березой и звездочкой! — позвал девочку брат. — Видишь, сестрица, там, под березой, спят наши маленькие брат и сестра. И если б это были мы на их месте под этим зеленым холмиком, а они стояли бы вместо нас и смотрели бы на нашу могилку, кем были бы мы тогда?

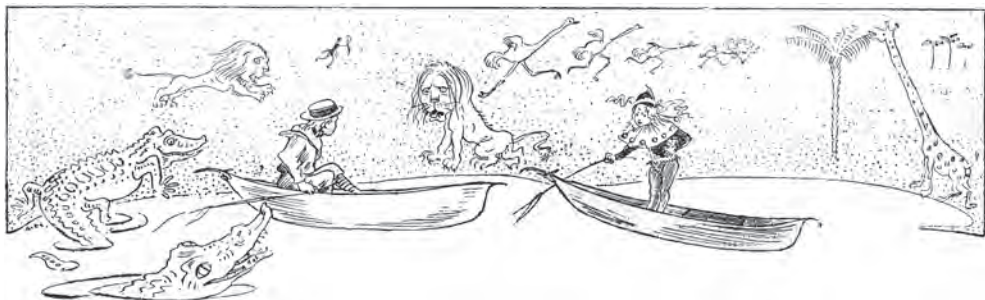
— Тогда вы были бы Божьими ангелами на небесах, — с нежностью молвила их мать.

— Теперь я знаю, — сказала девочка. — Ангелы в образе птичек, которые сопровождали нас всю дорогу и которые сегодня в ветвях березы возвестили о нашем возвращении, — это наши брат и сестра, что спят в могилке. Это они постоянно твердили нам в нашем сердце: «Идите на родину! Идите домой утешить батюшку с матушкой!» Это они указывали нам путь на диких безлюдных пустошах, чтобы мы не умерли с голоду; они готовили нам постели из мха, чтобы мы не замерзли, и посылали нам лодки на бурных реках, чтобы мы не утонули. И они же сегодня подсказали нам: «Вот это — ваша береза и ваша звездочка среди тысяч подобных им». Ибо Бог избрал их и послал нас охранять. Благодарим вас, братец и сестрица! Благодарим тебя, милосердный Боже!

— Да, — сказал мальчик, — смотрите, как ясно светит звездочка сквозь березовую листву! Отныне мы нашли свой дом; мы больше никуда не пойдем, сестрица!

— Милые дети, — сказал на это отец, — жизнь человека на земле есть постоянное странствие к вечной цели! Идите всегда вперед, и пусть Бог живет в вашем сердце, а вечная цель да пребудет пред вашим взором! Вы неуклонно шли вместе с ангелами-путеводителями, — и да указуют они вам путь и впредь! Вы стремились к березе, — она означала вашу родину. Пускай же родина будет целью вашей любви и вашего труда, пока вы живы! Вы стремились к звездочке, — она означает вечную жизнь. Да светит она вам всю вашу жизнь!

— Аминь, да будет так! — молвили дети и мать, набожно сложив руки.

МАЛЫШ ЛАССЕ

Жил на свете мальчик по имени Ларс, а поскольку он был еще очень маленький, его прозвали Малыш Лассе. Это был отважный парень: он совершил кругосветное путешествие в лодке из горохового стручка.

Случилось это летом, когда гороховые стручья в саду сделались зелеными и длинными. Малыш Лассе забрался в заросли гороха, стебли которого вымахали выше его головы, и сорвал семнадцать больших стручков, самых крупных и прямых, как раз таких, какие ему были нужны. Малыш Лассе, верно, думал, что его никто не видит, и это было глупо, потому как Господь видит все.

Мимо проходил садовник с ружьем на плече и услышал какой-то шорох в горохе.

— Кажется, это воробьи! — громко сказал он. — Кыш! Кыш!

Но воробьи не вылетали, ведь у Малыша Лассе не было крыльев, а только две маленькие ножки.

— Погодите же, сейчас я заряжу ружье и всех вас перестреляю! — пригрозил садовник.

Тут Малыш Лассе испугался и вылез из гороха.

— Простите меня, любезный, — обратился он к садовнику. — Я хотел подыскать себе несколько хороших лодок.

— На этот раз прощаю, — сказал садовник. — Но впредь Малыш Лассе должен спросить разрешения на поиски кораблей в горохе.

— Обязательно спрошу! — пообещал Лассе и отправился на берег. Там он раскрыл стручки булавкой, отделил одну створку от другой и наломал щепок, долженствующих изображать скамьи для гребцов. Затем мальчик взял горошины, вынутые из стручков, и использовал их в качестве груза. При этом несколько стручков сломалось, остальные же пошли в дело. Когда все было готово, Малыш Лассе стал обладателем двенадцати лодочек. Нет, не простых лодочек, а целого военного флота! У него было три линейных корабля, три фрегата, три брига и три шхуны. Самый крупный линейный корабль назывался «Геркулесом», а самая маленькая шхуна — «Блохой». Малыш Лассе спустил все двенадцать кораблей на воду, и они поплыли так величаво, как ни одно большое судно еще не плавало по морским просторам.

Теперь кораблям предстояло отправиться в кругосветное путешествие. Крупный остров, что виднелся вдали, изображал Азию; огромный валун, торчавший из воды — Африку; маленький остров — Америку; мелкие прибрежные камни — Полинезию, а берег, от которого корабли отправлялись в путешествие — Европу. Вся флотилия отчалила и поплыла к разным частям света. Линейные корабли направились в Азию, фрегаты — в Африку, бриги — в Америку, а шхуны — в Полинезию. Только Малыш Лассе остался в Европе и бросал камушки в мировой океан.

Тут же, у берегов Европы, была привязана настоящая лодка — чудесная, выкрашенная белой краской лодка отца Лассе. Мальчик взял да и забрался в нее. Стручковые корабли уплыли уже так далеко, что казались соломинками посреди океана. Малышу Лассе вдруг захотелось самому совершить кругосветное путешествие. Конечно, папа и мама были бы против, но Малыш Лассе не думал об этом. «Я только поплаваю немножко, совсем чуть-чуть, — решил мальчик, — перехвачу „Геркулеса“ у берегов Азии и вернусь обратно в Европу».

Малыш Лассе принялся дергать за веревку, которая удерживала лодку, и та неожиданно развязалась. Раз-два, — вот что значит храбрец! — и Малыш Лассе отчалил от берега.

Теперь нужно было грести, а грести он умел, поскольку частенько делал это дома на крыльце, когда ступеньки изображали лодку, а длинная трость отца — весло. Но тут оказалось, что в лодке нет весел: они были заперты в лодочном сарае, и Малыш Лассе не заметил вовремя их отсутствия. А добраться водным путем до Азии без весел вовсе не так легко, как кажется.

Что оставалось делать Малышу Лассе? Лодка отплыла уже довольно далеко, и береговой ветер гнал ее прочь от суши. Лассе испугался и начал кричать, но на берегу не было никого, кто услышал бы его крик. Только крупная ворона одиноко сидела на высокой березе; под березой кралась черная кошка садовника и подстерегала ворону. Ни ту, ни другую ничуть не волновал Малыш Лассе, которого уносило на середину озера.

Ах, как Малыш Лассе теперь раскаивался в том, что был непослушным и полез в лодку, хотя отец и мать не раз запрещали ему это делать! Но было слишком поздно, он уже не мог вернуться на берег. Наверное, теперь он погибнет на этом огромном озере! Что ему оставалось делать? Утомившись от бесполезных криков, мальчик сложил свои крошечные ручки и только успел пролепетать: «Добрый Боженька, не сердись на Малыша Лассе!» — как его одолел сон.

Несмотря на то, что все это происходило среди бела дня, на берегу Островов-Пушинок сидел старый Нукку Матти и вылавливал детишек своей длинной удочкой¹. Его ушей достигли едва различимые слова мольбы, с которой Малыш Лассе обратился к Господу. Тотчас же старичок подтянул лодку к себе и перенес спящего мальчика на мягкую постельку из роз.

Затем Нукку Матти сказал одному из сновидений:

Мальчи Лассе спустил все двенадцать кораблей на воду, и они поплыли так величаво, как ни одно большое судно еще не плавало по морским просторам.

— Поиграй с Малышом Лассе, чтобы он не скучал!

Сон выглядел маленьким, белокурый, голубоглазым мальчиком, ростом меньше самого Лассе. На нем была красная шапочка с серебряным шитьем и белая курточка с воротником, усыпанным жемчугом. Он порхнул к Малышу Лассе и спросил его:

— Не желаешь ли совершить кругосветное путешествие?

— Еще бы, — ответил грезивший Лассе, — разумеется, желаю!

— Тогда поплыли на твоих стручковых кораблях, — предложил мальчик-сновиденье. — Ты возьмешь себе «Геркулеса», а я — «Блоху».

Тут они отчалили от Островов-Пушинок, и скоро «Геркулес» с «Блохою» очутились у берегов Азии, далеко на краю света, там, где Берингов пролив соединяет Ледовитый океан с Тихим. На порядочном расстоянии в снежной дымке угадывался Нурденшёльд² со своим пароходом «Вега», пытавшимся пробиться через ледяные заторы. Было ужасно холодно, высоченные айсберги сверкали удивительным блеском, а под толстым слоем льда плавали громадные киты, напрасно пытавшиеся пробить лед своими неуклюжими головами. Со всех сторон на пустынных берегах, насколько хватало глаз, лежал снег и только снег. Вдалеке суетились крошечные серые фигурки людей, одетых в звериные шкуры: они ездили по снежным сугробам на маленьких санках, запряженных собаками.

— Не высадиться ли нам на этом берегу? — спросил мальчик-сновиденье.

— Нет, — ответил Малыш Лассе, — я боюсь, что киты проглотят нас, а большие собаки покусают. Поплывем лучше в другую часть света.

— Что ж, давай, — согласился мальчик в красной шапочке с серебряным шитьем, — нам отсюда недалеко до Америки.

И в тот же миг они очутились там.

В Америке ярко светило солнце и было очень жарко. На берегу длинными рядами выстроились величественные пальмы, на их верхушках красовались кокосовые орехи. По необозримым зеленым равнинам во весь опор неслись верхом красные, как медь, люди и металы копья в буйволов, защищавшихся от охотников своими острыми рогами. Огромный удав крался по стволу высокой пальмы и бросился оттуда на маленькую ламу, пасшуюся у подножия. Цап! — и с ламой было покончено.

— Не высадиться ли нам здесь? — спросил мальчик-сновиденье.

— Нет, — ответил Малыш Лассе, — я боюсь, что нас забодают буйволы или слопают огромная змея. Поплыли лучше в другую часть света.

— Поплыли, — кивнул мальчик в белой курточке, — нам отсюда недалеко до Полинезии.

И они тотчас очутились там.

Здесь было жарче, чем в Америке — да так жарко, как бывает на полке бани, когда только что поддадут пару. Берег украшали роскошные пряные культуры: кусты перца, коричное дерево, имбирь, шафран, кофейные деревья и чайные кусты. Люди коричневого цвета, с длинными ушами и толстыми губами,

*...на берегу Островов-Пушинок сидел старый Нукку Матти
и вылавливал детишек своей длинной удочкой.*

с жутко разрисованными физиономиями, преследовали желтого пятнистого тигра среди высоких зарослей бамбука на берегу. Тигр напал на одного из охотников и вонзил в него свои когти. Тогда все остальные обратились в бегство.

— Не высадиться ли нам здесь? — спросил мальчик-сновиденье.

— Нет, — ответил Малыш Лассе, — разве ты не видишь тигра у кустов перца? Отправимся лучше в другую часть света.

— Пожалуйста, — сказал мальчик с голубыми глазками. — Нам недалеко до Африки.

И с этими словами они очутились там.

Путешественники бросили якорь в устье большой реки, ее берега были покрыты таким обилием зелени, что казались одним сплошным зеленым бархатным ковром. Невдалеке расстилалась беспредельная песчаная пустыня. Раскаленный воздух, казалось, пожелтел; солнце так нестерпимо жгло, словно хотело превратить землю в пепел, а цвет кожи людей был подобен чернейшим чернилам на свете. Эти люди передвигались по пустыне на высоких верблюдах; измученные жаждой львы рычали, а огромные крокодилы высовывали из реки свои кровожадные пасти с острыми белыми зубами.

— Не высадиться ли нам здесь? — спросил мальчик-сновиденье.

— Нет, — ответил Малыш Лассе, — солнце спалит нас, а львы и крокодилы растерзают. Давай лучше посетим другую часть света.

— Нам остается лишь вернуться обратно в Европу, — сказал белокурый мальчик.

И они в тот же миг очутились там.

Путешественники подплыли к берегу, откуда веяло прохладой, где все было таким знакомым и дружелюбным. Тут стояла высокая береза с повисшими ветвями; на ее верхушке сидела старая ворона, а у ее подножия кралась черная кошка садовника. Неподалеку расположился хорошо знакомый Малышу Лассе усадебный дом, окруженный садом, а в саду рос горох с длинными стручками. Там же прогуливался старый садовник в зеленой фуражке, которого интересовало, насколько созрели огурцы. У крыльца лаял Филакс, но стоило ему увидеть Малыша Лассе, как он приветливо замахал хвостом. Старушка Стина доила коров возле хлева. Очень знакомая дама в клетчатой шали осматривала полотно, разложенное на зеленой траве для беления, а не менее знакомый господин в желтом летнем сюртуке, с длинной трубкой во рту, следил за тем, как жнецы убирали с поля рожь. Вдоль берега бежали мальчик с девочкой и кричали:

— Малыш Лассе! Малыш Лассе! Иди домой и скушай бутерброд!

— Не высадиться ли нам здесь? — спросил мальчик-сновиденье и лукаво прищурил свои голубые глазки.

— Пойдем со мной, и я попрошу маму, чтобы она дала тебе бутерброд и стакан молока, — предложил Малыш Лассе.

— Погоди немного, — ответил его спутник.

— Не высадиться ли нам здесь? — спросил мальчик-сновиденье.
— Нет, — ответил Малыш Лассе, — солнце спалит нас, а львы
и крокодилы растерзают.

Тут Малыш Лассе приметил, что дверь кухни открыта и оттуда слышится тихое приятное шипенье, какое бывает, когда на горячую сковороду льют желтое жидкое тесто для блинов.

— Не вернуться ли нам в Полинезию? — шепнул веселый мальчик-сновиденье.

— Нет, в Европе сейчас пекут блины, — ответил Малыш Лассе и хотел было выскочить на берег, но ему это не удалось.

Оказалось, мальчик-сновиденье так ловко опутал его цветочной гирляндой, что Лассе не мог пошевелиться. Тут его окружили тысячи таких же маленьких мальчиков-снов и, взявшись за руки, запели песенку:

Как изумительно велик,
Как чуден Божий свет!
Взгляни-ка, Ларс, каких в нем стран,
Каких диковин нет!

В одной — натающие льды
И вечные снега,
В другой — роскошные цветы,
Зеленые луга.

Там люди разные живут,
Один везде лишь Бог,
Которого величье все
Никто постичь не мог.

И счастлив тот, кто Им любим,
Кто верою живет;
«Без воли Божьей с головы
И волос не спадет».

Скажи ж, где лучше, милый Ларс;
Ты весь объехал свет?
— Везде прекрасен Божий мир,
Но лучше дома — нет!¹

Пропев свою песенку, сновидения упорхнули прочь, а Нукку Матти вернул Лассе в отцову лодку. Долго лежал он неподвижно, и все слышалось ему, как из кухни доносилось шипение сковороды, и оно делалось все отчетливей. Наконец Малышу Лассе стало казаться, что шипит совсем рядом, — тут он проснулся и открыл глаза.

Оказалось, что он лежит в лодке, в которой уснул. Ветер переменился, и пока мальчик спал, его принесло обратно к берегу. То, что Лассе принял

¹ Перевод А. Гурьевой.

за шипение сковороды, в действительности было тихим шумом волн, ударявшихся о прибрежные камни.

Малыш Лассе протер глаза и осмотрелся. Все было на прежнем месте: ворона — на березе, кошка — на траве, а его стручковый флот — у берега. Несколько кораблей погибли, остальные вернулись невредимыми. «Геркулес» со своим грузом — из Азии, а «Блоха» — из Полинезии. И все части света были там же, где и раньше.

Малыш Лассе не знал, что и думать. Хотя ему частенько доводилось бывать в гроте на Островах-Пушинках, он все же не подозревал, какие сновидения шутники. Но Лассе не стал ломать себе голову над этим, а, собрав свои корабли, отправился домой.

Ему навстречу бежали брат с сестрой и издали кричали:

— Где ты так долго был, Лассе? Иди домой, скушай бутерброд!

Между тем из открытой двери кухни слышалось знакомое шипение.

Неподалеку от калитки садовник занимался вечерним поливом укропа и петрушки, моркови и пастернака.

— Ну, — сказал он, — где же Малыш Лассе так долго пропадал?

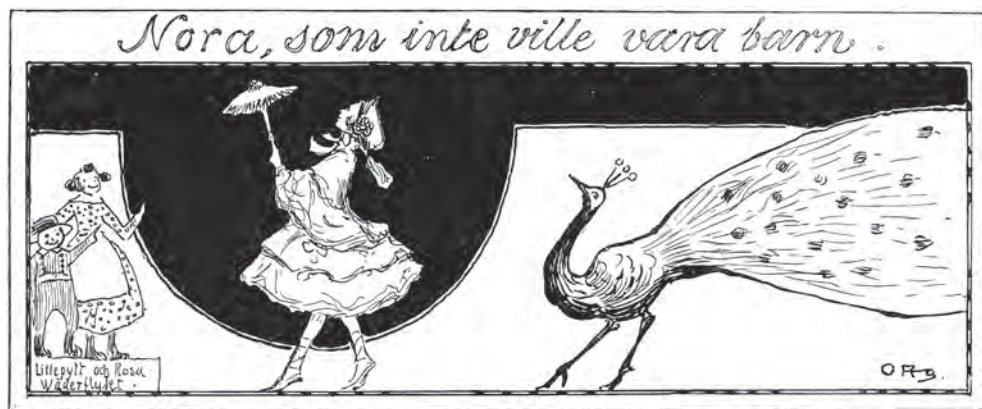
Малыш Лассе гордо тряхнул головой и с достоинством ответил:

— Я плавал вокруг света на стручковой лодке!

— Ого! — удивился садовник.

Он ведь совсем позабыл про Острова-Пушинки!

Но ты, маленький читатель, не забудешь их. Ты знаешь, что они существуют, тебе знаком их чудесный грот, сияющие золотые стены которого никогда не ржавеют; где сверкающие алмазы не теряют своего блеска и где музыка никогда не перестает тихо и нежно звучать в вечерних сумерках. Подобно нестареющим ясным звездам, никогда не увядают легкие, воздушные сны в залах Островов-Пушинок. Быть может, ты краем глаза видел прелестные крылышки этих снов, когда они порхали вокруг твоего изголовья? Или встречал голубоглазого белокурого мальчика, одетого в красную шапочку с серебряным шитьем и белую курточку с воротником, усыпанным жемчугом? Может, он и тебе показал все страны и народы мира: холодные пустоши, знойные пустыни, людей разных цветов, диких обитателей лесов и морей, чтобы ты мог изучить их, а затем с радостью вернуться домой? Да кто знает? Быть может, и тебе доводилось путешествовать вокруг света в лодке из горохового стручка?

НОРА, НЕ ЖЕЛАВШАЯ БЫТЬ РЕБЕНКОМ

— Нет, отныне я больше никогда не буду играть с куклами! — заявила Нора и с этими словами бросила Лилипута и Розу Ведерфлюкт¹ в угол, усеялась за стол, подперев обеими руками подбородок и напустив на себя довольно хмурый вид.

Лилипутом и Розой Ведерфлюкт звали двух кукол, мальчика и девочку. Обе имели фарфоровые головы и слыли скромными куклами, которые никогда ни в чем не перечили. Они были маленькими детьми еще не повзрослевшей Норы, и тогда она ими очень дорожила, но теперь забросила в угол, потому что возмнила себя взрослой. То был гадкий поступок.

— Почему ты больше никогда не будешь играть? — спросила шестилетняя малютка Сельма, которая считала за великую честь играть с Норой, которой исполнилось одиннадцать лет и целый месяц в придачу.

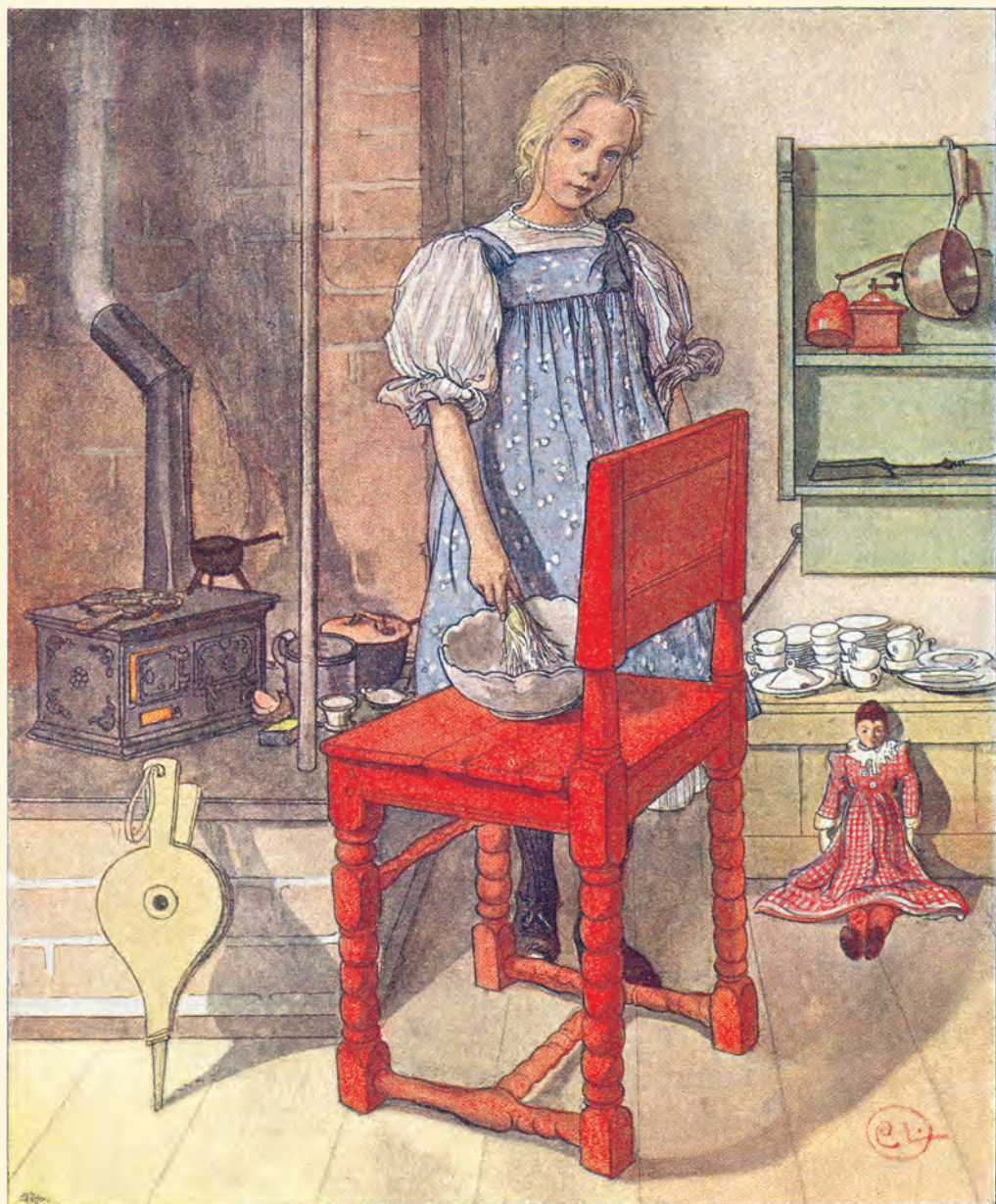
— Нет, — сказала Нора, — это невозможно, я больше не дитя. Мальчишки на улице снимают передо мной фуражки, а тетушкина горничная величает меня фрёкен² Элеонорой. Я на равных со всеми старшими девочками в пансионе и уже прочитала четыре романа. Я умею плясать польку и совершенно точно знаю, хорошо сидит мое платье или нет. На третий день после Рождества я, как ты помнишь, вальсировала на детском балу с долговязым кадетом, и он ужасно мною увлекся. По-моему, он даже сказал, что я красивая. О чем ты задумалась, Сельма?

Сельма подобрала брошенных кукол и ответила грустным тоном:

— Кажется, Лилипут остался без носа.

— Какая ты глупая! — воскликнула Нора, раздраженно подошла к фортепьяно и села играть польку-мазурку³.

— Нет, отныне я больше никогда не буду играть с куклами! — заявила Нора...

Сельма осмотрела кукол. Верно, так и есть. При падении у Лилипута откололся кусочек носа, который и прежде был маленьким, а теперь сделался еще меньше. У Розы Ведерфлюкт оказалась огромная царапина на лбу. А на кого они были похожи! Оборванные, как нищие дети, да к тому же такие растрепанные, словно Неряха Петер в книжке⁴.

— Бедные малыши! — сказала Сельма. — Нет, это никуда не годится. Теперь вам следует отправиться в постель и притвориться больными, пока я не сошью вам новую одежду.

И она раздела Лилипута и Розу Ведерфлюкт, уложила каждого в его кроватку в кукольном доме и накрыла крохотным стеганым одеяльцем, чтобы куколочки не замерзли.

А случилось это зимой, в рождественскую пору, и во дворе была высокая горка для катания: мальчишки соорудили ее у стены конюшни и накануне вечером облили водой, так что за ночь горка покрылась льдом. Сельма надела на себя маленький серый кáпор⁵ с красными лентами и хорошенькую синюю шерстяную кофту, недавно полученную ею в качестве рождественского подарка. У крыльца стояли небольшие разрисованные сани, бегавшие проворнее всех других саней и являвшиеся предметом всеобщего восхищения. Северин вызвался быть лошадкой и потащил сани с Сельмой к горке. Одним духом они взлетали наверх и так же скатывались вниз, иной раз с кувырками, и это было забавней всего. Здесь сновали мальчики и девочки с красными носами и счастливыми сердцами, а позади самых маленьких девочек, которые боялись скатываться с горы в одиночку, всегда садился мальчуган, чтобы управлять санями — снег так и летел из-под пяток! Северин помогал Сельме, и дело шло на лад; всего лишь два раза опрокинулись они за целое утро, да и то преднамеренно.

Очень скоро Норе надоело играть польку-мазурку, и от нечего делать она подошла к окну.

— Глупые дети! — сказала она себе, увидав, как весело было другим. Но в глубине души невольно подумала: «И я испытывала подобную радость, когда была маленькой».

— Пойду полюбуюсь моими новыми нарядами, — сказала она вслух.

После чего примерила те из них, что сочла самыми красивыми, и, стоя перед зеркалом, корчила всевозможные гримасы, пытаясь понять, как они на ней сидят. А когда и платья наскучили, она поискала книгу для чтения, однако ее матушка спрятала все романы, и правильно сделала. Не найдя ни одной книги по своему вкусу, Нора разозлилась, прогнала кота, спавшего на кровати, положила на ее край голову и с досады заплакала.

Вечером дети играли в большой зале и могли шуметь сколько угодно. Сначала они притащили сюда все стулья и устроили ярмарку; одни покупали, другие продавали. Потом детвора затеяла всевозможные игры: прятки, кошки-мышки, «одожди огонька», «прыгающую ворону», «схоронившийся башмак» и «кланяющуюся Майю». Напоследок сыграли в «плетение вадмала⁶», и это было несказанно весело! Труднее же всего пришлось, когда Сельма и ее партнер взяли друг друга за руку над головами остальных и когда вся вереница присела из-за малого роста Сельмы, не позволявшего свободно пройти под ее короткими ручонками, по причине чего другие участники были вынуждены встать на колени, вдобавок согнувшись в три погибели, и выглядело это в высшей степени необычно.

Чем же теперь занималась Нора, когда у остальных радости было выше крыши? Она сказала себе:

— Глупые дети!

Затем уселась в углу и выглядела такой же мрачной, как осенний туман. И когда Сельма позвала ее:

— Айда с нами, Нора, нам страсть как весело!

она ответила:

— Хорошенькое занятие для меня, великовозрастной!

Однако ночью, когда Нора спала в своей постели, ей приснился самый замечательный сон, подобного которому она никогда прежде не видала. Ей казалось, будто летней порой она очутилась в саду посреди зеленого леса. Всюду росли цветы и маленькие молодые деревца; они были милы и прекрасны на вид и тихонько покачивались от дуновения летних ветерков. Когда те проносились над их ветвями и листьями, раздавался шелест, в котором слышались слова, слагавшиеся в песню. Они были тихими, но все же довольно отчетливыми:

Мы малые дети в Царстве Творца
И славим за это Его без конца!

Несметное множество маленьких мальчиков и девочек бегало среди цветов, они целовали и ласкали их, называя своими маленькими товарищами по играм. А когда цветы и деревья начинали петь, мальчики с девочками подпевали им:

Мы малые дети в Царстве Творца
И славим за это Его без конца!

Потом солнышко тихо и блаженно зашло за вечерние облака, словно с наступлением ночи сомкнулось Божье око, и все же оно никогда не дремлет, а следит за нами ночью и днем. Нора увидела, как постепенно потемнело небо и звезды одна за другой начали вспыхивать на синем небосводе, пока наконец многие тысячи миллионов их не устремили на землю своего ясного, сверкающего взора. С каждой звезды сошел ангел и присоединился к детворе, деревьям и цветам, и все эти ангелы были маленькими невинными детьми, ибо прежде они жили на земле как человеческие дети, и Господь забрал их к себе в раннем возрасте. Все ангелы вторили дивной нежной песне:

Мы малые дети в Царстве Творца
И славим за это Его без конца!

Тут от великого воинства отделился ангел, приблизился к Норе и молвил:

— Почему ты выглядишь такой грустной?

Однако Нора отвернулась и сказала по своему обыкновению:

— Глупые дети!

В мгновение ока все вокруг нее переменилось, и она осталась в полном одиночестве на бескрайней пустоши, посреди невыносимо холодных зимних

снегов. Там у нее не было ни единого друга, которого она любила бы больше самой себя, а себялюбивое сердце — это пустошь лютой зимой. Нора вспомнила лето, цветы, молодые деревца и залилась горькими слезами. Тогда вокруг потеплело и к ней, шагая по сугробам, приблизились Лилипут с Розой Ведерфлюкт и спросили:

— Отчего ты плачешь, Нора?

Нора ответила:

— Я замерзаю здесь, на снегу; я так одинока, и нет у меня ни на земле, ни на небесах никого другого, кроме самой себя!

Тогда куклы сказали:

— Почему ты не хочешь быть ребенком? Разве ты не видишь, что все живые существа в природе и даже сами блаженные ангелы, которые намного мудрее тебя, безмерно рады возможности быть маленькими детьми? Ибо Господь сказал, что им принадлежит Царство Небесное⁷. Если хочешь жить в согласии с Господом и людьми, тебе следует быть ребенком в душе. И даже когда ты станешь взрослой и одряхлеешь телом, в душе ты все равно должна оставаться дитятей, что означает неизменную кротость и смирение перед Господом. Идем же и снова вернемся к нашему лету!

Куклы тотчас взяли Нору за руки, и та опять заплакала, но на сей раз раскаиваясь в своем безрассудстве. А когда они вернулись в зеленый лес, глянь-те-ка, все оказались в сборе — цветы, деревья, ангелы, мальчики и девочки, куклы и сама Нора, — и все радостно запели:

Мы малые дети в Царстве Творца
И славим за это Его без конца!

КРЕПОСТЬ ХРАБРОГРАД

— Сейчас начнется война! — закричал Матиас, шумно вбегая в комнату с покрасневшими щеками, намазанными сажей усами, с петушиным пером, воткнутом в шапку, и высоко занесенной деревянной саблей.

— Господи помилуй! — воскликнула старая Майя, подметавшая по утрам в зале, и так сильно испугалась, что чуть не грохнулась на пол. — Что это ты говоришь, Матиас? Разве будет война?

— Разумеется, будет! — важно ответил Матиас и засунул саблю за пояс. — Будет такая война, что только держись, но, голубушка Майя, сначала мне нужно съесть бутерброд: совсем не весело драться на голодный желудок.

— Нет, что я слышу! — возразила все еще испуганная Майя. — Война — это великое несчастье. Жестоко, когда люди убивают друг друга, жгут города и села и вытаптывают посевы на полях. Неужто к нам нагрянули турки?

— Так и есть, — ответил Матиас, а сам тем временем достал из корзинок в буфете половину хрустящей хлебной лепешки, намазал ее маслом и принялся уписывать за обе щеки. — Весь двор кишит турками, — рассказывал он с полным ртом. — Но подожди, мы им дадим себя знать! Не сунутся они штурмовать крепость Храброград!

— Нет, хоть бы словечко понять из его болтовни! — проворчала Майя и, собрав подметенный сор в совок, поспешно понесла его на двор. Старушка, которой было любопытно посмотреть, что за чудеса там творятся, со страхом отворила дверь.

И что же она увидела? Ничего особенного: двор был полон школьников, а в углу у забора возвышалась большая снежная крепость, на стенах которой в эту минуту водружали знамя в виде красного платка, развевавшегося на конце длинного шеста для засушивания хлебных лепешек. Старуха проворчала что-то вроде: «Ведь недолго и в самом деле накликать беду», — и, вытряхнув сор, сердито воротилась в комнату.

Чего Майя не видела, так это того, что за забором толпились другие воины, семи кварт¹ росту, у которых на спине пришпилены были булавами полумесяцы, вырезанные из бумаги, — носить их где-либо еще сочли неуместным. Вероятно, это были турки, в настоящий момент занятые отливкой пуль, то есть лепкой снежков, которые они аккуратными кучками складывали у забора. Христиане, напротив, находились во дворе, и их можно было отличить от турок по еловой веточке, вдетой в петлицу куртки.

— Где же генерал? — спросил один из христиан, тревожно взглянув в ту сторону, откуда ожидали неприятеля.

— Он кушает бутерброд в буфетной, господин капитан! — ответил другой, становясь во фронт и делая под козырек.

— Подобаает ли генералу подкрепляться бутербродом, когда неприятель готовится к нападению? — нахмурившись, заметил капитан.

— Да, господин капитан, Сандельс² тоже так делал, — важно ответил другой воин.

— Фельдфебелю вместо рассуждений следовало бы доложить нашему генералу, что пора выдвигаться из буфетной, — возразил капитан повелительным тоном.

— Слушаю-с! — ответил фельдфебель.

Но в это время на лестнице показался сам генерал и тотчас заметил красный флаг на крепостной стене.

— Кто посмел поднять кровавый флаг на Храброграде? — грозно крикнул генерал.

Все молчали.

— Господин генерал, — прервав молчание, ответил смущенный капитан, — я одолжил знамя у кухарки Бриты и оплатил заем из войсковой казны. Не виноват же я в том, что она дала мне красный платок.

— Капитан, — сказал генерал, — вы разбираетесь в расцветках и знаменах не лучше кухонного кота. Разве мы корсары или морские разбойники какие, чтобы иметь красный флаг? Да будет вам известно, что белый и синий — наши цвета: белый означает зимние снега, а синий — наши голубые озера!

И с этими словами генерал вынул из нагрудного кармана своей курточки куски выдавшего виды флагтуха³, которые его сестра Софи накануне сшила в единое целое. Красный корсарский стяг сняли, и вскоре на шесте стало развеваться сине-белое знамя.

— Турки идут! Все по местам! — закричал карауливший у забора дозорный. В армии христиан поднялся сильный переполох. Войско разделилось на три дивизии, из которых две построились у ворот, чтобы с обеих сторон встретить неприятеля устрашающим градом пуль, а третья дивизия поспешила в крепость, дабы привести в порядок батареи и подлатать стены в тех местах, где снег был слишком рыхлый. Ничто не ускользало от взора генерала, и тот, кто был недостаточно проворен, без церемонии получал от него тычок в спину. Но барабанщик, маленький Фриц, которому вовсе не хотелось за честь и славу жертвовать своей семилетней жизнью, до такой степени струсил, что растерял барабанные палочки и ретировался в собачью будку.

По численности турок было почти вдвое больше, чем христиан, и потому они храбро бросились в ворота. Ура! Тут посыпался на них первый град пуль — пиф, паф! Турки отскочили, а самые маленькие из них разревелись. Но их предводитель Чингисхан, долговязый гимназист, сумел ободрить свое войско, и оно ответило грозной канонадой снежков. Напрасно христиане прикрывались воротниками курточек, — слишком напористой была атака, и они начали отступать. В этот решающий момент все зависело от барабана. Однако барабанной дробью, которая должна была восстановить боевой дух, не раздавалось. Услышь христиане барабан, они, вероятно, победили бы. Но генерал напрасно призывал своего барабанщика — тот тихо и незаметно сидел, скорчившись, в собачьей будке.

— Изменник! — кричал генерал. Но делать было нечего. Неприятель наступал, и хотя христиане с невероятным мужеством отстаивали каждую пядь земли на дворе, они под конец должны были уступить численному перевесу и укрыться за стенами крепости.

Генерал был вне себя от гнева. Но победители-турки кричали «ура» и с торжеством несли по двору трофеи, которые остались на поле сражения: один сапог, две деревянные сабли, семь шапок и четырнадцать или пятнадцать разных рукавиц.

Было заключено краткое перемирие, во время которого турецкий паша праздновал победу, щедро угощая своих воинов сухарями за счет войсковой казны. После чего он послал парламентаря, который надменно призвал

защитников крепости сдаться на милость победителя. В противном случае никто из них не избежал бы встречи с клинком, что подразумевало для побежденных необходимость распластаться на земле и притвориться убитыми.

Фельдфебель, стоявший на краю крепостной стены, справедливо счел подобное требование бесстыдным, потому он недолго думая схватил снежок из батареи, прицелился и так метко залепил надменному турку в лоб, что сбил с головы шапку, а сам турок бросился удирать со всех ног.

— Это противоречит международному праву! — завопил разгневанный Чингисхан.

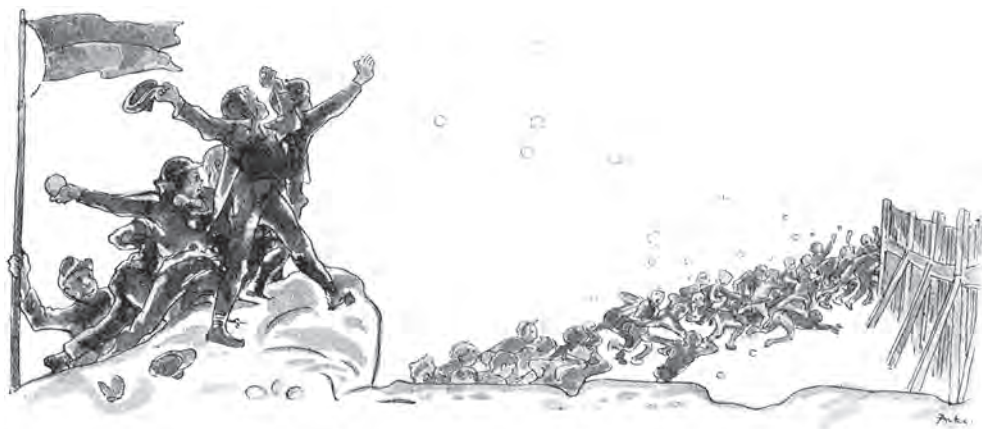
— Да, — крикнул в ответ фельдфебель, — но теперь у нас кулачное право!

И в тот же миг новый снежок, пущенный его уверенной рукой, просвистел так близко от уха Чингисхана, что гордый победитель едва успел увернуться.

— Молодец, фельдфебель! — раздался голос генерала. — Тот, кто осмелится говорить о капитуляции, будет расстрелян на месте. Фельдфебеля произведут в прапорщики, но, — тут генерал возвысил свой голос так, чтоб его было слышно по всему двору, — барабанщик — жалкий трус и будет разжалован в обозные погонщики.

— Храбрые мусульмане! — воскликнул Чингисхан. — Послушайте только, что лепечут эти хвастуны! Я не пытаюсь подкупить вас, но скажу лишь, что за забором стоит еще целая корзина сухарей, и первый, кто взберется на крепостную стену, получит ее, — да-да, не зватья мне больше Чингисханом, коль ему не достанется вся корзина с провиантом.

— Ура! Да здравствует Чингисхан! — закричали в один голос турки и бросились к крепости. Но овладеть Храброградом оказалось не так легко, как неукрепленным двором. Только и слышно было свист пронесшихся мимо ушей пуль. Тут с крепостной стены свалился турок, там — еще один. Когда закончились пули, схватились врукопашную, подминая под себя противника; крушили стену так, что из нее вываливались огромные куски; там и сям некоторые вояки таскали друг друга за волосы в полном молчании, что одинаково

противоречило международному праву, кулачному праву и правилам боя. Генерал и его войско сделали все, что требовалось от храбрых мужей без шапок, рукавиц, а иных и без сапог. Христиане сражались до последнего человека, но, к несчастью, турок было гораздо больше. Помощи не предвиделось, и турки наконец одолели. Уже взяли в плен генерала и сорвали знамя, уж неприятель проник за крепостные стены, как вдруг... раздался барабанный бой!

При этом неожиданном сигнале турки смешались. Они подумали, что новая христианская армия наступает на них сзади, — и сломя голову соскочили со стен крепости и пустились бежать, не останавливаясь, до тех пор, пока не очутились далеко за воротами.

Генерал и его войско, сильно побитые, выползли из-под развалин крепости и едва верили своим глазам, когда увидели маленького Фрица, который, барабая, в полном одиночестве шагал через двор. Но, приблизившись к генералу, он снял шапку, бухнулся на колени и сказал:

— Теперь, генерал, вы можете приказать расстрелять меня, ничего другого я не заслужил; я убежал из строя при наступлении неприятеля. Лучше быть расстрелянным, чем разжалованным в обозные погонщики. Да, сидя в собачьей будке, я слышал сказанное генералом, и во мне что-то екнуло: хоть я и боялся турок, но еще страшнее прослыть жалким трусом. Поэтому я стиснул зубы, выбрался наружу, отыскал барабанные палочки и решил: «Пусть меня убьют, а я все равно пробарабаню!» Но видите, вышло совсем иначе, турки убежали.

Генерал схватил барабанщика обеими руками за голову, высоко поднял и так расцеловал, что у того в ушах зазвенело.

— Друзья, — молвил он, — барабанщик Фриц спас Храброград и всех нас. При сем я объявляю по всей армии, что барабанщик Фриц — честный мальчик. Дайте ему только вырасти на одну голову выше, и он уже не поместится в собачьей будке. Но должен сказать вам, братцы, что тогда он и сам *не захочет* лезть туда. Позор тому мальчику, который прячется в собачьей будке, когда предстоит спасти Храброград! Но честь и слава всякому, кто предпочтет погибнуть, чем бросить барабанные палочки, когда нужно будет сражаться и умирать за отечество!

*Когда закончились пули, схватились врукопашную,
подминая под себя противника...*

ПРЕКРАСНЕЙШЕЕ В ЛЕСУ

Да, можешь не сомневаться, то было дивное утро, и к тому же раннее; думаю, было не позднее пяти часов, поскольку солнце еще не успело взойти высоко на небеса, и тени от березок тянулись далеко по траве. Батюшка с матушкой не желали, чтобы мы долго спали по утрам, и пользовались услугами старого рыбака, ежедневно устраивавшего побудку за окном нашей комнаты, когда часы били четыре:

— Поднимись и убери паруса! Поднимись и убери паруса! — взывал он, как моряки кричат друг другу, когда выдается ветреная ночь. И мы стрелой выскакивали из постели. Поначалу это было сложно, но в конце концов до нас дошло, что старые люди говорили правду: «утренний час дарит золотом нас». Да-да, только прежде необходимо исправно ложиться спать в девять часов вечера.

Мне частенько приходила в голову мысль, что отнюдь не следует проводить во сне эти дивные, светлые летние ночи, замечательные своей ясностью, в то время как на траве лежит роса и поют птицы. Ведь это означает проспать множество прекраснейших часов своей жизни. Но тут уж ничего не поделаешь. Сон необходим. Прусский король Фридрих II¹ был очень трудолюбивым человеком, и его раздражало, что треть или четверть жизни ему придется провести во сне. Поэтому однажды он решил отучить себя от столь пагубной привычки. Работал он первую ночь, и все шло своим чередом. Работал вторую, не смыкая глаз, и думал уже, будто ему удалось совершить нечто замечательное. Но что из этого вышло? Когда на следующий день он сидел за своим огромным правительственным столом и высшие должностные лица королевства приступили к докладу о делах государственной важности, они заметили, что король начал клевать носом... а потом уснул, сидя во всем своем королевском величии.

Потому-то я и склонен думать, что нам следует поступать так, как велит природа. А сон — это, безусловно, драгоценный подарок для утомленных, больных и скорбящих; только не следует считать сей факт предлогом лениться чудесным утром, вместо того чтобы представить себе старого рыбака, выкрикивающего за окном:

— Поднимись и убери паруса! Поднимись и убери паруса!

Однако я собирался рассказать о том, как выглядел утренний лес. Да, там было зелено, свежо и необычайно приятно. В лесу красовалось множество различных деревьев: начиная с достигавшей небес сосны, которая рассчитывала однажды стать корабельной мачтой, и кончая низкорослым колючим можжевельным кустом, утешавшим себя мыслью, что и он может сойти за дерево, если его подстричь и привязать к шесту.

— Но, как видите, меня это не волнует, — заявил он. — Я предпочитаю свободу. Подумать только, будь я деревом, дети не дотянулись бы до меня, придя сюда, чтобы нарезать можжевельных ветвей и воскресным утром устать ими пол в хижине!

— И это единственная польза от тебя на свете, — заметила ель, горделиво возвышавшаяся рядом. — Ты нужен лишь для того, чтоб тебя топтали, коротышка, — добавила она.

— Какое это имеет значение? — сказал можжевельник. — Весьма немаловажно, что я радую людей своим свежим лесным ароматом. Кроме того, го-жусь для выкуривания комаров, а еще меня используют мальчишки при изготовлении самострелов; из моих ягод делают отвар, сироп; также...

— Ну нет, довольно, — вмешалась рябина, — ужасно эгоистично перечислять все свои достоинства. Мне вот хотелось бы узнать, кто из нас прекраснейший в здешнем лесу. Что скажешь на сей счет?

И рябина грациозно тряхнула при этом своими пышными белыми ветвями, поскольку стояла теперь в самом цвету.

— Да, вот это вопрос так вопрос! — воскликнула черемуха, до того белая, словно только закончила играть в снежки, ведь сейчас цвела и она.

— Давайте хорошенько подумаем, кто из нас мог бы считаться самым прекрасным, — сказала черемуха. И тотчас от ее белоснежных цветов разлился вокруг чудеснейший аромат.

Березка решила, что это чрезвычайно мудрое предложение, поскольку она уже успела накрутить свои длинные зеленые волосы на папилютки, и спокойный утренний ветерок теперь играл ее вьющимися локонами. «Определенно, я — самая прекрасная», — торжествуя, подумала она.

Однако ольха, росшая на берегу озера, беспрестанно любовалась своим отражением в воде и считала себя достаточно сине-зеленой и изящной, чтобы никто не мог ее превзойти. Поэтому она также кивнула и сказала:

— Да, об этом стоит подумать!

Осина стояла возле ольхи и дрожала от страха, что кто-то мог оказаться прекраснее ее. Она всегда дрожала, эта бедняжка осина, поскольку, будучи

высокой и крупной, имела трусливое сердце и хрупкие ветви. Липа согласно кивнула; она также была собою довольна. Ракита и лоза росли возле них, но ничего не сказали и держали свои мысли при себе.

— Нам нужно спросить у цветов, — предложил клен, простиравший свой освежающий густолиственный навес над кочками, усеянными анемонами и цветами морошки.

— В этом нет необходимости, — грубо возразила сосна. — Чтобы считаться красивым, нужно быть крупным и мощным. Взгляните на меня; разве я не величава? Когда я отряхиваюсь, тысячи игл падают на землю; их подбирают муравьи и во время войны используют как копья. Я по праву считаюсь исполином; полагаю, никто не осмелится этого отрицать.

И она сделала грозный вид, чтобы запугать остальных.

Дуб оставался совершенно спокойным и слушал.

— Глупо судить о самих себе, — заметил он. — Уверен, что каждый считает себя прекрасней всех. Поэтому давайте попросим вон того зяблика в кроне березы разрешить наш спор. Он не пристрастен ни к одному из нас; ему виднее всего, кто в лесу самый прекрасный.

Сказано — сделано, спросили у зяблика. Однако тот долго раздумывал и, казалось, не желал прощebetать правду.

Тут явились двое маленьких детей, мальчик и девочка, жившие в небольшой хижине неподалеку. Выйдя из дому ранним, дивным летним утром, они молитвенно сложили руки и молвили:

— Боже правый, как прекрасен Твой лес! Господи, как прелестен созданный Тобою мир! Отец Всемогуший, помоги нам, маленьким бедным детям, расти, окруженными Твоею мудростью, быть свидетелями Твоего могущества и прославлять Твою милость всю нашу жизнь!

Когда деревья в лесу услышали молитву детей, они умолкли от изумления и восторга; их бормотанье сменилось тихим шепотом, и можно было отчетливо услышать щебетанье зяблика, пропевшего в верхушке березы:

— Роскошен, пригож мой зеленый лес, как дивно и все творение Господа. Но говорю я вам, о деревья, вопрошающие о прекраснейшем в лесу, что из всего чудесного и прелестного, предназначенного Господом расти здесь, нет ничего более милого и невинно-сладостного, чем эти двое малых детей, прославляющих Божью доброту ясным летним утром. Ибо красота, сила, мудрость и величие — ничто, коль нет смиренного сердца, забывающего самое себя, дабы воздать всю славу одному лишь Господу. Взгляните, деревья простирают свои руки к небесам, цветы заимствуют свои краски у солнца, а пташки распевают хвалебную песнь природы. Ибо единый вечный дух живет и говорит во всех нас. Все мы растем в ясном солнечном свете Божьей милости; однако молитвы детей к Всевышнему прекраснее пения птиц, зелени дерев и аромата цветов. Благослови вас Господь, возлюбленные малыши; храни вас Бог, маленькие цветочки в великом лесу жизни, и да взрастаете вы в мудрости и вечной благодати!

КУВШИНКА

Бывал ли ты как-нибудь летом на том островке, где хорошенькие березки качаются на ветру и где вода так прозрачна, так прозрачна, что можно наблюдать за веселой игрой рыбок на белом песчаном дне? Если ты бывал там, то наверняка видел большой серый утес у берега, а у подножия его белую кувшинку — ту самую, что по вечерам смыкает свои лепестки и прячет цветочек под зелеными листьями. Многие полагали, что кувшинка была обручена с солнцем, поскольку каждое утро она, белоснежная и невинная, снова раскрывала свои ясные цветочные глазки навстречу солнечному сиянию, струившемуся с небес. Но кувшинка была очень скромна: ей и в голову не приходило думать о таком знатном женихе, который стоял так неизмеримо высоко по сравнению с ней и к тому же был настолько старше ее, что она не осмелилась бы назвать его даже крестным отцом! Нет, кувшинка вовсе не стремилась к столь высокому положению в свете. Она обрела доброго друга в лице молодой березки, которая росла на краю берега и склоняла свои длинные висячие кудри над тем местом, где всегда плавала кувшинка, никогда не покидавшая своего стебелька.

Кувшинка была не только прекрасна, но и добра, и скромна, а это важнее всего. Поэтому все любили ее, и случилось так, что у нее оказался целый батальон женихов! Неподалеку стояло общество тростника, из которого одна тростинка то и дело кланялась ей, пользуясь для этого малейшим дуновением ветра.

— Ваш всепокорнейший слуга! — говорила ей тростинка, кланяясь так низко, что верхушкой своей почти касалась водной глади. Но кувшинке не по душе было такое чрезмерное смирение, зависевшее лишь от наклона спины, ведь она заметила, что тростник иной раз заносчиво и надменно посматривал на маленьких плотичек, плававших вокруг него и выделявавших свои пируэты на солнце.

Был у нее еще один жених, спина которого совсем не гнулась, а именно — врытый у берега кол, к которому старый рыбак обыкновенно привязывал свои сети, чтобы волны не унесли их. Кол всегда стоял навтыжку и не сторонился ни перед людьми, ни перед животными. Он постоянно перебранивался с любым, кто осмеливался подойти к нему слишком близко. Кувшинке это было не по нраву, ведь, кроткая и миролюбивая, она неохотно вступала в спор даже со старой лодкой, которая иногда бесцеремонно проплывала над ней.

Третьим женихом был огромный утес, носивший название Рубеж, потому что обозначал границу между двумя селениями. В прекрасные солнечные дни каменное сердце Рубежа прогревалось насквозь при виде прелестной кувшинки. Но был он ужасно стар: ему перевалило за шесть тысяч лет, и все расселины его поросли седым мхом. Кувшинка питала к Рубежу необыкновенное почтение, но это вовсе не значило, что ей хотелось выйти за него замуж. В этом случае ее почтение зашло бы слишком далеко.

Короче говоря, кувшинке нравилась молодая зеленая березка, которая всегда так ласково кивала ей, когда отражалась в воде. Но случалось это, пожалуй, даже слишком часто, потому как березка почти все время видела собственное отражение в воде рядом с беленькой кувшинкой, своей маленькой красавицей.

Я совсем забыл рассказать, кто же, собственно говоря, была кувшинка. А была она младшей и самой любимой дочерью старого Водяного¹. Когда кувшинка была еще ребенком, он качал ее на своих руках. И даже теперь, выплывая по утрам из глубины прозрачных вод, он частенько сажал ее на свое широкое плечо. По вечерам, когда солнце ныряло в море и кувшинка прятала под листьями свой белый венчик, Водяной тихонько укачивал ее на волне, напевая ей свои песни, пока наконец глазки ее не смыкались и ей не начинали сниться светлые летние сны обо всем самом прекрасном в мире.

— Не подходи ко мне, старое морское чудище! — брюзжал ворчливый кол на Водяного, между тем как тростник, всегда готовый подольститься к знати, изгибался в самых изящных поклонах и то и дело шептал:

— Ваш покорнейший слуга, милостивый государь! Ваш всепокорнейший слуга!

— Не обращай внимания на этих болванов, — говорил Рубеж Водяному, они ведь были старыми приятелями. — Посади свою малютку дочь ко мне наверх, тут она будет как сыр в масле кататься!

— Еще чего выдумал! — и Водяной так расхохотался, что с его огромной бороды полетели брызги. — Да, только этого не хватало, чтобы я перенес мой беленький цветочек в твоё мшистое логово!

— Ну, полно! — проворчал Рубеж. — Какое это имеет значение, коли мне несколько тысяч лет отроду? По крайней мере, я твердого и спокойного нрава и не унесусь прочь при легком дуновении ветерка, как некоторые...

— Нет, — возразил Водяной, — брось ты эту блажь, и останемся по-прежнему друзьями.

Но Рубеж, кол и тростник уже вбили себе в голову, что один из них непременно женится на белой кувшинке. И вот однажды ночью Рубеж взял да и разбудил молодого необузданного Юго-западного ветра, спавшего у самого его подножия, и сказал ему:

— Раз я предоставил тебе ночлег, то будет справедливо просить тебя об одной услуге.

— Какой такой услуге? — спросил Юго-западный ветер.

— А вот какой! Завтра с восходом солнца ты должен собрать все свои силы и сломать вот эту зеленую березку. Ведь из-за нее кувшинка никогда и ни за что на свете не пожелает стать моей женой!

— Ладно, — согласился Юго-западный ветер, — я ломал, словно спички, кедр и пальмы, так почему бы мне не сокрушить маленькой ничтожной березки?

Тростник же, в свою очередь, решил переговорить с морской волной, которая, совсем сонная, тихой зыбью вкатывалась в пролив.

— Ваш всепокорнейший слуга, милостивое диво морское, — обратился он к волне. — Будьте так любезны, окажите мне мимоходом маленькую услугу!

— Ну, какую еще услугу? — зевая, спросила волна.

— Будьте так любезны, нахлыньте на этот берег и опрокиньте вон ту зеленую березку! Это из-за нее кувшинка никогда и ни за что на свете не пожелает стать моей женой!

— Ладно, — согласилась волна. — Я смывала с лица земли целые леса и города, и для меня сущая безделица — снести прочь какую-то маленькую хилую березку. Однако сейчас я желаю спать, мы отложим это дело до утра.

— Ваш всепокорнейший слуга! — с низким поклоном прошептал тростник.

Кол также имел злые умыслы против березки и решился хитростью впутать в дело и рыбака, который в этот вечер привязывал к нему свою сеть.

— Эй ты, позорный столб, — рассерженно спросил рыбак, — никак ты собираешься разорвать мою сеть?

— Разве моя вина, что я такой сучковатый? — возразил кол. — Вот тут рядом стоит береза, которая, верно, больше подойдет тебе. Сруби ее завтра и вбей березовый кол у самой воды.

— Пожалуй, ты прав, — заметил рыбак. — Утром я об этом подумаю.

Миновал вечер, наступила ночь, и кувшинка вновь закрыла свой венчик, между тем как стоявшая на берегу березка, совсем зеленая от восторга, любовалась ею в нежных и прекрасных сумерках первой августовской ночи. Никто из них не предчувствовал беды, и кувшинка спала невинным сном младенца. Большая желтая бабочка, услышавшая ненароком, что задумали утес, тростник и кол, тревожно порхала вокруг березки, но последняя этого не замечала. Она была занята совершенно другим: умывалась росой, падавшей на нее мелкими прозрачными жемчужинами, и думала только о том, как бы получше принарядиться к утру, когда кувшинка снова откроет свои невинные цветочные глазки.

Через некоторое время далеко на северо-востоке показалась алая полоска зари, и вся окрестность осветилась ее сиянием. Алая полоска становилась ярче и насыщенней, и скоро весь северный и восточный небосклон превратились в огненное зарево, среди которого кровавые облака, казалось, извергали пламя.

Рыбак проснулся и выглянул в окошко своей хижины.

— Ого! — удивленно воскликнул он. — Грядет нешуточная буря! Надо скорей убирать сети!

Но вокруг было еще спокойно; да, так спокойно, что ни один зеленый локон березки не дрогнул в прохладном утреннем воздухе. Кувшинка начала раскрывать свой венчик и сонными еще глазками приветствовала березку, пожелав ей доброго утра. Никогда не видела она березку такой нарядной и красивой, а березка никогда не видала ее столь нежной и милой. Они были необычайно счастливы и довольны. В тот же миг из-за кровавого облака вынырнуло

ввысь солнышко и, залюбовавшись, благословляло их, упоенных своим юным невинным счастьем в этот ранний утренний час.

Но тут утес с нетерпением растолкал своего ночного гостя, буйного Юго-западного ветра, храпевшего в мягкой траве.

— Вставай, довольно спать, пора за работу! — прикрикнул Рубеж.

— Оставь меня в покое! — проворчал Юго-западный ветер, расправляя свои огромные облачные крылья, которыми он накрылся вместо одеяла. Но утес не желал оставить его в покое.

— Хорошо же, будь по-твоему, но ты сам не рад будешь моему полету! — вскричал разгневанный и еще не до конца проснувшийся Юго-западный ветер. Одним прыжком очутился он высоко в воздухе, поколебав верхушки деревьев.

В то утро буйный Юго-западный ветер совсем рассвирепел. Прошло совсем немного времени, как вдруг от взмахов его огромных крыльев небо потемнело, а на глади вод зашипела белая пена. Но березка и кувшинка все еще не замечали опасности. Они забавлялись тем, что пересылали друг другу приветы с маленькой золотистой стрекозкой, которая то и дело летала над водой от одного из них к другому.

Но вот разразилась буря! Затрещали деревья, разъяренное море заворчал среди скал, точно сотня тысяч котят, вступивших в отчаянную схватку с сотней тысяч щенков. В пролив ворвались грозные волны и не на шутку напугали низкопоклонный тростник, который раскланивался и извивался на тысячу ладов, стараясь увернуться от них.

«Кажется, я сильно ступил, пригласив сюда этих морских чудовищ», — подумал он. Но раскаиваться было слишком поздно. Он уже издали видел, как огромная водяная гора, покрытая белой пеной, вкатывалась в пролив.

— Вот она катится; катится на мою погибель! — в ужасе закричал тростник. И в тот же миг гигантская волна перекатилась через него и вырвала его с корнем.

— Ваш покорнейший слуга! — были его последние слова на этом свете.

Такая же судьба постигла и сварливый кол. Он стоял прямо против ветра и, преграждая дорогу набегавшим волнам, то и дело кричал им:

— Ну-ка, тронь еще раз!

Но когда подкатила большая морская волна, с колом было покончено. Крррак! — и его вмиг переломило пополам и отбросило далеко в пенящиеся волны.

Рубеж, повидавший на своем веку немало бурь, надежно стоял посреди шума и суматохи и хохотал от всего своего каменного сердца над происшедшим вокруг него разрушением. Он не заметил, что Юго-западный ветер в неистовстве своем разбудил величественную грозу, дремавшую в облаках. Бабах! — грянул гром. Гроза сверкнула, извергая ужасную заостренную молнию через весь небосвод, и, наткнувшись на утес, расколола его тысячетонное каменное сердце прямо посередине. Рубеж обратился в два крупных обломка.

Старый Водяной был весь день в больших хлопотах, потому что волны с таким бешенством перекатывались по серебряной крыше его кораллового замка, что ему то и дело приходилось крепко приколачивать серебряные листы кровли. Но когда настал вечер и Южный ветерок, явившийся на смелую могучему Юго-западному ветру, умирил его (потому как буян никогда не успокаивается сам), Водяной вышел из своего замка поглядеть, как там его маленькая любимая дочь кувшинка. И нашел ее у подножия березки с оборванным хрупким стебельком и смятым венчиком. Но по ее белоснежному личику и по красивым увядающим листикам можно было убедиться, что сломали ее в минуту блаженства, когда в ее молодом цветущем сердце царили мир, радость и невинность. Зарыдал Водяной, и слезы величиною с воробьиное яйцо катились по его длинной бороде, когда у подножия березки он предавал кувшинку земле. Зарыдала и березка: слезы мелким дождем полились с ее длинных локонов. Зарыдала золотистая стрекозка, да такими горячими слезами, что выплакала все свои золоченые глазки и ослепла. Зарыдала обильными слезами роса, и весь луг промок насквозь. Даже ясное вечернее солнце проливалось в облаках горькие слезы, отразившиеся над зеленым лесом красивой радугой.

Но Рубеж плакать не мог, даже если бы пожелал, потому что раскололся надвое, а увядший тростник лежал у его основания. Старый рыбак напрасно искал свой кол. Он уже подумывал срубить березку и сделать себе новый, но тут же решил, что жаль губить такое красивое деревце, и оставил березку в покое. Не правда ли, рыбак поступил хорошо?

Будущей весной у подножия березки на берегу скалистого островка, возможно, появится новая кувшинка — малое дитя погибшего цветка. Посмотрим, будет ли оно столь же прекрасно и невинно, как и его матушка.

МАЛИННЫЙ ЧЕРВЯК

- Ой! — закричала Тересе.
— Фу! — воскликнула Айна.
— Что там такое? — спросила старшая сестра.
— Червяк! — ответила Тересе.
— В малине! — дополнила Айна.
— Убейте его! — скомандовал Лоренцо.
— И столько шума из-за какого-то несчастного маленького червячка! — сердито заметила старшая сестра.
— Да, когда мы чистили малину... — оправдывалась Тересе.
— Он выполз из самой крупной ягоды... — продолжила Айна.
— И если бы кто-нибудь съел эту ягодку... — сказала Тересе.
— То вместе с ней съел бы и червяка, — закончила Айна.
— Ну и что ж из этого? — спросил Лоренцо.
— Ничего себе, съесть червяка! — воскликнула Тересе.
— И раскусить его насмерть! — вздохнула Айна.
— Подумаешь, какая беда! — засмеялся Лоренцо.
— Вон он ползет по столу! — опять закричала Тересе.
— Сдуй его со стола, — посоветовала старшая сестра.
— Раздави его! — ухмыльнулся Лоренцо.

Однако Тересе взяла листок малины, осторожно смела на него червячка и вынесла его во двор. Тут Айна заметила, что на заборе сидит воробей и с жадностью посматривает на червячка. Она тотчас подняла листочек с червяком, отнесла его в лес и спрятала там под кустом малины, чтобы лукавый воробей не отыскал его убежища.

Ну что еще можно рассказать о каком-то малинном червячке? Кто захочет хоть пальцем пошевелить ради такой крошечной козявки? Только тот, кому довелось бы жить столь же прекрасно, как и червячку, в такой же свежей, душистой темно-красной лачужке-ягоде, далеко в безмолвном лесу, среди цветов и зеленых листьев!

Настало время обеда, и на десерт все лакомились малиной с молоком.

— Не сыпь слишком много сахара, Лоренцо, — сказала старшая сестра.

Однако тарелка Лоренцо напоминала снежный сугроб, из-под которого едва виднелись красные ягоды.

Сразу после обеда старшая сестра заметила:

— Ну вот, мы съели всю малину, и нам не из чего варить варенье на зиму. Хорошо было бы иметь теперь две корзины, полные свежих ягод; мы почистили бы их сегодня вечером, а утром сварили бы в большом тазу. А потом ели бы вафли с малиновым вареньем.

— Давай пойдем в лес и наберем! — предложила Тересе.

— Давай, — согласилась Айна. — Ты возьмешь желтую корзинку, а я — зеленую.

— Только смотрите, не заблудитесь и приходите к вечеру домой, — предупредила девочек старшая сестра.

— Кланяйтесь давешнему червячку! — насмешливо сказал Лоренцо. — В следующий раз, когда мы встретимся с ним, я буду иметь честь скушать его!

И Айна с Тересе отправились в лес. Ах, как там было хорошо, как дивно хорошо! Правда, было немножко трудно перелезть через упавшие деревья и приходилось зацепляться за кусты, ссориться с можжевельником и обороняться от комаров, но что за беда? Девочки бодро шагали, подоткнув подолы платьиц, и мало-помалу очутились в глухой чаще леса.

Здесь было много мамуры¹, черники и роговика², но мало малины. Девочки шли все дальше и дальше и наконец очутились... нет, никто этому не поверит... они забрели в огромный малинник. Их окружал целый лес малины! Некогда здесь свирепствовал лесной пожар, а теперь, насколько хватало глаз, все заполонили теснившиеся друг к другу кусты малины. Их ветви клонились к земле под тяжестью крупных темно-красных спелых ягод. Такого изобилия никогда еще не приходилось видеть двум ягодницам в подоткнутых платьях.

Тересе усердно собирала, и Айна собирала; Тересе ела, и Айна ела. Немного погодя обе корзинки были полны.

— Теперь мы можем идти домой, — сказала Айна.

— Нет, погоди, пособираем еще немножко, — предложила Тересе.

Они поставили корзинки на землю и стали собирать ягоды в свои передники, но и те вскоре наполнились.

— Теперь пойдем домой, — сказала Тересе.

— Да, пойдем, — согласилась Айна.

Девочки взяли корзинки в одну руку и, придерживая передники другой, направились к дому.

Но это было легче сказать, чем исполнить! Девочки никогда не заходили так далеко в чащу дремучего леса; там не было ни дорог, ни тропинок, и скоро они заметили, что заблудились. Хуже всего было то, что тени деревьев при свете вечернего заходящего солнца становились все длиннее, птицы начали разлетаться по домам — в свои гнезда, а на траве показалась роса. Наконец, солнце село за верхушками елей, и в огромном лесу сделалось прохладно и сумрачно.

Девочки испугались, но продолжали идти вперед, надеясь, что лес скоро кончится и покажется дымок из трубы их родного дома.

Шли они так довольно долго, и в лесу стало совсем темно. Вот перед ними большая поляна, поросшая кустарником, и когда девочки осмотрелись по сторонам, насколько позволяла темнота, то заметили, что сделали большой круг и снова очутились среди чудесных кустов малины, где прежде набрали полные корзины и передники. Усталые, сели они на камень и заплакали.

— Я так голодна, — пожаловалась Тересе.

— И я тоже, — вздохнула Айна. — Ах, если б у нас были теперь хотя бы два больших бутерброда с мясом!

Не успела она этого сказать, как почувствовала что-то у себя на коленях; ощупав рукой, она нашла там большой бутерброд с куском жареной птицы. В ту же минуту Тересе воскликнула:

— Как странно, у меня в руке — бутерброд!

— У меня тоже, — сказала Айна. — Ты не побоишься его съесть?

— Нисколько, — ответила Тересе. — Ах, если б к этому да хороший стакан молока!

Едва она это сказала, как почувствовала в руке большой стакан с молоком. Вслед за тем Айна закричала:

— Тересе! Тересе! У меня в руке стакан молока. Вот так чудеса!

Девочки страшно проголодались, они ели и пили с большим аппетитом. Окончив свой ужин, Айна зевнула и, потягиваясь, сказала:

— Ах, как хорошо было бы теперь заснуть на мягкой постели!

Только она вымолвила эти слова, как увидела возле себя чудесную мягкую постель; то же самое случилось и с Тересе. Девочки крайне удивились, но были слишком утомлены, и им очень хотелось спать, а потому, недолго думая, они забрались в постели, прочитали вечернюю молитву и накрылись с головой одеялами. Не прошло и двух минут, как обе они очутились в объятиях сна.

Когда девочки проснулись, солнце уже стояло высоко на небе. В лесу царило чудное летнее утро, и птички весело щебетали в верхушках деревьев, порхая с ветки на ветку. Каково же было изумление детей, когда они поняли, что заночевали в лесу, среди кустов малины! Они с недоумением смотрели друг на друга и на свои постели из мха и мягкой листвы, покрытые тончайшим бельем. Наконец Тересе спросила:

— Ты уже проснулась, Айна?

— Да, — отвечала та.

— А мне все еще снится сон, — сказала Тересе.

— Нет, — возразила Айна. — Но здесь, среди этих кустов малины, наверняка обитает какой-то добрый дух. Ах, если бы нам теперь чашку горячего кофе и вкусную булочку, чтоб макать ее в кофе!

Только успела она пожелать, как возле них очутился маленький серебряный поднос с позолоченным кофейником, двумя чашками настоящего фарфора, изящной хрустальной сахарницей, серебряным сливочником и несколькими аппетитными горячими булочками. Девочки налили в чашки чудеснейшего кофе, положили сахару, добавили сливок и с удовольствием принялись завтракать. Никогда еще кофе не казался им таким вкусным!

— Теперь мне хотелось бы узнать, кому мы обязаны всем этим, — с благодарностью в голосе сказала Тересе.

— Это сделал для вас я, мои милые девочки, — тотчас послышался чей-то голос из кустов.

Девочки со страхом оглянулись и увидели маленького приветливого старичка в белом камзоле и красной шапочке. Он пробирался среди кустов, слегка прихрамывая на левую ногу. Ни Тересе, ни Айна от изумления не могли вымолвить ни слова.

— Не пугайтесь, малютки, — сказал старичок с приветливой гримасой: улыбаться как следует он не мог, потому что его рот был перекошен.

— Добро пожаловать в мое королевство! Хорошо ли вы почивали, ели и пили? — спросил он.

— О да, отлично, — ответили обе девочки, — но скажите нам... — они хотели спросить, кто он такой, но не посмели.

— Я расскажу вам, кто я такой, — ответил на их невысказанный вопрос старичок. — Я — Король Малинника, владыка всего этого королевства малинных кустов, и живу здесь уже много тысяч лет. Но великий дух, который господствует над лесом, морем и небом, не желает, чтобы я возгордился своей королевской властью и долголетием. И потому повелел, чтоб через каждые сто лет я на один день превращался в маленького червячка, что живет в малине,

и пребывал бы, слабый и беззащитный, в таком обличье от восхода солнца до его заката. В это время жизнь моя зависит от существования этого крошечного червяка, каждая маленькая птичка может склевать меня, каждый ребенок — собрать вместе с ягодами, раздавить ногой и прервать мою тысячелетнюю жизнь. Вчера как раз был день моего превращения, я попал в собранную малину и был бы раздавлен, если бы вы, добрые дети, не спасли меня! До самого захода солнца я беспомощно лежал в траве, а когда меня сдули с вашего стола, я вывихнул себе ногу, и рот мой перекосялся от испуга. Но с наступлением вечера, когда превращение мое окончилось, я стал искать вас, чтобы отблагодарить и вознаградить за вашу доброту. И тут я увидел вас обеих здесь, в моем королевстве, и поспешил оказать вам хороший прием, насколько мог, стараясь не испугать. А теперь я пошлю птичку из моего леса, чтобы она указала вам дорогу домой. Прощайте, милые дети, благодарю вас за ваше великодушие! Король Малинника сумеет выказать вам свою благодарность!

Девочки протянули старичку на прощанье руки и поблагодарили его, радуясь от всего сердца, что пощадили вчера маленького червячка. Они хотели было уйти, но тут старичок еще раз обернулся к ним лицом и, насмешливо улыбаясь своим перекошенным ртом, сказал:

— Кланяйтесь Лоренцо и скажите ему, что когда мы встретимся с ним в следующий раз, я буду иметь честь съесть его!

— Ах, не делайте этого, господин малинный червяк! — в один голос воскликнули насмерть перепуганные девочки.

— Не пугайтесь, малютки, — сказал старичок с приветливой гримасой...

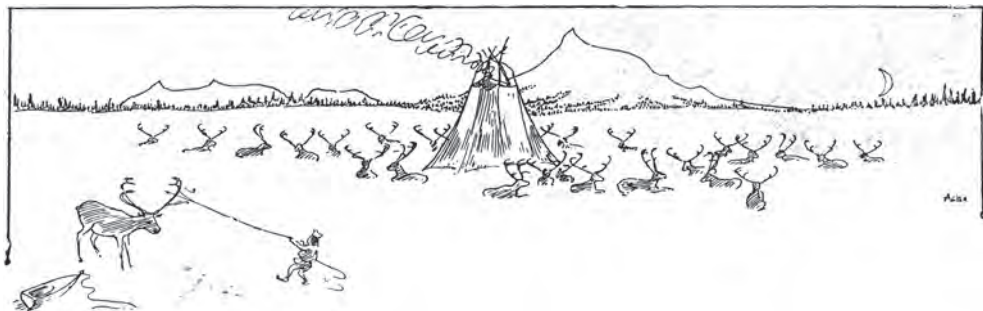
— Ну, так и быть, ради вас я его прощаю, — ответил старичок. — Я не мстителен. Кланыйтесь Лоренцо и скажите, чтоб и он ждал от меня подарок! Прощайте!

Схватили тут девочки свои корзинки и с легким сердцем побежали домой той дорогой, что указывала им птичка. Довольно скоро дети увидели, что лес редееет, и немало удивились тому, как могли они вчера так заблудиться. Можно себе представить, какая была радость, когда Тересе и Айна вернулись домой! Все ждали их, все их искали; старшая сестра глаз не сомкнула, она была уверена, что волки съели ее милых девочек. Лоренцо же вышел им навстречу с корзинкой в руках и закричал:

— Посмотрите сюда, вот это только что принес вам какой-то древний старикашка!

Когда девочки открыли корзинку, то увидели там два прекраснейших на свете браслета с темно-красными драгоценными камнями в виде спелой малины с надписями: «Тересе» и «Айне». Кроме того, в корзинке лежала бриллиантовая булавка, головка ее изображала червячка. Надпись на нем гласила: «Лоренцо, никогда не убивай беззащитных!» Лоренцо немножко смутился: он отлично понял смысл подарка, но все же решил, что старичок отомстил так, как это умеют делать лишь добрые души. Король Малинника не забыл также и старшей сестры, потому что когда она отправилась накрывать на стол к обеду, то обнаружила двенадцать больших корзин с самой крупной и редкостной малиной, какую когда-либо собирали в лесу, и никто не знал, как они попали сюда, хотя все и догадывались об этом. И поднялась тут такая суматоха с малиной и сахаром, какой прежде никто никогда не видывал! А если хочешь, пойдем туда да и поможем им — может статься, и нам что-нибудь перепадет, потому как наверняка они до сих пор не успели еще сварить такой кучи ягод!

САМПО ЛОПАРЕНОК

Лапландская сказка

Жили-были в стародавние времена лапландец со своею женой лапландкой, или, как их еще называли, лопарь и лопарка¹. А известно ли тебе, кто они такие?

Лапландцы — народ, что обитает на самом севере, гораздо севернее шведов, норвежцев и финнов. Там нет ни лугов, ни хороших лесов, ни настоящих домов; а есть одни громадные пустынные болота, высокие горы и крохотные лачуги-чумы; в них люди вползают через маленькие отверстия. Вот там-то и живут лапландцы. Удивительная эта страна! Полгода у них царит почти непрерывный свет, и летом солнце совсем не заходит; а почти полгода страна находится во мраке, так что звезды светят зимою весь день. Зима продолжается десять месяцев, и все время стоит хороший санный путь; тогда низкорослые лапландцы и лапландки катаются по снегу в маленьких санках, которые называются пулками, и в эти пулки впряжены не лошади, а олени. Видел ли ты когда-нибудь северного оленя? Он величиною с небольшую лошадь, шерсть у него серая, шея короче, чем у лошади, на красивой маленькой голове высокие ветвистые рога, глаза же у него большие и ясные. Он несется по горам и холмам с быстротой ветра, а копыта его так и стучат! Лапландцу, сидящему в пулке, это по душе, и ему хочется, чтобы круглый год в Лапландии был такой чудесный санный путь!

Как уже сказано, жили-были лопарь и лопарка. Жили они в глубине Лапландии, в местности, называемой Аймио, на большой реке Теноэки, или Тана. Ты можешь разглядеть ее в самой верхней части карты Финляндии, где Лапландские земли кажутся большим белым ночным колпаком на высокой голове страны. Эта местность пустынна и дика, но лапландец и лапландка были

уверены, что нигде больше нет такого белого снега, таких ясных звезд и такого великолепного северного сияния, как в Аймио. Там они и построили себе чум, какой обыкновенно строят лапландцы. Крупные деревья не растут в тех краях, там растут только маленькие чахлые березки, скорее похожие на кусты, нежели на деревья. И где же было лапландцам взять древесины, чтобы построить дом? Поэтому они и собрали тонкие длинные жерди, воткнули их в снег, а верхние скрещенные концы связали. Жерди они покрыли оленьими шкурами, и получилось таким образом нечто вроде серой сахарной головы. Так и соорудили они свой чум. Но на вершине сахарной головы оставили отдушину, через которую выходил дым, когда они разводили в чуме огонь; а внизу чума с южной стороны оставили другое отверстие, через которое можно было влезать в чум и вылезать из него. Таков был лапландский чум, и лапландцы находили его теплым и уютным и чувствовали себя в нем прекрасно, хотя у них не было для сна ни кроватей, ни даже пола, а только голый снег.

У лапландца с женой был маленький мальчик, которого звали Сампо, что по-лапландски означает «Счастье». Однако к Сампо скоро прибавилось и второе имя. Однажды в их чум заглянули незнакомые люди в богатых шубах и попросились отдохнуть. У них были с собой белые твердые кусочки снега, каких лапландка никогда раньше ни видала; незнакомцы называли их сахаром. Они дали несколько кусочков этого сладкого снега Сампо и потрепали его по щеке, приговаривая:

— Лопаренок, лопаренок!

Ничего другого сказать они не могли, потому как не говорили по-лапландски. А потом эти люди отправились дальше на север, к Ледовитому океану, на самый северный мыс Европы, который называется Нордкапом. Лопарке очень понравились эти незнакомцы и их сладкий снег; а потому она начала с тех пор называть своего сына Лопаренком.

— Я нахожу, что имя Сампо гораздо красивее, — говорил с досадой хозяин чума. — Сампо означает счастье и богатство, и послушай меня, мать, не порти ты этого имени! Вот увидишь, наш Сампо сделается со временем королем лопарей и будет властвовать над тысячью оленями и пятьюдесятью лопарскими чумами. Вот увидишь, мать, вот увидишь!

— Да, но мне очень нравится имя Лопаренок, — ответила лопарка.

И она продолжала называть мальчика Лопаренком, а отец называл его по-старому Сампо.

Надо сказать, что мальчика еще не крестили, потому что в тех краях тогда не было священника ближе, чем на расстоянии двадцати миль.

— На будущий год мы поедем к священнику окрестить мальчика, — говорил время от времени лопарь. Но на будущий год являлись какие-нибудь препятствия, визит к священнику откладывался, и мальчик оставался некрещеным.

Сампо Лопаренок был теперь маленьким коренастым мальчиком лет семи-восьми; у него были черные волосы, карие глаза, вздернутый широкий нос

и большой рот с толстыми губами, совсем как у папаши; в Лапландии это считается красивым. Для своих лет Сампо был очень самостоятелен и ловок. У него были маленькие лыжи, на которых он спускался с крутых берегов Таны; был у него также свой собственный маленький олень, которого он запрягал в свою собственную пулку. Ах, как взвивался вокруг него снег, когда он несся на своем олене по высоким сугробам! Маленького Лопаренка совсем не видно было из-за снежных облаков, только мелькал сквозь белую дымку его черный хохолок.

— Я не успокоюсь до тех пор, пока не окрестим мальчика, — говорила мать-лопарка. — На него могут напасть волки в горах. Или же он встретит оленя Хииси с золотыми рогами, и тогда — Боже спаси того, кто не крещен!

Сампо услышал, что говорила мать, и его заинтересовал олень с золотыми рогами.

— Вот, должно быть, великолепный олень, — решил он. — Хорошо бы поехать на нем прямо на Растекайс!

Растекайс — это очень высокая пустынная гора, которая видна не только из Аймио, но и на пять или на шесть миль кругом.

— Перестань болтать вздор, дурной мальчик! — бранила его мать. — На Растекайсе настоящее гнездовье троллей, да и Хииси там живет.

— Хииси? Кто это такой? — спросил Сампо.

Лапландка смутилась.

«Ну и слух у мальчонки! — подумала она. — И зачем это я говорю при нем о таких вещах? Но не мешает раз и навсегда отбить у него охоту подниматься на Растекайс».

И она сказала:

— Милый мой Лопаренок, никогда не ездь на Растекайс: там живет великан Хииси, страшный Горный король, который зараз проглатывает целого оленя, а маленьких мальчиков глотает, словно комаров.

Сампо глубоко задумался над этими словами, но ничего не сказал. Про себя он подумал: «А интересно было бы посмотреть на такое диво, как Горный король, — но только издалека!»

Прошло уже три или четыре недели после Рождества, а в Лапландии все еще царил тьма. Не было ни утра, ни полудня, ни вечера — была одна только непрерывная ночь; луна сияла, северное сияние горело на темном небосклоне, а яркие звезды непрерывно светили целые сутки. Сампо заскучал. Он так давно не видал солнца, что почти забыл, какое оно; а когда кто-нибудь заговаривал о лете, Сампо вспоминал только, что летом бывает много комаров и что они его чуть не до смерти заедают. И Сампо полагал, что лето могло бы никогда и не наступать, лишь бы настолько рассвело, что можно было бы кататься на лыжах.

Однажды, около полудня, лопарь сказал:

— Иди-ка сюда, я тебе кое-что покажу!

Сампо вылез из чума и посмотрел на юг, куда указывал отец. На самом краю неба он увидел узенькую красную полосу.

— Знаешь ли ты, что это такое? — спросил его отец.

— Южное сияние, — ответил мальчик. Он хорошо знал стороны света и понимал, что северное сияние не могло быть на юге.

— Нет, — сказал отец, — это предвестник солнца. Завтра или послезавтра мы, может статься, увидим и само солнце. Посмотри, какой необычный красный свет падает на вершину Растекайса!

Сампо посмотрел на запад и увидел, что снег на мрачной вершине Растекайса окрашен в красный цвет. И снова у него промелькнула мысль о том, как было бы интересно взглянуть издалека на Горного короля.

Сампо думал о Горном короле весь день и полночи. Спать он совсем не мог. Кончилось тем, что он сбросил потихоньку оленьи шкуры, в которых лежал, и выполз из чума наружу. Стоял трескучий мороз, звезды ярко горели на небе, и снег хрустел под ногами. Но Сампо Лопаренок был не избалован; холода он ничуть не боялся. А кроме того, он был тепло одет: на нем была меховая парка, меховые штаны, меховая шапка, меховые варежки и лопарские унты. Он стоял, глядя на звезды и думая, что же ему теперь делать.

Вдруг Сампо услышал, что неподалеку от него скребет копытом снег его маленький олень.

«Не прокатиться ли мне?» — подумал Сампо.

Сказано — сделано. Сампо ловко запряг оленя в пуклу и быстро понесся по большой, пустынной, снежной равнине.

«Поеду-ка я к Растекайсу, но только недалеко», — подумал он и направил своего оленя через замерзшую реку на другой берег Таны. Так мальчуган очутился в королевстве Норвегия, поскольку река Тана отграничивает Финляндию от Норвегии. Но этого Сампо не понимал.

Ты, что читаешь эту сказку о Сампо Лопаренке, пел ли ты когда-нибудь: «Беги, мой славный олень»? Знакома ли тебе эта дивная песня любезного, доброго епископа Францена², которого любит вся Швеция и Финляндия, и видел ли ты титульный лист четвертой части его прекрасных песен? Там изображен лапландский мальчик, летящий по заснеженным просторам со своим оленем совсем как Сампо Лопаренок. Тот именно так и сидел, напевая самому себе:

Долог путь и короток день,
Скоро наступит ночь.
Беги, торопись, мой славный олень,
Неси нас отсюда прочь!
Здесь нет покоя нам,
Здесь место лишь волкам¹.

И правда, волки, точно серые собаки, бежали за санями, но Сампо не обращал на них внимания. Он знал, что ни один волк не может догнать его милого оленя. У-ух, как неся он по холмам и сугробам! Только в ушах свистело! Сампо Лопаренок наслаждался быстрой ездой, предоставляя оленю полную свободу. А олень только постукивал копытами; луна на небе неслась с ними наперегонки, в то время как высокие горы как будто бежали назад. Но Сампо Лопаренок ничего этого не замечал, — ему было весело, и ни о чем больше он не думал.

Но вот на крутом повороте, при спуске с холма, пулка опрокинулась, и Сампо вдруг очутился в сугробе. Олень не заметил этого и, думая, что Сампо сидит в пулке, продолжал свой быстрый бег. А у Сампо набилось в рот столько снега, что он не мог даже крикнуть. Как куль, лежал мальчик в сугробе, а вокруг него царила темная ночь, и на большой необозримой равнине не было ни одной человеческой души на несколько миль кругом.

Неудивительно, что Сампо в первую минуту немного растерялся. Кое-как выкарабкался он из сугроба; оказалось, что он совсем не ушибся. Но что с того? Насколько хватало глаз, при бледном свете луны он видел перед собой лишь сугробы, снежные поля да высокие горы. Одна гора возвышалась над всеми остальными, и Сампо догадался, что это была гора Растекайс. Вдруг он вспомнил, что там живет страшный Горный король, который сразу проглатывает целого оленя, а маленьких мальчиков глотает, словно комаров. Тут Сампо Лопаренок испугался не на шутку. Ах, до чего же захотелось ему очутиться дома, у отца с матерью, в их теплом чуме! Но как попасть туда? А что если Горный король найдет его в сугробе и проглотит вместе с его штанами и варежками, как несчастного комара?

Сампо сделалось жутко при виде черной длинной тени, которую отбрасывала гора Растекайс, где жил Горный король. Слезы не могли помочь беде; да и к чему было плакать, когда слезинки мгновенно замерзали и горошинками скатывались на его мохнатую парку из оленьей шкуры. Поэтому Сампо решил, что плакать не стоит, поднялся на ноги и начал бегать, чтобы согреться.

«Если я останусь здесь, то замерзну до смерти, — сказал он самому себе. — Уж лучше пойду к Горному королю. Если он захочет меня съесть, так пускай! Но я все-таки скажу ему, что лучше было бы, если б он съел волков; их здесь

¹ Перевод Д. Кобозева.

много, и они пожирнее меня, да и хлопот с ними меньше — одеждой не подавишься».

Сампо начал взбираться на высокую гору. Не успел он сделать и нескольких шагов, как услышал, что позади него захрустел снег; в следующее мгновение рядом с ним очутился большой мохнатый волк. Маленькое сердечко Сампо сильно забилося, но он решил и вида не показывать, что испугался.

— Эй, не загораживай мне дорогу! — крикнул он волку. — У меня есть важное дело к Горному королю! Попробуй только меня обидеть, — тогда шкуре твоей несдобровать!

— Ну-ну, потише! — успокоил его волк (ведь на Растекайсе все звери умеют говорить). — Кто ты такой, малец? И куда пробираешься по сугробам?

— Меня зовут Сампо Лопаренок, — ответил мальчик. — А ты кто такой?

— Я старший вожак волков Горного короля, — ответил волк, — я рыскал по горам и долам и приглашал подданных Горного короля на большой праздник солнца. Раз нам по пути, ты можешь сесть ко мне на спину — и въедешь на гору верхом.

Недолго думая, Сампо влез на мохнатую спину волка и понесся галопом через расселины и пропасти.

— А что это такое праздник солнца? — спросил Сампо.

— Разве ты не знаешь? — удивился волк. — Когда в Лапландии после долгой темной зимы солнце снова показывается на небосклоне, мы справляем праздник солнца. Тогда собираются все звери, все тролли и прочая нечисть со всего Севера на Растекайс, и в этот день никто не смеет причинять другому зло. Вот видишь, как тебе повезло, Сампо Лопаренок, иначе я уже давно съел бы тебя!

— А Горный король тоже подчиняется этому закону? — спросил Сампо.

— Ну конечно, — ответил волк. — Все время, начиная за час до восхода солнца и кончая часом спустя после заката, сам Горный король не посмеет тронуть ни единого волоска на твоей голове. Но берегись! Если ты хоть на одну минуту после этого срока останешься на горе, — тогда сто тысяч волков и тысяча медведей бросятся на тебя, а Горный король схватит первого, кто ему попадется под руку, — и от маленького Сампо Лопаренка не останется и следа.

— Будь так добр, помоги мне выбраться отсюда, когда станет опасно, — попросил Сампо с сильно бьющимся сердцем.

Волк расхохотался (потому что на Растекайсе волки умеют не только говорить, но и смеяться).

— И не мечтай об этом, милый Сампо! — заявил он. — Напротив, я первый постараюсь схватить тебя. Ты жирный и здоровый мальчуган; видно, тебе на пользу пошло оленьё молоко и олений сыр. Ну и вкусный же завтрак ожидает меня на рассвете!

Сампо пришло в голову, что лучше сейчас же спрыгнуть со спины волка, но было уже поздно. Он очутился на вершине горы, и глазам его представилось диковинное зрелище. На высоком троне из поднебесных скал сидел Горный

король и смотрел вдаль на горы и доли, тонувшие в ночном сумраке. Голову его покрывала шапка из снежного облака; глаза его походили на две полные луны, вышедшие из-за леса, нос его был как вершина горы, рот как расселина в скале, борода как масса ледяных сосулек; руки у него были толщиной с самые толстые горные сосны, пальцы — как словые ветви, а его широкая шуба — целая снежная гора. Всюду сверкал и искрился снег, а на небе полыхало великолепнейшее северное сияние.

Миллионы горных троллей и старичков-домовичков окружали Горного короля. Домовые — крошечные и серенькие, семенили своими маленькими ножками по снегу, оставляя едва заметный след, не больше беличьего. Вся эта нечисть собралась сюда с самых северных мест земного шара: с Новой Земли, со Шпицбергена, с Гренландии, с Исландии, даже с Северного полюса, — чтобы поклониться солнцу. Они поклонялись солнцу, как дикари поклоняются из страха злему духу: они терпеть не могли солнца, и если бы солнце никогда больше не появилось на небе, они были бы совершенно счастливы. Чуть подалее длинными плотными рядами стояли всевозможные крупные и мелкие животные Лапландии; там были и медведи, и волки, и росوماхи, и кроткие олени, и пеструшки, и резвые олени блохи. Не было только комаров; с ними случилось несчастье: они все перемерзли за зиму.

Сампо Лопаренок, пораженный этим зрелищем, потихоньку слез с волка и, притаясь за большим камнем, стал наблюдать, что будет дальше.

Горный король поднял голову, и с шапки его посыпался снег; северное сияние точно венцом окружило его голову; на синем фоне ночного неба загорелись длинные красноватые лучи; они трещали и шипели, венец то суживался, то расширялся, то бледнел, то краснел, так что по снегу один за другим стремглав пробегали красные отблески. Горный король радовался этому зрелищу. Он захлопал своими ледяными ладонями, и от этого раздался гром и прокатился по горам, а эхо повторило его бесчисленное множество раз. Тролли завизжали от восторга, а звери закричали и завyli от страха. Горный король еще больше развеселился и крикнул своим громовым голосом:

— Да будет так! Да будет так! Пусть вечно царит зима и вечно царит ночь! Это я люблю!

— Да будет так! Да будет так! — закричали тролли во все горло, потому что все они гораздо больше любили зиму и ночь, чем лето и солнечный свет. Хищные звери были одного с ними мнения, но олени ничуть не возражали бы против лета, если б только не вспоминали лапландских комаров. Только маленькая оленья блоха безоговорочно требовала лета.

— Господин король, ведь мы собрались сюда, чтобы приветствовать появление солнца? — пищала она изо всех сил.

— А ну замолчи, жалкая букашка! — зарычал белый медведь, стоявший рядом с нею. — Мы собрались здесь справлять старый обычай и только. Мы повеселимся на славу; на этот раз солнце больше не взойдет, потому что оно погасло навсегда, оно умерло!

— Солнце погасло! Солнце умерло! — шептали звери, и вся природа содрогнулась. Тролли с Северного полюса захохотали так, что колпаки попадали у них с голов. А страшный Горный король снова возвысил свой громовой голос, который раздался по всей округе:

— Да будет так! Да будет так! Солнце умерло! Весь мир падет ниц передо мною и поклонится мне, вечному королю зимы и ночи!

Сампо Лопаренок рассердился, услышав в своем убежище эти слова. Выйдя из-за камня, он вздернул свой крошечный носик и крикнул тоненьким голоском:

— Ты лжешь самым бессовестным образом! Вчера я видел на небе предвестника солнца, я знаю, что солнце не умерло. Вот подожди, скоро борода твоя растает, тогда ты сам увидишь, что солнце еще не умерло!

При этих словах чело Горного короля потемнело, словно на него надвинулась черная грозовая туча; он забыл закон, которому все покорялись в этот день, и уже поднял свою страшную, тяжелую руку, чтобы раздавить Сампо Лопаренка, как вдруг северное сияние поблекло, на горизонте появилась красная полоска, и ледяное лицо Горного короля озарил яркий луч. Ослепленный на мгновение, от неожиданности Горный король опустил руку. И вот над горизонтом медленно и величественно показался край солнца, и золотые лучи осветили горы, сугробы, скалы, троллей, животных и маленького отважного Сампо Лопаренка. В одно мгновение снег как бы покрывся множеством прекрасных ярких роз, а лучи солнца проникли в глаза всех живых существ и в самую глубину их сердец. Даже тот, кто больше всего радовался, что солнце умерло, теперь радовался его появлению. Смешно было видеть недоумение троллей; они смотрели на солнце и жмурили свои маленькие глазки под красными ночными колпаками; кончилось тем, что они пришли в полный восторг, так что встали на снегу вверх ногами. Борода страшного Горного короля начала таять и ручьем полилась вниз по его широкой шубе.

Однако, пока они все смотрели с такими разными чувствами на солнце, прошел почти целый час. Сампо Лопаренок услышал, как один из оленей проговорил своему олененку:

— Пойдем, пойдем, деточка! Надо скорее уходить отсюда, а то нас съедят волки!

Тогда только Сампо вспомнил, какая ему грозит опасность, если он еще останется на горе. Рядом с собой он увидал великолепного оленя с ветвистыми золотыми рогами; недолго думая, мальчик прыгнул ему на спину, и олень стремительно быстро понесся вниз с горы через обрывы и крутизны.

— Что за странный шум слышится у нас за спиной? — спросил Сампо олень, немного переведя дух от быстрой скачки.

— Это тысяча медведей гонится за нами, чтобы проглотить нас, — ответил олень. — Но не бойся: я олень самого Горного короля, и ни один медведь никогда не догонит меня.

Через некоторое время Сампо опять спросил:

— Что за странное пыхтение я слышу у нас за спиной?

Олень ответил:

— Это гонятся сто тысяч волков; они несутся за нами во весь дух и хотят в клочья разорвать тебя и меня. Но не бойся: ни одному волку не удавалось еще перегнать меня.

Они проскакали так еще некоторое время. Но вот Сампо Лопаренок снова спросил:

— Не гром ли гремит в горах позади нас?

— Нет, — ответил олень и задрожал всем телом, — это сам Горный король шагает за нами гигантскими шагами, и теперь мы оба погибли, потому что от него никому не уйти.

— Неужели нет спасенья? — спросил Сампо.

— Нет, — ответил олень, — разве что успеем добраться до усадьбы священника на берегу озера Энаре. Коли попадем туда, мы спасены; Горный король не имеет никакой власти над крещеными.

— Ах, — сказал Сампо, — беги быстрее, мой милый олень, несись по горам и долам, я накормлю тебя золотым овсом из серебряных яслей!

Олень не бежал, а летел, едва касаясь ногами земли. Наконец, чуть дыша, он очутился вместе с Сампо в доме священника, но Горный король уже шумел во дворе усадьбы и так сильно заколотил в дверь, что все решили: дом вот-вот развалится в щепки.

— Кто там? — спросил священник.

— Это я! — ответил со двора громовой голос. — Отворяйте Горному королю! У вас там некрещеный ребенок, а все дети-язычники принадлежат мне.

— Подожди немного, я только надену на себя рясу да белый воротничок, дабы достойно встретить такого почетного гостя! — ответил священник.

— Ладно! — прорычал Горный король, — да поторапливайся, а то я ногою выбью стену твоей лачуги.

— Сейчас, сейчас, ваша милость! — отвечал священник.

Между тем он наполнил чашу водой да и окрестил Сампо Лопаренка.

— Ну, готов ты, что ли? — снова зарычал Горный король и уже поднял свою страшную ногу, чтобы выбить стену.

Но в это мгновение священник собственноручно отворил дверь и сказал:

— Убирайся, нечистый дух, король ночи и зимы, ибо над этим ребенком ты уже потерял власть! Господь осенил лучами своего солнца маленького Сампо, и он принадлежит теперь не тебе, а Богу!

При этих словах Горным королем овладела такая ярость, что он тут же на месте лопнул от злости, и в то же мгновение разразилась такая страшная снежная буря, какую только можно себе вообразить. Повалил густой снег, и сыпал так долго, что занесло всю усадьбу священника, и люди уже думали, что они навеки погребены под ужасными сугробами. Один только священник оставался спокойным; он читал молитвы и ждал утра. А когда настало утро, выглянуло солнышко; лучи его растопили снежные сугробы, усадьба священника

— Ты лжешь самым бессовестным образом!

была спасена. Горный король исчез, и никто не знал, куда он девался, но надо предполагать, что он жив до сих пор и властвует на горе Растекайс.

Сампо Лопаренок горячо поблагодарил священника и одолжил у него пулку, потом запряг в нее оленя с золотыми рогами и поехал к своим родителям в Аймио. Можно себе представить, как они обрадовались, когда неожиданно-негаданно возвратился их дорогой сын.

А то, каким образом Сампо Лопаренок сделался важным господином, как кормил своего оленя золотым овсом из серебряных яслей, — уже совсем другая история, которую теперь слишком долго рассказывать. Оставим ее на другой раз. Говорят, будто лапландцы с той поры не откладывают больше из года в год крещение своих детей. Ведь кто захочет, чтобы малыши достались страшному Горному королю? Сампо Лопаренок знает, как опасно быть некрещеным, и он не забыл, что означают раскаты грома в горах!

ЖЕМЧУЖИНА АДАЛЬМИНЫ

Жили когда-то король с королевой, и была у них маленькая дочка. Ее, как и всех королевских дочерей, величали принцессой. Имя ей дали Адальмина, и была она единственным ребенком своих родителей. Вот почему те не только обожали, но даже боготворили ее, а Господу неугодно подобное идолопоклонство, когда забывают наставление из Катехизиса¹ о том, что нужно любить *Творца* превыше всего и всех на свете.

На крестинах принцессы Адальмины присутствовали две добрые феи — Алая и Голубая, которые были приглашены в качестве крестных матерей, — уж таков обычай у сказочных королей. Обе феи не забыли сделать подарки маленькой принцессе по случаю ее крестин. Алая фея преподнесла ей большую жемчужину несравненной красоты, какую еще никто никогда не видел, а вдобавок — еще три других дара.

— Знайте же, — молвила фея, — пока Адальмина будет носить на себе эту жемчужину, она с каждым днем будет становиться все *прекраснее*, все *богаче*, все *умнее*. Но если она потеряет ее, то утратит с нею и все три дара: красоту, богатство и ум! Их ей не вернуть, пока она не обретет свою жемчужину снова.

Голубая фея сказала:

— Адальмина получила такие прекрасные дары, что многие не пожелали бы ничего лучшего. Однако есть еще один дар, который несравненно выше всех этих трех, и я наделю им Адальмину, но с одним условием. Пока принцесса обладает своей жемчужиной, а следовательно и тремя дарами Алой феи, дар мой никакой силы не имеет. Но как только она потеряет свою жемчужину, а вместе с ней красоту, богатство и ум, она получит от меня взамен четвертый дар — доброе и *смирненное сердце*!

Кивнув головой на прощанье, обе феи исчезли, словно два белых облачка в синеве небес. Король с королевой очень обрадовались. Они подумали про себя: «Лишь бы наша маленькая принцесса была прекрасна, богата и умна; а что касается до ее сердца, то это не имеет значения. Мы будем беречь ее жемчужину, и тогда ей не понадобится нищенский дар Голубой феи. Да, Алая фея лучше поняла, что необходимо принцессе. Она сделала поистине королевские подарки, тогда как Голубая фея, надо признаться, поскупилась. Она бросила нашему дорогому дитяте подачку, совсем как бросают медную монету нищенке у проселочной дороги».

Король тут же велел сделать золотую корону по голове маленькой Адальмины. Корона эта была устроена так, что по мере того как головка принцессы

становилась больше, расширялась и корона. Вместе с тем у короны была еще одна особенность: на всякую другую голову она не годилась, оказывалась или слишком большой, или слишком узкой. Впереди, посредине короны, в высокий зубец была вставлена жемчужина Адальмины, и притом так тщательно, что потерять ее было просто невозможно.

Корону изготовили, надели на голову Адальмины, и с тех пор она не снимала ее никогда: ни ночью, засыпая в своей золоченой колыбельке, ни днем, резвясь и бегая по замку. Но поскольку король с королевой очень боялись, что принцесса потеряет свою корону, они строго-настрого запретили свите маленькой Адальмины пускать ее за большую калитку, отделявшую королевский двор от парка. За ней неотступно следовали повсюду четыре камердинера и четыре камер-фрейлины; кроме того, всем слугам было отдано строгое приказание следить за принцессой и за ее жемчужиной. Никто не смел слушаться, потому что страшный палач в красном балахоне с безобразной бородой и секирой в руках шутить не любил.

Между тем малютка выросла, и исполнилось все, что предсказала Алая фея. Адальмина сделалась самой очаровательной принцессой на свете — до того прекрасной, что весенним вечером ее маленькие глазки сияли, словно ясные серебряные звездочки, и куда бы она ни пошла, вокруг нее распространялось сияние, как от солнечных лучей. А все цветы, склоняясь перед нею, говорили:

— Ты прекрасней нас!

Что же касается до богатства, то она была окружена одними сокровищами. Пол в ее комнате был из серебра и перламутра; стены — сплошь зеркальные, а потолок из золота, усыпанного алмазами. Все так и сверкало! Адальмина кушала на золоте, спала на золоте и одевалась в золото. Да, если бы золото можно было есть, она бы золотом и кормилась, но такая пища была ей не по зубам. Ну, а уж умна она была так, что и сказать нельзя: принцесса отгадывала самые трудные загадки и запоминала самые длинные уроки, стоило ей хотя бы раз заглянуть в книжку. Все мудрецы королевства собирались в замке и задавали Адальмине вопросы, и все они уверяли, что никогда еще не бывало на свете такой умной принцессы, да никогда и не будет.

Ну что ж, все это было прекрасно. Не грех быть красивой, богатой и разумной, коли сумеешь распорядиться своими дарованиями согласно воле Божьей. Но в этом-то все и дело! Король и королева, ослепленные любовью к дочери, полагали, что принцесса Адальмина — самое совершенное существо на свете; но хуже всего было то, что и Адальмина сама начала думать то же самое. Поскольку все окружающие постоянно твердили ей, что она в тысячу раз прекраснее, богаче и умнее всех других людей, она охотно поверила этому и стала надменной: принцесса смотрела на всех, даже на своих родителей, свысока. Бедняжка Адальмина! Какое это было безобразное пятно на ее несравненной красоте! Оно делало ее нищей при всем ее богатстве, оно было величайшим безрассудством при всем ее уме, чуть не погубившим ее окончательно.

Чем старше, тем надменней и высокомерней становилась Адальмина, а надменность и высокомерие всегда влекут за собой ужасающие пороки. Адальмина сделалась злой, жестокосердной, жадной и завистливой. Если в саду ей попадался на глаза красивый цветок, она поспешно затаптывала его ногой, потому что не терпела, чтобы кто-нибудь, кроме нее, был прекрасен. Если она встречала другую принцессу, катившую в золотой карете, ее охватывала невыразимая досада, потому что богатой и знатной, по ее мнению, могла быть только она одна. А если при ней хвалили какую-нибудь другую девушку и говорили, что она мила и умна, Адальмина плакала горькими слезами от злобы и зависти, потому что никто, кроме нее, не имел права быть умной. Адальмина делала все, что только приходило ей в голову, и карала всех, кто не льстил ей прямо в лицо. Но в то же время она презирала тех, кто больше всего покорялся ее воле. Она сделалась тираном, которого все боялись и никто не любил. Лишь король с королевой одни во всем королевстве не замечали ее недостатков и ее гордости.

Когда принцессе исполнилось пятнадцать лет, отправилась она однажды на прогулку. И захотелось ей выйти в парк, но калитка была заперта, а четверо камердинеров и четыре камер-фрейлины не соглашались ее отпереть. Впервые посмели они ослушаться принцессу! Ну и разозлилась же Адальмина! Да так, что красота ее совершенно померкла. Она надавала пощечин своим верным слугам, перелезла через калитку и, видя, что камердинеры и камер-фрейлины следуют за ней, побежала в глубину парка и бежала до тех пор, пока не потеряла из виду среди густых деревьев преследовавших ее слуг.

И вот в первый раз в жизни Адальмина почувствовала усталость и жажду и присела у родника отдохнуть. Своей беленькой ручкой принцесса зачерпнула немного студеной воды из родника и сделала несколько глотков, как это делают простые смертные, которым никто не предлагает с низкими поклонами стакан воды на серебряном подносе. Наклонившись к роднику, она вдруг увидала в прозрачной воде свое отражение.

— Ах, до чего ж я прекрасна! — сказала она самой себе и при этом еще ближе наклонилась к воде, чтобы хорошенько полюбоваться собой; вдруг — плюх! — золотая корона упала с головы Адальмины и исчезла на дне родника.

Адальмина едва обратила на это внимание, столь поглощена она была созерцанием своей красоты. Но что случилось? Как только вода в роднике успокоилась, Адальмина увидала в зеркале его вод совсем другой образ. Не было больше прекрасной принцессы в платье, расшитом золотом, с драгоценными камнями в волосах и со сверкающими алмазами в серьгах; она увидела перед собой жалкую, уродливую беднягу-нищенку с непокрытой головой, босую, в лохмотьях и со всклокоченными волосами. В один миг исчез вдруг и великий ум Адальмины: она стала столь же невежественна и необразованна, как самые заядлые неучи. Но самое странное было то, что она вдруг все позабыла, так что больше ведать не ведала, кто она такая, откуда явилась и куда намеревалась идти. Она только смутно сознавала, что с ней произошла какая-то

огромная перемена, и это сознание так испугало Адальмину, что она бросилась бежать от родника. Она бежала все дальше и дальше, в самую глубь леса, не отдавая себе отчета, куда держит путь.

Наступил вечер, стало темно, и в лесу раздался вой волков. Адальмину все сильнее и сильнее одолевал страх. Она все бежала и бежала, пока не увидела отблеск света. Свет шел из маленькой хижины, где жила бедная дряхлая старушка.

— Несчастное дитя, — молвила старушка, когда Адальмина вошла в хижину, — откуда ты пришла так поздно вечером?

Но Адальмина ничего не смогла ей ответить. Она не знала даже, кто она сама и где живут ее родители. Старушке показалось это странным, но она сжалась над бедной девушкой и сказала:

— Раз ты так несчастна и одинока на всем белом свете, живи у меня. Мне как раз надо, чтобы кто-нибудь пас моих коз в лесу. Можешь взяться за это дело, дитя мое, если ты добра и скромна и если будешь довольствоваться хлебом и водой. А еще ты можешь рассчитывать на козье молоко по праздникам.

Да, Адальмина была очень довольна и с глубокой благодарностью поцеловала руку старушки. Потому что, хоть принцесса этого и не знала, Голубая фея сдержала слово: Адальмина получила дар, который был несравненно выше красоты, ума и богатства — доброе и смиренное сердце. И была она теперь куда счастливее прежнего, хотя пасла в лесу коз, ела свой нищенский хлеб и спала на жесткой постели из соломы и мха. Да и сама она стала гораздо лучше, чем прежде, потому что доброе, смиренное сердце приносит с собой много прекрасных даров: чистую совесть, невзыскательность, мир и душевный покой, доброту и любовь, которые никогда и нигде не покидают человека с добрым сердцем. И куда бы теперь Адальмина ни шла, вокруг нее вновь распространялось солнечное сияние, но исходило оно не от ее прекрасной внешности, как прежде, а от ее прекрасной души: добрые люди всегда озаряют все вокруг себя тихим светом, точно ангелы, которые спускаются на землю и освещают людей своими большими белыми крыльями.

Меж тем, когда принцесса исчезла, на королевском дворе поднялся ужасный переполох. Ничуть не помогло и то, что несчастные камер-фрейлины и полупомешанные от страха камердинеры, сопровождавшие принцессу во время злополучной прогулки, были брошены в мрачную тюремную башню, куда не проникал ни единый луч солнца или луны, а у дверей был поставлен красный палач с безобразной бородой, с секирой в руках. Горе короля и королевы было беспредельно. Они приказали всем подданным своего королевства одеться в траур, а во всех церквях объявить, что тот, кто найдет принцессу, получит ее руку, если только этого пожелает, а в придачу еще полкоролевства. Как известно, в те времена существовал такой обычай.

Награда была хорошая, и немало принцев, а также благородных рыцарей пожелало ее заслужить. Три долгих года скакали они верхом по всему белому

Когда принцессе исполнилось пятнадцать лет, отправилась она однажды на прогулку.

свету и все искали, искали принцессу, зимой и летом, но никому из них не удалось найти хотя бы золотого каблучка от туфельки Адальмины. Наконец, однажды юный, но могучий принц Сигизмунд из франкских земель во время своих поисков очутился возле хижины дряхлой старушки. Она сидела в траурном платье, не очень-то изысканном, но, во всяком случае, черном. Ее наряд дополняли пасшиеся на лесном пригорке козы строгой черно-белой расцветки.

— О ком горюете, милая матушка? — спросил принц.

— Король приказал, чтобы все носили траур по пропавшей принцессе, — ответила старушка. — Но, по правде говоря, особенно жалеть-то ее нечего. Конечно, она была прекрасна, богата и умна, но люди говорят, что сердце у нее было гордое, а это очень дурно, а потому никто во всем королевстве ее не любил.

В эту минуту Адальмина вернулась из лесу со своими козами. Поглядел на нее принц да и подивился, как девушка, что столь бедна и неприметна, могла все же так тронуть его сердце? Ведь она пришла к нему по душе, хотя видел-то он не более чем мочку ее уха. Принц спросил, не встречала ли она принцессу.

— Нет, — ответила Адальмина.

— Как странно, — молвил принц. — Три долгих года я не думал ни о чем, кроме моей малютки принцессы. Но отныне я прекращаю свои поиски. Теперь я желаю построить себе замок в здешнем лесу и провести в нем остаток своих дней.

Сказано — сделано. Принц построил в лесу замок, и башни его вознеслись к небесам как раз близ того самого родника, где с Адальминой некогда случилось превращение. И вот однажды, когда было очень жарко, принца мучила жажда, и он склонился к роднику, чтобы напиться.

— Что может так ярко блестеть на дне? — спросил он самого себя. — Посмотрим!

Принц наклонился еще ниже, опустил руку в родник и вытащил оттуда золотую корону с необыкновенно прекрасной жемчужиной. И вдруг у него промелькнуло в голове: что, если это — жемчужина Адальмины! И принц отправился с короной в королевский замок. Не успели король с королевой хорошенько рассмотреть драгоценную корону, как закричали оба в один голос:

— Корона Адальмины! Жемчужина Адальмины! Ах, но где же она сама, где наша прекрасная, милая малютка принцесса?

Тут король прикинул, что если бы принцесса была жива, то ей исполнилось бы теперь восемнадцать лет. Он вспомнил пророчество Алой феи и догадался, что случилось именно то, что она предсказывала. А потому король снова приказал объявить во всех церквах, чтобы все девушки королевства, которым минуло восемнадцать лет, явились на королевский двор и примерили корону. И та, которой корона придется впору, будет признана за пропавшую принцессу, а принц Сигизмунд из франкских земель возьмет ее в жены.

Само собой, все девушки тотчас поспешили на королевский двор — даже те, что были старше или моложе восемнадцати лет и притворились забывчивыми. Был прекрасный летний день, и по меньшей мере тысяча девушек томилась на королевском дворе в длинных рядах очереди, желая попытать счастья. С раннего утра и до позднего вечера корона путешествовала с одной головы на другую. Примеряли ее все, но никому она впору не пришлась. Под конец зароптавшие девушки подняли крик:

— Да король смеется над нами! Давайте бросим жребий: кто выиграет — получит и корону, и принца.

Но это совсем не понравилось принцу Сигизмунду, и он попросил подождать до тех пор, пока не зайдет солнце.

— Ну, так и быть, — согласились девицы.

Перед заходом солнца выставили стража поглядеть, не идет ли еще кто-нибудь вдалеке по проселочной дороге. И вот принц крикнул:

— Стражник! День клонится к вечеру, не видать ли кого на дороге?

Стражник ответил:

— Вижу, как цветы склоняют свои головки ко сну, потому что близится ночь. Но никого-никого не видать на дороге!

Снова принц спросил:

— Вечер на исходе! Стражник, не видать ли кого на дороге?

Стражник ответил:

— На заходящее солнце надвинулось облачко, и птички в лесу прячут свои головки под усталое крылышко. Ночь совсем близка, но никого-никого не видать на дороге!

Еще раз принц спросил:

— Стражник! Вечер кончился, уж не видать ли кого на дороге?

Стражник ответил:

— Вижу легкое облачко пыли далеко-далеко у опушки леса. Оно приближается. Вижу бедную пастушку, что гонит перед собой стадо коз по дороге!

— Пусть пастушка примерит корону! — молвил принц.

Остальные девушки, которые считали себя гораздо благороднее бедной пастушки, закричали:

— Нет, нет! Уже поздно!

Но король приказал привести пастушку. И что же? Когда на ее голову надели корону, оказалось, что она пришлась ей как раз впору.

В то же мгновение зашло солнце и стало темно, так что нельзя было хорошенько разглядеть лица девушки. Но сердце принца Сигизмунда подсказало ему, и он подумал: «Господу Богу угодно, чтобы я взял себе в жены бедную пастушку. Так я и сделаю, потому что я видел ее у старушки в лесу и знаю, что всюду, где бы она ни появлялась, вокруг нее распространяется солнечное сияние».

И все закричали:

— Да здравствует принц Сигизмунд и принцесса Адальмина!

Однако при этом многие подумали про себя:

«Какая же она принцесса? Всего-навсего простая бедная пастушка!»

Повели тут пастушку с короной на голове в тронный королевский зал, освещенный тысячей восковых свечей. Но ярче всех свечей сияла своей бесподобной красотой принцесса Адальмина, стоявшая посреди зала в великолепном золотом наряде. Ибо, получив обратно свою жемчужину, она вновь обрела и остальные дары Алой феи. Но лучше всего было то, что она сохранила в то же время и дар Голубой феи: доброе и смиренное сердце. А поскольку к ней вернулась ее чудесная память, она вспомнила и то, как жестока была раньше и как потом превратилась в бедную пастушку. Адальмина осознала, что бедные и некрасивые люди, у которых совесть спокойна, гораздо счастливее богатых и прекрасных, но гордых людей. Пала тут принцесса на колени перед своими родителями и умоляла батюшку с матушкой и всех других простить ей все, в чем она провинилась перед ними, когда была ослеплена гордостью. А в доказательство того, что сердце ее ныне смягчилось, привела она из леса бедную старушку, обняла ее при всех и сказала:

— Милосердный — богат, даже будучи нищим, а богач с жестоким сердцем терпит нужду и горе при всех своих сокровищах.

Присутствовавшие не верили своим глазам. А принц Сигизмунд молвил:

— Я знал, что все так и будет! Жемчужина Адальмины прекрасна, но всего прекрасней — доброе и смиренное сердце!

На королевском дворе с превеликой радостью сыграли свадьбу. Четырех камер-фрейлин и четырех камердинеров освободили из тюремной башни, а красный палач с безобразной бородой поставил свою секиру в угол. И все в стране восклицали:

— Прекрасна и бесподобна жемчужина Адальмины! Но всего прекрасней — доброе и смиренное сердце!

Когда на ее голову надели корону, оказалось, что она пришлась ей как раз впору.

РОЖДЕСТВО У ТРОЛЛЕЙ

Красивый домик на углу улицы был в сочельник ярко освещен. Там зажгли высокую елку, украшенную блестящими звездочками, конфетами и яблоками; на столе горели ветвистые праздничные свечи, а дети вели себя невообразимо тихо всякий раз, когда в передней что-то скрипело или шелестело. Вдруг в комнату вошел Рождественский козел¹ и, как водится, спросил, были ли дети послушны и добры. Все в один голос ответили:

— Да!

— Если так, — сказал Рождественский козел, — то никто из вас сегодня не останется без подарка. Но я скажу вам заранее, что в этом году у меня подарков в два раза меньше, чем в прошлом!

— Отчего же? — спросили дети.

— Я вам это сейчас объясню, — ответил Рождественский козел. — Я прибыл с далекого Севера и по пути заглядывал во все бедные лачуги; там мне довелось увидеть много маленьких детей, у которых и куска хлеба в сочельник не будет. Им-то я и отдал половину ваших подарков. Разве я неправильно поступил?

— Да, да, ты хорошо сделал! — закричали дети. Только Фредрик и Лотта сперва промолчали: ведь Фредрик раньше почти всегда получал двадцать подарков, а Лотта — тридцать, и им казалось, что, получая теперь вдвое меньше, они совсем обижены.

— Разве я неправильно поступил? — во второй раз спросил козел.

Тогда Фредрик, повернувшись на каблуках, угрюмо ответил:

— Что за скверное нынче Рождество! У троллей Рождество лучше справляют, чем ты нам теперь устроил!

А Лотта, в свою очередь, заревела и воскликнула:

— Неужели я получу только пятнадцать подарков? Да, гораздо лучше справляют нынче Рождество у троллей!

— Вот как! — откликнулся Рождественский козел. — Тогда я тотчас отнесу вас к ним!

И, схватив за руки Фредрика и Лотту, он потащил их за собой, хотя они изо всех сил сопротивлялись.

То-то они мчались, то-то неслись по воздуху!

Не успели дети опомниться, как уже очутились в огромном дремучем лесу, среди снежных сугробов. Было ужасно холодно, да еще мела такая сильная метель, что едва можно было разглядеть высокие ели, со всех сторон окружавшие их, а невдалеке слышался вой волков. Рождественский козел оставил брата с сестрой и быстро скрылся: ему некогда было тратить время, потому что его ждало еще много детей куда добрее Фредрика и Лотты.

Они принялись кричать и плакать; но чем громче они кричали, тем ближе слышалось завывание волков.

— Идем, Лотта! — одумавшись, позвал Фредрик. — Надо попытаться найти какую-нибудь хижину в лесу!

— Кажется, я вижу вдалеке среди деревьев слабый свет! — возразила Лотта. — Пойдем туда!

— Это вовсе не свет, а ледяные сосульки, которые блестят в темноте на деревьях, — объяснил Фредрик.

— Кажется, я вижу впереди высокую гору, — сказала Лотта. — Уж не гора ли это Растекайс, куда верхом на старшем вожаке волков ездил Сампо Лопаренок?²

— Что ты болтаешь! — ответил Фредрик. — От нашего дома до Растекайса будет по крайней мере семьдесят миль. Давай поднимемся на гору, оттуда лучше осмотреться вокруг.

Сказано — сделано. Они стали пробираться по высоким снежным сугробам через кусты и сломанные деревья, попадавшие им на пути, и вскоре подошли к горе. В ее основании виднелось небольшое отверстие, сквозь которое пробивалось нечто похожее на свет. Фредрик с Лоттой двинулись по направлению к свету и, к своему величайшему удивлению, тут же поняли, что находятся у троллей в горе Растекайс. Но поворачивать назад было уже слишком

поздно, да к тому же и волки были настолько близко, что чуть не заглядывали внутрь.

Вне себя от ужаса Фредрик и Лотта остановились при входе и увидали перед собой огромную залу, где тролли праздновали Рождество. Их было тут, верно, много тысяч, но все в сером одеянии и совсем крошечные, ростом не больше локтя³, морщинистые и очень шустрые. То есть такие, как описано в сказке о Сампо Лопаренке. Темноты тролли не боялись, потому что вместо свечей у них были замерзшие насмерть светлячки и гнилые древесные пни, которые светили им в темноте. Но когда троллям хотелось устроить праздничную иллюминацию, они гладили по спине большую черную кошку, отчего шерсть у нее начинала искриться, и тогда многие кричали:

— Довольно! Довольно! Уже слишком светло, этого никому из нас не вынести!

Надо сказать, что всех троллей в мире отличают некоторые особенности: они избегают света, и им становится не по себе, если кто-нибудь видит их такими, какие они есть. Они и теперь устроили грандиозное пиршество потому, что заметили, как дни к концу года становятся все короче, а ночи — все длиннее. И тогда тролли в очередной раз решили — как они это обыкновенно делают перед каждым Рождеством, ибо так охотно веришь в то, чего больше всего желаешь, — что в конце концов дня вовсе не будет и наступит вечная ночь. Поэтому они снова так несказанно обрадовались, что стали плясать и по-своему весело праздновать Рождество; ведь они все до единого были язычниками и не умели справлять его лучше.

Вскоре стало очевидно, что троллям не страшен мороз. Несмотря на холодную зимнюю ночь, они угощали друг друга ледяными конфетами, и прежде чем положить их в рот, дули на них, чтобы конфеты не были чересчур горячими. Имелось там и другое великолепное угощение из папоротника и паучьих ножек. Тут же стояла рождественская елка из ледяных кристаллов, а один из старичков-домовичков выступал в роли Рождественского козла.

В этот год у троллей на Растекайсе не было свирепого великана Горного короля, поскольку с тех пор, как он лопнул возле усадьбы священника в Энаре, никто знать не знал, что с ним случилось. Многие полагали, что он перебрался на Шпицберген, дабы править там языческой страной и бежать как можно дальше от крещеных людей. Свое королевство на Севере он оставил королю мрака и греха Мундусу, сидевшему тут посреди залы рядом со своей королевой Каро, у которой была такая же длинная борода, как и у короля. Они точно так же дарили друг другу рождественские подарки, как это делают обычные люди. Король Мундус преподнес королеве Каро пару ходулей, да таких высоких, что, вскарабкавшись на них, она сделалась самой высокой и знатной дамой на всем белом свете. Королева Каро, со своей стороны, подарила королю Мундусу свечные щипцы, да такие огромные, что он с одного раза мог бы снять нагар со всех свечей мира и сразу погасить их. Многие не отказались бы получить в подарок от троллей на Рождество такие свечные щипцы!

Но вот король Мундаус поднялся со своего трона и обратился ко всему собранию троллей с высокомерной речью, в которой объявил им, что скоро повсюду исчезнет свет и по всему миру наступит вечное царство мрака, которым будут управлять тролли. При этих словах тролли изо всех сил закричали:

— Ура! Ура нашему великому королю Мундусу и прекрасной королеве Каро! Да здравствует царство мрака и греха! Гип-гип-гип-ура!

Король спросил:

— Где мой главный лазутчик, которого я послал на самую высокую вершину горы разведать, осталась ли еще хоть какая-нибудь полоска света в мире?

Явился лазутчик и донес:

— Господин король, велико твое могущество: всюду царствует мрак!

Немного погодя король спросил опять:

— Где мой лазутчик?

И лазутчик явился.

— Господин король, — сказал он, — далеко-далеко у края неба я вижу крохотный огонек, похожий на мерцающий свет звезды, когда та выходит из черной тучи.

И король повелел:

— Возвращайся на вершину горы!

Немного погодя король спросил опять:

— Где мой лазутчик?

И лазутчик явился.

— Господин король, — сказал он, — небо затянуто тяжелыми снеговыми тучами, и я больше не вижу этого маленького светила.

Король повелел:

— Возвращайся на вершину горы!

Немного погодя король спросил опять:

— Где мой лазутчик?

И лазутчик явился. Но тут король заметил, что лазутчик весь дрожит и совершенно слепой.

Король спросил:

— Почему ты дрожишь, мой верный слуга? И отчего ты ослеп?

Лазутчик ответил:

— Господин король, тучи рассеялись, и на небе сияет звездочка, ярче и больше всех прочих звезд. При виде ее я ослеп и до сих пор не могу опомниться от страха.

Король спросил:

— Что это значит? Разве не исчез навсегда свет и разве не наступило теперь вечное царство мрака?

Но все тролли, молча и трепеща от страха, стояли вокруг трона, и никто не решался ответить.

Наконец один из них сказал:

— Господин король, у входа стоят двое детей человеческих. Спросим их, быть может, они нам объяснят.

Король повелел:

— Позвать сюда детей!

И тотчас же Фредрика с Лоттой подтащили к королевскому трону, и можно представить себе, до чего худо было у них на душе! Увидев, что дети боятся, королева сказала одной старушке-домовихе, в числе прочих стоявшей около трона:

— Дай бедным детям немного драконьей крови да панцирей навозных жуков. Пусть полакомятся, им нужны силы, чтобы открыть рот!

— Ешьте и пейте! Ешьте и пейте! — приговаривала домовиха, подавая им кровь и панцири. Но у детей не было никакого желания принимать подобную пищу.

Король обратился к ним:

— Ныне вы в моей власти, и я могу превратить вас в ворон или в пауков. Но я предложу вам загадку, и если вы ее разгадаете, я велю отвести вас домой невредимыми. Согласны?

— Да! — в один голос ответили дети.

— Хорошо, — сказал король. — Объясните мне, что бы это значило, ежели посреди самой темной ночи в году вдруг начинает появляться свет, когда уже воцарился мрак и тролли начали управлять миром? Далеко на востоке показалась звезда, которая своим блеском затмевает все прочие звезды и грозит моей власти погибелью. Скажите мне, дети, что означает эта звезда?

Лотта ответила:

— Это та самая звезда, которая поднимается в Рождественскую ночь над городом Вифлеемом⁴ в земле Иудейской и освещает весь мир.

Король спросил:

— Почему она так ярко светит?

Фредрик ответил:

— Потому что наш Спаситель родился в эту ночь, а Он и есть тот светоч, который озаряет весь мир. С нынешней ночи свет будет прибывать, а дни снова станут длиннее.

При этих словах король сильно задрожал и снова спросил:

— Как же зовут этого владыку и короля света, что родился нынче ночью и явился, дабы спасти мир от власти мрака?

Дети в один голос ответили:

— Иисус Христос, Сын Божий!

Едва они произнесли эти слова, как вся гора задрожала и раскололась со страшным грохотом. Ураганный ветер пронесся по огромной зале и опрокинул королевский трон, в то время как яркий свет звезды засиял над мрачнейшими горными ущельями. Все тролли рассеялись, словно тени или дым, осталась лишь елка из льда, но и она начала мерцать и таять, а высоко в воздухе слышались ангельские голоса, подобные звукам арфы. Однако дети закрыли

И тотчас же Фредрика с Лоттой подтащили к королевскому трону...

лица руками, не смея взглянуть наверх, и на них напало нечто похожее на сон, какой бывает, когда очень сильно устанешь. И они так и не узнали, что происходило затем в горе.

Когда брат и сестра опять проснулись, они лежали каждый в своей кровати, в печке горел огонь, а старая Кайса, что обычно будила их, стояла рядом и поторапливала:

— Вставайте скорее, а то опоздаете в церковь!

Фредрик и Лотта сели и недоуменно воззрились на Кайсу, проверяя, не с локоть ли она ростом, и нет ли у нее бороды, и не предлагает ли она им драконьей крови да панцирей навозных жуков. Но вместо этого они заметили уже накрытый кофейный столик, где лежали свежие рождественские булочки. Ведь в рождественское утро детей угощали кофе, в другие же дни они его не получали. С улицы слышалось побрякивание колокольчиков, люди длинными вереницами ехали в церковь. Окна домов были освещены, но ярче всех сияла церковь.

Фредрик и Лотта переглянулись и не посмели рассказать Кайсе, что были на Рождестве у троллей. Быть может, она и не поверила бы им и высмеяла их, сказав, что всю ночь они проспали в своих постелях. Ведь ты этого не знаешь, и я не знаю, да и никто хорошенько не знает, как все было. Но если ты все-таки знаешь это, да и я знаю, то сделаем вид, будто этого не знали, а если все-таки никто этого не знает, то никто и не может знать, что ты знаешь это и что я знаю, и теперь ты знаешь столько, сколько знаю я, а я ничего не знаю, и потому было бы забавно узнать, что знаешь ты и намного ли больше меня ты знаешь?

Одно лишь мне известно, что недовольные дети рано или поздно попадают к троллям. Там им преподносят кусочки льда, драконью кровь и панцири навозных жуков вместо тех хороших подарков, которыми они пренебрегли у себя дома.

Фредрик и Лотта никогда не забывали Рождества у троллей. Мало того что они остались совсем без подарков, им было так стыдно самих себя, что тем рождественским утром они не смели в церкви и глаз поднять. Там было светло и прекрасно: туда спустилась звездочка из Вифлемеа, зажгла все свечи и засияла в веселых глазках всех добрых детей. Фредрик и Лотта, конечно же, заметили это, но не посмели взглянуть вверх. Они решили тоже стать хорошими детьми. Сдержали ли они свое обещание? Этого я не знаю, но охотно готов поверить. Впрочем, когда ты их встретишь, можешь спросить у них самих!

ВЕЛИКИЕ ПЛАНЫ БЕРЕЗКИ В ПОРУ «МШИСТЫХ УШЕК»

В лесу, неподалеку от проселочной дороги, росла хорошенькая березка. Она была еще совсем юной, а поскольку стояла весна, на березке начали появляться «мшистые ушки» — понятное дело, не настоящие «мшистые ушки», а этакie нежные, мелкие светло-зеленые листочки, которые березки носят ранней весной и которые так по-детски милы. Подобные «мшистые ушки» куда приятней «собачьих ушек»¹ в книгах.

«Нет, это уж слишком — быть такой пригожей! — думала о самой себе юная березка. — Во всяком случае, я привлекательней этой старой кривой рябины, приютившейся по соседству. Интересно, каково мое предназначение в мире?»

«Быть может, это ведомо синице?» — подумала березка и справилась у синицы. Но та оказалась плутовкой, желавшей поддерживать хорошие отношения с березкой, дабы иметь возможность клевать ее зеленые почки. Поэтому синица ответила:

— Знаешь что, березка? Ты так хороша, что должна сделаться чем-то выдающимся в этом мире! Наверняка из тебя сплетут корзинку для принцессы, и будешь ты стоять на мраморном столике в ее покоях, до краев наполненная золотыми яблоками.

— О, — воскликнула березка, — ты так думаешь?

— Конечно, — сказала синица.

После чего плутовка подлетела к огромной ели, возвышавшейся поодаль, и внушила той, что она сделается креслом-качалкой никого иного, как самого короля. Ель с готовностью этому поверила, поскольку, как и березка, охотно слушала льстивые речи. Она даже не догадывалась, что синица просто хотела

укрываться под ее ветвями во время дождя, а еще потрошить и клевать аппетитные, свежие словые шишки. Глупо прислушиваться к льстивым речам.

Возле дороги стояла небольшая торпарская хижина². Однажды из нее вышли дети, имевшие при себе ножи, и принялись нарезать березовые ветви.

«Ага, — подумала березка, — час настал; теперь они сплетут из меня корзинку для принцессы».

Она задрожала от удовольствия, да так, что «мшистые ушки» запрыгали на ее хорошеньких ветвях.

— Эти листочки еще слишком малы, чтобы согдиться на банные веники, — сказали дети. — Давайте пустим ветви на добротную метлу.

— Вот еще! — возмутилась березка. — Кто-то посмеет превратить меня в метлу?

— Мы так и сделаем, — решили дети и связали из нее метлу. В действительности не из целой березы, а лишь из ее ветвей. Но это было почти то же самое; каждая ветка мнила о себе ровно столько, сколько и все дерево. И тогда ветви стали утешаться мыслью о том, что они по крайней мере будут подметать пол в покоях принцессы, раз уж им не суждено служить вместилищем золотых яблок на ее мраморном столике.

Когда дети вернулись домой, их мать, торпарка, сказала:

— Вот эта метла мне по нраву, ею я буду подметать хижину.

И она стала подметать пол честолубивой березкой. Останься на метле хоть несколько «мшистых ушек», они бы от ужаса поднялись дыбом. Но никаких «ушек» на ней не было: их уже ободрали.

Потом метлу определили стоять в углу возле очага и оплакивать свою судьбу, а поскольку лучшего занятия у нее не было, метла решила немного поболтать со своим соседом — помойным ушатом.

— Я из тех, кто познатней, хотя и стала метлой, — сообщила она ушату. — Ведь оно по мне и видно; не кажется ли тебе, что я выгляжу благородно?

— Ну, этого как раз по тебе и не заметно, — ответил помойный ушат. — Зато я — высокого происхождения. Я сработан из ели, которой суждено было однажды сделаться креслом-качалкой короля. В чем меня лично заверила синица, и она была готова поклясться в этом, но, насколько мне известно, синицам не свойственно клясться.

— Вот плутовка! — воскликнула метла. — Она обманула меня точно так же, как солгала и тебе. Скажи мне, чем ты собираешься стать в дальнейшем?

— Я думаю на всю жизнь остаться помойным ушатом, — ответил ушат. — Только бы получать вдоволь костей и нечистот — этому я рад, а свиньи утверждают, что я достаточно хорош. Послушай, метла, раз уж мы такие близкие соседи, сдастся мне, мы могли бы пожениться.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась метла. — Полагаешь, я всю жизнь собираюсь оставаться метлой? Нет, бери выше! Вот увидишь, я еще сделаюсь чем-нибудь выдающимся в мире.

— Посмотрим, — откликнулся помойный ушат.

В эту минуту явилась торпарка.

— Метла малость износилась, — сказала она, — сделаю-ка я лучше из нее розгу.

И она сделала розгу — разумеется, не из всей метлы, а лишь из некоторых ее веточек, но ведь каждая веточка мнила о себе ровно столько, сколько и сама метла.

Получившейся розгой торпарка охаживала своих детей. А раз уж она их стегала, значит, им это было необходимо. Когда они таскали друг друга за волосы, и когда бранились, и когда рвали одежду, им всегда устраивали хорошую баню, что было наиболее уместным. Просто диву даешься, как это иной раз полезно!

Поначалу розга испытывала неприязнь к своему занятию. Но в конце концов она настолько к нему привыкла, что постоянно была начеку, когда дети вздорили.

«Ну вот, сейчас начнется», — думала розга, стоя в углу между стеной и дверным косяком.

— Прекрасная работа! Прекрасная работа! — восклицал помойный ушат. — Уж теперь-то ты получила высокую должность!

— Замолчи, а не то тебе достанется, как и детям! — вскипала розга. — Нельзя с уверенностью знать, что еще из меня выйдет, коль удача будет благосклонна.

— Посмотрим, — повторял помойный ушат³.

— Слава богу, дети образумились, — сказала однажды торпарка. — Я ведь порола их, да так, что розга совсем истрепалась. Подложу-ка я ее вместе с метлой в подстилку для свиней; им ведь нужно спать на чем-нибудь мягком.

Розгу выбросили в свинарник, а уж это было не слишком-то приятно.

— Хрю-хрю! — хрюкали свиньи, роясь своими пяточками в соломе и березовых ветвях.

— Да, ну и вид у тебя, — заметил помойный ушат, когда его принесли кормить свиней.

— Замолчи, — откликнулась розга, — никому не известно, что еще может из меня выйти.

Но все равно случившееся было чересчур унижительным. Если бы розга могла плакать, вместо того чтобы пороть до слез других, то, может статься, заплакала бы полный ушат.

Тут ты, верно, решишь, что сказке — конец. Из березки не сплели корзинку для мраморного столика принцессы, метла не удостоилась подметать пол в ее покоех, розге не довелось сечь шитые золотом камзолы маленьких принцев, да ей даже не позволили служить постелькой королевским свиньям!

Вместо великих планов березки в пору «мшистых ушек» на ее долю выпадало одно унижение за другим. Однажды синица уселась на изгородь торпа, и розга тотчас ее узнала.

— Здравствуй, синица! — сказала розга. — А вот и я!

Но синица упорхнула настолько быстро, насколько позволили ее крылья. Она терпеть не могла таких нищих знакомых. Да и кого волнует старая розга, на которой топчутся свиньи! Ведь на ней не растут зеленые почки, годные в корм.

Однако через некоторое время розгу выкинули на поле, и там она лежала в снег и дождь, зимой и летом. Над ней зеленели высокие хлебные злаки, а помойный ушат, синица и торпарка давным-давно позабыли, что эта самая розга существовала на свете. Тем не менее так оно и было, и при всей своей тяжелой судьбе розге посчастливилось утаить маленькую-премаленькую почку, несшую в себе семя.

Из этого семени пробился у самой межи крохотный светло-зеленый березовый росток. Как-то раз королю и королеве с их отпрысками довелось путешествовать по королевству. Стоял жаркий летний день, и когда они проезжали мимо торпа и поля, окрестность показалась им столь прекрасной, что королевское семейство решило ненадолго передохнуть в тени густолиственных деревьев.

Маленькая принцесса была искренне рада возможности выпрыгнуть из скучной кареты и поиграть у зеленой межи.

— Нет, гляньте-ка, до чего миленькая березка! — воскликнула она. — Я бы так хотела посадить ее в моем саду!

— Что ты станешь с нею делать? — спросил король. — Разве мало на свете дубов, тополей, каштанов и дивных фруктовых деревьев? Их ты можешь сажать сколько захочешь.

— Ах, нет, — возразила принцесса, — зачем мне деревья, которыми мы в таком множестве обзавелись ранее? Однако в моем саду нет ни одной березки; позвольте мне отвезти эту малютку домой, в замок!

— Пусть отвезет, — молвила добрая королева. — Ведь в этом нет ничего дурного.

— Весьма охотно, маленькая глупышка! — ответил король дочери. — Только не бери с собой весь лес, а не то в карете станет тесновато.

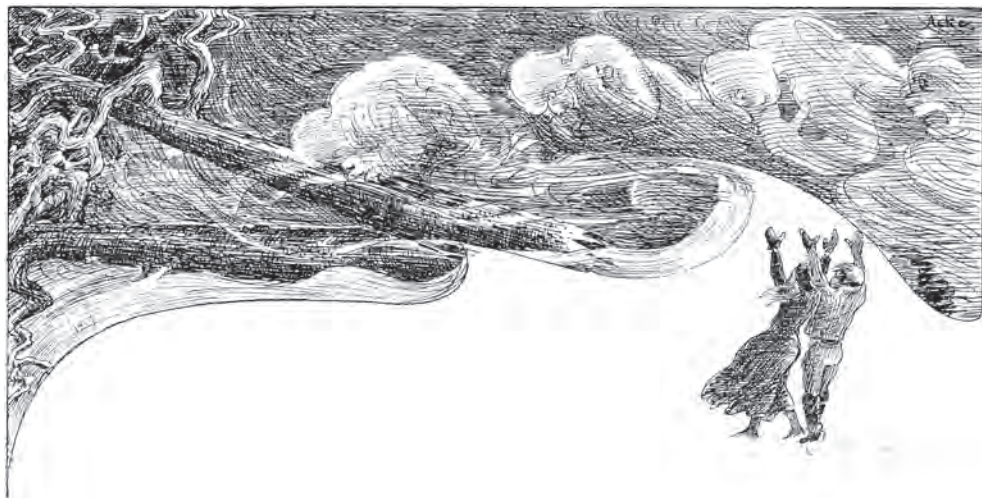
Тогда принцесса аккуратно извлекла маленькое растеньице из земли, поместила его в картонку с влажным мхом и повезла с собой в замок. Там она собственными ручками посадила березку в своем прелестном саду, укрыла ее мягкой шерстью и ежедневно поила, словно приемное дитя. Березка благоденствовала и росла все выше и выше и в конце концов превратилась в большое, славное дерево, единственное из своего семейства оказавшееся среди благородных деревьев — простое дитя леса, здоровая, прекрасная любимица вольной природы. И стала березка высокой и чудесной; она была подопечной и фавориткой принцессы, нигде не сидевшей так охотно, как под ее зеленой листвой, и все восхваляли березку как главнейшее дерево в королевском саду.

Смотри-ка, вот что вышло из березки и ее великих планов в пору «мшистых ушек». Эти планы породило тщеславие, поэтому березке пришлось претерпеть великое бесчестие. Их диктовало ложное честолюбие, поэтому сама

березка была обречена погибнуть и передать свою честь грядущему поколению. Но таилась в них и непоколебимая надежда на будущее, которую не могло сокрушить ни одно унижение, вот почему березку ожидало это самое будущее, хотя и не такое, о каком мечталось. Ибо неуклонное стремление никогда не бывает посрамлено, а пробирается диковинными тропами через многие испытания к своему исполнению в положенный срок.

Помойный ушат также питал в молодости гордые мечты о славе и счастье; однако был иного сорта, он привык к унижению и заботился лишь о том, чтобы его исправно наполняли. А какое дерево в лесу не строило многообещающих, гордых планов в пору «мшистых ушек»? Одни сделались помойными ушатами, другие — вообще ничем, а некоторые послужили семенами для счастья других. Но это не мешает всему лесу строить свои великие планы, так же как и остальным. Мечтай, юное деревце, возлагай большие надежды на свое будущее! Остерегайся лишь ложной чести! Будь скромным, всегда скромным во всех своих упованиях, тогда иной раз может случиться и так, что тебе не придется прозябать в земле, прежде чем удача в лице принцессы отыщет тебя и пересадит в свой сад, даруя страннику тень!

ЗИМНЯЯ СКАЗКА О НЕБЕСНОВЫСОКОЙ И ОБЛАКОБОРОДОЙ

В бескрайнем лесу среди далеких вересковых пустошей Финляндии росли рядом две громадные сосны. Казались они такими старыми, что никто ведать не ведал, когда они были молоды. Издалека можно было видеть их темные верхушки, которые высоко поднимались над всеми другими деревьями. Весной в ветвях сосен пел свои песни дрозд, а маленькие бледно-розовые цветы вереска взирали на них с таким смирением, словно хотели сказать: «Боже мой, неужто и вправду можно сделаться такими большими и таким старыми в этом мире?» Но зимой, когда метель укутывала всю окрестность снегом и поблекшая травка и цветы вереска покоились глубоко под белым снежным покровом, свирепая буря с шумом пронеслась по верхушкам могучих сосен и сметала снег с их вечнозеленых ветвей. Ураган разрушал большие дома, опрокидывал целые леса, но сосны стояли непоколебимо и твердо. А ведь это что-нибудь да значит — быть таким сильным и крепким!

Неподалеку оттуда виднелся в лесу пригорок, а на нем — маленькая хижина в два окна, крытая дерном. Жили там бедный торпарь¹ с женой, и был у них близ хижины клочок картофельного поля да небольшая пашня. Зимой торпарь рубил в лесу бревна, а потом отвозил их на большую лесопильню

в миле от своего торпа. Зарботка ему едва-едва хватало на хлеб с маслом да на молоко с картофелем. Но и это было просто прекрасно, поскольку в ту пору многим приходилось довольствоваться одной мякиной, и уж конечно у них не нашлось бы и кусочка масла, чтобы сдобрить свой ломоть хлеба.

У торпаря с женой было двое детей. Мальчика звали Сильвестром, а девочку — Сильвией. И где только нашли для них такие имена! Наверное, в лесу. Ведь «сильва» по-латински означает «лес». А имя Сильвестр указано в календаре и приходится на последний день года, так что именины мальчика каждый раз выпадали на канун нового года.

Однажды зимним днем, а было это как раз в день Святого Сильвестра, дети отправились в лес осматривать свои силки, расставленные для зайцев и куропаток, которых там водилось превеликое множество. Оказалось, что в силки Сильвестра попался заяц-беляк, а в силки Сильвии — белая куропатка. И заяц, и куропатка всего лишь запутались в силках, а потому были еще живы. При виде детей они так жалобно запищали, что брат с сестрой удивились.

— Отпусти меня, и тебя наградят за это! — пищал заяц.

— Да, отпусти и меня, и получишь славный подарок! — вторила ему куропатка.

Дети сжалились над ними и отпустили их на волю. Заяц со всех ног бросился бежать в лесную чащу, а куропатка вспорхнула что было силы, и оба крикнули на прощанье:

— Спросите Небесновысокую и Облакобородую! Спросите Небесновысокую и Облакобородую!

— О чем это они? — обиделся Сильвестр. — Эти неблагодарные твари даже спасибо нам не сказали!

— Они велели спросить о чем-то Небесновысокую и Облакобородую, — напомнила Сильвия. — Кто бы это мог быть? Никогда раньше я не слыхала таких странных имен!

— Да и я тоже, — согласился Сильвестр.

В тот же миг резкий зимний ветер пронесся по ветвям двух огромных сосен, росших неподалеку. Темные кроны их зашумели, и дети расслышали в этом шуме удивительные слова.

— Стоишь ли ты еще, сестрица Небесновысокая? — спросила одна сосна.

— Разумеется, стою! — ответила другая. — Но каково тебе, сестрица Облакобородая?

— Я начинаю стареть, — откликнулась та, которую величали Облакобородой. — Ветер обломал недавно ветку в моей кроне.

— Ты совсем еще дитя по сравнению со мной, — молвила сосна Небесновысокая. — Тебе ведь всего триста пятьдесят лет, а вот мне уже триста восемьдесят восемь стукнуло. Ты совсем еще дитя! Совсем дитя!

— Смотри, буря возвращается, — заметила Облакобородая. — Давай споем немного, по крайней мере, моим ветвям будет о чем подумать.

*В тот же миг резкий зимний ветер пронесся по ветвям
двух огромных сосен, росших неподалеку.*

И обе сосны запели под шум бури:

Услышь наше слово!
На Севере диком,
В пустынях далеких
С давнишних времен мы живем;
Вплелись наши корни
Глубоко-глубоко,
Вершинами — к небу растем.
Свирепые бури,
Метели и вьюги,
Дожди, непогода кругом —
Стоим нерушимо,
Два старые друга,
А время все мчится бегом.
Уходят, теряясь
В пучине забвенья,
Века все один за другим,
И с ними родятся
И гибнут творенья,
А мы все стоим да стоим.
Растите же, дети,
Велики и сильны,
Как мы, не страшитесь невзгод;
Свет истины светит
Для всех вас обильно!
Идите же смело вперед!¹

— Поговорим теперь с этими детьми человеческими, — прокричала Небесновысокая.

— О чем это они хотят с нами поговорить? — тихонько поинтересовался Сильвестр.

— Нет, лучше пойдем домой! — шептала Сильвия. — Я боюсь этих больших деревьев и их диковинных песен.

— погоди, вон идет отец с топором на плече, — сказал Сильвестр.

И в тот же миг с ними поравнялся торпарь.

— Глянь-ка, здесь как раз растет пара деревьев, таких, какие мне нужны! — молвил торпарь, поднимая топор, чтобы срубить Небесновысокую.

Но дети начали плакать:

— Дорогой батюшка, не руби Небесновысокую! — попросил Сильвестр.

— Милый, добрый батюшка, не тронь и Облакобородую! — умоляла Сильвия. — Они уже такие старые и только что пели нам песенку.

¹ Стихотворения в этой сказке переведены А. Гурьевой.

— Что за ребячьи выдумки! — засмеялся торпарь. — Как будто старые деревья умеют петь! Ну да ладно, раз вы просите их не трогать, поищу-ка я себе пару других деревьев.

И он пошел дальше в глубь леса, а дети из любопытства остались послушать, что еще им скажут Небесновысокая и Облакобородая.

Ждать им пришлось недолго. Ветер воротился с мельницы, где он молол с такой силой, что от жерновов дождем сыпались во все стороны искры, и снова зашумел в ветвях сосен. Тут дети совершенно отчетливо услышали, как деревья заговорили вновь.

— Вы спасли нам жизнь, — сказали они, — и это очень благородно с вашей стороны. Теперь вы вправе просить у нас по подарку, и получите все, чего бы ни пожелали.

Дети очень обрадовались, но вместе с тем и страшно растерялись. Казалось, и желать-то им было нечего. Наконец Сильвестр молвил:

— Мне бы очень хотелось, чтобы хоть ненадолго выглянуло солнце, тогда бы мы лучше разглядели заячьи следы на снегу!

— Да, — согласилась с ним Сильвия, — а я хотела бы, чтобы опять настала весна и снежные сугробы начали таять, тогда в лесу снова запели бы птички!

— Безрассудные дети! — зашумели деревья. — Вы могли попросить себе все самые прекрасные вещи на свете, а вместо этого вы пожелали то, что случится и без вашей просьбы! Однако вы спасли нам жизнь, и потому ваши желания исполнятся, только сделаются гораздо лучше и прекраснее. Ты, Сильвестр, получишь такой дар, что куда ни пойдешь и на что ни глянешь, вокруг тебя всегда будет сиять солнечный свет. А ты, Сильвия, — такой, что где бы ты ни очутилась и о чем бы ни заговорила, всегда вокруг тебя будет цвести весна, а снежные сугробы начнут таять. Довольны ли вы этим? — спросили сосны.

— Да, да! — закричали обрадованные дети. — Это даже больше, чем мы желали! Спасибо вам, добрые деревья, за чудесные подарки!

— Ну, до свидания, — сказали деревья. — Желаем вам счастья!

— До свиданья, до свиданья! — попрощались дети и весело побежали домой.

По дороге Сильвестр, как обычно, то и дело оглядывался, высматривая на деревьях куропаток, и — странное дело! — куда бы он ни глянул, везде перед ним мелькал ясный луч солнца, сверкавший на ветвях словно золото. Сильвия с не меньшим удивлением заметила, что снежные сугробы по обеим сторонам тропы, где они шли, начали таять.

— Смотри! Смотри! — крикнула она брату и едва успела открыть рот, как прямо у ее ног показалась зеленая травка, деревья начали распускаться и высоко в синеве неба раздалась трель первого весеннего жаворонка.

— Нет, до чего же весело! — восторженно кричали дети, вбегая в горницу.

— Я вижу сияние солнца! — воскликнул Сильвестр.

— А я могу растопить снег! — радовалась Сильвия.

— Ну, это всякий может, — сказала их матушка и засмеялась.

Но прошло совсем немного времени, и она не поверила своим глазам. Хотя наступил вечер и уже начало смеркаться, вся горница была залита солнечным светом до тех пор, пока Сильвестру не захотелось спать и глаза его не сомкнулись. И хотя на дворе стояла зима, в хижине вдруг так сильно повеяло весной, что зазеленел даже веник, стоявший в углу, а воодушевленный петух, несмотря на позднее время, принялся петь на своем насесте, и это продолжалось до тех пор, пока Сильвии не надоело болтать и она не заснула.

— Слушай, отец, — сказала торпарка мужу, когда тот воротился домой, — с нашими детьми что-то неладно. Я боюсь, не околдовал ли их кто в лесу!

— Все-то ты выдумываешь, матушка! — ответил торпарь. — Расскажу-ка я тебе лучше новость. Ни за что не догадаешься какую! Так вот, король с королевой путешествуют по стране и завтра проедут мимо нашей церкви. Как ты думаешь, не отправиться ли нам с детьми поглазеть на королевскую чету?

— Что ж, я не против, — радостно согласилась торпарка. — Не всякий день увидишь короля с королевой!

На следующее утро чуть свет торпарь с женой и детьми отправились к церкви и так радовались предстоящему зрелищу, что никто из них думать не думал о случившемся накануне. Не замечали они и того, как всю дорогу солнечный луч скользил перед их санями, а встречавшиеся по пути березки покрывались почками и зеленели.

Когда торпарское семейство подъехало к церкви, там собралось уже очень много народу, но все казались робкими и напуганными. Говорили, будто король был очень недоволен тем, что нашел страну такой пустынной и дикой, и, будучи весьма строг, обвинил во всем свой народ, по всей видимости, намереваясь жестоко его наказать. Про королеву рассказывали, что она совсем замерзла во время путешествия по Финляндии и всю дорогу грустила и скучала.

Ни для кого это уже не было секретом, и поэтому все затрепетали, когда показались королевские сани. Король сидел, сердито нахмутив брови, а королева утирала слезы, но они все-таки остановились у церкви, чтобы переменить лошадей.

— Посмотрите, как ярко вдруг засияло солнце! — молвил король и при этом вполне милостиво засмеялся, как это обыкновенно делают все прочие люди. — Я совсем не понимаю, отчего мне стало так радостно на душе!

— Должно быть, это оттого, что ваше величество изволили хорошо позавтракать, — ответила королева. — Со мной творится то же самое.

— Должно быть, это оттого, что ваше величество изволили хорошо выспаться, — заметил король. — Но посмотрите, однако, как прекрасна эта пустынная Финляндия! Взгляните, как ярко освещает солнце две огромные сосны, что виднеются там, в лесу. Вот здесь бы нам выстроить себе королевский дворец.

— Да, ваше величество, так и сделаем, — согласилась королева. — Должно быть, здесь хороший климат. Посмотрите только, как на деревьях посреди зимы распускаются зеленые листья!

В тот же миг взгляд королевской четы упал на Сильвестра и Сильвию, которые взобрались на изгородь, чтобы лучше разглядеть короля с королевой. На радостях Сильвия так много болтала, что вся засохшая изгородь вокруг нее покрылась мелкими зелеными листочками.

— Что это за милые дети? — молвила королева. — Пусть они подойдут к нашим саням.

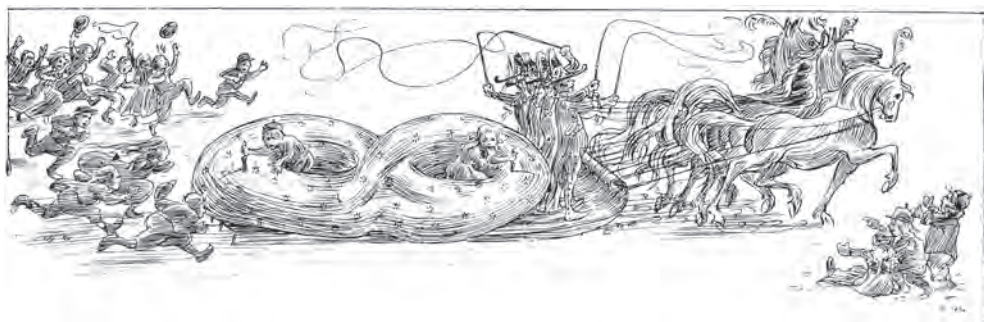
Дети подошли, каждый с засунутым в рот пальцем, что, по их разумению, слыло высочайшей модой в подобных случаях.

— Послушайте, — сказал король, — вы мне очень нравитесь, и, глядя на вас, мне становится тепло и весело. Садитесь в сани и поедем к нашему королевскому двору, там вас оденут в золотые одежды, и вы будете радовать всех вокруг.

— Спасибо, господин король, — ответили Сильвестр и Сильвия. — Но нам больше по душе радовать батюшку с матушкой у нас дома. Да к тому же при дворе мы соскучились бы по Небесновысокой и Облакобородой.

— А нельзя ли взять с собой Небесновысокую и Облакобородую? — спросила королева, у которой вдруг стало необычайно тепло на сердце.

— Нет, спасибо, госпожа королева, — ответили брат с сестрой, — ничего не получится, ведь это — сосны, и они растут в лесу.

— Чего только не придет в голову детям! — в один голос воскликнули король с королевой, и при этом так дружно покатались со смеху, что королевские сани подпрыгнули под ними.

Затем последовал приказ выстроить неподалеку королевский дворец, и король с королевой были при этом так веселы и милостивы, что народ только диву давался! Все бедняки получили по золотой монете, а Сильвестру и Сильвии вдобавок подарили большой королевский крендель, который испек для этой поездки придворный пекарь и который был так велик, что четверка лошадей везла его на отдельных санях. Сильвестр и Сильвия поделились королевским угощением со всеми ребятишками в деревне, и у них осталось еще столько ломтей, что лошаденка торпаря едва дотащила их до дома.

На обратном пути торпарка шепнула мужу:

— А ты знаешь, отчего король с королевой были так веселы?

— Нет, — ответил торпарь.

— Да оттого, что Сильвестр и Сильвия смотрели на них. Помнишь, о чем я тебе вчера рассказывала?

— Тише, — приказал ей муж. — Не говори этого при детях. Лучше им не знать о тех диковинных дарах, которых ни один человек не разумеет.

Сильвестр и Сильвия несказанно радовались огромному королевскому кренделю и вовсе позабыли, что могут творить солнечный свет и заставлять снег таять. Они сами ведать не ведали, как при виде их на сердце у людей становилось тепло и весело. А поскольку Сильвестр и Сильвия были хорошими и приветливыми детьми, никто и не удивлялся, что они доставляют всем радость. Как бы то ни было, но верно то, что родители, глядя на них, испытывали восторг и что вересковая пустошь вокруг торпа мало-помалу превратилась в прекрасные плодородные пашни и зеленые пастбища, где всю зиму распевали весенние пташки. Через несколько лет Сильвестр был назначен лесничим огромного леса, окружавшего новый королевский дворец, а Сильвии поручили смотреть за большим садом, потому как — чудеса, да и только! — где бы дети ни находились, все вокруг цвело и зеленело, так что любо и радостно было смотреть.

Однажды Сильвестр и Сильвия пришли навестить своих старых друзей Небесновысокую и Облакобородую. В лесу как раз бушевала зимняя буря, от которой шумело и гудело в темных кронах двух огромных сосен, и они вновь запели свою старую песню:

Ох-ох! Ох-ох!
Постарели мы сильно,
Вершины седеют у нас;
Но так же мы крепки,
Нас бури не могут
Сломить — не настал еще час.
Уходят пред нами
В пучину забвенья
Века все, один за другим,
И с ними родятся
И гибнут творенья,
А мы все стоим да стоим.
Ох-ох! Ох-ох!
Постарели мы сильно,
Вершины седеют у нас;
Но так же мы крепки,
Нас бури не могут
Сломить...

И только они допели до этого места, как раздался ужасный треск, скрип, и вот уже обе сосны — Небесновысокая и Облакобородая — лежат, сраженные бурей, на земле. Небесновысокой в то время было триста девяносто три года, а Облакобородой — триста пятьдесят пять. Они и сами не заметили, как их корни под конец зачахли и сгнили, так что ветрам небесным удалось одержать над ними верх.

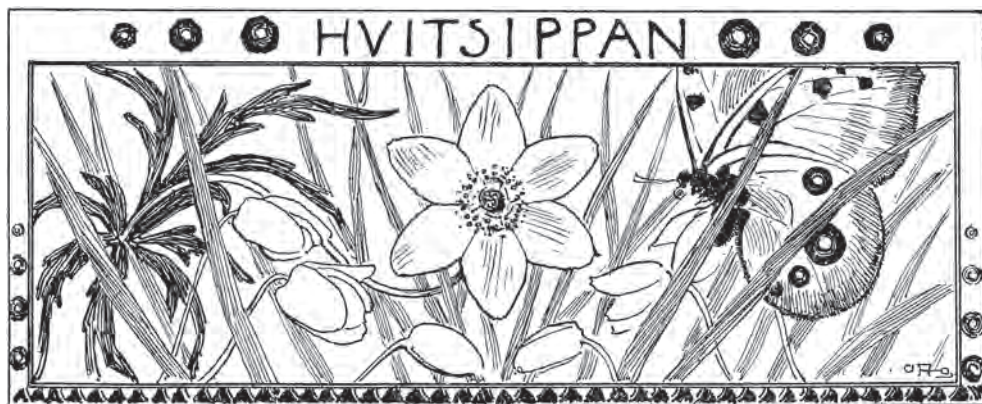
Но Сильвестр и Сильвия ласково погладили седые, поросшие мхом стволы упавших сосен и сказали им на прощанье такие ласковые слова, что снег вокруг растаял, а над мертвыми деревьями высоко поднялись бледно-розовые цветы вереска. Вот так Небесновысокая и Облакобородая обрели свою могилу в цветах.

Давненько не слышал я ничего нового о Сильвестре и Сильвии, которые, верно, и сами теперь состарились и поседели, поскольку много воды утекло с тех пор, как король с королевой путешествовали по Финляндии. Но всякий раз, когда я вижу двух веселых и добрых детей, всеобщих любимцев, мне представляется, что они и есть Сильвестр и Сильвия и получили свои искрящиеся счастьем глазки от сосен Небесновысокой и Облакобородой. Недавно я повстречал двух таких детей, и — удивительное дело! — куда бы они ни глянули, их взгляд точно испускал ясный луч солнца, прорезающий темные облака и скользящий по хмурым или равнодушным лицам людей. Сами дети

не замечали этого, но при виде их всякий испытывал такую сердечную радость, какая охватывает человека, созерцающего невинность, счастье и доброту. Тогда начинает таять лед на окне и снежные сугробы, отогреваются насквозь промерзшие сердца людей и посреди холодной зимы воцаряется весна и зелень, так что даже веник в углу покрывается свежими листьями, на сухой изгороди распускаются розы, а под высоким сводом неба поют веселые жаворонки. За все это мы должны благодарить Небесновысокую и Облакобородую, а вернее сказать — Всевышнего, милостью которого на земле по-прежнему расцветает весна и счастье!

АНЕМОНА

Однажды в парке распустилась анемона. Она была ничуть не бледнее и не дурнее других анемонов, а поскольку весной они все прекрасны, цветочек отличался белизной и миловидностью, присущим его сородичам. Была ли эта малютка прелестней остальных? Право, не знаю.

Там, где красуются цветы, не обходится без порхающих мотыльков, — где же им еще порхать? Старая история! Она довольно хорошо известна, поскольку воспета во многих песнях.

Самый крупный мотылек в парке назывался Аполлоном. У него были белые крылья с красными пятнышками. Ни для кого не секрет, что мотыльки тщеславны; им нравится украшать себя всевозможной мишурой. Однако они не виноваты, что выглядят столь вызывающе; просто мотылькам не приходится заказывать одежду у портного. Убор достается им раз и навсегда.

В один прекрасный день Аполлон подлетел к анемоне и сказал ей:

— Ты ведь любишь меня, как я — тебя?

— Конечно, люблю, — заверила анемона, всерьез питавшая к нему симпатию и не умевшая кокетничать.

— Ты в этом уверена? — уточнил мотылек.

— Да, а как же иначе? — ответила анемона.

— Хорошо, — сказал мотылек и принялся лакомиться нектаром из ее венчика.

Мотылькам нравится нектар, однако они не такие хозяйственные и запасливые, как пчелы. Когда ничего не осталось, Аполлон улетел.

«Он скоро вернется», — решила анемона, но в этом она ошибалась. Мотылька занимали иные заботы.

Тем не менее, однажды он принялся кружить возле другого цветка, красившегося рядом с ней.

«Воспользуюсь этим», — подумала анемона, приподняла свою поникшую головку и крикнула Аполлону так громко, как только могла:

— Ты ведь любишь меня, как я — тебя?

— Нет, конечно же нет, — ответил мотылек, не испытывая ни малейшего стыда.

— Но ведь я люблю тебя, — сказала анемона.

— Вполне возможно, — заметил мотылек и опять полетел прочь.

На этот раз он отсутствовал дольше. Анемона одиноко стояла в зеленой траве, ей казалось, что время тянется бесконечно долго, и она начала увядать.

Наконец случай еще раз привел к ней Аполлона, еще более яркого и прекрасного, чем прежде, и анемона снова спросила:

— Ты любишь меня?

— Нет, ни капельки, — ответил мотылек.

— Но ведь я люблю тебя, — сказала анемона.

— Пусть так, мне-то какое дело? — сказал мотылек. — Это старая история, которую я слышал по меньшей мере сотню раз!

И Аполлон вновь полетел своею дорогой.

— Послушай, анемона, — обратился к ней колючий можжевельный куст, росший тут же, — стоит ли так разглаживать о своих сердечных чувствах? Нужно уметь постоять за себя. Когда оскорбляют — отвечай тем же, а если к тебе относятся с презрением, докажи свое превосходство. Взгляни хотя бы на меня: воробьи не смеют шутить со мной! Нет, анемона, надо иметь честолюбие: нынче не принято платить любовью за презрение.

— Но я ничего не могу поделать! — ответила анемона. — Я буду любить его до конца своих дней.

— Да ты просто гриб, — заявил можжевельник: это было худшее, что он знал, поскольку грибы известны своей неразборчивостью, а можжевельник немало гордился огромной житейской мудростью, присущей ему.

Солнце пекло немилосердно, и с каждым часом анемона становилась все бледнее и слабее. В парк пришли играть мальчишки. Один из них захватил с собой сачок, чтобы ловить бабочек, и скоро приметил блистательного Аполлона.

— Он будет красиво смотреться на булавке в ящичке для насекомых! — воскликнул мальчуган и во весь дух побежал с сачком по траве.

Теперь Аполлону угрожала опасность. Как он порхал, как бил крылышками! Фью! Сачок просвистел совсем близко и задел крыло мотылька, отчего тот стремглав упал в траву как раз возле анемоны.

— Он слетел сюда! — крикнул мальчик и склонился в поисках мотылька. Но, так и не отыскав его, побежал ловить других бабочек.

Найти Аполлона было нелегко, потому что анемона спрятала его в надежное укрытие — под свою листву. Сама анемона оказалась растоптанной и лежала теперь в зеленой траве с надломанным стеблем.

— Хорошо, что я улизнул! — заметил Аполлон, выбравшись из-под густой листвы.

— Ты любишь меня? — молвила анемона, угасая на своем растерзанном стебельке.

— А, так это была ты? — воскликнул мотылек. — Представляешь, пятнышки на моих крыльях износились дальше некуда! Ума не приложу, как теперь показываться в приличном обществе!

— Ты любишь меня? — вновь спросила умирающая анемона.

— Нет, только посмотрите, как запылен мой фрак! — продолжал Аполлон. — Душенька, на твоём венчике я вижу каплю росы, так одолжи мне ее для стирки. Я выгляжу настоящей молью!

— Ты любишь меня? — в третий раз спросила анемона.

— Голубушка, есть ли у меня сейчас время отвечать на столь глупые вопросы? — воскликнул мотылек. — Да, так я и думал: кружевной воротничок безнадёжно помят! Что скажут обо мне при дворе, в розарии?

— Но ведь я люблю тебя... — простонала анемона, и с ней было покончено, ибо все ее лепестки опали.

— Вот бедняжка! — вздохнул мотылек, поскольку был не злонаправлен, а всего лишь чуточку легкомыслен, как и все его собратья. — Теперь, очевидно, мне удастся привести себя в порядок не раньше вечера, когда падет роса. Право, я несчастный мотылек! Мой фрак испорчен, кружевной воротничок смят, пятнышки на крыльях похожи на старые медяки. Какое ужасное происшествие!

Оно произведет громкую сенсацию в мире, я сделаюсь объектом всеобщего сочувствия, а это своего рода победа. Меня, по крайней мере, сочтут весьма интересным. Что-то скажут обо мне в розарии?

С этими словами Аполлон снова взмыл в воздух. Однако не успел улететь далеко: ему помешал воробей, давно следивший за ним с соседней изгороди. Цап! Воробей поймал прекрасного Аполлона и одним махом проглотил мотылька со всеми его треволнениями.

У можжевельового куста, наблюдавшего за происходящим, были свои соображения.

— Ошибка заключалась в том, — изрек он, — что анемона слишком мало заботилась о себе. Нужно сохранять собственное достоинство и уметь дать отпор, — тогда тебя будут чтить и уважать в этом мире. Как меня, например.

Однако не все так думали. Пока вечерний ветерок разгуливал среди высокой травы, еще долго слышался шепот остальных анемонов. Они говорили друг другу:

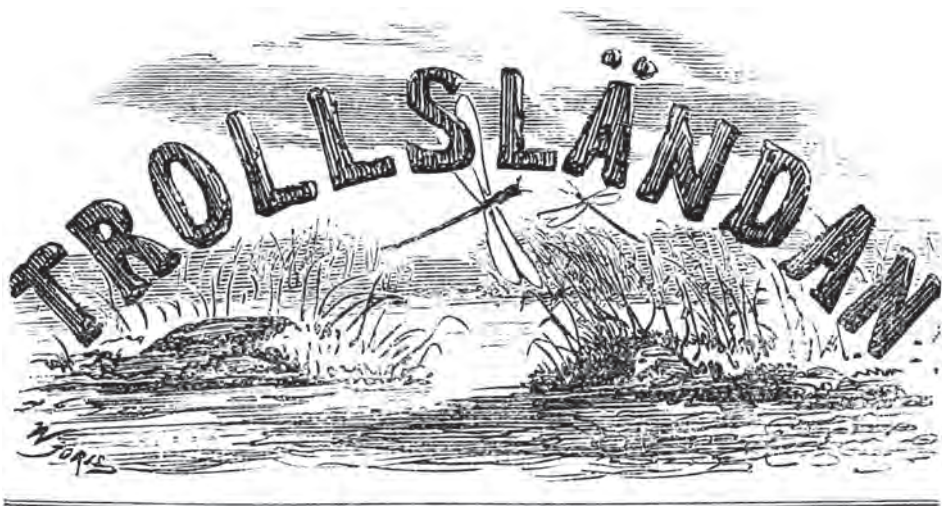
— Ты ведь любишь меня, как я — тебя?

А затем добавляли:

— Даже если разлюбишь, я все равно буду любить тебя.

Это очень старая и избитая история, но анемоны сочли, что ее стоило рассказать еще раз.

СТРЕКОЗА И СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Она летела и летела над горами и долами, над сушей и морем, весной и осенью, пока не очутилась в покрытой снегом стране на Крайнем Севере. Там она присела отдохнуть на безлистной рябинке, красные ягоды которой висели, словно роскошные гроздья винограда, разбросанные по белой зимней скатерти опустевшего обеденного стола природы.

Двое детей возились под рябиной в рыхлом снегу, поскольку стояла оттепель и все крыши в городе оплакивали людские безумства. Мария пекла хорошенькие булочки из снега — надо же их из чего-то печь, когда не достать муки с мельницы¹; а Феликс соорудил крепость с башней и крепостными валами: это было не что иное, как Рим, и на сей раз его построили за один день. Ватикан уже был готов, кипела работа над Капитолием², а рядом красовался снеговик, который был поважнее Капитолия. У снеговика неспроста был чудной колпак на голове и хворостина в руке: они означали епископскую митру и жезл. Ибо снеговик был Папой Римским, поджидавшим Гарибальди³, а за время своего ожидания он порядком исхудал и начал разваливаться, однако никак не желал расстаться с хворостиной — ею он мог управлять миром.

Мария заметила стрекозу и поинтересовалась, что это за птичка.

— Свиристель, — предположил Феликс, даже не взглянув наверх: он боялся, что Папа растает прежде, чем Рим будет укреплен.

— Нет, она такая маленькая-премаленькая, — молвила Мария, не в силах оторвать взгляд от сверкающей золотистой пташки.

— Ну, тогда это синица, — убежденно сказал Феликс и водрузил снежный ком на вершину Капитолия.

— Никакая это не синица, — возразила Мария. — Она сияет в макушке рябины, словно серебро, и у нее четыре крыла, искрящиеся на солнце. Я никогда не видела летающую синицу с четырьмя крыльями.

Тут Феликс поднял глаза от Рима и распознал необычную птишку.

— Это Стрекоза настоящая, — заявил он с умным видом, потому что в школе был дважды посажен под арест с «Зоологией» Люткена⁴ и оттуда набрался своей великой учености. — По-латыни она называется *Libellula*, относится к стрекозам и имеет грызущий ротовой аппарат...

— Но я никогда не видела стрекозу зимой, — снова сказала Мария.

— Это оттого, что тебе не доводилось бывать в музее. Там зиму напролет сидят десятки подобных ей, только проткнутые иглами, — нравоучительным тоном ответил Феликс. Он побывал с классом чуть ли не во всех музеях, видел моржа, мог представить, каково это оказаться, подобно Ионе, в чреве кита⁵, а еще убедил товарищей в том, что непременно убил бы волка, не будь тот человеком. Феликсу приходилось просвещать и свою несведущую сестру.

Мария решительно не понимала, как стрекоза может жить зимой, ведь музейные-то были мертвыми! Но в тот же миг маленькая златокрылая птишка слетела с ветвей рябины и принялась так резво махать крылышками, что на сугробах, словно солнечные зайчики, один за другим замелькали серебристые всполохи. Утверждают, будто жужжанье комаров обусловлено тем, что за секунду или две они совершают своими крыльями чуть ли не тысячу взмахов, поэтому шум проворных крылышек стрекозы вполне мог стать причиной того, что детям вначале слышалась с рябины тихая музыка, затем некое подобие далекой песни и, наконец, отчетливые слова. Это было чрезвычайно удивительно. Подобного Феликс никогда не встречал ни в музее, ни у Люткена.

— Что это? — воскликнула Мария. — Мне кажется, стрекозка говорит.

— Как будто стрекоза умеет говорить! — презрительно фыркнул Феликс. — Просто она трется задними ножками о передние крылья. Так делают кузнечики.

— Нет, послушай-ка! Я и впрямь понимаю каждое ее словечко, — сказала Мария и восторженно захлопала красными ручонками.

Феликс слышал и не хотел верить своим ушам, но, тем не менее, его сестренка была права. На свете немало того, что выходит за пределы понимания ученых, даже если они строят Рим. Стрекоза обратилась к детям:

— Знаете, кто я такая? — спросила она.

— Конечно, знаем, — ответил слегка сбитый с толку Феликс. — У тебя три стадии развития и нет позвоночника. Превращение — неполное, личинка подвижная, добывает пищу и имеет зачатки крыльев. Тебе суждено быть посаженной на иголку.

— Я много раз видала тебя прежде, — сказала Мария, — правда, без иголок. Летом на берегу моря я часто наблюдала за твоим полетом под жарким солнцем и поначалу робела, думая, что у тебя есть жало, как у осы. Но ты уже не раз отдыхала то на моем цветке, то у меня на руке, то на белоснежной

Двое детей возились под рябиной в рыхлом снегу...

кувшинке; верно, в этом и заключено все твое существование. Ты была такой прекрасной и радостной, словно порхающий цветок: как и бабочка, ты служила лишь украшением миру. При виде тебя я всегда вспоминаю о летнем солнышке, зеленых листочках и синих водах. Как тебе удастся не замерзнуть в холодную зимнюю пору?

— Я расскажу тебе, — ответила стрекоза. — Я — лишь одна из многочисленных мелких детей природы, которые никогда не стареют, но играют с солнечными лучами от сотворения мира и до его конца. Все мы родились в Эдемском саду, когда само человечество еще было маленьким невинным ребенком, и не ведали там ни печали, ни холода, ни голода, солнце окружало нас и царило в наших сердцах. Потом человек ослушался Господа, и мы были изгнаны с ним из рая. Мы летали над сушей и морем и искали вечное лето, которого лишились, но так и не нашли. Мы часто попадали в холод и мрак; тогда нам приходилось зарываться под снег и притворяться мертвыми, но мы не умирали. Какими бы крохотными мы ни были — все равно оставались живыми сосудами природы, неразрывно связанными с ней и каждую весну пробуждавшимися к жизни. Мы вынуждены были принимать иное обличье, закутываться в уродливое зимнее одеяние и прятать под ним свои крылья до тех пор, пока не могли вновь расправить их в полуденный зной. Однако мы распространились по всей земле, независимо от того, светило солнце на зеленый оазис пустынь или на сугробы; нам часто приходилось подолгу спать и поздно просыпаться. Порой наша жизнь длилась не более одного дня, и все же мы успевали прославить нашего Создателя и украсить Его творение. Это следует делать и вам, малыши! Ведь вы — такие же, как и мы, живые сосуды природы, и притом намного лучше нас, потому что вы — дети великого духа природы; вы созданы по образу и подобию Господа и являетесь братьями и сестрами ангелов.

— Что она там говорит? — спросил Феликс, от удивления позабывший и Папу, и Капитолий.

— Она говорит, что вся природа прославляет своего Создателя и что нам надлежит делать то же самое, — ответила девочка.

— Ну, этим мы занимаемся каждое воскресенье в церкви, — заметил Феликс. — Досадно, однако, что у меня нет с собой сачка и игл для насекомых. Должно быть, это редкий экземпляр, который умеет разговаривать. Ее ротовой аппарат, вероятно, устроен необычно.

— Ах, ну тебя с твоей болтовней о ротовых аппаратах! — воскликнула Мария и на всякий случай встала между братом и стрекозой. — Послушай, она опять что-то говорит! Скажи-ка, почему именно ты прилетела к нам зимой, когда вся природа спит в своей колыбельке под белым покрывалом?

— Хотите узнать? — спросила стрекоза.

— Да, расскажи нам, хорошенькая стрекозка!

— Ну что ж, я спала под водой в своем лохматом зимнем одеянии, когда в один прекрасный день солнечный луч постучался в ледяную крышу надо мной.

«Впусти!» — попросил он, и лед вскрылся. Вскоре я ощутила горячий взгляд на своем замерзшем, онемевшем сердце, сбросила с себя сонное оцепенение и спросила:

«Разве уже весна?»

«Нет, — ответил солнечный луч, — до весны еще так же далеко, как до исполнения долгожданного обещания. Но все равно вылезай оттуда; тебе есть, чем заняться на земле».

«Неужели?» — спросила я.

«Да, — молвил солнечный луч, — нынче на Крайнем Севере чересчур темно, холодно, печально, и малышам Финляндии как никогда нужна весна. Стрекозка, стрекозка, отправляйся к ним, ты озаришь долгую зимнюю ночь солнечной искрой; ты научишь деток быть терпеливыми, сильными, смиренными, самоотверженными, послушными, трудолюбивыми и прилежными — эти качества сейчас особенно важны для них. Ты поведаешь им о силе Господа в слабых, научишь их верить в Его милосердие даже в годину тяжких испытаний; ты будешь петь им свои радостные песни о бодрости духа и утешении в мужестве; ты станешь для них провозвестницей весны, до которой еще так далеко».

«Как же я, крохотная стрекоза с шумными крылышками, смогу им все это спеть?»

«Лети, — сказал солнечный луч, — и я последую за тобой, так что ты не замерзнешь. Кто-то услышит тебя, а кто-то — нет. Но для тех, кто услышит, ты обернешься золотой птицей, благой вестью, летним солнышком. Ты ведь поможешь, голубушка?»

«Постараюсь», — ответила я. И вот теперь я здесь!

— Спасибо, стрекозка! — молвила Мария. — Каждую неделю я буду приходить под эту безлистную рябинку, чтобы послушать шелест твоих крыльев. А когда рябинка зазеленеет, я расскажу ей, что ты еще осенью предрекала ее расцвет. Тебя называют волшебницей: ты что, превратишь зиму в весну?

— Увидим, — ответила стрекоза. — Когда вы смотрите через подзорную трубу — перед вами как на ладони то, что находится вдалеке. Слушая же меня, вам иной раз почудится, будто веет ароматом черемухи и рябины.

— Да, говорить она умеет! — воскликнул Феликс, закончив сооружать Капитолий, который тотчас рухнул. — Идем, Мария, и посмотрим, не пора ли обедать. Как ты думаешь, будет гороховый суп со свиной? Ума не приложу, отчего у меня так быстро разыгрывается аппетит, как у кита!

— Это из-за твоего «грызущего ротового аппарата», — простодушно ответила Мария. — До свидания, стрекозка!

— До свидания! — прожужжала стрекоза.

И полетела над горами и долами, над сушей и морем, дабы вместе с солнечным лучом следовали за ней дети Финляндии.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЕККИ
(В голодный год, весной 1868 г.)

Кто тот мальчонка, что идет
Так бойко по дороге?
То Пекка шустрый, он вперед
Шагает без тревоги.
О нем и будет наш рассказ,
Его вам выдам без прикрас!
«Ага!» — поддакнул Пекка.

Он был бедным мальчиком без отца с матерью и воспитывался у своих родственников, покуда те в состоянии были кормить его. Но в стране случилась большой неурожай, родственники сами обеднели и сказали Пекке:

«Коль хлеба в доме больше нет,
И денег не осталось,
Пора взглянуть на белый свет —
Добудешь хлеба малость.
Вот торба, с ней не пропадешь,
Как попрошайничать пойдешь!»
«Ну что ж!» — вздохнул наш Пекка.

Взял он торбу, набил ее мхом с лесного пригорка и отправился в широкий мир. Пекка не успел уйти далеко, как встретил изголодавшегося волка, который разинул свою противную пасть и прорычал:

«Ты — лакомый кусочек для меня,
Ведь *Голод* пред тобой,
Гуляю, всюду смерть чиня
В стране твоей родной.
Надежды на спасенье нет;
Я тотчас съем тебя, мой свет!»
«Ну-ну!» — ответил Пекка.

Но только волк разинул свою пасть пошире, как Пекка засыпал ее мхом и убежал. Затем он наполнил торбу водой (благо торба была непромокаемой) и пошел дальше. Вскоре ему повстречался мохнатый медведь с горящими глазами, который взревел:

«Кто разрешил тебе сейчас
Как крендель, свежим быть?
Недуг я, что страну потряс
Уменьем насмерть бить.
И стар и млад от лапы мрет,
Готовься, твой настал черед!»
«Попробуй!» — молвил Пекка.

Прорывав свою угрозу, медведь замахнулся было могучей лапой, но Пекка окатил его холодной водой и снова побегал своею дорогой. Теперь он набил торбу березовыми прутьями и отправился дальше, но вскоре повстречал ото-щавшего быка, нежившегося в лучах солнца и жевавшего придорожную траву. Бык сказал мальчику:

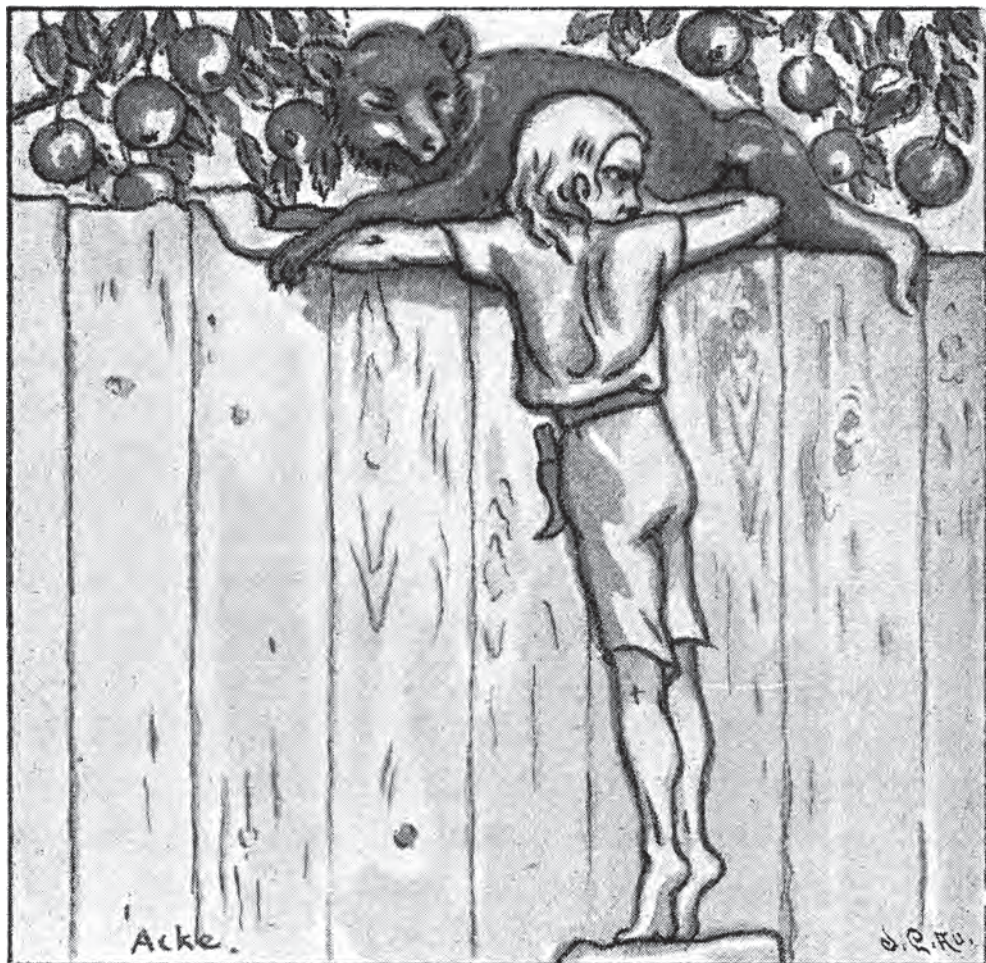

«Куда торопишься ты так?
Напрасно тратишь силы.
Я — *Лень*, заботы все — пустяк,
Лишь сено б приносили.
Поди поближе, не спеши,
Тебя бодну я от души!»
«Ну, нет!» — ответил Пекка.

После чего он достал из торбы березовые прутья и устроил ленивому быку такую отменную порку, что тот счел за лучшее поскорее убраться. Теперь Пекка наложил в торбу камней и двинулся дальше. Немного погодя он встретил лису, которая сказала ему:

«Не глупо разве хлеб просить,
Что можно и стянуть?
Я — *Ложь!* Обманом легче жить,
Чем спину свою гнуть.
Так следуй за моим хвостом,
Не пожалеешь ты о том».
«Сейчас!» — ответил Пекка.

Тут он вытряхнул свою торбу, и возле ушей лисы засвистели камни. Лиса бросилась удирать во все лопатки, а Пекка так сильно смеялся, что позабыл заново наполнить торбу. Пройдя еще немного, он повстречал на своем пути льва, сказавшего ему:

«Я — *Рок* могучий, ну-ка стой!
Ты разве вправе жить?
Склонись, дрожа, передо мной,
О жизни чтоб молить!
А коль противиться дерзнешь,
Голодным, в холоде помрешь!»
«Ах, вот как!» — взвился Пекка.

Он отшвырнул свою торбу, вцепился в косматую гриву льва и начал бороться. Это был геройский поступок. Гордый лев взревел так, что задрожали горы, и замахнулся своей ужасной лапой, намереваясь повалить Пекку на землю. Жить тому оставалось недолго. Однако сильным мира сего по нраву неустрашимое мужество, и лев проникся к Пекке уважением. Вместо того

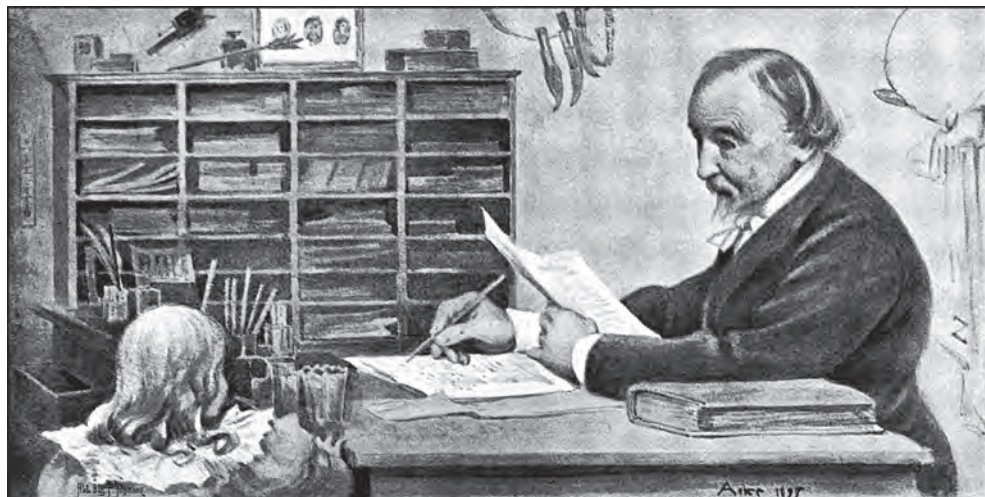

чтобы растерзать мальчугана, он прижал к себе Пекку, словно детеныша, и сказал ему:

«Тому, кто отважно вести решил
С роком могучим вражду,
Придам я ныне великих сил,
Чтоб одолеть нужду.
Живи! С сыновьями такими когда-то
Станет страна твоя очень богата».
«Пусть будет так!» — молвил Пекка.

КАК НАХОДЯТ СКАЗКИ

Осенняя беседа стрекозы с малюткой Марией¹

— Здравствуй, Мария!

— Здравствуй, стрекозка!

— Нынче у нас осень.

— Да, на дворе нынче осень, стрекозка!

— Листья желтеет, вечерами становится довольно темно.

— Но ты ведь по-прежнему летаешь. Тебе все равно, осень на дворе или весна.

— Это оттого, что я одна из тех, кто в младенчестве находился у самого сердца природы, и там я так согрелась, что никогда не мерзну. Да к тому же нынче стоит лето Святой Бриты².

— О чем это ты?

— Седьмое октября — Бригиттин день, получивший свое название в честь шведской святой Бриты³. Она была набожна и добра, и потому вся природа облачается в прекраснейший прощальный наряд, чтобы отпраздновать этот день в память о своей любимице. Каждую осень, когда уже думают, что зима близка, а в лесах так промозгло и безжизненно, все же выдается еще несколько погожих деньков перед именинами Святой Бриты, солнечных и мягких,

с чуть ли не весенним воздухом. Осень сидит в своем парадном золотом мундире и принимает прощальные визиты последних перелетных птиц. Тогда Лето в зеленом изношенном охотничьем камзоле еще раз заглядывает в дверь и спрашивает Осень:

«Можно войти?»

«Да, пожалуйста, — отвечает Осень. — Вот замшелая скамейка, извольте присесть, кузен, хотя по утрам у меня небольшой беспорядок».

«Нет, благодарствуйте, — отвечает Лето. — Я к вам лишь с кратким визитом. У меня совсем нет времени, поскольку Северный Полярный поезд отправляется в Египет сегодня в семь часов вечера».

«Э, можете не спешить, — говорит Осень. — Святая Брита воспользуется им же, дабы навестить Папу в Риме. А она еще сидит и чистит яблоки своим голодным деткам».

«Ну, коли так, — соглашается Лето, — я немного задержусь и посмотрю, как вы позаботились о моих кочанах капусты, и цветут ли еще георгины...»

И вот Лето усаживается на зеленую кочку, а Осень потчует его грушами, брусничкой и жареными грибами, но вдруг: Ууу! — раздается гудок, и Северный Полярный поезд уносится в Африку со всеми своими пассажирами, чижиками и зябликами, — да так, что в воздухе стоит свист. Ворона собиралась присоединиться к ним; здешний климат ей не по нутру, и она подумывает перебраться в Эстонию, но, как всегда, опаздывает на поезд. Сорока, что сняла жилье на зиму, хотя это всего лишь сарай, потешается над ней, сидя на ближайшей березе. Вот теперь Осень принимается за уборку в доме, и метла прогуливается по суше и по морю. Она все сметает на своем пути: листву с деревьев, уток с пруда, детишек с кустов крыжовника. Наступает пора уроков и заготовки колбас...

— И пора сказок, стрекозка! Вспомни, ты должна рассказать мне сказку!

— Что? Неужто тебе еще мало? Ты забыла «Жемчужину Адальмины», «Великие планы березки» и сотню других сказок? ⁴

— Нет, но...

— Сама расскажи мне что-нибудь для разнообразия.

— Я ничего не могу вспомнить.

— Поищи!

— Но я ничего не нахожу вокруг.

— Хочешь научиться находить сказки?

— Ах, конечно, стрекозка!

— Тогда слушай! Как-то раз несколько малышей играли в фанты, условившись, что тот, кто не выкупит свой фант, должен будет сидеть и смотреть, как другие едят землянику с молоком. Тут одному мальчику выпал фант рассказать сказку, но, как назло, никакой сказки малыш не знал! Пошел он тогда к школьному учителю и попросил:

«Дорогой магистр⁵, будьте так любезны, подарите мне сказку, иначе не видать мне земляники с молоком».

«Пожалуйста! — ответил школьный учитель. — Сколько будет девятью семь?»

«Но ведь это никакая не сказка!» — возразил мальчик.

«Она самая, — молвил школьный учитель, — это отличная сказка, называемая таблицей умножения. Довольствуйся ею, никакой другой у меня нет».

Отправился мальчик сказку разыскивать и пришел к своему дяде, который был генералом.

«Еще чего! — сказал генерал. — А известно ли тебе, что означает „сделать на караул“?»

«Но это же совсем не сказка!» — воскликнул мальчик.

«Да ладно! — ответил генерал. — Это отличная сказка, которая называется муштрой. Довольствуйся ею, никакой другой я не знаю».

Тогда мальчик отправился к своему крестному, который был статским советником.

«Милый крестный, подари мне сказку, иначе не видать мне земляники с молоком».

«С величайшим удовольствием, — ответил крестный. — Смотри, вот орден; это Станислав второй степени на шею, с короной и мечом⁶».

«Но это же не сказка!» — захныкал мальчик.

«Ясное дело, — ответил крестный. — Это знак отличия, а больше у меня для тебя ничего нет. Довольствуйся этим!»

Отправился мальчик дальше и пришел к своей тетушке, сестре матери, которая была тайной советницей гардероба ее светлости герцогини.

«Милая тетушка, поделись со мной сказкой, иначе не видать мне земляники с молоком!»

«Сию минуту, — ответила тетушка. — Вот тебе шиньон⁷, и это все, что у меня есть».

«Тоже мне сказка», — вздохнул мальчик.

«Еще какая, — убеждала его тетушка, — это верх совершенства! Довольствуйся этим, ничего другого у меня нет».

Мальчик продолжил свои поиски и набрел на мясника, торговавшего мясом на рынке.

«От души рад услужить такой безделицей! — ответил на просьбу мальчика мясник. — Вот тебе и окорок, и ножки для студня! Ничего другого у меня нет».

«Но это же не сказка», — рассудил мальчик.

«Какую тебе еще сказку? — спросил мясник. — Разве тут чего-то не хватает? Это же свинина!»

Мальчик еще раз решил попытать счастья и наведася к тетушке Улле, сестре отца, которая писала книги. Теперь-то он не сомневался, что услышит хорошую сказку. Тетушка Улла и в самом деле, недолго думая, дала ему толстую книгу с нравоучительными рассказами «для просвещенной молодежи».

«Но там ведь нет сказок», — вздохнул мальчик.

«Чего тебе еще? — спросила тетушка Улла. — Не годится? Ведь это вершина мудрости, это мораль!»

Тут бедный мальчуган совсем растерялся и нерешительно подошел к торпарю⁸, коловшему дрова на опушке леса.

«Любезный торпарь, — обратился к нему малыш, — подари мне сказку, иначе не видать мне земляники с молоком».

«Что ж, — откликнулся торпарь, — дело это нехитрое: погуляй по лесу — ведь там на всех ветвях сказки растут!»

Пошел мальчик в лес, и стоило ему оглядеться вокруг, как он увидел, что и вправду на всех верхушках деревьев и ветвях сказки растут. Они выглядели из березовой листвы, висели в виде шишек на елях, а кусты можжевельника так заросли сказками и прекрасными историями, что ягод было почти не видеть. Мальчик принялся собирать сказки и скоро набил ими полные карманы. Когда же они перестали туда помещаться, малыш начал складывать их в фуражку, а когда и та оказалась полнехонька, он набрал в охапку столько сказок, сколько смог унести.

«Странно, — подумал он, — что ни дядя, ни крестный, ни тетушки, ни мясник со школьным учителем не имеют ни малейшего представления о том, сколько здесь сказок!»

«Да видишь ли, — заметил можжевельник, который всегда норовил легонько уколоть, — это происходит оттого, что все они слишком сытые и никогда не мечтали о землянике с молоком!»

«Но школьный учитель такой худой; уж он-то наверняка никогда не бывает сытым», — возразил малыш.

«Он насытился своей великой ученостью», — ответил можжевельник и лукаво щелкнул острыми иголками.

После этого мальчик, обремененный огромной ношей, вернулся домой и получил полагавшуюся ему землянику с молоком, а собранных сказок хватило на всю долгую зиму, до самой весны.

Теперь же я поведаю тебе, как найти сказки и во многих других местах, а не только в лесу, у можжевельниковых кустов.

— Да, да, расскажи, стрекозка!

— Летом выходи рано поутру в поле, пока роса еще лежит на траве, и поищи вдоль межей — там, словно жемчуга, рассыпаны тысячи сказок. Потом отправляйся к берегу моря, где на воде играют мелкие барашки искристых волн, — это и есть сказки, написанные голубыми буквами, только надо научиться их читать! Осенью прислушивайся к шуму высоких сосен, что поведают тебе саги о великанах стародавних времен. Или поищи на вересковых пустошах — вереск знает бесчисленное множество сказок, а еще больше их скрывается в увядшей листве. Но сказки эти — об одиночестве и печали, и написаны желтыми и бледно-красными буквами. От них веет легкой грустью. Зимой читай изящные морозные стихи, запечатленные на оконных стеклах, и оживляй силой своего воображения все те прекрасные картины, что предстают

Пошел мальчик в лес, и стоило ему оглядеться вокруг, как он увидел, что и вправду на всех верхушках деревьев и ветвях сказки растут.

перед тобой на заиндепевших ветвях лесных деревьев. С наступлением весны внимательно следи за игрой красок на вечернем небосклоне: ты увидишь там все сказочные, сияющие золотом замки фей. И осенью, и зимой, и весной тебе доступны серебряные сказки звезд. Они — самые возвышенные и самые чистые в природе, ибо сам Господь начертил их в высокой синеве вечернего неба.

О, малютка Мария, если б ты только знала, сколько еще может поведать тебе великая, богатая и прекрасная природа! Гораздо, гораздо больше, чем могу сейчас рассказать тебе я! Все горы и камни, все деревья, кусты и мелкие растения, все животные в лесу, в воздухе, в море имеют собственные истории. Ничто в природе не мертво, все живет, все дышит и чувствует, мыслит и рассказывает. Как обогатила бы ты свою душу и наполнила передник, прислушавшись ко всему этому!

Но если природа когда-нибудь умолкнет и ты перестанешь слышать ее голос — это верный признак того, что ты состарилась и поседела душой! Только зачем тебе такая седина? В своем сердце, малютка Мария, всегда оставайся юной и будь добрым Божьим чадом, даже если сделаешься такой же старой и седой, как бабушка в кресле-качалке. Тогда голос природы никогда не смолкнет для тебя, как и пение ангелов, прославляющих Господа в небесных чертогах, и холод мирских горестей будет тебе нипочем!

Так она и сказала.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ В НОЯБРЕ

Муравьи трудились и трудились. У них было столько дел! Прежде всего требовалось законопатить на зиму свои горенки в муравейнике, чтобы те стали теплыми и надежными. Потом нужно было еще раз obeжать кладовые и проверить, хватит ли им пищи на пять или шесть месяцев заточения. Далее следовало укрепить входы в муравейник на случай вражеского нападения. Затем надлежало вымести муравьиные тропы и убрать с них все засохшие хвоинки, а напоследок забраться на ближайшее дерево, дабы обозревать оттуда происходящее в мире и поглядывать на небо, по которому узнавали о приближении зимы.

Но, помимо прочего, муравьи принимали участие в тягостной и печальной церемонии: они провожали к могиле свою почившую великую мать Природу. Им помогали в этом все земные букашки и козявки, которых вместе с муравьями — 94 квинтиллиона 18 квадриллионов 400 триллионов 888 миллионов 954 тысячи 367. Попробуй-ка напиши это число! Утверждают, будто их ровно столько, но я не поручусь, что это правильно.

Иней уже усыпал поля бесчисленными миллионами жемчужин, которые никто не поднимал. Все увядшие стебельки трав и безлистные деревья облачились в глубокий траур; одни только сосны да ели, всегда одетые в темно-зеленые шубы, готовились отряхнуть с себя покрывавший их мох. Вьюги, дочери воздуха, сидели среди облаков и чесали снежную шерсть, чтобы спеленать землю саваном. Замерзающие волны напевали у берега грустные песни,

пока наконец не засыпали под ледяным покрывалом, а мелкие пташки, оставшиеся после отлета прочих птиц, разучивали краткую траурную мессу¹ под аккомпанемент вечернего шелеста сосен. Всюду было так холодно, так пасмурно, так невыразимо грустно...

Но вот блеснул солнечный луч...

Это был луч настоящего небесного золота; он пробился сквозь темную снеговую тучу, заиграл на жемчужинах инея, осветил увядшую траву, безлистные деревья, мрачные сосны, взглянул на трудолюбивых муравьев и на все 94 квинтиллиона букашек и козявок, — сколько их в точности было, я уже позабыл, — и в одно мгновение все вокруг изменилось.

— Нет, что это такое? — ухнул филин, который сидел на флагштоке и пытался спеть басом: «Осень настала, бурь слышен рев...»² Голос у него был хриплый, но теперь, когда все певчие птицы улетели, и он мог сойти за певца. — Что это? Я просто из себя выхожу! Я начинаю фальшивить, я не могу прочесть ни единой ноты, когда солнце светит мне прямо в глаза!

— Это никуда не годится! — зароптали муравьи, которые только что с великим трудом нанизали жемчужный иней на стебельки трав, желая придать им траурный вид. И вот теперь все эти жемчужины начали таять. — Это совсем никуда не годится! Всюду будет только слякоть да грязь! Нет ли у кого зонтика, который можно было бы раскрыть от севера и до юга?

Кузнечик все лето играл на шарманке и ни разу не подумал приняться за работу. Вот почему он лежал теперь полумертвый от голода под увядшим осиновым листком, но солнечный луч привел его в чувство, и кузнечик решил, что лето вернулось. Тут он принялся трением заводить свою шарманку, да так, что осиновый листок запрыгал, но при этом стер себе ручки и ножки, ведь они с непривычки не слушались его — пришел конец веселью.

Все это видел солнечный луч, пробившийся сквозь темную и тяжелую осеннюю тучу. Однако он неся на трепещущих крыльях вниз, рассекая прозрачный воздух, и высматривал на земле того, кого мог бы утешить и обрадовать.

Солнечный луч скользнул по замерзшему пруду и засверкал на зеркальной глади осеннего льда.

— Есть ли здесь тот, кто скучает? — спросил он.

— Нет! — ответили мальчишки-школяры, которые вычерчивали свеженаточенными коньками затейливейшие узоры, кричали и смеялись, а школьницы, жавшиеся к берегу, испытывали лед на прочность, стуча по нему ногами. Было очень весело!

Солнечный луч скользнул далее и остановился на безлистной березе.

— Есть ли здесь тот, кто печалится? — спросил он.

— Нет, — ответила береза, — зачем мне печалиться? Я знаю наверняка, что с наступлением весны зазеленею прекраснее прежнего.

Солнечный луч продолжил свой путь и заглянул в жалкую хижину, где родители и дети делили свой последний хлеб с теми, кто был беднее их.

— Есть ли здесь тот, кто горюет? — спросил он.

— Нет, — сказали бедняки, — о чем нам горевать? Мы ведь знаем, что Господь, будучи милостив, печется обо всех своих детях, и потому возлагаем на Него все наши печали.

Тогда солнечный луч понесся далее и задержался на корабле, стойко сражавшемся с бурей.

— Есть ли здесь тот, кто бедствует? — спросил он.

— Нет, — сказал старый моряк, — чего нам унывать? Господь ведет корабль к гавани, а потому мы бесстрашно трудимся, невзирая ни на какие опасности.

Солнечный луч направился далее и приблизился к постели больного.

— Есть ли здесь тот, кто скорбит? — спросил он.

— Нет, — откликнулся больной, — о чем мне скорбеть? Господь — мое здоровье, и Ему виднее, что идет нам на пользу. Потому и самые страдания для меня в радость, ибо ничто не происходит со мной без воли Всевышнего, а Его воля — всегда благая!

Опять солнечный луч отправился в путь и остановился у церковной ограды. Там сидела мать и оплакивала своего умершего ребенка.

— Есть ли здесь тот, кто страдает?

— Нет, — ответила плачущая мать, — о чем мне печалиться, коль я уверена в скорой встрече на небесах с моим малюткой? А если я плачу, любезный солнечный луч, так это от умиления, что Господь столь рано призвал мое ненаглядное дитя к своей вечной радости.

И солнечный луч удивился, что не нашел никакой печали на земле. Он не все еще повидал, наш добродетельный луч.

Через некоторое время на его пути попалось окошко, заглянув в которое, солнечный луч увидел маленькую девочку, стоявшую перед цветочным горшком.

— Есть ли здесь тот, кто грустит? — спросил он.

— Да, — сказала девочка, — такая здесь есть. Я горюю о своем миртовом отросточке, который посадила на счастье и который увядает теперь в осеннем сумраке.

— Если причина только в этом, я тебя утешу, — молвил солнечный луч.

И так приветливо и тепло озарил миртовый росток, что тот снова ожил. И печали как не бывало — ни в окне, ни в детском сердце.

Солнечный луч проследовал дальше и осветил тюрьму.

— Есть ли здесь тот, кто отчаивается? — спросил он.

— Да, — откликнулся закованный в цепи разбойник, ожидавший своего приговора, — как мне не отчаиваться, если я — арестованный преступник, отвергнутый Богом и людьми без надежды на помилование?

— Взгляни сюда, — молвил солнечный луч, скользнув по странице Библии, раскрытой на том самом месте, где Спаситель обещает милость и прощение разбойнику на кресте³. Миг — и от отчаянья не осталось и следа: ни в тюремной камере, ни в измученном сердце.

Еще дальше блеснул солнечный луч и добрался до старого Никласа Гуляки, который горестно ломал руки над ревущим потоком.

— Есть ли здесь тот, кто убивается? — спросил солнечный луч.

— Да, — застонал Никлас.

— О чем же ты сожалеешь?

— Я сожалею о своем детстве, когда был неблагодарен и непослушен моим покойным родителям. Я сожалею о молодости, которую праздно проматывал среди излишеств, пока наконец не состарился. Я сожалею о всей своей жизни, от которой никогда и никому не было ни пользы, ни радости, поскольку я всегда заботился лишь о собственном удовольствии. Вот почему я и хочу теперь броситься в этот ревущий поток!

— Подожди немного, — сказал солнечный луч. — Следуй за мной, и я укажу тебе путь туда, где ты можешь еще оказать миру добрую услугу!

И луч запрыгал по кочкам и увядшей траве, а Никлас Гуляка следовал за ним до тех пор, пока они наконец не очутились на пруду, куда школьники без разрешения сбежали с уроков.

*...солнечный луч увидел маленькую девочку, стоящую
перед цветочным горшком.*

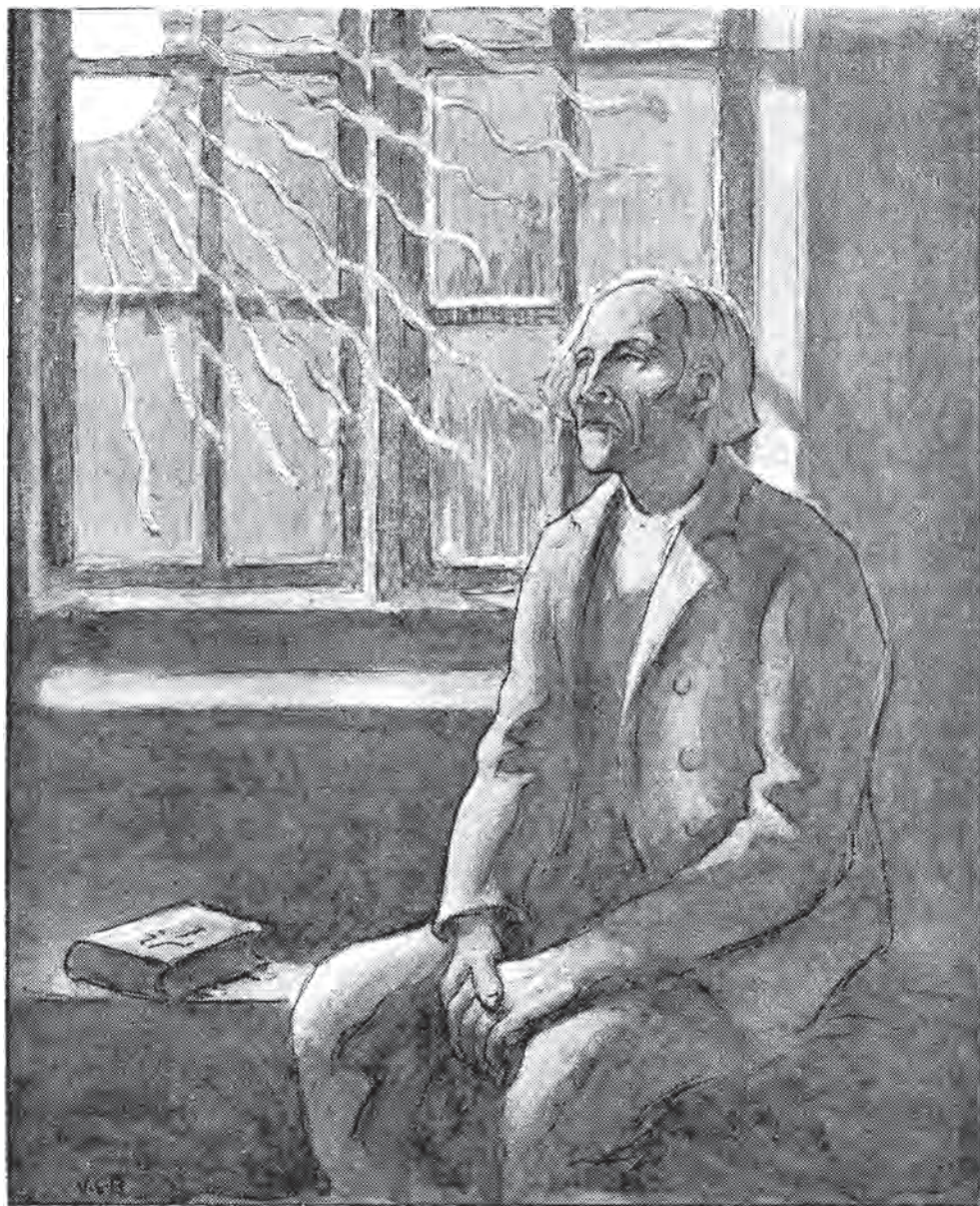
— Мы пришли, — молвил солнечный луч, — теперь сядь да и Расскажи детям, каково бывает тому, кто всю свою жизнь заботится лишь о собственном удовольствии.

Никлас Гуляка уселся на берегу и начал рассказывать, а мальчики и девочки окружили его, чтобы послушать. И солнечный луч засиял в их глазах отблеском вечного божественного света. Старый Никлас Гуляка вновь повеселел, ведь ему все же удалось совершить доброе дело. А несмышленные ребятишки задумались, но это пошло им только на пользу: раздумье-то было благое, ибо из него произрастало истинное счастье.

Теперь солнечный луч довольно полетал для одного дня, и он мигом преодолел 14 миллионов миль обратного пути на солнце. Надвинулись осенние тучи и задернули небо завесой, однако луч, сидя на краю солнца, высматривал малейшую щель, через которую можно было бы проскользнуть. Прошло много-много времени, прежде чем она наконец появилась. Тут луч, не мешкая, скользнул вниз и заиграл на ослепительно-белом снегу. Но при этом он все еще помнил свое радостное ноябрьское путешествие: немало сердец он тогда утешил, а подобное сознание надолго оставляет по себе приятное воспоминание.

*Миг — и от отчаянья не осталось и следа: ни в тюремной камере,
ни в измученном сердце.*

ЮНЫЙ ВСЕЗНАЙКА

— Нет, до чего умен и толков наш Хегесиппус! — воскликнула мамзель¹ Юстина, всплеснув руками. — Обо всем-то он доведался! Вряд ли кто может похвастать подобной ученостью — не говоря уже о бедняге Кнуте, который не знает ничего.

Хегесиппусу было не до разговоров: он рассматривал в микроскоп заднюю лапку навозного жука. Двенадцатилетний мальчуган посещал гимназию, оттого-то и знал так много. Бедняге Кнуту было четырнадцать, он учился в реальном училище² и поэтому не знал ничего.

Мамзель Юстина была добропорядочной экономкой, которой полагалось двести марок³ в год, а кроме того — стол, кров, пара ботинок к первому мая и хлопчатобумажный фартук к Рождеству. Хегесиппус был ее любимчиком, и с тех самых пор, когда он еще носил платица, экономка без устали твердила ему, что он гораздо умнее других детей, а бедняга Кнут ему и в подметки не годится. Постоянно слыша, какой ты умница, невольно уверуешь в свою неотразимость. Вот и Хегесиппус был убежден, что он — умнейший из школьников, когда-либо делавших «собачьи ушки»⁴ в учебнике грамматики.

Наконец мальчуган прищурил один глаз, взъерошил волосы и спросил Юстину:

— Ты видела мою коллекцию яиц?

Юстина уже семьдесят семь раз видела эту коллекцию, однако восхищенно ответила:

— Ну и ну, все-то успевает мой дорогой мальчик!

— Иди сюда, погляди, Юстина! — позвал экономку Хегесиппус и показал ей длинную картонную коробку с маленькими и большими яичками, аккуратно подписанными и разложенными на вате в отдельных ячейках. Там были яйца всех видов птиц, от крупных орлиных до крохотных яичек пеночки: голубоватые, серые, белые, коричневые, крапчатые яички ворон, сорок, скворцов, дроздов, чижигов, зябликов и других — все они представляли собой

пустые скорлупки с маленькими дырочками на концах. Это походило на склеп с крошечными гробами нерожденных птенцов.

Пока Юстина восторгалась, в комнату вприпрыжку вбежала Лотта. Лотте было десять лет, она еще не понимала ценности коллекции и спросила, откуда у Сиппуса столько яиц. Сиппус снисходительно ответил, что одни ему принесли, а другие он купил у знакомых ребят.

— Разве не грешно разорять птичьи гнездышки? — наивно спросила Лотта.

Хегесиппус зашмыгал носом; у него почти всегда был насморк, поэтому он никогда не выходил на улицу без пальто и калош. К тому же гнусавость добавляла важности. На сей раз всезнайка предпочел оставить столь глупый вопрос без ответа. Однако Лотта не отступалась:

— Я еще могла бы понять, если б это было необходимо для учебы, — сказала она, — но ведь все собранные тобой яйца нарисованы в книгах. Ты мог бы изучать яйца и гнезда птиц в лесу, не причиняя им вреда. Кнут каждую птичку узнает по ее щебетанью.

— Кнут — неуч, — презрительно буркнул Хегесиппус.

— Но Кнут защищает маленьких птишек и охотится на ястребов, — важно заявила Лотта.

— А он считал, сколько перьев на их крыльях? — напыщенно спросил Хегесиппус. — Я вот могу рассказать тебе, Лотта, что скелет птиц отличается от скелета млекопитающих. Птичьим костям свойственна чрезвычайная прочность и легкость. К тому же их конечности состоят из трех отделов, их пищеварительная система устроена иначе, как и череп, снабженный округлым затылочным выступом; кроме того, у них в определенной степени развито воображение и тяга к прекрасному, а еще птицы строят гнезда в форме конуса...

— А вот и нет! — перебила его Лотта. — Все гнезда, которые я видела, были круглыми, как репа.

— Ну да, конусовидные или округлые... это не имеет значения. Может, у хищников гнезда и округлые, но если взять овсянок, воробьев, древолазов, страусов, куликов, водоплавающих птиц, кур и...

— И петухов! — брякнула мамзель Юстина, замороженная необычайной ученостью своего кумира. — Лотта, деточка, на свете нет того, чего не знал бы Хегесиппус. Он знает все!

— Сиппус собирает яйца, а никогда не видел птичьего гнезда! — засмеялась Лотта.

Хегесиппус рассердился.

— Я отыщу птичье гнездо, когда захочу, — отрезал он. — К слову сказать, у меня пока еще нет яиц свистели и соловья. Но я раздобуду их сам. Вот посмотришь вечером, когда я вернусь домой.

— Но ведь ты никогда не бывал в лесу, гуляешь по городским тротуарам, да и то лишь потому, что доктор советовал тебе больше двигаться, — возразила Лотта.

— О нет, дорогой Хегесиппус, не ходи в лес, ты можешь простудиться! — предостерегла мамзель Юстина. — Вспомни, ведь там водятся змеи!

— Змеи относятся к рептилиям, у них очень длинное тело, а процесс пищеварения происходит медленно, — похвастался своей неслыханной ученостью Хегесиппус.

— Он никогда не видел живой змеи! — опять засмеялась Лотта.

Это вконец разозлило Хегесиппуса. Он надел теплое зимнее пальто, прихватил с собой «Зоологию» Люткена⁵, откуда черпал свои познания, взял отцовскую трость, чтобы отбиваться от змей, которые имеют чрезвычайно длинное тело и очень плохое пищеварение, и отправился за город на поиски соловьиных яиц, поскольку вторая половина дня у него была свободна от занятий.

— Нет, стой! Застегни еще и последнюю пуговицу! — крикнула ему вдогонку мамзель Юстина.

Но Хегесиппус был уже далеко. Он торжественно прошагал по городу, миновал дорожную заставу, оставил позади мост, проселочную дорогу, перелез через канаву и очутился в лесу. Прогуливаться здесь было куда труднее: мешали кочки, валежник и камни, кусты можжевельника и паутина, муравейники и комары. Хегесиппус устал, ему сделалось жарко, и он сел на камень отдохнуть. Ему показалось удивительным, что ни соловьи, ни свиристели не вьют своих гнезд на камнях.

Пока он так сидел, что-то просвистело в воздухе, и огромный ястреб устремился к белке, пристроившейся на ближайшей ели. Но ястреб промахнулся и вцепился когтями в ветку. Белка, подпрыгнув, упала прямо в руки Хегесиппусу и тотчас, дрожа, юркнула за камень.

На свете нет более высокого наслаждения, чем прислушиваться к великой живой природе, пытаясь раскрыть ее тайны. Однако следует принимать в этом непосредственное участие, а не зазубривать из книг то, чего не понимаешь. Книги хороши, чтобы указывать путь, но проку от них не будет, коль не умеешь ими пользоваться. Хегесиппус впервые оказался в лесу. Вместо того чтобы присматриваться к растениям и животным, исследовать муравьиные тропы, научиться распознавать птиц по их голосам, он явился со своею премудростью, наивно полагая, что ему все известно из книг. Бедный всезнайка Хегесиппус!

Неожиданное появление белки несколько его не удивило. Он вынул свою «Зоологию», поискал, что там написано о похожем звере, и нашел следующее: «Бегемот — крупное, толстое, неуклюжее животное с короткой шеей и ногами...»

«Ага! Четвероногое животное, которое упало мне в руки, было неуклюжим и короткошеим; должно быть, это бегемот. А что за птица сидела на дереве? Посмотрим... „Характерной особенностью попугаев является клюв, необычайно короткий, высокий и толстый...“ Подходит. Это попугай! А может, все-таки соловей?... „У соловья не очень длинный клюв...“ Кажется, клюв у той

птицы был скорее короткий... „...с характерным небольшим зубцом с внутренней стороны кончика надклювья...“ Совпадает! Итак, птица, несомненно, соловей! Удивительно! Я должен это записать».

Хегесиппус достал свою записную книжку — настоящие ученые никогда не ходят в лес без записной книжки — и крупными буквами пометил следующее:

15 мая. Лотта снова показала свое невежество. Я пошел в лес. Видел соловья, который напал на бегемота.

Вот что значит узнавать обо всем из книг!

— Ах, — рассуждал Хегесиппус, — какой же лес глупый, а я — мудрый! Дремучему лесу не ведомо то, что знаю я. У дремучего леса совершенно нет книг: в нем не найдется ни одной ветки или зверя, осиливших хотя бы букварь, — не то что умеющих писать или читать. Лес растет себе и растет и не догадывается, что дважды два равняется четырем. А я еще и больше знаю, я знаю все! А если чего-то и не знаю, то узнаю, когда стану студентом. Тогда я буду знать обо всем, что есть на свете, а может, и немного больше. А когда сделаюсь магистром, то буду знать еще и то, чего нет, а может, чуть больше. Вот так, запомни, несчастный лес!

Несчастный лес молчал, сраженный такой невероятной ученостью. Он стоял тихо и неподвижно, будто тоже хотел позаимствовать немного великой мудрости. Быть может, сосны стремились научиться, как им расти, черемуха — как ей цвести, туча — как ей пролиться дождем, ручей — как перепрыгивать через камешки, а... соловей — как нападать на бегемота.

— Что ж, теперь надо отыскать птичье гнездо, — сказал Хегесиппус и двинулся дальше.

Немного погодя он очутился на лугу, где стоял какой-то сарай. Над дверью сарая, прямо под низенькой его крышей, висело нечто, определенно являвшееся птичьим гнездом, поскольку казалось сделанным из серой бумаги и имело форму конуса.

— Разве я не говорил, что все птичьи гнезда конусовидные? — заметил Хегесиппус. — Может статься, это соловьиное гнездо!

И он принялся тыкать в серый конус отцовской тростью.

Едва он проделал в бумажной оболочке дыру, как из нее вылезло какое-то существо: сначала одно, потом — еще одно, а следом — десять, двадцать, да может и все сто! Однако это были, конечно, не соловьи, а осы; и вскоре Хегесиппус почувствовал, как что-то кольнуло его в руку, в щеку, в нос... Над ним взвился целый рой разъяренных насекомых. Ученый муж насмерть перепугался, он изо всех сил бросился наутек, отбиваясь от ос отцовской тростью. Но осиный рой оказался проворнее и насел на беднягу со всех сторон так, что тот не видел и не слышал ничего вокруг. Мальчик бежал и бежал до тех пор, пока не свалился в глубокую канаву с грязной водой.

Хорошо, что осы не умеют плавать. Увидев врага барахтающимся в канаве, они еще немного пожужжали и повернули обратно — чинить поврежденное гнездо. И если бы мальчик понимал их язык, то услышал бы, как они говорят друг другу:

— Проучили наглеца! В следующий раз неповадно будет разорять наше жилище!

Мокрый и распухший от укусов, Хегесиппус вылез из канавы. Искать птичьи гнезда ему уже совсем не хотелось. Разумней всего сейчас было бы побрести домой. Но на словах это выполнялось легче, чем на деле. Всезнайка впервые попал в лес и понятия не имел, как из него выбраться. Сначала Хегесиппус ориентировался на собственный нос, однако нос — плохой проводник: куда ни повернись, он всегда указывает вперед. Поэтому мальчик, хотя и шел напрямик, все больше и больше углублялся в лесную чащу. На кочках вытянулись тени от деревьев, солнце скрылось за верхушками елей, комары делались все назойливей, смолкли птицы, только горихвостка и дрозд по-прежнему выводили свои мелодичные трели, в то время как из полевой канавы доносился хриплый голос коростеля. Хегесиппус устал, проголодался и промок, однако упорно пробирался по кочкам и камням и, проблуждав так несколько часов, оказался у той самой канавы, откуда начал свой путь.

Ученый муж насмерть перепугался, он изо всех сил бросился наутек, отбиваясь от ос отцовской тростью.

Тут мужество его покинуло, мальчик плюхнулся на землю и зарыдал. Немного поплавав, обессиленный, он уснул на краю канавы.

Должно быть, Хегесиппус грезил, а иначе как могло подобное случиться со столь премудрым мальчиком? К нему вроде бы подошла маленькая белочка, что была бегемотом, и спросила:

— Почему ты плачешь?

— Ах, — ответил мальчик, — как же мне не плакать, если я не могу найти дороги из этого дремучего леса?

— Но ведь ты все знаешь! — сказала белка, которая была бегемотом.

— Не все, а *почти все*! — вздохнул Хегесиппус.

— Тогда всего хорошего! — попрощалась белка.

Немного погодя в воздухе что-то просвистело, и ястреб, который был соловьем, спросил:

— Почему ты плачешь?

— Как же мне не плакать, — ответил Хегесиппус, — если я не знаю, как выбраться из этого леса и попасть домой?

— Но ведь ты почти все знаешь! — сказал ястреб, который был соловьем.

— Нет, не почти все, однако *немало*, — вздохнул мальчик.

— Что ж, прощай! — сказал ястреб.

Затем прилетел осиный рой, и мальчик услышал тот же вопрос:

— Почему ты плачешь?

— Как же мне не плакать, если я не знаю дороги домой? — снова всхлипнул Хегесиппус.

— Но ведь ты немало знаешь! — зажужжали осы.

— Не так уж и много, *совсем чуть-чуть*! — вздохнул мальчик.

— Прощай! Прощай! — загудели осы и улетели.

Опять всезнайка остался в одиночестве. Но тут к нему придвинулся весь дремучий лес с высокими елями, стройными березками, низкорослыми кустами можжевельника, маленькими рябинками, цветками брусники, вереском, вороньими ягодами, и все участливо поинтересовались:

— Почему ты плачешь?

— Как же мне не плакать, если я заблудился! — ответил Хегесиппус.

— Но совсем чуть-чуть-то ведь ты знаешь! — сказал дремучий лес.

— Да, — вздохнул мальчик, — но не знаю дороги домой.

— Что ж, прощай! — прошелестел лес.

— Нет, погоди! — всхлипнул во сне Хегесиппус. — Будь так добр, покажи мне дорогу в город! Мое пальто, калоши и отцовская трость утонули в канаве, я замерзаю...

— Но ты же вроде бы чего-то знаешь, — заметил лес.

— Нет, дорогой лес, уверяю тебя, что *решиительно ничего не знаю*! — отчаянно захныкал мальчик.

— Неужто ты такой неуч? — удивился лес.

— Считай меня кем хочешь, только покажи дорогу домой! — воскликнул Хегесиппус.

— Ну уж нет, — зашумел лес, — давай начистоту! Признайся, что совсем не разбираешься в реальной жизни и характере природы, хотя и хвастаешься заученным из книг! Согласись, что знаешь об окружающем мире меньше любого муравья в муравейнике или мельчайшей хвоинки с словых ветвей!

Хегесиппус издал протяжный вздох, словно колол перед тем дрова. Нелегко ведь признать свое невежество, если до сих пор считал себя невероятно ученым.

— Я не знаю ничего другого, кроме того, что написано в «Зоологии» Люткена! — воскликнул он.

— Ты еще и торгуешься? — упорно не уступал лес. — Немедленно говори правду! И громко, чтобы все слышали: «Хегесиппус — дурак!»

Пот выступил на лбу мальчика, хотя во сне он дрожал от холода.

— Ты прав, дорогой лес, — прошептал Хегесиппус. — Я немного глуп...

— Правду! — рявкнул лес. — Говори: «дурак»!

— Ну, если тебе так необходимо, чтобы я сказал это, тогда слушай: я — *дурак... круглый дурак!*

— Хегесиппус — дурак! — прокатилось эхом по лесу.

Вся природа развеселилась.

— Слышал, что сказал парень? — спрашивали вороньи ягоды у куста можжевельника.

— Можно ли быть настолько глупым, чтобы самому в этом признаваться? — говорил муравей сосновой шишке.

Эхо, примостившееся на горном склоне, повторяло сказанные всезнайкой слова до тех пор, пока каждая ветка, каждая кочка и каждое птичье гнездо не начали вторить ему:

— Хегесиппус — дурак... дурак... дурак... дурак... дурак... дурак!

— Что за шушуканье? — слышался чей-то голос из-за кустарника.

Это был Кнут с ружьем на плече.

— Хегесиппус! — позвал он.

Хегесиппус проснулся.

— Это ты, Кнут?

— Наконец-то я тебя нашел! — обрадовался Кнут. — Твое долгое отсутствие до того встревожило Юстину, что сразу после обеда она послала меня на поиски. Я искал тебя во дворах, парках и садах. Никогда не думал, что ты настолько глуп, чтобы заблудиться в таком маленьком лесу.

— Тише, Кнут, молчи, уже весь лес знает об этом! — горько вздохнул Хегесиппус. — Лучше помоги добраться домой. У меня затекли ноги, я не могу идти...

— Ничего! Моих ног хватит для нас обоих: мигом доставят куда надо! Полезай ко мне на спину; давай, неженка!

— Но до города ведь далеко. Ты не сможешь нести меня всю дорогу.

— Далеко? — улынулся Кнут. — Каких-то сто шагов до дорожной заставы. Если бы ты залез на первый попавшийся камень, то увидел бы перед собой весь город как на ладони.

— Похоже, я и впрямь немного глупый, — вздохнул Хегесиппус, взобравшись брату на плечи и увидев городские дома совсем близко, сразу за кустами. — А что у тебя в охотничьей сумке, Кнут?

— Там хищная птица. Я сейчас подстрелил ее.

— Эге, да я ее знаю. Не очень длинный клюв с характерным небольшим зубцом с внутренней стороны кончика надклювья. Можешь не воображать, Кнут, будто ты подстрелил попугая; я исследовал эту тварь — это соловей! Я видел, как он напал на бегемота.

— Что? Соловей? Да это роскошный ястреб, которого следует прибить над воротами конюшни. Я видел, как он преследовал бедную белочку. Алчный разбойник... В основном его пищей становятся маленькие птички, однако он не гнушается и крысами, лягушками, зайчатами, белками...

Тут Хегесиппус замолчал, сочтя самым верным оставить свою мудрость при себе. Когда же он верхом на брате благополучно добрался домой и мамзель Юстина привычно принялась хвалить его необычайную ученость, мальчик прошептал ей на ухо:

— Никому не рассказывай, что я глупый!

— Сиппус, душа моя, что ты такое говоришь? Разве может быть глупым *тот*, кто знает все?

— Видишь ли, Юстина, всезнайство как раз и является признаком глупости!

ДАР МОРСКОГО КОРОЛЯ

Жил на свете старик-рыбак по имени Матте, по прозвищу Лосось. Жил он у самого берега бескрайнего моря. Да где ж ему иначе и жить? И была у него старуха по имени Майя, по прозвищу Лососиха. А как ее еще звать, коли мужа Лосось величают? Зимой теснились они в маленькой хижине у берега материка, а весной переселялись на красную коралловую скалу посреди моря и жили там все лето до глубокой осени в крошечной лачуге с деревянным засовом на дверях вместо замка, серой каменной плитой вместо очага, флагштоком и флюгером на крыше.

Скала звалась Ахтола и была ничуть не больше рыночной площади в городе. В расселинах Ахтолы росли невысокая рябина да еще четыре ольховых кустика. Бог знает, как туда попали эти растения, может, с осенним паводком! Кроме того, имелось на острове еще несколько кочек нежной, как бархат, травы и несколько стеблей тростника, две колонии того самого растения с желтыми цветами, что зовется пижма обыкновенная, и еще заросли высокого, с метелками темно-розовых цветов, кипрея. Да еще красивый белый цветок, называемый седмичником европейским. Но самым диковинным на скале были три грядки мелкого лука, который Майя Лососиха посадила в ложбинке. С северной стороны их защищала скала, а с южной — пригревало солнышко. Лука было совсем немного, но Майя Лососиха довольствовалась и этим.

Говорят, что три — хорошее число, а потому Матте Лосось и его жена ловили весной лосося, летом — салаку, а осенью — сига. Коли день выдавался погожий, а ветер — попутный, по субботам переправлялись они на парусной лодке в город и продавали свежую рыбу, а по воскресеньям ходили в церковь.

Однако часто приходилось им жить по нескольку недель кряду в одиночестве на островке Ахтола и не видеть никого и ничего, кроме своего рыжего песика, носившего громкое имя Принц, своих травяных кочек, кустов ольхи и цветов, морских чашек и рыб, черных грозовых туч да бело-голубых волн. Ведь скалистый островок, на котором они жили, находился в открытом море; на милю вокруг не было ни единого зеленого островка либо человеческого жилья, а только кое-где высывалась из воды такая же красная коралловая скала, как Ахтола, денно и ночью обдаваемая морской пеной.

Матте Лосось и Майя Лососиха были добрые и работающие люди; счастливые и довольные, жили они втроем с Принцем в своей бедной лачуге и считали себя богачами, когда им удавалось насолить столько бочонков рыбы, что этого запаса хватало на всю зиму, да кроме того выручить немного денег на табак для трубки старика и на несколько фунтов¹ кофе для старухи; причем для улучшения вкуса кофе его наполовину смешивали с жареным ржаным зерном и цикорием. Впрочем, кроме этого у них на острове водилось масло, хлеб, рыба, бочка с питьевой водой и бочонок кислого молока, чего еще желать?!

Все было бы хорошо, если бы у Майи Лососихи не зародилось тайное желание, не дававшее ей покоя. Она из года в год мечтала о том, чтобы как-нибудь разбогатеть настолько, чтобы завести себе корову.

— На что тебе корова? — спрашивал ее Матте Лосось. — Плыть далеко она не сможет, в нашей лодке ей не поместиться, а потому мы не могли бы перевозить ее на наш остров. А если бы даже нам и удалось как-нибудь переправить ее туда, то все равно нам нечем было бы ее кормить.

— Как нечем? Здесь четыре ольховых куста и шестнадцать кочек с травой, — возражала Майя Лососиха.

— Ну конечно, — смеялся Матте Лосось, — здесь есть еще три грядки мелкого луку. Почему бы тебе не кормить корову луком?

— Все коровы любят соленую салаку, — не унималась старуха. — Принц тоже любит рыбу.

— Ну уж и придумала! — говорил старик. — Нечего сказать, дешево бы нам обошлась корова, вздумай мы кормить ее соленой салакой. Другое дело Принц: он лезет в драку с сизыми чайками из-за остатков, когда мы чистим салаку. Нет, матушка, выкинь буренку из головы, нам и так хорошо!

Майя Лососиха глубоко вздыхала. Она понимала, что старик прав, но о буренке забыть не могла. Ей опротивело старое, кислое молоко, которое не могло заменить свежих сливок в кофе, и Майя Лососиха мечтала о сладких сливках и свежей простокваше как о величайшем счастье на земле.

Однажды, когда старик со старухой чистили на берегу салаку, слышался лай Принца, и вскоре показалась красиво разрисованная парусная лодка, в которой сидели трое молодых господ в белых фуражках. Молодые люди правили к берегу, а вообще-то были они студентами, что плыли издалека развлечения ради. Теперь они искали сушу, чтобы перекусить чего-нибудь свежего.

— Гребите сюда со свежей простоквашей, бабуля! — закричали они.

— Да если б у меня была простокваша! — со вздохом ответила Майя Лососиха.

— Сойдет и кувшин парного молока! — крикнули студенты. — Но только парного!

— Да если б оно у меня было! — еще глубже вздохнула старуха.

— Что? У вас нет коровы?

Майя Лососиха промолчала. Слишком трудно было отвечать на такой больной для нее вопрос.

— Коровы у нас нет, — ответил Матте Лосось, — но если вы хотите свежей копченой салаки, то вы получите ее через пару часов, совсем горячую.

— Дайте хоть копченой салаки! — согласились на предложение студенты, причалили к берегу и высадились на скалу со своими трубками и сигарами. Между тем хозяева островка насадили на вертел пятьдесят серебристо-белых свежих салак и повесили их коптиться.

— Как зовется этот камушек, заброшенный в море? — спросил один из студентов, имея в виду коралловый островок.

— Ахтола, — ответил старик.

— Да ну, какая же у вас тогда может быть нужда, коль вы живете в усадьбе Морского владыки?

Матте Лосось не понял этого вопроса. Он никогда не читал «Калевалу»² и ничего не знал о морских богах. Но студенты все ему объяснили.

— Ахти, — сказали они, — могущественный король, и живет он в великолепной усадьбе Ахтола, у подножия скалы в самой глубине моря; там у него обилие всевозможных сокровищ. Он правит всеми рыбами и всеми морскими животными; у него есть прекраснейшие коровы и великолепные быстрые лошади, что пасутся на дне морском и питаются водорослями. Тот, кто придется Ахти по нраву, вскоре разбогатеет. Но он должен остерегаться хоть чем-нибудь вызвать неудовольствие Морского короля, потому что король этот очень капризен и обидчив! Его может разозлить даже мелкий камушек, брошенный в воду, и тогда он отбирает все свои дары, насылет бурю и увлекает виновного на дно морское. У Ахти в услужении прелестные морские девы, они поддерживают шлейф Морской королевы Велламо, расчесывают ее длинные волосы и слушают музыку, если им кто-нибудь играет...

— А, русалки! Про них я слышал... — перебил Матте Лосось. — Так вы, господа, видели все это собственными глазами?

— Да, можно сказать, что видели, — заявили студенты. — Во всяком случае, все это напечатано в книге, а напечатанное — сущая правда!

— Ну уж извините, — насмешливо заметил Матте Лосось. — Тогда вчера у нас должен был быть погожий день, потому как в календаре стояло, что, мол, погода будет ясная, а между тем поднялся ветер и дождь лил как из ведра.

— Да вот видишь ли, это происходит оттого, что календарям дана особая привилегия врать, и об этой самой привилегии напечатано, а значит, вранье в данном случае — правдивое и законное, — объяснил один из студентов.

Матте Лосось покачал головой, но в это время Майя Лососиха подала салаку горячего копчения, и разговор прервался. Студенты ели за шестерых и угостили Принца холодным жарким, что привезли с собою в лодке. Принц от радости вставал на задние лапки и мурлыкал, словно кот! Наевшись, студенты дали Матте Лососю блестящую серебряную монету-марку и позволили ему набить трубку хорошим табаком; Матте Лосось так добросовестно набивал свою трубку, что та лопнула. Затем студенты поблагодарили хозяев за гостеприимство и отчалили от острова. Принц с искренней грустью расстался с ними; он долго сидел на берегу и печально смотрел вслед удалявшейся лодке, пока на горизонте не исчезло последнее пятнышко белого паруса.

Майя Лососиха не вымолвила ни слова, но думала тем не менее куда больше прежнего. У нее был очень тонкий слух, и она слово в слово запомнила все, что рассказывали студенты про Ахти. «Недурно было бы, — рассуждала она, — получить одну из волшебных коров! Какое счастье пить молоко утром и вечером от такой великолепной коровы и не ведать никаких забот об ее прокорме! Но такое счастье мне, верно, никогда в этом мире не суждено!»

— О чем ты раздумываешь? — спросил жену Матте Лосось.

— Так, ни о чем, — ответила старуха.

Но на самом деле она припоминала несколько старых волшебных рун³, которые слышала еще в детстве от хромого старика, что слыл рыбаком-умельцем, которому сопутствовало рыбацкое счастье.

«А что, если и мне попробовать?» — подумала Майя Лососиха.

В тот день была суббота, а в субботний вечер Матте Лосось обыкновенно не закидывал сети для ловли салаки, потому что чтит день субботний. Но под вечер старуха сказала ему:

— Не закинуть ли нам сети?

— Нет, — ответил старик, — в ночь на воскресенье никогда не везет в рыбной ловле.

— Вчера ночью была сильная буря, и улов у нас был очень плохой, — настаивала старуха. — А теперь море спокойно, как зеркало; после вчерашнего ветра салака как раз будет хорошо ловиться!

— Но разве ты не видишь, что на северо-западе собираются тучи? — возразил старик. — Да и Принц сегодня ел траву.

— Уж не съел ли он мой лук? — со страхом спросила Майя Лососиха.

— Нет, но ты увидишь, что утром на восходе солнца соберется непогода, — ответил Матте Лосось.

— Послушай-ка, — не унималась старуха. — Мы забросим одну-единственную сеть в спокойном месте у отмели и тогда сможем доложить доверху тот неполный бочонок с салакой. Иначе, не закрытая и не придавленная гнетом, она испортится.

Старик дал себя уговорить, и они отправились в море. Очутившись на самом глубоком месте, старуха стала напевать вполголоса старую волшебную руну, изменяя слова по своему усмотрению:

Ахти с длинной бородой,
Ахти в глубине морской!
У тебя сокровищ много,
Много дивных рыб морских;
Жемчуг чудный в изобилии
В твоём царстве собирают...
И коровы, коих мало,
У тебя на дне пасутся
И едят траву морскую...

— Что ты там напеваешь? — спросил старик.

— Я вспомнила одну старую песню, — ответила старуха и, повысив голос, продолжала петь:

Поведитель бурь косматых,
Тех сокровищ мне не надо,
Меня жемчуг не прельщает,
Серебро и золото также...
У тебя, морской владыка,
Я прошу лишь очень мало:
Подари ты мне корову!
Отплачу тебе я щедро
Златом солнца, лунным светом...

— Что за глупая песня! — возмутился Матте Лосось. — Разве можно просить у Морского короля чего другого, кроме рыбы? А кроме того, в ночь на воскресенье лучше не петь подобных песен.

Старуха притворилась, будто не слышит его слов, и продолжала напевать свою песенку, пока они плыли над глубиной морской. Матте Лосось больше не обращал на нее внимания: он был занят веслами, да к тому же думал о треснувшей глиняной трубке и прекрасном табаке, которым его угостили студенты. Поздно ночью старик со старухой вернулись на свою скалу и сейчас же легли спать.

Матте Лосось и Майя Лососиха лежали в постелях, но ни тот ни другая не могли заснуть: старика мучило сознание, что он нарушил Четвертую заповедь⁴, а мысли старухи были заняты коровами короля Ахти. Уже было за полночь, когда старик вдруг сел в постели и спросил старуху:

— Ты ничего не слышишь?

— Нет, — ответила старуха.

— Мне кажется, флюгер на крыше как-то странно скрипит, — сказал старик. — Собирается буря!

— Какая там буря! Тебе померещилось, — успокоила его старуха.

Матте Лосось улегся, но через некоторое время снова сел.

— Да ты послушай только, как он скрипит!

— Спи! Тебе все это только кажется, — возразила старуха.

И старик попытался заснуть.

Но в третий раз он в беспокойстве вскочил с постели.

— Нет, теперь флюгер скрипит и свистит на все лады, как будто в него бес вселился! Буря там, и нам надо спасать сети!

Старуха тотчас же вскочила и оделась. В эту летнюю ночь было темно, как в октябре, флюгер скрипел, буря ревела во всех углах. Когда старик со старухой вышли на крыльцо, они увидели, что море словно превратилось в необозримую снежную равнину, а брызги и пена взлетали высоко над крышей их лачуги. Такой бурной ночи Матте Лосось еще не видывал на своем веку. Не могло быть и речи о том, чтобы отправиться на лодке в море спасать сети. Изумленные старик со старухой стояли на крыльце и крепко держались за дверной косяк, меж тем как вода заливала их лица.

— Разве не говорил я, что нет благословения тем, кто ловит рыбу в ночь на воскресенье? — угрюмо буркнул Матте Лосось, а старуха стояла рядом такая смущенная и испуганная, что даже и думать забыла о коровах Ахти.

Ничего не поделаешь, и они снова вернулись в свою лачугу. Теперь только они почувствовали усталость после ночного бдения и крепко заснули, словно вокруг их одинокой скалы не бушевала буря и не вздымались бешеные волны.

Когда на следующее утро Матте Лосось и его жена проснулись, солнце стояло уже высоко в небе, буря улеглась; только мертвая зыбь еще ходила по морю, разбивая свои высокие валы о коралловый остров и оставляя на нем следы серебристой пены.

— Нет, что это? — воскликнула старуха, выглянув из дверей.

— Похоже на большого тюленя, — рассудил Матте Лосось.

— Умереть мне на этом месте, если это не корова! — воскликнула Майя Лососиха.

И действительно, это была корова, чудесная рыжая корова лучшей породы, тучная и дородная, будто всю свою жизнь она только и делала, что кормилась шпинатом. Она степенно разгуливала по берегу и даже не прикоснулась к несчастным кочкам с травой, словно пренебрегая такой скудной пищей.

Матте Лосось не верил своим глазам. Однако же это была настоящая корова, что и подтвердилось блестящим образом, когда Майя Лососиха начала ее доить и вся посуда, имевшаяся в доме, наполнилась прекрасным парным молоком. Пришлось отдать под молоко даже лодочную черпалку! Напрасно старик ломал себе голову, пытаясь понять, как к ним на остров попала корова. В конце концов он отправился искать свои пропавшие сети. Но ему не пришлось потратить на это много времени. Волны выбросили его сети на берег, и они были буквально переполнены рыбой, причем сплошь прекрасной серебристой салакой.

— Ну что же, очень хорошо, что у нас есть корова, — признался Матте Лосось, потроша салаку. — Но чем мы будем ее кормить?

— Это как-нибудь да устроится! — успокоила его старуха.

И действительно, корова сама заботилась о себе. Она заходила в воду и жевала морские водоросли, что во множестве росли на отмелях у берегов островка. И она всегда имела сытый и здоровый вид. Все, кроме Принца, почитали ее славной буренкой. Принц же беспрестанно лаял на нее: он почуял в ней соперницу.

С этого дня на красном коралловом островке было изобилие молока и простокваши, а все сети — битком набиты рыбой. От сытой жизни Матте Лосось и Майя Лососиха раздобрели донельзя и с каждым днем становились все богаче, потому что старуха на масле наживала хорошие деньги. Старик нанял двух работников и поставил рыбную ловлю на широкую ногу. Море превратилось для него в большой рыбный садок, из которого он мог брать рыбы сколько ему хотелось. А буренка по-прежнему кормилась сама. Осенью, когда Матте Лосось со старухой перебрались по обыкновению на материк, корова ушла в море. Весной же, когда они возвратились на свой островок, буренка была тут как тут — поджидала их на скале.

— Надо бы нам домишко получше, — сказала следующим летом Майя Лососиха. — Старая лачуга больно мала для нас, да и для работников.

— Твоя правда, — согласился с ней Матте Лосось.

И выстроил на скале добротный дом с надежным замком на дверях, а рядом — сарай для рыбы. Кроме того, он нанял еще двух работников, поскольку дело его разрослось настолько, что он отправлял большие бочки лосося, салаки и сига в Россию и Швецию.

— Мне не под силу справляться со всем этим народом! — сказала однажды Майя Лососиха. — Думаю, уж не больно много я захочу, коли возьму в помощницы служанку?

— Пожалуй, — ответил старик.

И у них появилась служанка. Но тут Майя Лососиха опять сказала:

— У нас не хватает молока для людей. Раз у меня есть служанка, то она без особого труда могла бы справляться и с тремя коровами.

— Ну что же, спой Морскому королю еще одну песенку, — насмешливо предложил старик.

Слова эти рассердили Майю Лососиху. Но тем не менее однажды в ночь на воскресенье она снова отправилась на лодке в море и запела над бездной морской:

Ахти с длинной бородой,
Ахти в глубине морской!
У тебя коров так много,
Мне же надо только три!

На следующее утро на коралловом островке стояли уже три коровы вместо одной, и все три кормились водорослями и вели себя точь-в-точь как и первая.

— Довольна ты теперь? — спросил Матте Лосось старуху.

— Ясное дело, я была бы вполне довольна, будь у меня две служанки в таком большом хозяйстве, а кроме того и платья побогаче. Разве ты не слыхал, что меня называют теперь «мадам»?

— За чем же дело стало? — спросил старик.

Завела тут Майя Лососиха несколько служанок да нарядные, подобающие мадам платья.

— Все было бы теперь хорошо, — заявила она через некоторое время, — если б нам получше жилось летом. Построй двухэтажный дом и навози сюда земли, чтоб сад разбить, а в саду сооруди маленькую беседку — оттуда я буду морем любоваться. А еще нужен нам музыкант, пусть играет по вечерам на контрабасе; да и не худо бы еще собственный небольшой корабль завести, на котором можно было бы ездить в церковь в ветреную погоду.

— А больше тебе ничего не надо? — спросил Матте Лосось.

И все-таки он сделал все так, как хотела старуха. Скала Ахтола стала такой нарядной, а сама Майя Лососиха — такой важной, что уклейки и салаки не могли опомниться от изумления. Даже Принца, и того теперь кормили сплошь телятиной да вафлями со взбитыми сливками, и он сделался таким круглым, что походил больше на бочонок из-под килек, нежели на собаку.

— Что же, довольна ты теперь? — спросил жену старик.

— Я была бы довольна, когда б у меня было тридцать коров. Для такого большого хозяйства это не лишнее.

— Иди-ка ты... к Морскому колдуну! — пробурчал Матте Лосось.

Старуха отправилась в море на своем новеньком корабле и спела свою песню Морскому королю. На следующее утро на берегу острова стояли тридцать прекрасных коров, и все они сами заботились о своем корме.

— Знаешь что, старик, — сказала Майя Лососиха, — на этой жалкой маленькой скале становится слишком тесно: моим коровам совершенно негде пастись!

— Право, не знаю, что тебе и посоветовать, — ответил Матте Лосось. — Остается только вычерпать воду из моря.

— Глупости! Разве это возможно?

— Попробуй выкачать море насосом, что имеется на твоём новом корабле!

Майя Лососиха поняла, что старик смеется над ней, но все-таки ее новая затея не давала ей покоя. «Вычерпать воду из моря я не могу, — рассуждала она, — но что если построить большую плотину и запрудить море у берегов острова? Можно будет набросать в воду камней и песку, и тогда наш остров увеличится вдвое».

Старуха велела доверху нагрузить новый корабль камнями, песком и вместе со всеми работниками и даже музыкантом отправилась в море. Музыкант так чудно играл на своем контрабасе, что Ахти, Велламо и все морские девы поднялись на поверхность воды и слушали прекрасную музыку.

— Что это так ярко блестит в волнах? — спросила Майя Лососиха.

— Это морская пена сверкает на солнце, — ответил музыкант.

— Выбрасывайте камни! — скомандовала Майя Лососиха.

Работники стали бросать камни направо и налево в пенящуюся волну. Плюх, плюх! Один камень ударил по носу лучшую камеристку⁵ королевы Велламо. Другой — оцарапал щеку самой Морской королевы. Третий пролетел возле головы Ахти и оторвал ему полбороды. В море поднялась невообразимая суматоха: волны зашумели, забурили, словно в котле с кипящей водой.

— Откуда поднялся этот ветер? — удивилась Майя Лососиха.

Но не успела она получить ответа на свой вопрос, как морская пучина разверзлась, словно щучья пасть, и поглотила весь корабль.

Майя Лососиха камнем пошла ко дну, но она изо всех сил заработала руками и ногами, и ей удалось наконец выбраться на поверхность, где она ухватилась за контрабас музыканта и поплыла на нем. В тот же миг старуха увидела рядом с собой страшную голову короля Ахти, который казался еще безобразней оттого, что половины бороды у него не было.

— Как ты посмела бросать в меня камнями? — взревел Морской король.

— Ах, ваша милость, — со вздохом сказала Майя Лососиха, — это случилось по недоразумению! Смажьте подбородок медвежьим салом, и борода быстро у вас отрастет.

— Старая ведьма, разве не дал я тебе все, чего ты только ни пожелала, и даже больше того?

— Да, конечно, ваша милость. Большое спасибо за коров! Они молока дают столько же, сколько верблюдицы!

— Ну, а где же золото солнца и сияние луны, которые ты мне обещала?

— Ах, ваша милость, ведь солнце и луна светили чуть не каждый день, когда не было пасмурно! — лукаво ответила Майя Лососиха.

— Вот погоди, я тебя проучу! — крикнул Морской король и так сильно пнул контрабас, что он вылетел из воды вместе со старухой и упал на коралловый островок.

Там встретил ее Принц. Он был тощий и голодный, как и прежде, и глодал воронью кость. Матте Лосось сидел в своей поношенной серой куртке на крыльце старой, жалкой лачуги и чинил невод.

— А вот и матушка, — сказал он. — Откуда ты так проворно выскочила и почему такая мокрая?

Майя Лососиха смущенно огляделась вокруг и спросила:

— Где же наш двухэтажный дом?

— Какой еще дом? — не понял старик.

— Наш большой дом с садом, работниками и служанками? Где тридцать отборных коров, корабль и все остальное?

— Да ты бредишь, что ли, матушка? — удивился старик. — Студенты вскружили тебе голову своими рассказами, да так, что ты пела глупые песни вчера вечером на море и заснула только под утро. Ночью была буря, но теперь она успокоилась, а я не хотел тебя будить и отправился в море за сетями один.

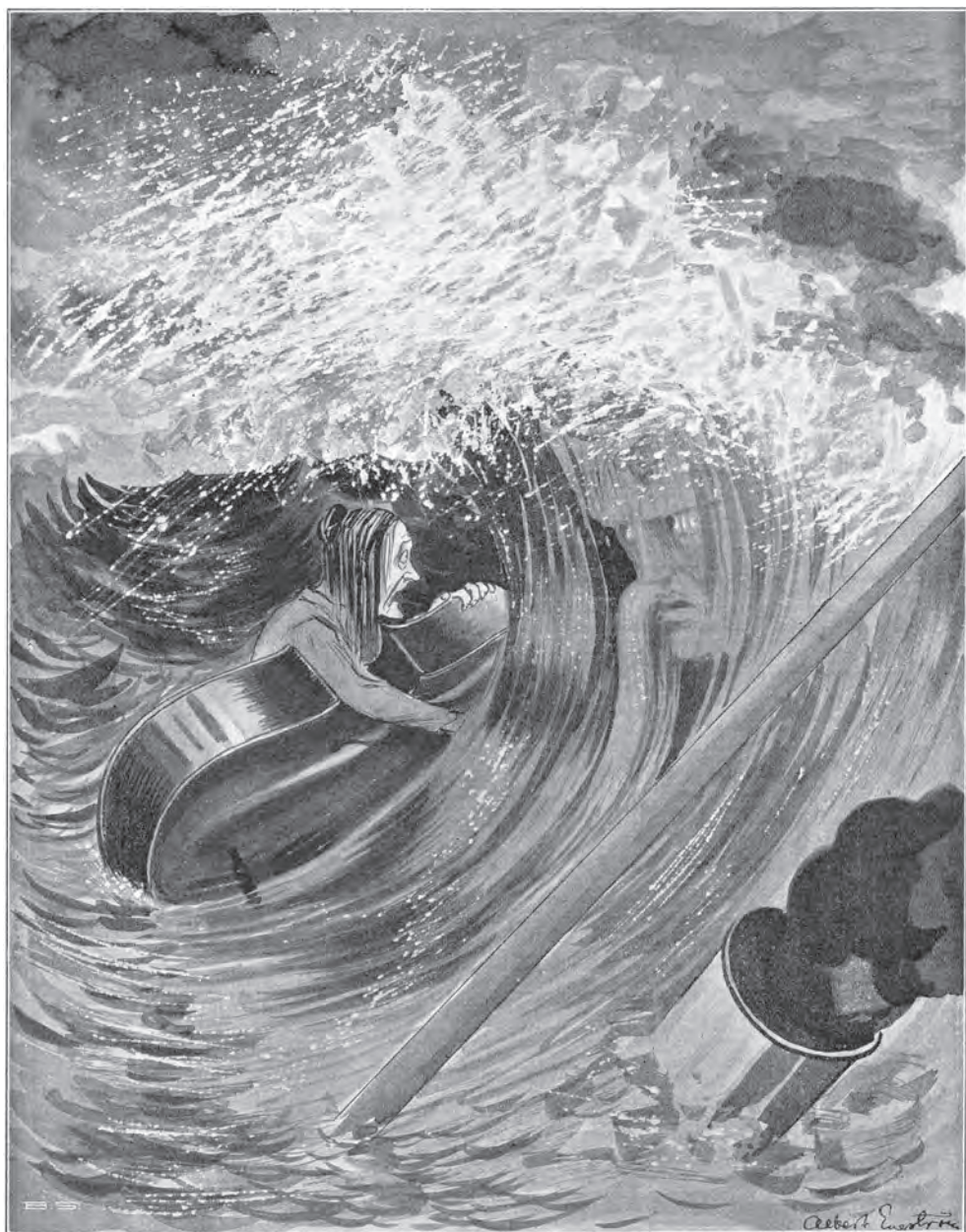
— Но я видела Ахти! — воскликнула Майя Лососиха.

— Ты лежала в своей постели, видела во сне всякий вздор и спросонок забрела в воду.

— Но вот контрабас! — твердила Майя Лососиха.

— Нечего сказать, хорош контрабас! Это же старое бревно! Нет, милая моя старушка, в другой раз мы не нарушим святости субботнего вечера. Бог не дает благословения на рыбную ловлю в воскресную ночь!

— Как ты посмела бросать в меня камнями? — взревел Морской король.

КУРОЛЕСИУС

Лассе было шесть лет, и ростом он был на полголовы меньше Хильды; Хильде было десять, и потому ей казалось, что она запросто могла бы доводиться Лассе тетушкой. Оба день-деньской вздорили и спорили друг с другом, а между тем и сами не подозревали, как любят друг друга. Это они замечали только тогда, когда бывали в разлуке. Стоило Хильде уйти в школу, как Лассе одолевала неимоверная скука, и тогда он совершал одну шалость за другой. Когда же отец увозил Лассе с собой, Хильда всю неделю ходила как потерянная и не знала, за что приняться.

Однажды Хильда вздумала вести дневник всем проказам Лассе с тем похвальным намерением, чтобы при удобном случае прочесть ему список всех учиненных им шалостей. Ей казалось, что это послужит ему хорошим уроком и что ему придется немало краснеть за себя.

В пасмурный день перед Рождеством, когда Хильда уже была освобождена от уроков и Лассе нашалил более обыкновенного, она позвала его к себе:

— Лассе, поди-ка сюда!

Лассе между тем приделывал в углу заднюю ногу своей деревянной лошади, которую он только что сломал, когда лошадь не так резво бежала, как ему хотелось. Он был не в духе и потому притворился, будто не слышит.

— Поди же сюда, Лассе, я тебе кое-что прочту, — лукаво повторила Хильда. В руках она держала свой замечательный дневник.

Лассе подошел. Он, как и все другие дети, любил слушать сказки и подумал, что Хильда, вероятно, хочет прочесть ему про Люнкентуса¹ или про рыцаря Синяя Борода².

— Садись на скамейку и сиди смирно, тогда я прочту тебе о подвигах и приключениях разбойничьего главаря Куролесиуса Забиякина.

Лассе послушно уселся, и Хильда начала читать:

— Жил-был разбойничий главарь, которого звали Куролесиус Забиякин. У него была крестная мать, волшебница. Так как проказам и подвигам его не было конца, а слава о них разносилась по всему свету, то она должна была завести книгу, в которую и стала записывать его подвиги. Эту книгу она решила напечатать в Стокгольме, чтобы все люди узнали, каким гадким и неразумным был Куролесиус. Надобно тебе сказать, что его крестная одолжила мне эту книгу, прежде чем она будет послана в Стокгольм для печатания, и ты сможешь услышать обо всех подвигах Куролесиуса Забиякина, за которые ему должно быть стыдно.

Лассе наострил уши. Он никогда не слышал о таком разбойничьем главаре.

Хильда открыла книгу и с серьезным видом начала читать:

1-го января. Куролесиус начал новый год с того, что сломал свою кровать, а потом, когда стал одеваться, положил один из своих чулков в умывальную чашку, чтобы посмотреть, не будет ли он плавать. В это время вошла мама — у Куролесиуса была мама — и хлестнула его мокрым чулком. Ведь он заслужил это, не так ли?

Лассе с удивлением вытаращил глаза, но ничего не ответил.

6-го января. Дымчатый котенок лежал на ковре перед печью. Куролесиус схватил его, сунул в печку и закрыл дверцы. Правда, печка была не топлена

со вчерашнего дня, но в ней еще тлели угли, и котенок отчаянно замыкал. Вошел папа, — у Куролесиуса ведь был и папа — выпустил котенка и велел Куролесиусу взять в руки горячий уголь. Куролесиус попытался улизнуть, но папа схватил его и положил ему на руку уголек, который слегка обжег его. Тогда Куролесиус закричал...

- О нет, я не кричал, — возразил Лассе.
- Тут написано, что Куролесиус закричал.

2-го февраля. Мальчики катались с горы на санках. Вместе с ними катался и Куролесиус. При этом он зарыл в снег свою шапку, которую нашли только следующей весной, когда снег растаял. Но так как он при этом отморозил себе левое ухо, то отделался только выговором.

- Но ведь я же не мог найти своей шапки!
- Слушай дальше!

20-го февраля. У его мамы в холодной передней стояла корзина яиц. Эту корзину Куролесиус обнаружил под диваном и начал забавляться, ударяя одно яйцо о другое; кончилась вся эта забава тем, что новая зеленая обивка дивана оказалась залитою яйцами. За это удовольствие Куролесиуса посадили под арест в кладовую; но там он нашел банку с вареньем, которую опустошил при помощи пальцев. За это его вновь посадили под арест — на сей раз в папин кабинет, где он наконец присмирел.

Лассе засмеялся, немного сконфузившись.

— Не правда ли, это был взбалмошный разбойничий главарь? — продолжала Хильда. — Но слушай дальше.

7-го марта. У Куролесиуса была еще и сестра...

- Которую звали Хильдой, — перебил Лассе.
- Нет, кажется, ее звали Мелюзиной³. У нее была очень красивая и дорогая кукла по имени Эллен, с настоящими волосами и настоящими глазами. Однажды, когда Мелюзина находилась в школе, Куролесиус выковырнул у Эллен глаз, чтобы посмотреть, что там внутри, а потом подвесил ее за волосы и стал раскачивать. Когда Мелюзина воротилась домой и увидела, как обижают ее бедную Эллен, она заплакала.

При этих словах Лассе покраснел и принялся нервно постукивать каблучками по полу.

Хильда продолжала:

— Тогда Куролесиус тоже заплакал и стал просить у своей сестры прощения, и не успокоился до тех пор, пока папа не отдал Эллен доктору, который вылечил ее глаз. Ведь он хорошо сделал, что раскаялся?

— Да, но ведь Эллен выздоровела! — заметил Лассе.

— Жаль только, что у Куролесиуса была короткая память.

14-го марта он вздумал кататься на лыжах и по своей обычной небрежности посеял рукавицы. На беду он нашел мамины тонкие французские перчатки, напялил их на свои лапы и отправился кататься. Когда он воротился, все пальцы торчали из одной перчатки, а другую он потерял в снегу. Хорошо ли он сделал?

— У меня руки замерзли...

— Мама побранила его, но это нисколько не помогло.

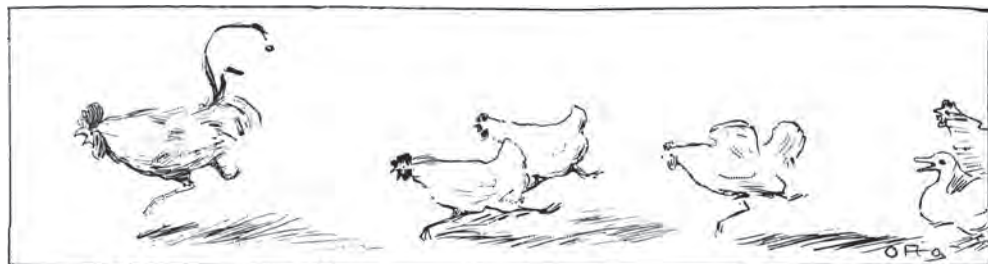
1-го апреля он вздумал напугать старую Кайсу и для этого поставил перед дверью залы один стул на другой, на них — скамейку, а сверху — большой цветочный горшок. Вместо Кайсы дверь отворила надворная советница Агандер, от испуга едва не лишившаяся чувств, когда на нее с грохотом упали стулья и цветок, горшок которого разбился. За это Куролесиуса опять посадили под арест.

20-го апреля. Куролесиус вздумал испытать свое искусство в стрельбе и выстрелил в окно кухни. Отделался выговором.

2-го мая он выщипал хвост у петуха и за это просидел в курятнике один час под арестом.

4-го он отправился к ручью и стал кататься в квашне; квашня опрокинулась, и он выкупался с ног до головы.

18-го он набрал полную шапку камней и опустил ее у берега в воду, чтобы посмотреть, не сделается ли она такой же непромокаемой, как ушат.

22-го утром мама посеяла горох, а вечером Куролесиус разворошил всю грядку, чтобы посмотреть: вырос он или нет. Отделался наставлением не быть впредь таким глупым.

23-го он разбил чайную чашку, истолок осколки в ступке, а потом стал уверять Кайсу, что это сахар.

В *Иоаннов день*⁴ Куролесиус натворил столько шалостей, что их и не перечесть....

— О, нет! — перебил Лассе. — Я только проделал в своей курточке две дыры — большую и маленькую.

— Слушай дальше, — продолжала Хильда.

6-го июля он вырыл в саду яму и положил в нее папину печать, мамин наперсток, шесть сосновых шишек и лягушку, а потом засыпал яму песком. Это должно было изображать зарытый клад. По всему дому начали искать печать и наперсток, и наконец Куролесиуса, как подозрительную личность, привлекли к допросу. Тут он сознался, что зарыл клад, а его за это потаскали за волосы. Ведь он заслужил это, не правда ли?

— Но я не солгал, — сказал Лассе.

— Фи! Неужели он ко всему этому стал бы еще лгать? После этого дела Куролесиусу стало как будто совестно, и потому он весь день не показывался на глаза, а бродил по соседству. Это доказывает, что он заслужил наказание.

28-го июля он ходил на ходулях, споткнулся и полетел в парник с огурцами.

30-го он без дозволения пошел на берег, уселся в лодку, отчалил и начал грести; но дул сильный ветер, и нашего молодца понесло к морю. Тогда он принялся кричать о помощи.

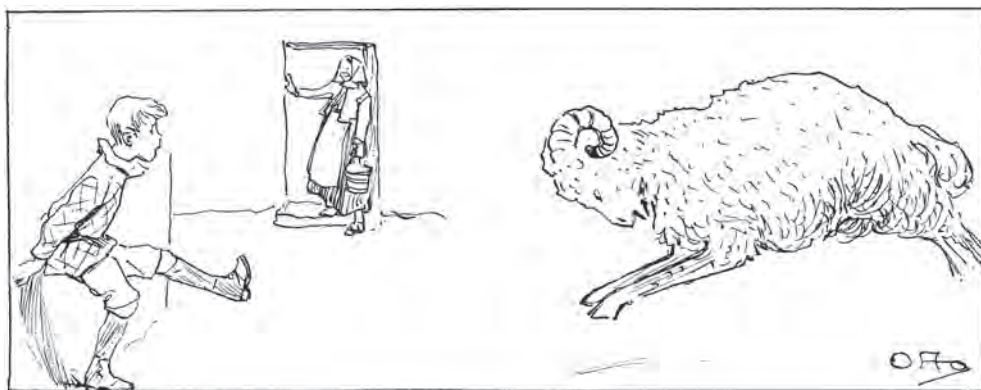
— Да видишь ли, у меня хватило бы сил грести, если бы весла не были такими длинными.

— И если бы гребец не был такой короткий, — добавила Хильда.

— Пришлось Маттсу плыть за ним в другой лодке и вернуть его на берег. На этот раз Куролесиус отделался легким испугом. На следующий день он оседлал корову, свалился с нее и до крови разбил себе голову.

— Я катался верхом на многих лошадях! — гордо заметил Лассе.

— Возможно, — продолжала Хильда.

11-го августа он вздумал покататься верхом на Пелле — баране, которого держат при лошадях в конюшне. Пелле это показалось обидным, и он начал бодаться. Куролесиус бросился наутек, а Пелле — за ним. Наконец оба схватились близ конюшни, и если бы в это время старая Кайса случайно не вышла с подойником из хлева, Куролесиусу пришлось бы очень худо.

— Я его так колотил, так колотил....

— Здесь написано, что Куролесиусу только казалось, будто он колотил Пелле, а на самом деле он благим матом кричал: «Кайса, голубушка, скорее спаси меня!»

— Да, но, видишь ли, палка у меня сломалась.

— Слушай дальше.

19-го августа Куролесиус захворал, объевшись незрелого крыжовника.

22-го он камнями сбил флюгер с мельницы.

29-го он заставил Эллен плавать в ручье, а *30-го* свалился туда сам.

4-го сентября он нарисовал углем портрет учителя Лонгмана на только что выбеленной кухонной печи. За это его посадили под арест.

— Да, но я вылез через окошко! — возразил Лассе.

— А после этого его посадили под арест на чердак, и оттуда он уже не подумал вылезать через окошко.

18-го сентября, когда все в лесу собирали бруснику, Куролесиус гонялся за белкой до тех пор, пока не завяз в болоте. Там он потерял один сапог и испортил свои новые брюки.

20-го он копал картофель и съездил себе мотыгой по ноге.

24-го он свалился с рябины.

4-го октября он бегал в грязных сапогах по комнате и искал свою шапку, которую наконец нашел полной песку в деревянном ларе, куда сам же ее запрятал.

8-го он принес домой целую грудку репы, которую раздобыл у одного мальчика, а репа оказалась краденой.

— Но ведь я этого не знал!

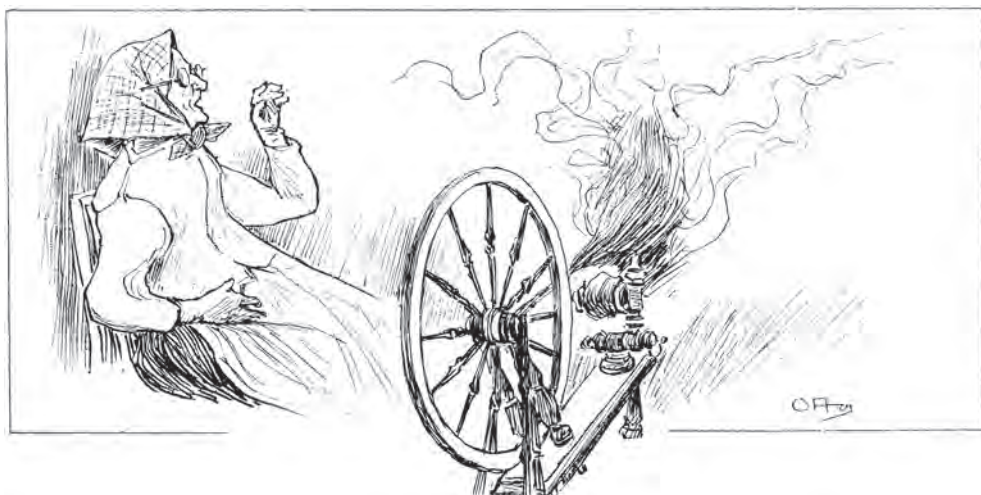
— Правда, он этого не знал, и потому его не наказали, но только заставили самому отнести репу в поместье Ньюгорт, откуда она была украдена.

16-го ему захотелось полакомиться, и он хлебнул анилина⁵ из бутылки. Сильно заболел.

17-го он уже настолько поправился, что мог вбивать гвозди в мамино медное сито. Сито испортилось, и чтобы не повторять одной и той же шалости, наш молодец 18-го числа вколол клин в носик кофейника.

29-го он забавлялся тем, что поджигал кудель у Кайсы, которая пряла; за это удовольствие его опять потаскали за волосы.

3-го ноября он без позволения дал тягу на каток; там спас одного мальчика, который провалился под лед. За это Куролесиуса сначала посадили под арест, а потом угостили пирожным.

— Меня также и похвалили, — гордо заметил Лассе.

— Доброе дело никогда не делают из-за пирожных и похвал, — заметила Хильда.

— Хуже случилось 4-го декабря. Тогда Куролесиус поссорился с товарищами из-за большой редкости, которую они нашли в конюшне, а именно — из-за дохлой мыши. Куролесиус так сильно ударил палкой по лицу Калле из поместья Ньюгора, что у того вскочил под глазом огромный синяк, а между тем Калле был гораздо меньше его. За это Куролесиусу велели попросить у Калле прощения, но он не захотел этого сделать.

— Но ведь Калле первый меня ударил!

— Да, но Калле только четыре года, а Куролесиусу — шесть. Фу, какой позор — бить маленького мальчика! Когда же Куролесиус не захотел просить прощения, папа наказал его розгами. Это было в первый раз за весь год. Куролесиуса все-таки заставили идти просить прощения; но он при этом совершил самый худший из всех своих подвигов: он просил прощения лишь языком, а не сердцем. Несколько дней спустя, когда все мальчики играли в снежки, Куролесиус нарочно слепил очень твердый снежок и запустил им в Калле. Снежок угодил Калле в щеку, которая страшно распухла. Как называют подобный поступок?

Лассе молчал.

— Такой поступок называют *мстью*, а месть после неблагодарности и злобы есть самое худшее, что может быть в сердце человека. Мстительный человек — враг Бога, и все ангелы на небесах плачут о таком человеке. Как может такой человек испытывать истинную радость и мир в своей душе?

Лассе поджал губы и скорчил пресмешную гримасу, чтобы не заплакать. Немного погодя он встал и, не говоря ни слова, вышел.

Хильда знала своего милого брата и не подала виду, что заметила его гримасу, а также не просила его остаться. Через полчаса Лассе снова вернулся, и лицо его сияло от удовольствия.

— Где же ты был? — спросила Хильда.

— Да я, знаешь ли что... — начал, несколько сконфузившись, Лассе, — ты ведь помнишь санки, которые мне подарили на прошлое Рождество? Я назвал их Моппе, и таких хороших саней, как Моппе, нет ни у кого.

— Да, — сказала Хильда, — я помню, что ты дорожишь Моппе гораздо больше, чем Маттс нашей лучшей лошадью. Ты всегда хвастал, что ни у кого нет таких хороших санок.

— Теперь я подарил своего Моппе Калле из Ньюгора. Он так обрадовался! Ты просто не поверишь, как ужасно он был рад!

— Ну а ты, Лассе? Разве ты тоже не обрадовался?

— Да знаешь ли, Хильда, мне все время было так неприятно из-за этой дохлой мыши, и я был с тех пор так сердит, и мне было так ужасно скучно...

А когда ты рассказала, как ангелы плачут, так мне тоже захотелось плакать, и тогда, видишь ли, пошел я к Калле... и теперь все опять хорошо, и я теперь ужасно рад, знаешь ли, и теперь-то у нас будет очень-очень весело на Рождество!

Хильда крепко обняла своего милого брата и семь раз протанцевала с ним по комнате.

— Знаешь что? — сказала она. — Теперь, когда волшебница, крестная мать Куролесиуса, соберется послать в Стокгольм свой дневник, мы попросим ее рассказать также окончание истории про дохлую мышь. Эта история была самой глупой и вместе с тем самой мудрой из всех, которые Куролесиус натворил в течение всего года.

— Попроси ее рассказать также про Мелюзину! Потому что, не будь Мелюзины, Куролесиус сделался бы отъявленным негодяем.

— О, Куролесиус совсем не такой плохой, как кажется. Правда, он иногда поступает не так, как следует, но Бог дал ему доброе сердце, и из него со временем выйдет молодец хоть куда!

Тем и кончилась история подвигов разбойничьего главаря Куролесиуса Забиякина.

РИДА-РАНКА

Я знаю сказку, которая всем известна, при этом никто не догадывается, о чем она: это песенка, которую умеет петь каждый, но никто не допевает до конца. Ее пела моя бабушка, когда была маленькой; ее слышал дедушка, будучи с локоть¹ ростом; только вчера ту же самую песенку напевала двухлетнему малышу наша старая Дора. И когда она пела, мальчуган подпрыгивал на ее колене, словно мужчина в седле, лошадь мчалась, не трогаясь с места, а всадник скакал, не двигаясь вперед. Однако песенка не была похожа на современные потешки, она родилась в стародавние времена: местами веселая, местами грустная, иной раз в ее мелодии слышался звон мечей, а иногда и детский лепет. Но как бы то ни было, мое сердце от нее млело: чем дольше я слушал, тем сильнее проникался. Я обнял за шею нашу старушку Дору и попросил ее спеть еще раз. Дора улыбнулась:

— Сдается мне, это нечто большее, гораздо большее, чем певучая мелодия и детский лепет; это эхо минувших времен; и если хочешь, я спою тебе; слушай, сейчас я вновь затяну свою песню:

Рида-рида-ранка...

Когда-то давно, более пяти веков назад, жил на свете маленький королевич. Звали его Хокон, и был он восьми лет от роду, прекрасный и светловолосый, с кротчайшими голубыми глазами и нежными щеками, румяными, словно яблоки. Его отец, король Магнус, правил всем Шведским королевством и Финляндией с их горами и лесами, озерами и морями, городами и весями; имел в своем распоряжении множество кораблей и отважных воинов, гордых рыцарей, блестящих мечей, боевых коней, луков, копий и сияющих доспехов. К тому же многочисленные знатные дамы и фрейлины украшали королевский двор; но прелестней и величавей всех была супруга короля, королева Бланка, матушка маленького принца Хокона. Однажды она сидела в королевском замке в своих пурпурных покоях и придерживала руками маленького принца.

Тот скакал верхом на ее колене, как это имеют обыкновение делать дети, а прекрасная королева пела ему:

*Рида-рида-ранка,
Скачет лошадь Бланка...*

Это было весьма мило со стороны неприступной королевы — охотно изображать лошадь в угоду своему драгоценному маленькому сынишке.

Принцу нравилось кататься верхом. Он часто с восторгом наблюдал, как рыцари и их слуги выводили во двор замка своих фыркающих скакунов и галопом проносились на них через ворота, высекая искры. Минувшим летом принц восседал на почетном месте рядом с матерью, наблюдая за грандиозным рыцарским турниром, проводившимся близ замка. Графы и герцоги неслись навстречу друг другу с длинными копьями... трубили трубы, развевались султаны, ржали лошади, и на широком украшенном флагами поле сходились рыцари, окруженные облаком пыли. Этого принц Хокон не мог позабыть; он так часто мечтал о том, что в один прекрасный день окажется сидящим в седле с мечом, доспехами и шпорами, как и другие королевские сыновья. О, как он будет мчаться верхом, далеко-далеко, по всему миру, навстречу подвигам и приключениям! Поэтому стоило ему оседлать колено матушки, как его дивные глазки начали сиять; а когда королева запела:

*«Рида-рида-ранка,
Скачет лошадь Бланка»,*

мальчик пролепетал своим детским голоском:

Куда лошадка мчится?

Вот так вопрос! Быть может, принц ожидал, что матушка ответит: на турнир, или в Святую землю, куда в прежние времена отправлялись многие отважные герои, но не все возвращались назад. Или принц намеревался ускакать в дремучие леса Финляндии, где дед его деда, великий Биргер Ярл, в старину боролся с колдовством и язычниками? Однако его матушку королеву занимали иные мысли; она была мудрой женщиной и обдумывала, как бы ее маленькому принцу добыть однажды новые королевства и земли без кровопролития. Поэтому когда мальчик спросил:

«Куда лошадка мчится?»»,

матушка запрокинула его маленькую головку, поцеловала сынишку и пропела:

*Везет нас обручиться
С молоденькой девицей.*

Подразумевалась крошечная девочка, имевшаяся у королевы на примете и еще лежавшая в колыбели. Однако она считалась достойной невестой,

*Рида-рида-ранка,
Скачет лошадь Бланка...*

поскольку была не только королевской дочерью, а еще и наследницей могущественного королевства. Об этом знала королева, но не маленький принц. И когда его матушка пропела:

«Везет нас обручиться
С молоденькой девицей»,

мальчик спросил:

Как зовется дева эта?

Да, сейчас то было великой тайной. Королева ни за что на свете не обмолвилась бы об этом ни одной камеристке², монаху или рыцарю, ни даже своему супругу королю. Ибо ее намерения касались ни больше ни меньше как королевства, а подобные вещи не следует делать достоянием злых языков. Весьма непросто, пожалуй, будет заполучить такую невесту; вероятно, она не испытывает недостатка в женихах с востока и запада. Тем не менее, когда принц так простодушно спросил:

«Как зовется дева эта?»,

королева не смогла пойти наперекор велению материнского сердца, прижала кудрявую головку принца к своей груди, обеими руками прикрыла его глаза и прошептала:

Ее имя — Маргарета.

Так оно и было. Девица Маргарета являлась дочерью и наследницей престола датского короля Вальдемара. Именно ее принцу Хокону однажды следовало заполучить в невесты, а вместе с ней и Датское королевство. Эту мечту мудрая королева Бланка желала заронить в сердце мальчика, пока тот был еще ребенком, чтобы он воплотил ее, когда вырастет. В один прекрасный день голову принца Хокона увенчают все три короны: Швеции, Норвегии и Дании. Поэтому королева поцеловала мальчика еще раз и вновь прошептала полусерьезно:

«Ее имя — Маргарета!»

В это самое время в покои королевы вошел король Магнус в сопровождении двух камеристок, прислуживавших королеве. Король обожал красивые песни, и ему доставляло удовольствие слушать пение королевы. Поэтому, услышав снаружи песню, но не разобрав слов, он спросил королеву, о чем она пела.

Королева Бланка, как уже говорилось, не имела ни малейшего желания посвящать в свои планы на будущее короля, который отличался болтливостью, а уж камеристок — и подавно. Королева ответила, что то была всего лишь детская песенка, которую она пела своему маленькому сынишке.

— Спой-ка ее еще разок, — попросил король. — Песня показалась мне красивой.

— Это коротенькая потешка, — сказала Бланка. — В ней говорится о сватовстве юного рыцаря к знатной даме, и поначалу дело шло на лад, но под конец разладилось. Желает Его Величество услышать продолжение?

— Да, спой! — сказал король.

И королева запела:

*Примчались когда ко двору короля,
Там никого не осталось,
Старушка лишь повстречалась...*

— Должно быть, это было очень обидно для юного рыцаря, — вставил король. — Ну, а что делала старая карга, сторожившая двор?

*В углу она сидела,
Над пряжею корпела
И дочке прясть велела.*

— Ага, все-таки дома была молодая дева. Ну, дальше; что случилось потом? — спросил король.

*— Дочка, пряди, не жалея рук своих!
Явится завтра сюда твой жених.*

Король Магнус засмеялся.

— Гляньте-ка! Старуха хотела подбодрить свою дочь, чтобы работа не казалась ей слишком скучной. Что было потом?

*Дочка ж прядет
И слезы все льет...*

— Бедняжка!

— Только завтра жених не придет...

— Это поистине трогательно и волнующе, — сказал король. — Значит, жених к ней так и не пришел?

*Прежде чем год миновал,
В короне пред ней он предстал...*

— Я так и думал, — молвил король. — Иначе песня была бы слишком печальной. Ну, вышло так, как и должно было. Юный рыцарь получил наконец свою возлюбленную?

Но правда ли это — никто не узнал,

пропела королева, и тем кончилась песня.

— Что ты имеешь в виду, моя дражайшая супруга? — спросил король. — По мне так в балладе все предельно ясно и понятно.

— Мой господин и повелитель, — ответила королева Бланка, — в балладах обычно приходится кое-что додумывать самому. В этом ведь и заключается их прелесть.

— Вот еще! — отмахнулся король. — Как будто не понятно, что все закончилось пышной свадьбой. Спасибо за песню; было сущим удовольствием ее слушать. А теперь я хотел бы взять с собой маленького Хокона. Ему нужно учиться ездить верхом не только на колене его матушки. Хочешь пойти со мной в конюшню, малыш?

— Конечно, хочу, — сказал мальчик. Одним прыжком он очутился в объятиях своего отца и тотчас позабыл и девицу Маргарету, и всю песню.

* * *

Тем временем девица Маргарета, дочь датского короля Вальдемара, подрастала в родительском замке и сделалась маленькой умной принцессой с живыми темными глазами и бойким нравом. Когда ей исполнилось шесть лет, у нее уже было много женихов, мечтавших больше о датской короне, чем о малютке принцессе. То, что прежде считалось тайной, больше ею не являлось, поскольку рыцари и советники шведского короля спешили теперь к королю Дании, чтобы договориться о брачном союзе между двумя королевскими детьми. Помолвку заключили, потом отменили, но вновь заключили. В десять лет самой девице Маргарете едва ли было известно, помолвлена она или нет; высокие вельможи в те времена не утруждали себя спрашивать согласия у взрослых невест; что тогда говорить о ребенке? Маленькую девицу Маргарету забавляло такое внимание женихов, но еще забавней казалось ей дергать за бороды почтенных советников, когда те приезжали к ее отцу для сватовства. И за это принцессе перепадала розга от ее строгой фрейлины фру Мерты, ибо в старину еще имел место обычай сечь розгами принцев и принцесс за недостойное поведение.

Девице Маргарете было одиннадцать лет, когда прекрасным летним утром она отправилась со своей подругой детства Ингегерд Кнутсдоттер поиграть в парк у стен батюшкиного замка, раскинувшийся на берегу моря. На море белели паруса, а двое детей развлекались тем, что плоскими камешками пускали «блинчики» по воде.

— Теперь наша игра будет состоять в том, — заявила девица Маргарета, — что я брошу камешек за каждого из своих женихов, и тот, на чью долю выпадет наибольшее количество «блинчиков», станет моим суженым.

— Понадобится много камешков, — заметила девица Ингегерд. — Мне бы хотелось, чтобы Хокону, принцу Швеции и Норвегии, досталось больше всего «блинчиков».

— Посмотрим, насколько он удачлив, — сказала принцесса и засмеялась. — Сейчас я бросаю за графа Мекленбургского. Плюх, он тотчас утонул и получит немедленный отказ. Кто у нас следующий?

— Маркграф Бранденбургский.

— Плюх! Маркграф Бранденбургский получил один «блинчик»; им сыт не будешь. Кто дальше?

— Герцог Гольштейнский.

— Что же, попрыгай за герцога с его рыжими волосами. Плюх, три «блинчика»! Я подумаю о том, чтобы стать герцогиней. Кто на очереди?

— Граф Фландрии.

— Плюх! Фландрия пошла ко дну. Кто еще?

— Принц Саксонский.

— Тот, у которого мечом отрублено полноса? Плюх! Ему досталось четыре «блинчика». Довольно, Ингерд. Никому не удастся заработать больше четырех «блинчиков».

— Попробуй еще; может, кому-то повезет больше!

И Ингерд выбрала совершенно плоский и подходящий для пускания «блинчиков» камень.

— Не смей и думать, будто принцу Хокону достанется хотя бы мой мизинец! — воскликнула дева Маргарета. При этом она залилась смехом, повернулась на своих высоких красных каблучках и в сердцах швырнула камень, даже не глядя на него. Однако Хокон удостоился шести «блинчиков».

— О! — воскликнули обе девочки разом.

В тот же миг зашелестела листва, и в сопровождении слуг в парк въехал верхом на лошади молодой статный рыцарь в золоте и багрянце. Его доспехи сияли на солнце, белый султан на шлеме покачивался от дуновения легкого летнего ветерка. Он спешил одним прыжком, учтиво подошел к девочкам, преклонил колено перед девицей Маргаретой и молвил:

— Дражайшая дева, я ехал сюда через страны и моря, чтобы засвидетельствовать вам свое рыцарское почтение. Я принц Хокон, и с согласия вашего высочайшего батюшки сложу к вашим ногам короны Швеции и Норвегии.

Девушка Маргарета покраснела от этих слов, как шестнадцатилетняя. Но поскольку ей было только одиннадцать, она мигом набралась смелости и сказала:

— Это тебе досталось шесть «блинчиков»?

Принц Хокон не знал, что и ответить на столь нелепый вопрос своей августейшей невесты; но, заметив по ее остроумному взгляду, что не такая уж она и дуручка, какую из себя строит, принц молвил:

— Не только шесть «блинчиков», но и шесть корон я готов предложить вам, благородная дева, если позволите мне надеть сей перстень на ваш пальчик.

И с этими словами он надвинул драгоценный бриллиантовый перстень на детский пальчик невесты.

Девушка Маргарета охотно позволила ему это сделать, справедливо признавая, что юный принц оказался лучшим женихом, какого она могла себе пожелать. Однако она не хотела сдаваться так легко, поэтому сняла перстень с пальца, делая вид, что рассматривает его, и спросила:

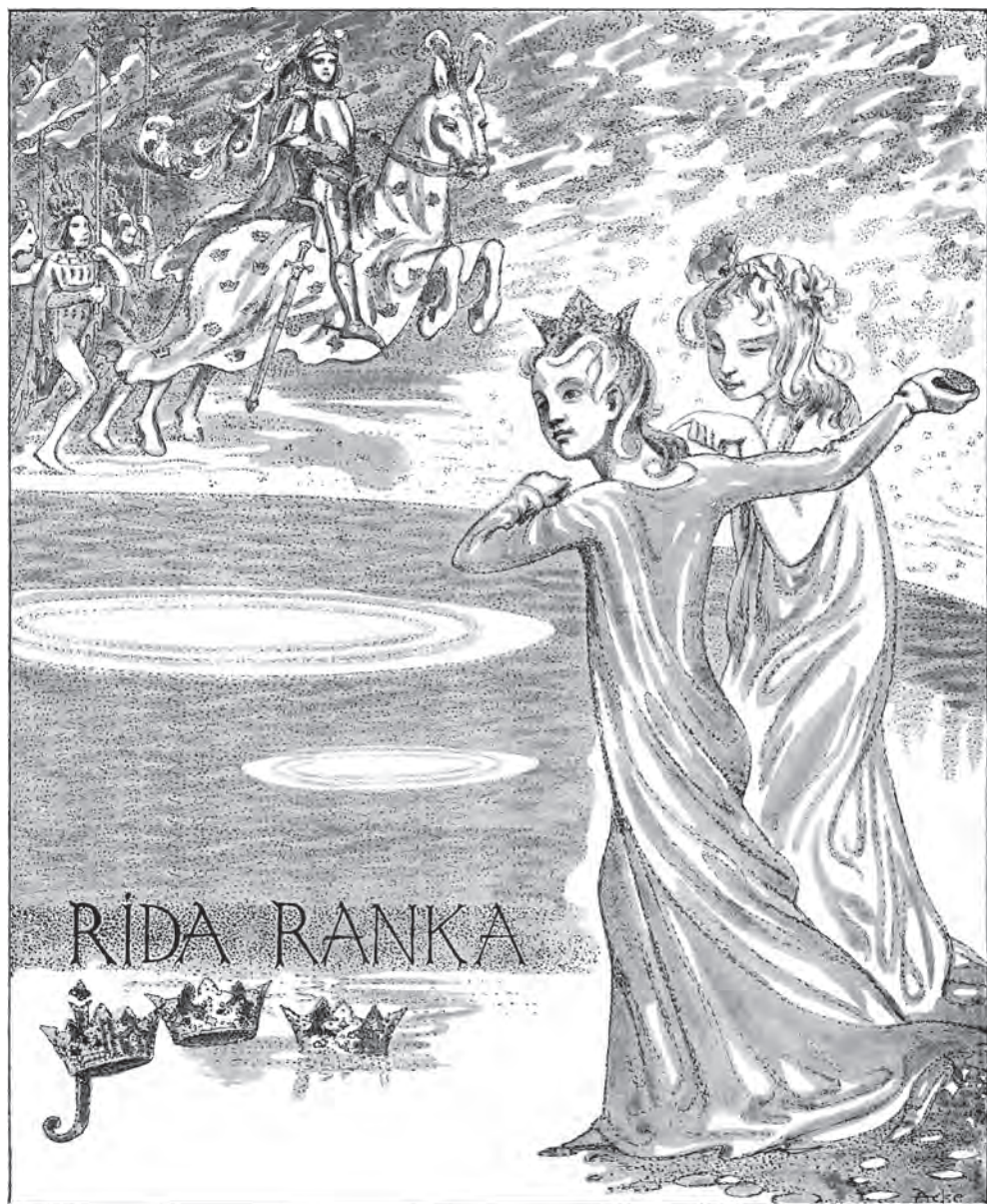
— Это ведь гранит, не так ли?

— Нет, высокородная дева, — сказал принц, — это бриллиант из Индии.

— Лучше бы это был гранит, ведь я решила попытать счастья еще раз, — заявила девица. С этими словами она размахнулась и бросила перстень как можно дальше в море.

— Гляди, — сказала она, — ему не удалось сделать ни одного «блинчика»!

— Это потому, что перстень весьма неохотно расставался с вашим пальчиком, — ответил принц без малейшей тени недовольства. — Однако, — продолжил он, — если позволите, я попробую вот этим.

На море белели паруса, а двое детей развлекались тем, что плоскими камешками пускали «блинчики» по воде.

Тут он снял большую золотую медаль, которую носил на рыцарской цепи, опоясывавшей его броню, и с силой бросил ее, подрезая гладкую поверхность моря. Тяжелая золотая медаль подпрыгивала и подпрыгивала, прежде чем окончательно исчезнуть под водой, и они насчитали не меньше *восьми* «блинчиков».

Тогда девица Маргарета протянула принцу Хокону свою руку и сказала: — Неплохо бросаешь! В следующий раз мы сделаем это с коронами.

Через несколько недель состоялась свадьба принца Хокона с девицей Маргаретой. То была громкая и пышная свадьба, которую праздновали по всему Датскому королевству рыцарскими турнирами, скачками с кольцами³, фонтанами вина и зажаренными целиком быками. Но вечером свадебного дня невеста схлопотала розгу от фру Мерты за то, что укусила жениха, когда он хотел ее поцеловать.

Некоторое время спустя девица Маргарета отправилась вместе с принцем Хоконем в Норвегию, чтобы стать там королевой. Фру Мерта и розга последовали за ними и продолжили воспитывать королеву. Это, очевидно, пошло ей на пользу, ибо когда девица Маргарета повзрослела и поумнела, то сделалась мудрейшей и деятельнейшей королевой, когда-либо носившей корону на Севере.

Через восемь лет после свадьбы феи принесли королеве Маргарете маленького принца, которого назвали Олаф. Он был ласков и голубоглаз; мальчику тоже очень нравилось скакать. Однажды принц Олаф сидел верхом на колене своей матушки, а она пела ему датскую песню о том, как рыцарь Нильс Эббесен прикончил угнетателя крестьян графа Герта⁴. Однако пение королевы Маргареты было грубоватым и не таким красивым, как у королевы Бланки.

Вошел король Хокон и немного послушал песню. Тут ему вспомнилась потешка его матери, и он посадил мальчика к себе на колено.

— Спой ему лучше ты, — сказала королева. — Во мне и в моем голосе больше металла, чем у тебя.

Король Хокон запел:

«Рида-рида-ранка,
Скачет лошадь Бланка...»

— Так звали твою матушку, — сказала королева.

— Да, — ответил Хокон и продолжил петь:

«Куда лошадка мчится?
Везет нас обручиться
С молоденькой девицей.
Как зовется дева эта?
Ее имя — Маргарета...»

— То была я, — заметила королева.

— Не знаю, поймешь ли ты оставшуюся часть песни, — сказал король, — потому что дальше пелось так, чтобы ввести в заблуждение относительно ее начала:

«Примчались когда ко двору короля,
Там никого не осталось,
Старушка лишь повстречалась...»

— Ну, это ты можешь пропустить, — заметила королева. — Чем все закончилось?

«Только завтра жених не придет...»

— Он все же пришел, — сказала королева Маргарета.

— Да, пришел, — подтвердил король Хокон.

И король с королевой улыбнулись. Маленький принц Олаф въезжал в широкий мир верхом на отцовском колене, как когда-то его отец на колене своей матушки. О них следовало бы рассказать гораздо больше, но о песне сказано достаточно. Ведь сегодня она известна каждому ребенку, но не все знают, о ком она впервые была спета. Маленький мальчик, что катается верхом на колене в наши дни, ведать не ведает о принце Хоконе, скакавшем свататься, а малышка, поющая теперь своей кукле о деве Маргарете, знать не знает, кто была эта дева из песни. Короли, королевы, принцы и принцессы умирают, как и другие люди; однако прекрасные и радостные песни живы: они путешествуют сквозь века на крыльях мелодий.

ЛУЧШИЙ ПУТЬ

Жила на свете вязальщица веников, у которой было двое детей: Туттели и Путтели. Туттели звали мальчика, а Путтели — девочку. Как-то раз их матушке случилось заработать двадцать эре, и она сказала детям:

— Вот вам две монетки по десять эре, отправляйтесь в город и купите хлеба!

Дети никогда прежде не бывали в городе и поэтому спросили, как туда попасть.

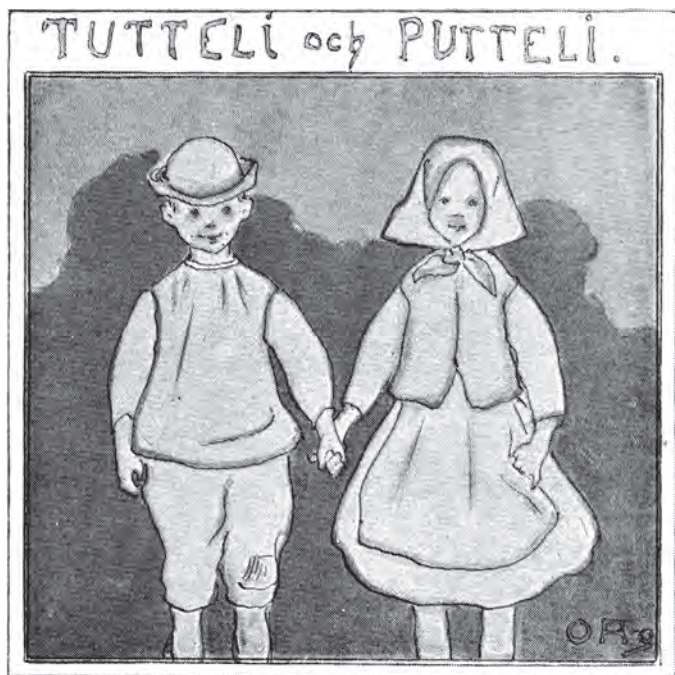
— Это совсем нетрудно, — сказала их матушка. — Идите по большой проселочной дороге до тех пор, пока не упретесь в холм, поросший можжевельными кустами. Там дорога раздваивается, и вы можете выбрать тот путь, который сочтете лучшим.

Дети запомнили этот совет и, захватив свои монетки, с большой радостью отправились в путь, ведь для них было сущим удовольствием увидеть город.

Но, добравшись до поросшего можжевельником холма и увидев развилку, они призадумались, который из двух путей — лучший. Им казалось, что оба одинаково хороши, и некоторое время дети стояли в недоумении.

Но тут горихвостка, сидевшая на березе у дороги, что вела вправо, запела:

— Сухой хлеб, сухой хлеб, квирревитт!

А в кустах можжевельника, красовавшихся у левого пути, закаркала ворона:

— Крендели и имбирные пряники, крендели и имбирные пряники, кар-кар!

— Слышишь, Туттели? — сказала брату Путтели. — Горихвостка поет про сухой хлеб; пойдем-ка лучше этой дорогой и выполним то, что было поручено.

— Нет, — ответил Туттели сестрице Путтели, — ворона сулит нам крендели и имбирные пряники. Должно быть, эта дорога — лучшая.

И поскольку они так и не смогли договориться, каждый отправился своим путем с десятью эре в кармане.

Но, как известно, все дороги ведут в Рим, и оба пути вели к городу. Через некоторое время Туттели подошел к одним из городских ворот и увидел там торговку с лотком, выкрикивавшую:

— Два за один эре! Два за один эре!

«О чем это она?» — подумал Туттели и приблизился к лотку. Тут его глаза сделались большими от удивления, поскольку лоток был полнехонек кренделей и имбирных пряников.

— Можно мне два кренделя за один эре? — спросил мальчик.

— Конечно, — ответила торговка. — А имбирный пряник стоит два эре, но тебе я предложу их по одному эре за каждый.

«Ну и ну, до чего ж дешево! — подумал Туттели. — То-то обрадуется ма-тушка, получив так много лакомств чуть ли не даром!»

И половину своих денег он потратил на крендели, а другую — на имбирные пряники. Вот и сосчитай теперь, сколько у него оказалось того и другого.

Сделав столь выгодное приобретение, он отправился осматривать город, необычайно поразивший его. Там были высокие дома, хорошенькие барышни, а во всех витринах — роскошнейшие зеркала. Это надо было видеть! Глазея по сторонам, Туттели вдруг почувствовал, что проголодался.

«Не худо бы съесть крендель, ведь они такие дешевые. Но только один!» — решил он и съел крендель.

Однако вскоре Туттели проголодался пуще прежнего.

«Я мог бы полакомиться одним из имбирных пряников, которые торговка уступила мне за меньшую цену, — подумал он. — Но только одним!»

И подкрепился имбирным пряником.

Но чем больше он ел, тем сильнее ощущал голод и поэтому уничтожил еще один крендель, а за ним и имбирный пряник.

— Только один! — успокаивал он себя.

Тут мальчик начал подумывать о возвращении домой, поскольку дело близилось к вечеру.

Туттели медленно брел по дороге, усталый и голодный. Крендели и имбирные пряники поочередно отправлялись в его маленький животик — правда, по одному за раз. Ведь мальчик то и дело повторял с набитым ртом:

— Только один!

Под конец у него в кармане сиротливо болтались крендель и имбирный пряник.

«Да, к ужину этого на всех не хватит», — решил мальчик и съел последнее.

Вернувшись домой, Туттели застал вязальщицу веников и Туттели за ужином. Обе с удовольствием трапезничали хлебом, который купила девочка, — она ведь вышла к другим городским воротам, тотчас отыскала хлебную лавку и выполнила матушкино поручение.

— Ну, Туттели, — сказала вязальщица веников, — где же твой хлеб?

Туттели до такой степени скомкал в руках свою шапку, что та сделалась квадратной, и принялся рассказывать обо всех чудесах, увиденных им в городе: о высоких домах, о хорошеньких барышнях и о роскошных зеркалах в витринах.

— Но где же хлеб, который ты должен был купить? — снова спросила хозяйка дома.

Из квадратной шапка Туттели сделалась треугольной, и мальчик поведал о торговке, сидевшей с лотком у городских ворот, и о том, как дешево продавала она вкуснейшие лакомства.

— Но где твой хлеб? — в третий раз спросила вязальщица веников.

Туттели не оставалось ничего другого, как рассказать правду. Но хуже всего было то, что он по-прежнему был голоднее волка в рождественское утро.

— Садись за стол, — пригласила мальчика мать.

Туттели расправил свою шапку и сел ужинать. Станным образом сухой хлеб оказался вкуснее кренделей и имбирных пряников!

— Ну, — молвила вязальщица веников, — скажешь ты мне теперь, какой из путей был лучшим: тот, по которому повела жадность, или другой — путь повиновения матери?

— Путь повиновения матери, — ответил Туттели.

— Помни об этом, — сказала его матушка.

Путтели убрала со стола, после чего Туттели с Путтели и вязальщицей веников отправились ко сну.

МУРАВЕЙГРАД И СЕДОМОХАЯ

Муравейник находился посреди леса, на горе, у подножия высокой столетней сосны, которую величали Седомохой, а местность называлась Вересковым долом, потому что на равнине рос вереск. Седомохая походила на древнего Тантала¹, обреченного вечно жаждать столь близкой, но недостижимой для него воды. Седомохой открывался свободный вид на море, и все же она вечно изнемогала от жажды на безводной горе, по которой сбегали дождевые потоки, не успевавшие увлажнить ее корни глубже поверхности. Напрасно Седомохая простирала их далеко в горные расселины; она обрела надежную опору, и это было действительно необходимо во время бурь, но воду пила лишь из небольшой близлежащей лужи, да и та обыкновенно пересыхала. Седомохая погибла бы от жажды, если бы вечернее облако не подносило ей иной раз чашу росы, а влажный морской туман не окутывал своей белой мокрой простыней и не освежал ее увядших ветвей. В остальное время она, вздыхая, смотрела на облака, что так высоко проплывали над ней, и на море, шумевшее далеко внизу. Еще будучи юной, она поставила себе целью дорасти до небес, но ей все время чуть-чуть не хватало, чтобы до них добраться, и наконец перестала расти в высоту, а росла только в ширину. Но все равно стремилась на небеса: она упорно верила, что однажды вырвется туда со скупой на влагу земли.

Внизу, возле ствола Седомохой, красовался упомянутый муравейник — этакая муравьиная горка, и звалась она Муравейградом. По мнению муравьев, название было достойное; они стыдились величать свое поселение *горкой*, дабы их не сочли за горюнов. Муравейград являлся свободной республикой, где каждый гражданин трудился ради общего блага и как герой сражался со всевозможными змеями, жуками и прочими неприятелями. Они были прилежным и законопослушным народцем, эти муравьи, что делало им большую честь, но никак не могли понять, отчего Седомохая так велика, когда сами они столь малы. Мельчайшая иголка, оброненная Седомохой, казалась им бревном, из этого-то материала и был выстроен Муравейград.

Некоторые муравьи забирались на самую верхушку Седомохой, для чего им требовался целый день. А воротившись обратно, путешественники считали себя побывавшими на полпути до луны.

— Седомохая тянется к небесам, — говорили они. — Как можно быть такой неимоверно огромной и такой непроходимо глупой?

Седомохая слышала, о чем мелюзга шушукалась у ее корней, и взирала на нее с высоты:

— Конечно, я хочу на небеса, — заявляла она. — Здесь, на земле, у меня лишь твердая гора и вечная жажда.

— Нет, только послушайте ее! — говорили муравьи друг другу. — Ей нужно трудиться, как мы, ради хлеба насущного и крыши над головой, и довольствоваться землей, с которой она срослась своими корнями. Когда имеешь кров и еду, не нуждаешься в Царстве Небесном.

— Но все же что-то влечет меня к небесам, — отвечала Седомохая. — Я стремилась туда, еще будучи ребенком.

Муравьи смеялись:

— Видали мы таких, что хотели на небеса, — говорили они. — То были наши сородичи, имевшие крылья и осмелившиеся взлететь в синеву. Верно, не желали жить и трудиться на этой низменной земле, вот и предприняли увеселительную прогулку в вышину, а кончили тем, что все попадали в море на прокорм сигам.

Седомохая слушала насекомых с величественным спокойствием и не считала нужным удостаивать их ответом; она придерживалась собственного мнения. Муравьи продолжали трудиться и бороться за свое существование на этой земле и не желали ничего лучшего. А Седомохая по-прежнему изнемогала от жажды и с каждой зимой становилась все более седой, пока ее нижние ветви не начали сохнуть.

Однажды в середине лета дети из ближайшей деревни пришли в Вересковый дол собирать чернику. Среди них был сын приходского портного Агапетус, посещавший городскую школу и научившийся курить сигареты.

— Вы собирайте, а я пока покурю, — сказал Агапетус, растянулся на солнышке среди вереска и закурил сигарету, чтобы показать себя настоящим молодцем.

Маленькие, легкие облачка дыма красиво поднимались в воздух и образовывали голубоватые колечки. Это здорово смотрелось; даже муравьи решили, что Агапетус был важной особой. Он курил и курил, в то время как другие собирали ягоды, а когда сигарета догорела, небрежно отбросил тлеющий окурок. Но так уж случилось, что лето было засушливым, из окурка выскользнул маленький уголек, и первым вспыхнул мох, а за ним и сухой вереск. Детям это показалось очень забавным, они с удовольствием следили за тем, как небольшое пламя растет и перепархивает с кочки на кочку. Тут налетел ветер, что всегда рад поиграть с пламенем, и раздул маленькие островки пылающего вереска в огромный костер. За короткое время весь Вересковый дол оказался охваченным огнем и дымом. Летели искры, трещал вереск, божьи коровки опалили свои крылышки, а дети в ужасе бросились бежать. Первым, кто дал деру, был портнов Агапетус, из-за которого и приключилось несчастье. Он споткнулся о пылающую кочку и так сильно обжег себе нос, что кончик его побагровел: шалопай получил по заслугам, и всю оставшуюся жизнь его звали не иначе как Носопетус.

С равнины пламя узким, змееподобным языком заползло на вершину горы и в конце концов подобралось к Муравейграду. Там, как обычно, старались и пыхтели муравьи, занятые своим упорным трудом. Одни пятились задом и тащили за собой соломинку; другие изо всех сил пытались сдвинуть мертвого кузнечика, который был нужен им в муравейнике, но двое вцепились в него с одной стороны, а еще двое — с другой и тянули кузнечика каждый на себя. Тут налетело пламя... ух, как зашуршало в Муравейграде!.. и вот пришел конец муравьиной горке со всеми ее горюнами и их борьбой за насущный хлеб в этом мире.

На своем веку Седомохая повидала немало лесных пожаров, они выжигали лишь вереск и мох вокруг нее, она же всегда оставалась невредимой: потому и на сей раз Седомохая была спокойна. Она даже представить себе не могла, насколько сухим и трухлявым сделался ее старый ствол, но пламени это было виднее. Оно окружило Седомохую со всех сторон и наконец взобралось по сухим ветвям до самой ее величавой верхушки. Поднялась целая туча искр, ветер понес ее к морю, и все улейки в округе покрылись бы сажей, не ринься они тотчас умываться. Три дня полыхал полусгнивший ствол Седомохой и все равно выгорел лишь наполовину. Тогда налетел вихрь и — крак! — поверг Седомохую в золу и тлеющие угли.

— Теперь мне конец, теперь я никогда не дотянусь до небес, — подумала она, упав с высоты своего роста и скатившись по горным кручам к морю.

— Неправда, не конец! — раздался над ней голос. То было багряное вечернее облако, на которое она так часто взирала с восхищением и тоской. —

*Три дня полыхал полусгнивший ствол Седомохой
и все равно выгорел лишь наполовину.*

Вовсе не конец, — продолжило облако, — потому что теперь я заберу с собой твой прах и унесу его высоко в лучезарный простор. А когда Небесный Отец обновит землю и сотворит новый рай, ты встанешь у его ворот рядом с древом жизни и древом познания. Твой хвойный наряд засияет, подобно серебру, ты напьешься из эдемских источников и больше никогда не будешь томиться от жажды, не засохнешь и не погибнешь. Мог ли Отец всего живого, что внимлет мольбам созданных им существ, не почувствовать снедавшей тебя всю жизнь молчаливой тоски?

— И мне больше не придется стоять на безводной горе и тщетно простирать свои ветви к небесам? — спросила Седомохая.

— Никогда, — ответило вечернее облако. — Твои корни будут пребывать в бесконечном спокойствии, а крона — в вечном свете. Райская птица запоет в твоих ветвях, и эдемским бальзамом заблагоухает твоя преображенная сердцевина. Поскольку ты искала небеса, ты обретишь их, ибо кто ищет, тот находит².

— А нельзя ли и муравьям перебраться на небеса? — спросила Седомохая, сожалевшая о том, что букашки погибли в огне.

— Муравьи обрели свой истинный дом на земле и никогда не стремились к чему-то лучшему, — ответило облако. — О них написано, что «они уже получили награду свою»³.

— Пусть гора тоже попадет на небеса! — попросила Седомохая, но это были ее последние слова на земле, ибо с ними все обратилось в пепел, а вечернее облако нарядилось в ярчайшие свои одежды и унесло пепел в голубой простор. Седомохая так и не узнала, попадет гора на небеса или нет.

Когда вечернее облако исчезло, явился влажный ночной туман и окутал гору своей белой мокрой простыней, как он привык это делать. Однако теперь муравьям больше не нужно было заползать под соломенную крышу, а Седомохой — освежать ее жаждущих ветвей: каждый получил свое. Лишь старая, сухая, покрытая мохом гора, что стояла теперь одинокая, голая и закопченная, чувствовала, как ночной туман капал, словно слезы, с ее скалистых круч. Гора и рассказала мне эту историю о Муравейграде и Седомохой: иначе никто бы ее не узнал. Однако по сей день никому не известно, суждено ли горе попасть на небеса.

МУРАВЬЕНОК, ПОБЫВАВШИЙ У ДОКТОРА

— Можно мне вылезти наружу? — спросил муравьинок.

— Погоди немного, — ответила его мать-муравьица, — сначала я сама посмотрю, что там в мире творится.

И она выглянула в отдушину муравейника, но ничего не могла разобрать, так как солнце слепило ее.

— Теперь-то уж точно можно! — решил муравьинок и пополз через отдушину наружу.

Муравейник был сооружен под большой елью. Солнце согревало зеленые ветви, и ледяные сосульки, висевшие на них, таяли. Вдруг маленькая льдинка упала в муравейник и оторвала ножку муравьиночку, только что выползшему из отдушины.

— Что там случилось? — спросила муравьица.

— Ничего особенного, у меня только ножка отвалилась, — смущенно ответил муравьинок.

Его мать страшно перепугалась, она втащила своего детеныша обратно в муравейник и попыталась прикрепить ножку еловой смолой. Казалось, все уже хорошо держалось, но лишь только муравьинок попробовал ходить, ножка снова отвалилась.

— Это невозможно так оставить, мы должны отправиться к доктору! — решила муравьица.

Затем она сделала себе мешочек из маленького цветочка прошлогоднего увядшего ландыша, спрятала в него оторванную ножку, посадила детеныша к себе на спину и отправилась в путь. Муравейник находился на лесном пригорке, неподалеку от железной дороги; муравьица знала, когда ждать поезда, и подгадала вовремя. Поезд подошел: «Бурр, урр, урр!» Муравьица прыгнула с рельса на колесо, прокрутилась несколько раз вокруг его оси, но под конец ей удалось счастливо попасть в вагон со своим крошкой, и она без билета доехала до Хельсингфорса¹.

Там муравьица осторожно сошла с вагона, боясь, чтобы ее не раздавили, и смело взобралась на пролетку извозчика. Она все время несла малютку на спине, а ножку — в мешочке.

— Теперь мы едем к доктору, — заявила мать. — Любопытно, что-то скажет лошади о такой неподъемной тяжести, которую она везет?

— Что это за белые горы? — спросил муравьенок, когда они проезжали мимо больших каменных домов.

— Это такие горки-муравейники, в которых живут люди, — ответила мать. — Все мы — горюны².

Тут они подъехали прямо к больнице, так как извозчик вез молодого доктора, ездившего в Петербург послушать, как Кристина Нильссон выступит в опере под звуки «Польки Водяного»³.

Муравыха позабыла заплатить извозчику, она поползла вверх по лестнице с детенышем на спине. Главный доктор сидел за своим письменным столом и читал книгу об искусстве создания новых носов. Муравыха взобралась на стол и побежала по книге. Заметив это, доктор попытался стряхнуть ее оттуда, но муравыха крепко уцепилась за лист и начала рассказывать ему о льдинке и о ножке своего малютки.

— Вот как, только и всего? — спросил доктор, намереваясь прикрепить маленькую ножку, но его щипцы оказались слишком грубыми, и вместо этого он отхватил еще одну из здоровых ножек муравьенка.

— Что случилось? — спросила муравыха.

— Да ничего особенного: теперь у меня нет еще одной ножки, — ответил маленький терпеливый муравьенок.

Доктор обвинил во всем свои очки и пошел за более тонкими щипчиками, но муравыха не стала его дожидаться, она спрятала обе оторванные ножки в мешочек, взвалила детеныша на спину и поползла прочь.

— Нам, видно, придется ехать в водолечебницу к доктору Эверту!⁴ — сказала мать, и вскоре ей посчастливилось найти другого извозчика, который как раз вез туда толстого господина, желавшего похудеть.

Доктор Эверт стоял у большой ванны, а толстый господин собирался в нее сесть, когда муравыха заползла доктору на руку, чтобы обратить на себя его внимание. Но, заметив муравыху, он тотчас же окунул руку в воду, где и осталась мать со своим дитятей.

Муравыха велела крошке держаться за нее; когда же ей удалось наконец выбраться на край ванны и избежать опасности, она никак не могла найти своего детеныша, поскольку толстый господин так безудержно плескался в ванне, что вся вода покрылась белой пеной.

— Где ты? Что с тобою? — кричала мать.

— Здесь немножко мокренько, а теперь я тону! — раздался тоненький голосок малютки в пенящейся воде.

Тут муравыха бросилась в кипящую бездну и с невероятными усилиями вытащила детеныша на сушу. Но муравьенок казался бездыханным.

— Мне, видно, придется отправиться к народному целителю доктору Беку!⁵ — сказала мать.

Доктор Бек, к счастью, был как раз в это время в Хельсингфорсе, иначе муравыха должна была бы ожидать открытия навигации: ведь не могла же она пешком по снежным сугробам добраться до Васы!⁶ И вот отправилась она

с детенышем и с его двумя оторванными ножками к человеку, который был известным доктором, хотя и безо всякого докторского звания.

Доктор Бек взял увеличительное стекло, посмотрел на неподвижного муравья, на обе его оторванные ножки и сказал:

— Его нужно бы растереть, но я не могу этого сделать: у меня слишком крупные пальцы.

Муравья задумалась; она охотно попросила бы мух помочь ей, поскольку они, как известно, славятся своим умением растирать да массировать, но в это время года все до единой мухи спали мертвым сном.

— Я хочу все-таки поискать за большим кухонным очагом, — сказала она.

Муравья заползла за кухонный очаг и обнаружила полумертвого сверчка, лежавшего там с осени. Она с большим трудом вытащила его оттуда и положила на солнышко. Вскоре сверчок ожил и принялся бодро растирать маленького муравья.

— Вот так надо, — сказал доктор Бек и показал сверчку вязальной спицей, как ему следует тереть, чтобы вышел настоящий массаж — так ученые называют искусство растирать тело с лечебной целью.

Чуть больше трех минут растирал сверчок муравья, и малыш наконец ожил, что доставило его матери большую радость. После этого оторванные ножки были прикреплены, и муравенок стал совсем здоров.

— Что я вам должна, доктор, за ваши великие труды? — спросила муравыха.

— Накорми в своей горнице божью коровку, когда она в следующий раз наведется к муравейнику, — ответил доктор Бек.

— Я это исполню! — радостно сказала муравыха. — У нее будет столько медового сота и еловой смолы-живицы, сколько она пожелает!

— Отлично! — похвалил муравыху доктор Бек. — А теперь до свидания, мне некогда, меня ждут еще шесть рук и четыре ноги!

— До свидания! — попрощалась муравыха и отправилась в обратный путь со своим маленьким выздоровевшим детенышем.

Когда она возвратилась к себе в муравейник, на дворе уже стояла весна; все ее соседи выползли из своего жилища и начали расчищать большую муравьиную дорогу, проходившую по лесному пригорку: ведь снежные сугробы оставили после себя много разного сора. При виде муравьенка с матерью все обитатели муравейника пришли в неописуемый восторг и изумление! И всем непременно захотелось хорошенько рассмотреть малыша и убедиться, действительно ли крепко держатся его ножки. В это самое время на лесном пригорке показалась маленькая божья коровка: усталая, голодная и холодная, она ползла по свежей травке. Муравьи тотчас схватили свои острые пики из еловой хвои и хотели прогнать незваную гостью. Но мать-муравыха встала на задние ножки и, погрозив сородичам зеленой травинкой, защитила божью коровку. А потом любезно пригласила ее в свою горницу. Там тотчас задали роскошный пир, какого давно не было во всем муравейнике: сверчок играл и пел застольную песню, муравьенок плясал на своих здоровых ножках, весело сияло солнышко, а маленькая провозвестница весны⁷ летала на своих шумных крылышках над зеленеющим лесным пригорком.

ЗВЕЗДООКАЯ

Лежало однажды в снежном сугробе малое дитя. Почему оно там лежало? Да потому что его потеряли.

Случилось это в рождественский вечер. По пустынным горам ехал лопарь в пулке, запряженной оленем¹, а следом за ним, в другой пулке с оленем, поспешала его жена, ведь олень не в силах везти более одного человека. Искрился снег, сверкало северное сияние, и на небе светились ясные звезды. Лопарь ехал довольный, он то и дело оборачивался посмотреть, не отстает ли от него жена. Лопарка держала на коленях маленького ребенка, укутанного в толстую оленью шкуру, и править ей было несподручно.

Только они миновали перевал и начали спускаться с горы, как повстречали волков. Стая была большая, волков в сорок или пятьдесят. Такие большие стаи зимой часто бродят в Лапландии, подстерегая оленей. Волки, которым в этот день не довелось полакомиться оленьиной, выли от голода и тотчас бросились в погоню за лопарем и его женой.

Почувяв волков, олени в обеих упряжках так стремительно понеслись под гору, что сани то и дело норовили опрокинуться, бесконечно объезжая

снежные сугробы. Лопарь и лопарка были привычны к такой езде и крепко держались за сани, хотя ни слышать, ни видеть ничего не могли; но в этой неразберихе случилось так, что лопарка выронила ребенка в снег. Напрасно кричала она, пытаясь остановить оленя; тот, чуя гнавшихся за ним по пятам волков, только пошевелил ушами и еще быстрее помчался вперед, так что кости у него трещали, словно кто-то колот орехи. И вскоре олени и пулки были уже далеко впереди.

Малое дитя лежало в сугробе, завернутое в оленью шкуру, и разглядывало звезды. Волки мгновенно окружили его, а дитя не могло шевельнуть ни ручкой, ни ножкой, оно лишь глядело на волков. Ребенок не плакал, а только лежал, не двигаясь, и смотрел. Невинные глазки младенца обладают чудесной силой: голодные хищники обнюхали малютку, но не осмелились дотронуться до него. Некоторое время они молча постояли, глядя на ребенка, и снова бросились догонять оленей.

Покинутый всеми младенец лежал зимней ночью в снегу на огромной безлюдной дикой вересковой пустоши. Он смотрел на звезды, а звезды смотрели на дитя, и между ними возникла дружба. Эти невероятно огромные бесчисленные и прекрасные отдаленные ночные светила, казалось, сжалились над беззащитным земным малюткой, лежавшим в снегу, и пока они взирали на него, а он — на них, в глазах ребенка запечатлелся звездный свет. Однако младенец непременно замерз бы насмерть, если бы Господь не послал ему на помощь еще одного путника, схавшего той же дорогой по заснеженной вересковой пустоши. То был финский новосел из прихода Энаре. Он возвращался из норвежского города Вадсё с солью и мукой к празднику, нашел малютку и взял к себе в сани.

Новосел приехал домой рождественским утром, когда колокола в церкви прихода Энаре начали звонить к заутрене. Он тотчас внес ребенка в теплую горницу и передал его жене.

— Вот тебе, Лису, рождественский подарок! — сказал он, стряхивая иней со своих русых волос.

И тут он рассказал ей, как нашел младенца.

Жена новосела взяла ребенка, развернула его и напоила теплым молоком.

— Сам Бог послал тебя нам, бедное дитя! — молвила она. — Как чудно ты на меня смотришь! Коли нет у тебя ни отца, ни матери, Симон Сорса будет тебе отцом, я — матерью, а ты будешь нашим ребенком. Симму, Пальте и Матте будут рады иметь сестрицу, ведь я вижу, что ты — девочка. Надеюсь, ты — крещеная?

— Навряд ли, — заметил новосел Симон Сорса. — Лопарям далеко ехать до церкви и священника, поэтому они ждут, когда ребяташек наберется целая куча, и тогда сами везут их к священнику. А когда он их окрестит, говорят «Аминь». Раз нынче в церкви рождественская заутреня, девочку лучше всего сейчас же отнести туда да и окрестить.

Жена решила, что это разумный совет, и девочку окрестили, назвав в честь приемной матери Элисабет. Благословляя младенца, пастор удивился, что глазки малытки светятся, словно звезды, и добродушно пошутил:

— Тебя следовало бы назвать Звездоокой, а не Элисабет!

Жена новосела сочла, что это не по-христиански, и сказала о том мужу. Но Симон Сорса был согласен с пастором и ответил, что то, другое имя подходит девочке не хуже первого.

— Ишь, что выдумал! — рассердилась жена. — Нечего приобщать ребенка к колдовству, ведь девочка и так лопарка, а лопари умеют колдовать. Серые глаза Симму, Пальте и Матте блестят ничуть не меньше ее карих глаз. Ты бы ее еще Кошкоокой назвал!

Новосел не хотел огорчать жену и сделал вид, будто забыл другое имя девочки, но слова пастора невольно получили огласку, и с того дня соседи стали называть приемыша Симона Сорсы *Звездоокой*.

Девочка подрастала вместе с тремя названными братьями и сделалась настолько же тонка и стройна, насколько мальчики — сильны и неуклюжи. У нее были черные волосы и карие глаза, как у большинства лопарят, которые подчас бывают вспыльчивы и упрямы, как негритята; но Звездоокая всегда была спокойной, кроткой и молчаливой. Четверо ребятишек жили дружно, и лишь иногда мальчуганы ради разнообразия таскали друг друга за вихры. Новосел и его жена любили всех детей одинаково, все у них шло прекрасно, и ни родной отец, ни мать девочки никогда не разыскивали Звездоокую. Да и что оставалось думать лопарю с лопаркой кроме того, что волки съели их малытку?

Звездоокой было не более трех лет от роду, когда ее названная мать стала замечать в ней что-то странное. Глаза девочки обладали какой-то чудесной силой, которой никто не мог противостоять. Звездоокая никогда никому не перечила, она не защищалась, когда мальчики приставали к ней: было достаточно одного ее взгляда, и братья тотчас старались всячески ей угодить. Черная кошка не осмеливалась поднять на нее своих сверкающих глаз. Стоило Звездоокой взглянуть на лохматого дворового пса Кетту, как он тотчас переставал лаять и ворчать. Названной матери казалось, что глаза девочки сверкают в темноте, а однажды, когда Звездоокая во время снежной бури украдкой вышла на крыльцо, можно было подумать, будто она укротила бурю, поскольку через несколько минут установилась тихая ясная погода.

Как ни любила жена новосела девочку, но все это не нравилось ей.

— Нечего на меня глазеть, — порой нетерпеливо говорила она малытке. — Сдается, ты думаешь, будто видишь меня насквозь!

Звездоокая огорчалась и опускала глаза; она понимала лишь, что опечалила свою добрую матушку. Тогда названная мать ласково гладила ее по щеке и говорила:

— Не плачь, Лисулиль¹, ведь ты не виновата, что родилась лопаркой!

Однажды, когда Звездоокой было три года, жена новосела сидела за прялкой и думала о муже, который снова куда-то уехал. И вдруг ей вспомнилось, что лошадь его потеряла подкову с левой задней ноги. Звездоокая в это время играла в углу: она оседлала скамью, словно лошадь, и делала вид, будто скачет; тут девочка возьми да и скажи своей скамье-лошадке:

— Матушка думает о том, что ты потеряла башмачок с левой задней ноги. Жена новосела перестала прясть и удивленно спросила:

— Откуда ты это знаешь?

— Лисулиль видела это, — ответила Звездоокая.

Названной матери стало не по себе, но она не подала виду и решила зорко наблюдать за девочкой. Несколько дней спустя заночевал в доме чужой человек, а наутро хозяйка хватилась — нет золотого кольца, лежавшего до того на столе. В краже заподозрили постороннего, обыскали его одежду, но кольца не нашли. Тут проснулась Звездоокая, удивленно взглянула на чужака и сказала:

— А кольцо-то у него во рту!

Там оно и оказалось, вора выгнали вон, а хозяйка и на сей раз сделала вид, будто ничего не замечает. Некоторое время спустя Пальте захворал корью, и в дом наведался пастор — поглядеть, что с мальчиком, ведь пастор был сведущ и в лекарском искусстве. У хозяйки в кладовой лежали два свежих лосося, и она подумала про себя: «Какого лосося дать пастору: маленького или большого? Пожалуй, хватит с него и маленького».

Звездоокая сидела в углу с мочалкой на коленях, изображавшей хворого мальчика. Вот к нему пришел пастор, на роль которого сгодился веник.

— Дать тебе маленького лосося или большого? — обратилась к нему девочка. — Пожалуй, хватит с тебя и маленького.

Названная мать слышала это, и каждое слово девочки вбивалось ей в сердце, словно иголка. Когда пастор ушел, она не могла совладать с собой и гневно сказала Звездоокой:

— Вижу, тебе никогда не избавиться от колдовства, лопарка ты этакая! Поэтому не смей больше пялить на меня свои ведьмины глаза! Будешь жить в подполе и только раз в день приходить наверх поесть, но глаза твои будут завязаны тогда толстым платком. Нечего тебе глядеть на людей, покуда не бросишь свое поганое колдовство.

Не очень-то красиво обошлись с несчастной малюткой, которая никому никогда худого не сделала. Но жена новосела была суеверна и, как многие другие, твердо верила, что все лопари — колдуны. Поэтому она заперла Звездоокою в темном подполе, но дала ей и одежду, и пищу, и постель, чтобы девочка не голодала и не холодала. У Звездоокой было все, кроме свободы, любви, человеческого общества и дневного света.

¹ Малютка Лису (*швед.*). «Лиль» — уменьшительно-ласкательный суффикс.

Новосел еще не вернулся домой, и Звездоокая сидела в подполе. Не очень-то это весело, но и не совсем скучно. У девочки была здесь своя компания: старая палка, разбитый кувшин, полено, щепка и бутылка без горлышка. Палка изображала отца, кувшин — мать, полено, щепка и бутылка — трех названных братьев, и все они, кроме палки, жили в пустой бочке. Каждый из них занимался своим делом, Звездоокая пела им, а мыши и крысы слушали ее песни.

У Лису, жены новосела, была соседка по имени Мурра. За день до Рождества сидели они вдвоем в горнице и толковали про колдовское искусство лопарей. Хозяйка вязала рукавицы, Симму играл с медными монетками, Пальте толоч осколки кирпича, а Матте повязывал кошке шнурок на лапку. И тут вдруг они услышали, как в подполе, укачивая щепку, запела Звездоокая:

Матушка из шерсти тонкой
Вяжет что-то ребятенкам;
Симму в денежки играет
И монетку вверх бросает;
Пальте там кирпич толчет;
Матте — кошку волочет;
А в окне луна сияет,
Щепка сладко поживает.

— О чем поет внизу эта лопарская девчонка? — спросила Мурра.
— Она поет колыбельную своим игрушкам в бочке, — ответила Лису.
— Но ведь она видит сквозь пол все, что мы делаем, — возмутилась Мурра. — Сидя в темном погребе, она видит, как светит луна!

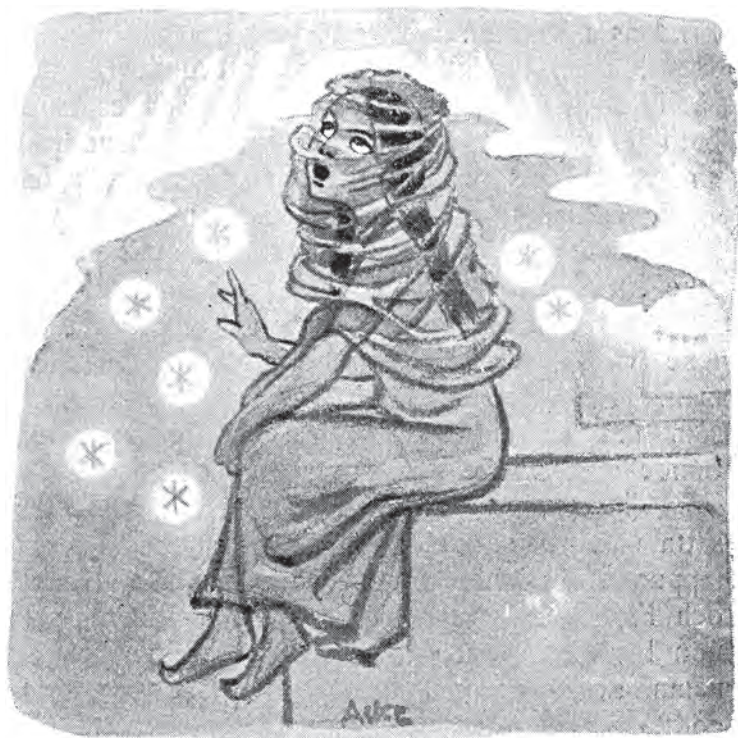
— Очень я в этом сомневаюсь! — воскликнула Лису. — Наказание мне с этой девчонкой, ни дать ни взять — маленькая колдунья!

— Я знаю, что надо делать, — сказала злая Мурра. — Завяжи ей глаза семью шерстяными платками и накрой семью половиками люк, ведущий в подпол, тогда она ничего не будет видеть.

— Попробую, — ответила Лису и, спустившись в подпол, завязала семью шерстяными платками сиявшие, словно звезды, глазки девочки и накрыла люк семью половиками. Вскоре стало совсем темно, засветились звезды, а над высокой горой на вечернем небосклоне поднялись две алые дуги северного сияния.

И снова они слышали песню Звездоокой:

Ярко звездочек мерцанье
В небесах в тиши ночной,
Блещет севера сиянье
Там высоко над горой.
Смотрят звездочки сюда
С лаской теплой на меня
И, мерцая, мне вещают,
Что сочельник наступает.

— Нет, вы только послушайте, — снова возмутилась Мурра, — теперь она видит звезды и северное сияние! Я никогда не встречала троллева отродья страшнее Звездоокой!

— Да не может она ничего этого видеть! — возразила жена новосела. — Схожу-ка я вниз, проверю.

Она откинула семь половиков, спустилась в подпол и, убедившись, что на глазах Звездоокой — семь шерстяных платков, спросила ее:

— Ты видишь звезды?

— Да, вижу, их так много, так много! — ответила Звездоокая. — До чего же кругом ясно и светло, матушка! Вот-вот наступит Рождество!

Снова поднявшись наверх, жена новосела поведала обо всем Мурре. А Мурра сказала:

— Теперь остается только вырыть в подполе яму глубиной в семь локтей², положить в нее троллево отродье и засыпать яму песком. Это уж точно поможет!

— Нет, — покачала головой Лису, — этого я никогда не сделаю! Мне жаль ребенка, и я боюсь, что муж рассердится, если узнает об этом.

— Так отдай девочку мне, — предложила Мурра. — Я отвезу ее назад в Лапландию.

— Только если обещаешь не причинять ей зла! — предупредила жена новосела.

— С какой стати мне ее обижать? — сказала Мурра. — Я просто отвезу ее туда, откуда она родом.

И девочку отдали Мурре. Она завернула Звздооую в старую оленью шубу, отвезла в горы, оставила ее там на снегу да и ушла со словами:

— Я сделала то, что обещала. Раз нашли ее в снежном сугробе, значит, туда ей и дорога!

Звздооая лежала в снежном сугробе, завернутая в оленью шубу, и смотрела на звезды. Как и три года тому назад, стояла рождественская ночь, и тысячи прекрасных, невероятно огромных и далеких небесных светил снова с состраданием взирали на невинное дитя. Они светили ей в глаза, заглядывали в ее детское сердечко и не находили там ничего, кроме доброты и покорности Господу. И глазки девочки засияли еще более диковинным блеском, взор ее обрел способность проникать далеко-далеко, гораздо дальше звезд, до невидимого престола Всевышнего, где ангелы благовестили среди миллионов миров в безграничном творении Божьем. А ночь была тихая и ясная, исполненная безмолвного поклонения. Лишь северное сияние полыхало на небе, его дуга сверкала над головой Звздооой.

* * *

Ранним рождественским утром, когда ребятишки еще спали в горнице, домой из поездки воротился новосел. Стряхнув иней со своих русых волос, он обнял жену и спросил о детях. Жена рассказала, что Пальте хворал корью, но уже выздоровел, а Симму и Матте круглы, точно пшеничные булочки.

— А как поживает Звздооая?

— Хорошо, — коротко ответила жена, трепетавшая перед мужем и испытывавшая угрызения совести.

— Мы должны беречь Звздооую, — продолжал новосел. — Нынче ночью я задремал в саях и видел сон, будто звезда упала на мою полость³ и молвила: «Возьми меня и хорошенько береги, ибо я — благословение твоего дома!» Но когда я протянул руку, чтобы взять звездочку, она вдруг исчезла. Я проснулся и задумался над тем, как Божье благословение сопутствовало нам во всех наших делах в течение этих трех лет, с тех пор как мы приютили чужое дитя. Прежде нам ни в чем не было удачи, мы хворали и бедствовали, посевы наши уничтожал мороз, медведи и волки резали наших коров и овец. Но теперь мы благоденствуем! А все оттого, что Господь милостив к милосердным и ангелы его особо пекутся о невинных детях.

Когда жена новосела услышала это, у нее снова защемило сердце, однако она не посмела вымолвить ни слова. Тут проснулись мальчишки; отец обнял их, радуясь, что они такие здоровенькие и сильные. Покачав их некоторое время на колене, он снова спросил:

— Где же Звездоокая?

Тогда Симму ответил:

— Матушка заперла ее в подполе.

А Пальте продолжил:

— Матушка завязала ей глаза семью платками и положила семь половиков на люк подпола.

Матте же добавил:

— Матушка отдала ее Мурре, а та увезла ее в горы.

Услышав это, новосел побагровел от гнева, а жена его побелела как полотно и смогла лишь вымолвить:

— Она ведь лопарское дитя, а все лопари — колдуны!

Новосел ничего не ответил. Несмотря на усталость, он тотчас пошел в конюшню, снова запряг лошадь в сани и поехал к Мурре. Насильно впихнул он ее в сани и заставил показать, куда она отвезла ребенка. Приехав в горы, они вылезли из саней и на лыжах отправились по занесенным снегом ущельям. Когда они добрались до места, где Мурра оставила девочку, в сугробе еще виднелась маленькая-премаленькая ямка, а чуть подальше в снегу — следы лыж. Однако Звездоокою они так и не нашли — она исчезла. Проискав ее долго и безуспешно, они вынуждены были в конце концов повернуть назад. Новосел скользил на своих лыжах впереди, а Мурра следовала за ним чуть поодаль. Вдруг послышался крик; Симон Сорса, стремительно спускавшийся с горы, обернулся и увидел, как на ее вершине стая голодных лапландских волков рвала Мурру на части. Но он не смог вовремя прийти ей на помощь, ему помешал крутой горный склон. Когда же он с превеликим трудом забрался наверх, волки уже обглодали Мурру. Опечаленный, вернулся Симон Сорса домой, как раз когда колокола перестали звонить к рождественской заутрене.

Жена его сидела в горнице, горько раскаиваясь. У нее не хватило смелости пойти в церковь восславить Господа, ведь когда поутру она пошла задать корму овцам, оказалось, что волки раньше нее побывали в овчарне и никого в живых не оставили.

— Это только начало нашей кары, — грустно вымолвил поселенец. — Жена, пойдем с детьми в церковь. Сейчас нам нужно это как никогда: мы должны покаяться в тяжком грехе!

* * *

Так и не узнал никто с тех пор, что случилось со Звездоокой. Следы лыж в снегу неподалеку от сугроба, в котором она лежала, позволяли надеяться, что какой-нибудь путник, снова приведенный в эту дикую вересковую пустошь добрым ангелом, нашел дитя и взял его с собой. Остается думать, что так оно и случилось, но никому не ведомо, кто был тот путник, куда увезли Звездоокою и где она обрела себе новый дом — будем надеяться, лучший, — в который принесет с собой Божье благословение и где по-прежнему будет

видеть больше, чем другие люди. Ведь ей нипочем самые крепкие стены, она может заглянуть в сердца людей и даже проникнуть взором сквозь синеву небес далеко-далеко за звезды, до чертогов Всевышнего.

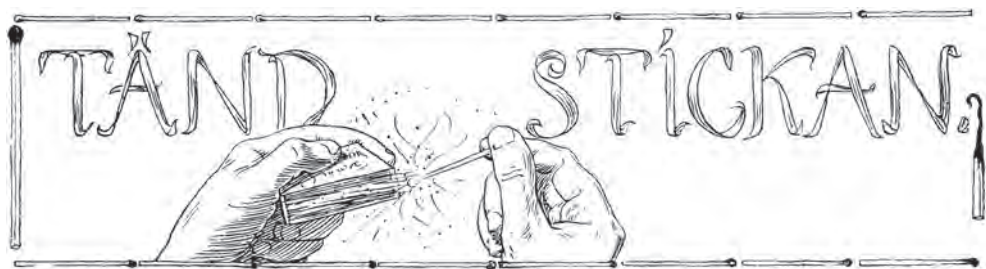
Да и что же тут удивительного? Разве не встречаются люди, обладающие даром читать чужие мысли? Разве нет на свете добрых и благочестивых людей, которые, твердо веруя в Бога, способны видеть далеко за пределами возможного? Ибо на свете немало того, что «не видел глаз и не слышало ухо»⁴. Но этот чудный дар выпадает на долю немногих избранных.

Прежде полагали, будто судьба людей зависит от звезд; теперь же верят, что она подчинена Божьей воле. Но звезды вовсе не утратили своей чудесной силы, ведь всегда, когда мы с благоговением смотрим на них, нашему взору предстает краешек мантии Всевышнего, частица Его бесконечного творения. В звездах неизменно заключена толика вечности, свет которой пробивается

сквозь земной мрак. И именно от него зависит, останется ли ее отражение в нашей душе и глазах. Оно осталось у Звездоокой, поскольку та была невинным покинутым ребенком, чуждым земных помыслов. В этом и заключается ее отличие от других людей, у которых звездное сияние зачастую меркнет из-за приземленности мыслей и желаний.

Никто не знает, где теперь Звездоокая. Она должна быть еще ребенком, поскольку исчезла совсем недавно. А потому присматривайся ко всем добрым детям с ясными, блестящими глазками: быть может, кто-то из них и есть наша пропавшая Звездоокая. Хотя и сказывают, будто у нее были черные волосы и карие глаза, как у лопарят, ты не думай, что ее нельзя найти среди белокурых и голубоглазых детей. Не в том дело. Теперь она может выглядеть иначе. Примечай только, способно ли дитя читать твои мысли, укрощать бурю и видеть, что делается за семью шерстяными платками. Если девочка владеет таким даром, то это, без сомнения, Звездоокая. Отыскав ее, сообщи об этом нам, а ей самой не говори ничего, ибо она давно позабыла подпол и жестокость людей — а может, оно и к лучшему, что позабыла? Ах, малютка Звездоокая! Ты встречалась мне однажды... Где — не скажу; но я видел тебя, а ты прочла мои мысли и обвила свои ручонки вокруг моей шеи, поскольку увидела, что я люблю тебя. Да и как тебя можно не любить, ласковое дитя с блеском бесконечности в сияющих очах!

СПИЧКА

Спичка попала в свой новенький коробок, лежавший на фабричном столе, и принялась размышлять о том, что случилось с ней за ее короткую жизнь. Она еще смутно помнила, как, будучи огромной осиной, росла на берегу реки, помнила, как осину срубили, распилили и в довершение всего измельчили на многие тысячи крохотных лучинок, одной из которых была она сама. Вслед за тем ее и ее товарищей распределили по кучкам и рядам, окунули в гадкие плавающие котлы, высушили, рассортировали еще раз и наконец сложили в коробок. В этом не было ничего примечательного или героического. Но спичкой владело горячее желание совершить нечто выдающееся. Ее тельце было сработано из робкой осины, которая постоянно трепещет в страхе, что слабый вечерний ветерок превратится в шторм и вырвет ее с корнями. Однако так уж вышло, что головку спички окунули в вещество, вызывающее честолюбивое желание сиять на весь мир, поэтому между головкой и тельцем существовало неизменное противоречие. Когда легковоспламеняющаяся головка, потрескивая в тишине, взывала: «Ну же, поскорее сделай что-нибудь!», — осмотнительное древесное тельце, у которого всегда было готово возражение, шептало: «Нет, погоди немного, спроси себя, пора ли!»

Поскольку спичка все лежала и лежала в коробке со своими товарищами, головка ее разгорячилась, и спичке нестерпимо захотелось вспыхнуть. Однако осина ее тельца противилась этому, тогда спичка спросила терку на коробке:

— Не кажется ли тебе, что пора?

Терка ответила:

— Сдается мне, ты желторотый юнец, готовый тотчас ринуться в бой. Имей терпение и не совершай безрассудных поступков. В любом случае,

ты ничего не сможешь сделать без меня, будучи безопасной спичкой. Неужели ты думаешь, что я позволила бы спалить фабрику, ставшую нам отчим домом, и молоденькую девушку, изготовившую нас?

Спичка запаслась терпением, а коробок, в котором она помещалась, упаковали вместе с коробками миллионов ей подобных и отправили на крупный склад. Пока она там лежала, опасное честолюбие вновь посетило ее легко-воспламеняющуюся головку, но было пресечено трепещущей осиной.

— Пора? — снова спросила спичка.

Терка на коробке ответила:

— Здесь слишком темно, я ничего не вижу, но постарайся немного потерпеть! Неужели ты думаешь, что я позволю тебе спалить склад и огромный густонаселенный город?

Коробок со спичками попал на борт корабля, который направлялся в другие края. Была темная ночь. В снастях завывала буря, и корабль боролся с волнами далеко в открытом море.

— Пора? — опять спросила спичка, которой показалось весьма заманчивым озарить темное бурное море.

Терка ответила:

— погоди немного! Я узнаю, приказано ли буре пустить судно ко дну.

Буря ответила, что ей такого не приказывали.

— Потерпи еще, — прошептала терка.

Корабль благополучно добрался до места назначения, коробок со спичками был доставлен на берег и скоро очутился на прилавке магазина, где и был продан. Бедная девушка купила коробок, принесла его домой, в лачугу матери, и села возле очага чесать лен. Спичка увидела дивные, мягкие пучки льна, ею вновь овладели недобрые мысли, и она спросила:

— Сейчас-то пора?

— Подожди, — ответила терка, — я спрошу у огня в очаге, приказано ли ему спалить лачугу.

Огонь ответил, что нет. Ему надлежало оставаться на своем месте и варить содержимое горшка.

— Потерпи, — сказала терка спичке.

На другой день девушка отправилась с работниками убирать сено. Ночью она и ее мать спали на сеновале, зарывшись в сухой ароматный стог. Поскольку рано утром девушке надо было зажечь огонь для работников, она прихватила с собой и спичечный коробок. Спичка учуяла запах сена и сказала терке:

— Дорогуша, позволь мне потереться об тебя головкой. Было бы так приятно поджечь сено!

Терка ответила:

— Я спрошу у дождя, что начинает шуршать по соломенной крыше сеновала.

Дождь ответил:

— Не трогай меня, если тебе дорога твоя жизнь, потому что мне приказано защитить сеновал!

— Терпение, терпение, — сказала терка спичке.

Днем явился брат девушки, который был моряком, и сказал:

— Прощай, матушка! Я отправляюсь в Бьёрнеборг¹, откуда мне предстоит долгое путешествие сначала в Васу², а потом в Америку. Не найдется ли у вас спички для меня?

Девушка отдала ему коробок спичек, моряк двинулся в путь и очутился в местечке, где взрывали гору для прокладки железной дороги. Там он и заночевал в компании горных инженеров, подложив под голову пороховую бочку.

— Пора? — спросила спичка, едва сдерживая себя, чтобы не чиркнуть головкой о терку. Но та напустилась на спичку со словами:

— Стыдись, горячая голова! Разве ты не видишь, что по другую сторону бочки спит малое дитя?

Наутро моряк отправился далее, добрался до Бьёрнеборга и сел там на пароход «Эстерботтен», который должен был отправиться в Васу. Через день судно вышло в море. Стоял полдень, ярко светило солнце, дул свежий ветерок; корабль был полон народа и битком набит товаром. Тут терка и спросила спичку:

— Как ты там?

Спичка ответила:

— Жду удобного случая. Никогда прежде я не была так склонна к свершениям, как сейчас!

— Тогда я открою тебе секрет, — прошептала терка. — Я слыхала, как волны спрашивали ветер, приказано ли ему что-нибудь, и тот ответил, что нет. Потом я подслушала, как ветер налетел на огонь под паровым котлом и справился у горящих углей об отданных им приказах, на что угли прошипели, дескать, приказов не было. А еще я слышала, как угли спрашивали пластины листового железа на боку корабля, приказано ли что-нибудь им, и те, как и все остальные, ответили отрицательно. Тогда угли посовещались между собой и решили: «Ни одной из четырех стихий ничего не приказано, но беды не миновать». Кто же станет ее причиной?

— Я! — воскликнула спичка.

— Это невозможно, — сказала терка, — ведь ты — всего лишь маленький посыльный стихий.

Спичка хотела было возразить терке: «Разве не Давид сразил Голиафа?» Но промолчала, ибо научилась ждать.

Молодой моряк стоял, небрежно облокотившись на груды бумажных свертков, сложенных в носовой части палубы. Он был спокоен и беззаботен, как и многие другие в его возрасте. Время тянулось медленно, моряк вынул сигарету и коробок спичек.

— Сейчас или никогда! — сказала спичка терке.

— О нет, — ответила терка, — еще не пора, еще не пора! Прекрасный корабль, ценный груз и множество невинных людей! Какое зло они тебе причинили, что ты хочешь оставить их наедине с огнем и морем? Еще не пора, еще не пора!

Но спичка ничего этого не услышала. Ею как раз чиркнули о терку. Вспыхнуло яркое пламя, но никто не заметил его в лучах еще более яркого солнца. Моряк закурил сигарету и беспечно отбросил горящую спичку. Теперь у всех стихий появился тайный приказ, которого они так долго ждали. Ветер подхватил спичку, кинул ее на бумажный сверток, высушенный солнцем, и тот вспыхнул. Вода, которой надлежало потушить огонь, отказалась подчиниться насосам; негорючее железо все больше и больше раскалялось, а сильный ветер распространил бушующее пламя. За короткое время красавца-корабля не стало: кто-то из несчастных пассажиров и команды нашел свою смерть в огне, кто-то в море, были и спасшиеся.

Неподалеку от тлевших обломков судна качался на темных волнах крохотный кусочек сгоревшей спички, а рядом с ним — размокший коробок с теркой.

— Бедная спичка, — вздохнула терка, — что ты наделала? Лучше б тебя никогда не отрывали от осинового сердцевины!

Обугленный спичечный огрызок высунул свой закопченный кончик из воды и ответил:

— Разве я не говорила, что в свое время совершу нечто из ряда вон выходящее? Теперь я знаменита, я уничтожила огромный корабль, вся страна только и твердит обо мне — ни одна другая спичка не удостоилась столь высокой чести! Однако не переживай за меня. Я довольна своей славой. Теперь я собираюсь выплыть на берег и подновить свою головку. Следуй за мной, мы совершим более значимые деяния. Я стану спичкой милосердия. В разгар самой холодной зимы я подпалю огромный лес, чтобы обогреть бедняков. Ты будешь свидетелем того, как я принесу счастье множеству людей.

Огромная белобородая волна, чья пенистая макушка показалась позади спички, услышала эти слова.

— Жалкая щепка большого дерева! — зашумела волна. — Ты только и умеешь выполнять приказы, в которых ничего не смыслишь. Даже могущественные стихии, — а ты лишь их пылинка, — не своевольничают, а ждут указаний и повинуются. Убирайся прочь со своей нелепой спесью и дурацкими планами на будущее, скройся в неведомых глубинах!

И волна обрушилась, подобно снежной горе, и погребла под собой почерневшую спичку и размокшую терку. Следы первой, как, впрочем, и ее честолюбие, придется искать глубоко внизу, в недостижимых недрах морских, где она, безымянной и неоплаканной, канула в забвенье!

За короткое время красавца-корабля не стало...

СИККУ

Во времена короля Карла XII ¹ жил на севере Финляндии бедный пастушок по имени Сикку. На самом-то деле его звали Сикстус, однако язык финнов затесан шевелиться лишь определенным образом, поэтому переделывает имена по своему усмотрению для более удобного произношения. Сикку был настолько беден, что не имел ни шапки, ни рубашки, ни башмаков, однако это ничуть его не беспокоило. Он всегда ходил счастливый и довольный, а когда пас коров у подножия горы Сипури, распевал песни с утра до вечера, дул в свой берестяной рожок и с превеликим удовольствием слушал, как горное эхо вторит ему.

У Сикку был старый складной нож, составлявший его богатство, да еще вдобавок друг по имени Кетту, что означает по-фински «лис», — длинноносый, длиннохвостый бурый пес-дворняга, преданный и беспощадный. Друзья не расставались ни в радости, ни в горе: Кетту сгонял коров в стадо, Кетту присматривал за ними, пока Сикку дремал в полуденный час, а Сикку делился с Кетту черствым хлебом, являвшимся для обоих и завтраком, и обедом. К хлебу полагалась отменная похлебка из прозрачной родниковой воды и чуть ли не каждый день — вкусный десерт: земляника, морошка, мамура², черника, брусника, черемуха или рябина — в зависимости от времени года. Но эти лакомства Кетту презирал. Сикку запросто мог вообразить себя лесным принцем, однако когда становилось дождливо и холодно, вечерами тосковал по горшку с кашей. О, прекрасный, согревающий горшок! Мальчугану позволялось соскребать остатки с его стенок, а Кетту приходилось довольствоваться тем, что он облизывал ложку и воровал предназначенное кошке Миссе молоко из разбитой глиняной чашки, стоявшей на полу возле лохани с водой. Ему редко удавалось сделать это без боя.

Хозяин усадьбы Анттила был алчным, его жена — скупой, но какое это имело значение для Сикку? Свободный, как вольный ветер, он отвечал лишь за то, чтобы пятнадцать коров благополучно возвращались в усадьбу на вечернюю дойку. Поначалу все шло довольно хорошо, и у Сикку не было никаких других забот в этом мире.

Как-то раз он взобрался на высочайшую вершину горы, покада Кетту присматривал за коровами в долине. С вершины открывался просторный, дивный вид на леса, болота и небольшие озера, среди которых не было и следа

человеческого жилья. Никогда в жизни Сикку не предполагал, что мир настолько велик. У него стало необычайно тепло на сердце, когда он увидел солнце, искрившееся в озерах среди темных ветвей елей; увидел, как одно за другим проплывали по небу облака, сверкая и исчезая в тени, чтобы снова засиять на новом месте. Сикку пел и временами дул в свой рожок. В горах это звучало очень забавно, получилась песенка:

Сипури-гора, ту-ту,
                        фалиду!
В мире огромном нет парня другого,
Чтоб пас коров среди дива такого!
Ту-ту, ту-ту,
                        фалиду!

Во время его пения прямо перед ним на горе неожиданно появилась маленькая горбатая старушка, которая сказала мальчику:

— Все, что ты видишь отсюда, будет твоим, если станешь моим слугой и подчинишься мне.

— Ого! — воскликнул Сикку, рассматривая старуху, которую он узнал: то была троллиха из торпа Алли³.

— Отдай мне белую корову Киммо! — заявила старая карга. — А когда вернешься домой, скажи, что волки задрали ее.

Сикку сделал большие глаза и ответил:

— Нет, я не настолько глуп!

— Тогда пеняй на себя! — пригрозила старуха и тотчас спустилась с горы, прыгая, как ворона.

В долине залаял Кетту. Сикку сбегал вниз и обнаружил, что Киммо утонула в болоте: из зеленой трясины торчали одни рога. Сикку попытался вытащить Киммо, но его сил было недостаточно: он тянул до тех пор, пока совсем не выдохся. Тогда ему пришлось возвратиться в усадьбу с четырнадцатью коровами. Корова-вожак Мансикка мычала, Кетту выл. Сикку рассказал о несчастье, был поколочен и на другой день отправлен в долину без еды.

Теперь он не пел песен, а сидел, грустный и голодный, у подножия горы. Тут к нему подошел бородатый тролль из торпа Алли и сказал:

— Отдай мне черную корову Мустику и скажи, что ее задрали волки, — тогда я наделю тебя угождениями, которые видны с горы Сипури!

— Нет, я не настолько глуп! — сердито ответил Сикку.

— Тогда пеняй на себя! — сказал тролль и кубарем скатился с горы.

Кетту залаял, Сикку бросился к нему и обнаружил на лесном пригорке мертвую Мустику. Она съела какое-то ядовитое растение, и ее нельзя было вернуть к жизни. Сикку с плачем принес в берестяном ведре воды из источника и окатил ею голову Мустики, но это не помогло. Он вынужден был вернуться в усадьбу с тринадцатью коровами и рассказать о случившемся. В этот раз его три дня держали в подполе без еды. На четвертый день мальчика снова

отправили на пастбище с тринадцатью коровами и дали с собой узелок с провизией, но когда изнемогавший от голода Сикку сразу за воротами развязал его, он нашел в нем лишь серый камень.

Сикку погнал коров к горе, поел в лесу ягод и, окруженный своими подопечными, грустно уселся на пенек, опасаясь, как бы не приключилось очередного несчастья. Тут к нему подошла хорошенькая, хоть и косоглазая, дочка тролля из торпа Алли. Она протянула мальчику свежую пшеничную булочку, похлопала его по впалой щеке и сказала:

— Отдай мне бурю корову Мансикку и скажи, когда вернешься к хозяину, что ее растерзал медведь. Тогда получишь пшеничную булочку и все уголья, которые видно с горы Сипури!

Сикку был настолько голоден, что мог бы съесть даже булочку из мха. Он взглянул на лакомство, что предлагала ему хорошенькая дочка тролля, посмотрел на нее саму и вынужден был прикусить свой язык, чтобы тотчас не ответить «да». Но девушка засмеялась, и это рассердило Сикку.

— Нет, — ответил он, — я не настолько глуп!

— Тогда пеняй на себя! — сказала дочка тролля, зашумела, захлопала, словно сорока, и скрылась в лесу.

Сикку испугался новой беды и подбежал к Мансикке, которая только что паслась неподалеку. Но Мансикка уже растянулась на траве, с ее носа соскользнула гадюка, и в следующее мгновение корова умерла от ядовитого укуса. Какой прок в том, что Сикку тотчас убил гадюку? Он вынужден был вернуться в усадьбу с оставшимися двенадцатью коровами и рассказать о несчастье.

— Решай сам, какого наказания ты заслуживаешь! — гневно воскликнул хозяин. — Ты предпочитаешь, чтобы я сунул тебя в раскаленную печь или бросил в глубокий колодец?

— Как хотите, — со слезами ответил Сикку. — Трижды мне сулили все уголья, которые видно с горы Сипури, если я буду красть и лгать, но я не желал этого делать!

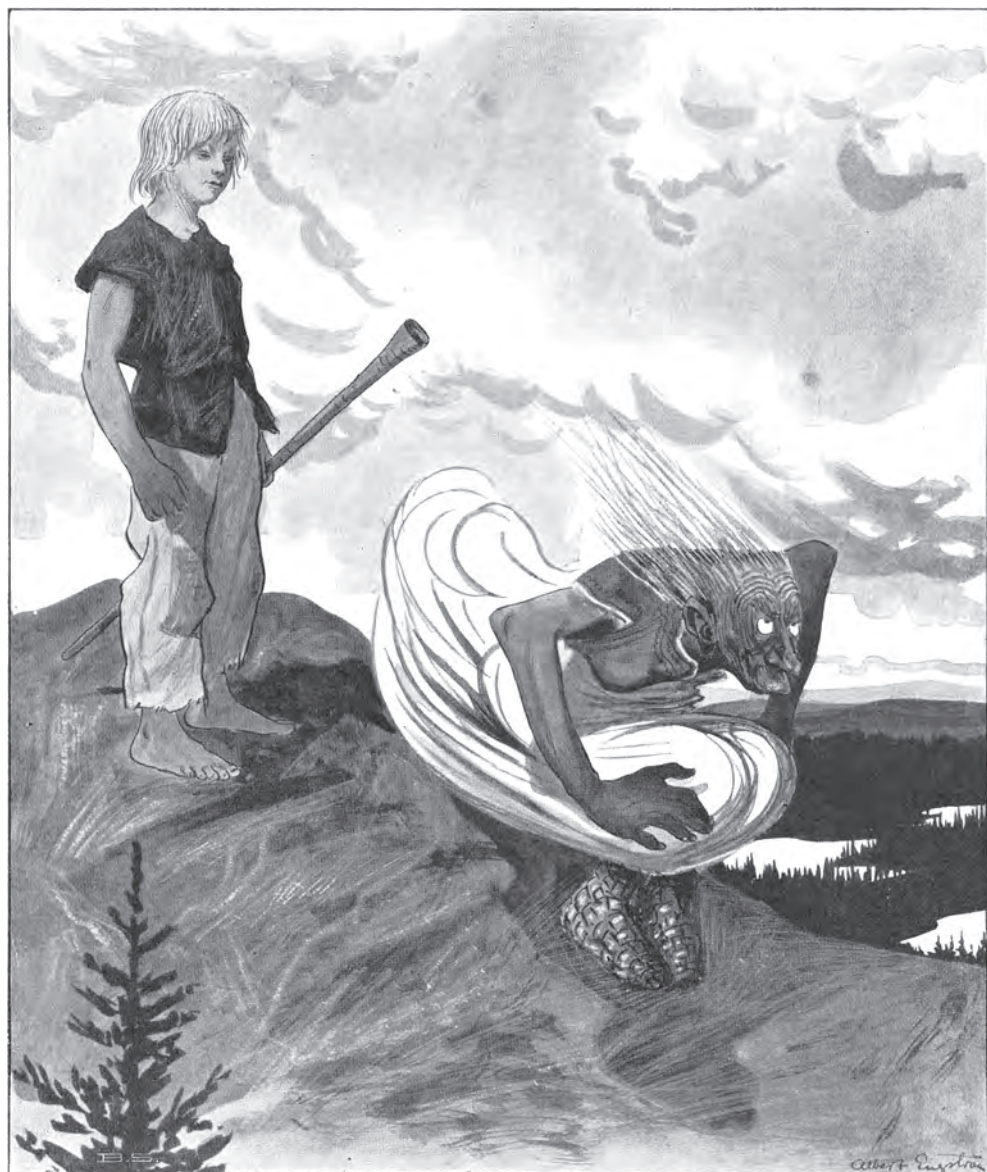
— Вот как? — сказал хозяин усадьбы. — Это мои уголья видно с горы Сипури, и я обещаю отдать их тебе, если ты до следующего полнолуния приведешь мне девять тучных коров вместо Киммо, Мустикки и Мансикки, которые погибли у подножия горы. Но что бы мне сотворить с тобою сейчас? Ты должен быть наказан.

— Свяжи его по рукам и ногам и оставь в таком виде на вершине горы Сипури, — пусть утоляет свой голод, любуясь нашими угольями! — предложила хозяйка усадьбы, которая не могла простить Сикку потерю своих коров.

Хозяину идея понравилась. Сикку связали по рукам и ногам на самой вершине горы, и всем было строжайше запрещено приносить ему еду или питье. К оставшимся двенадцати коровам приставили другого мальчишку, чтобы тот пас их на усадебном лугу, расположенном далеко от горы.

Сикку лежал, связанный и полумертвый от голода. Лес благоухал, озера искрились в лучах солнца среди ветвей елей. Настал вечер, спустилась ночь,

— Тогда пеняй на себя! — пригрозила старуха
и тотчас спустилась с горы, прыгая, как ворона.

пала роса, завел свою песню дрозд, мерцали звезды, месяц смотрел с высоты на несчастного мальчика, и казалось, в целом мире некому было позаботиться о нем.

Однако высоко-высоко над лесом, озерами, росой, дроздом, месяцем и звездами есть Тот, кто взирает на все несчастные существа на земле. Увидел он и бедного Сикку. Господь послал ему верного друга. Кого, если не Кетту? Кетту могла бы достаться каша в усадьбе, Кетту по своему обыкновению своровал бы молоко из разбитой чашки Миссе у лохани с водой, но вместо этого Кетту, несмотря на голод, взбежал на гору, улегся возле связанных ног Сикку и принялся лизать его руки. Мальчик так обрадовался своему другу, что снова почувствовал себя счастливым и довольным, и оба уснули при лунном свете.

Надобно тебе сказать, что в те времена южная часть страны была охвачена военными действиями⁴. В северных землях об этом знали мало и жили спокойно, отгороженные от всего мира непроходимыми лесами, когда к морскому берегу неожиданно пристал вражеский флот и высадилось целое войско, которое рассеялось по стране, опустошая и грабя все на своем пути. Один из таких беспощадных отрядов этой ночью добрался до местности, где жил Сикку, напал на усадьбу Анттила, сжег и разграбил ее, увел весь крупный рогатый скот, а самого хозяина усадьбы захватил в плен. Затем враги разделились, чтобы продолжить свои бесчинства в других деревнях. Несколько казаков оставили охранять пленных и украденный скот до тех пор, пока не станет возможным поднять их на борт корабля.

Рано утром Сикку был разбужен Кетту, который вцепился в ногу какому-то человеку. Двое бородатых, свирепых с виду мужчин поднялись на вершину горы, дабы хорошенько осмотреться и узнать, где еще они могут пожить. Они нашли связанного мальчика и, несмотря на то, что были врагами, пожалели его, освободили от пут, накормили хлебом, отыскавшимся в их ранцах, и увели с собой. Их лошади ждали, привязанные к деревьям у подножия горы. Один из мужчин посадил мальчика впереди себя, а Кетту побежал следом. Всадники скакали галопом до тех пор, пока не очутились на берегу большого озера.

Сюда неприятели свезли награбленное добро и пленных. Но поскольку казакам не терпелось продолжить разбой, они отрядили шесть человек для охраны пленников и добычи, в то время как остальные поехали дальше. Настала ночь, и шестеро казаков побоялись, что под покровом темноты на них нападут местные жители. Поэтому они сели в лодку, взяли с собой Сикку и отплыли на остров посреди озера, где могли безопасно переночевать. Скотину оставили пастись на берегу, а пленников вместе с шестью лошадьми надежно привязали к деревьям.

Сикку лежал между казаками на пустынном острове. Ночь была темная, огромные волны с шумом разбивались о камни, а ветер дул в сторону берега. Бодрствовавший Сикку слышал глубокое, размеренное дыхание утомленных солдат, спавших возле него. Их было пятеро, шестой караулил в лодке.

Сикку тихонько сел и прислушался. Один из казаков разговаривал во сне и размахивал руками. Сикку опять лег, но никак не мог уснуть. Немного погодя он снова сел, а когда все затихло, перешагнул через спящих казаков и спустился к лодке. Даже часовой уснул на своем посту, и спал настолько крепко, что не заметил, как Сикку осторожно отвязал лодку, толкнул в озеро, уселся на корме и позволил ветру отнести суденышко прочь от острова, к суше.

Казак в лодке все еще спал. Мужчина проехал в седле много миль; неудивительно, что он спал, как бревно!

Когда Сикку почувствовал, что лодка стукнулась о берег, он бесшумно выскользнул из нее, вынул из кармана свой складной нож и перерезал веревку, связывавшую пленников. Казак по-прежнему спал.

Пленники не верили своему освобождению. Они последовали за Сикку и связали неприятеля в лодке только что снятой с них веревкой. Лишь тогда казак проснулся, но было слишком поздно, — теперь он сам стал пленником.

— Прикончим его! Отправимся на остров и убьем их всех, пока они спят! — призывал один из недавно освобожденных.

— Нет, — ответил Сикку, узнавший голос своего хозяина. — Лучше забрем награбленное и укроемся в безопасном месте!

— Они сожгли мою усадьбу и отобрали все, что у меня было! — вздохнул бывший хозяин Анттила.

— Они освободили меня от пут и накормили! — возразил Сикку, который казался сейчас взрослым мужчиной.

Большинство согласилось с Сикку. Одни ускакали на лошадях казаков, другие укрыли скот в лесу, и каждый, включая Сикку, взял свою долю из награбленного врагом.

Несколько дней спустя неприятельский флот уплыл прочь. Местные жители вернулись из лесов и горных ущелий, где искали убежища в час опасности. Многие хозяева разоренных усадеб собрались в церкви, дабы сообща решить, что делать дальше и как поступить с шестью пленными казаками — пятеро оставшихся на острове тоже были схвачены.

— Прикончим их! — снова предложили некоторые.

— Нет, отдадим их Сикку! — решило большинство. — Ведь он их поймал!

Сикку передали шестерых пленников, он заручился их обещанием больше не воевать против его страны и отпустил всех на волю — искать своих товарищей.

Хозяин Анттила и его жена обосновались в коровнике, который враги не успели спалить.

— Ах, — вздыхали они в первый же вечер, сидя на пороге своего нового жилища, — если б у нас были наши прекрасные коровки!

В тот же миг их взорам представился спускавшийся по склону лесного холма простоволосый, разутый, раздетый мальчуган, который с помощью бурого пса вел к коровнику девять красивых буренок.

— Не Сикку ли это с Кетту? — воскликнул хозяин.

— Не наши ли это коровы? — взвизгнула его жена.

Да, то были Сикку и Кетту, а с ними — самые настоящие коровы из усадьбы Антила, которых увели враги. Трех казаки зарезали, осталось девять. Их-то Сикку и забрал в качестве своей доли.

— Смотрите, я привел вам девять коров! — крикнул Сикку и хотел было на радостях помахать своей шапкой, но ее у него не оказалось.

— Дорогой мальчик, это и вправду ты? — восторженно воскликнули хозяева усадьбы, обнимая Сикку и поглаживая буренок.

Кетту уже шмыгнул в коровник — посмотреть, стоит ли на прежнем месте у лохани с водой разбитая чашечка Миссе. Кошка зашипела на него, и вражда вспыхнула с новой силой.

— Ты голоден? — спросила Сикку хозяйка усадьбы. Ее мучила совесть.

— Нет, спасибо, — ответил Сикку. — Полнолуние еще не наступило.

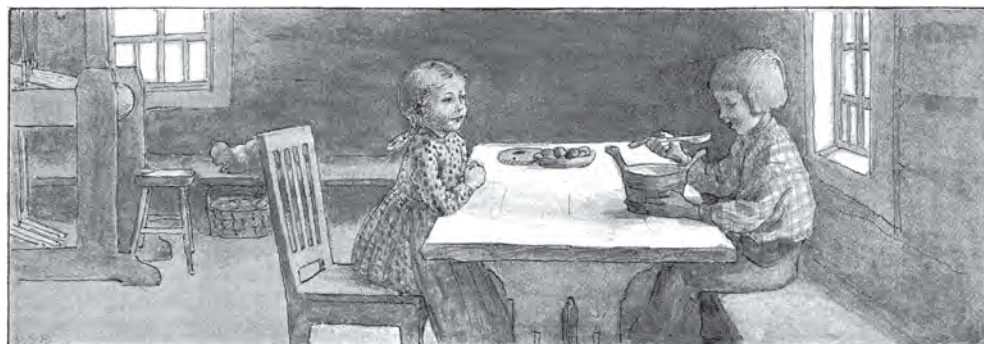
Хозяин усадьбы смущенно почесал у себя за ухом. Теперь, думая о Сикку иначе, он вспомнил свое опрометчивое обещание.

— Слушай, Сикку, — сказал хозяин, — будем добрыми друзьями! На что тебе, такому юному, столько земли? Послужи мне верой и правдой семь лет, и тогда я сдержу свое слово: ты получишь все угодья, которые можно увидеть с горы Сипури.

— Идет, — согласился Сикку.

Семь лет он трудился в усадьбе Антила, вырос и окреп, обзавелся шапкой, рубахой и сапогами, женился на дочери хозяина усадьбы — славной Грете, а в придачу получил не только все угодья, которые можно увидеть с горы Сипури, но и заново отстроенную усадьбу Антила. Когда пришло время, Кетту и Миссе похоронили у подножия горы. О тролях из Алли известно лишь, что на месте торпа теперь воронье гнездо, а на ворон, как говорят в народе, полагаться нельзя.

МАЛЬЧИК, СЛЫШАВШИЙ БЕССЛОВЕСНУЮ РЕЧЬ

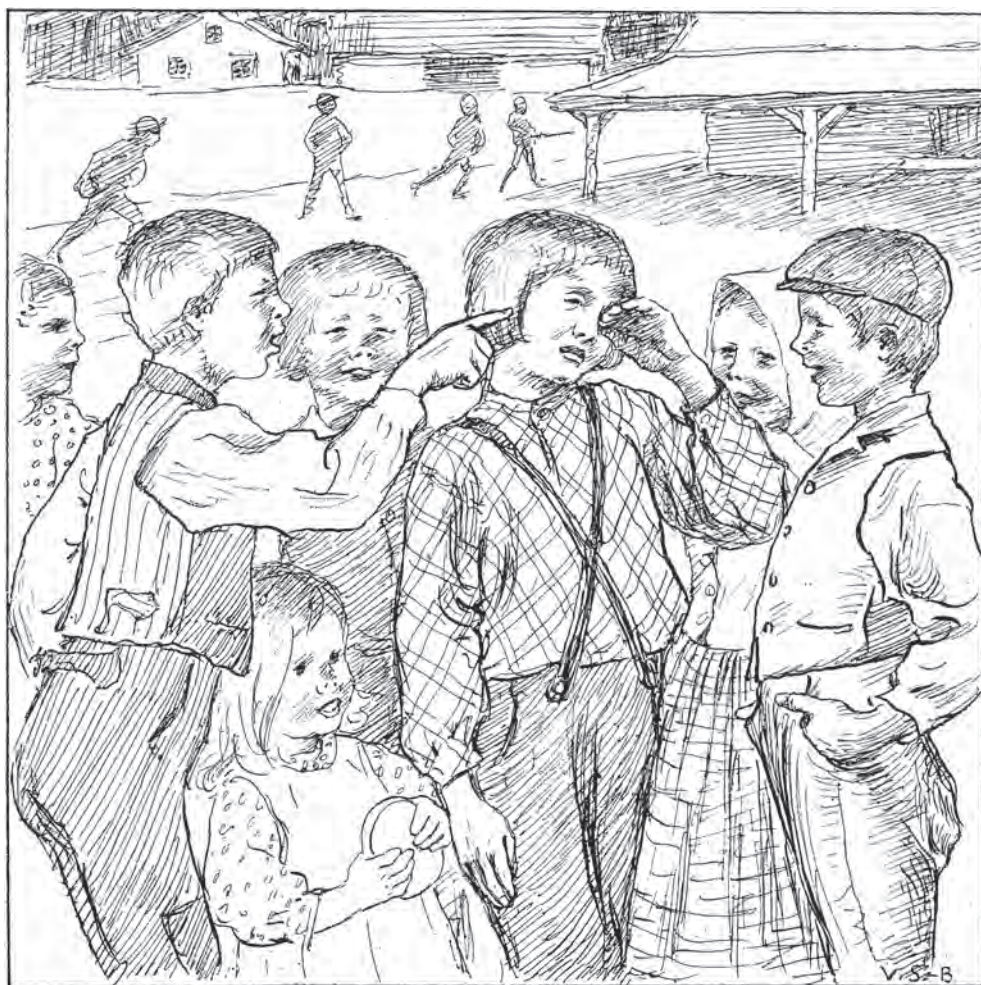
Жил на свете глухонемой мальчик. Его звали Пааво. Он страстно желал овладеть великим искусством слышать и говорить, но не мог. На его глазах прочие дети шевелили своими губами и понимали друг друга, однако Пааво приходилось делать знаки руками. Отец понимал, что он хотел этим сказать, сестренка и брат были еще понятливей, матушка же понимала его лучше остальных. Другие детишки в деревне не разбирали его знаков; они передразнивали жестикуляцию Пааво и смеялись над ним.

Хуже всех был долгоязыый Пентту. Он издевался над Пааво, и когда тот пришел однажды посмотреть, как мальчишки гоняют кубарь¹ на проселочной дороге, Пентту заблеял: «Бе-е-е! Бе-е-е!» — словно Пааво был бараном. Деревенская детвора нашла эту выходку весьма остроумной, однако малютка Лису так не считала. Она отвела Пааво к себе домой и угостила ряженкой, чтобы он не плакал.

Матушка на языке жестов рассказывала Пааво про Всевышнего на небесах, про то, как Он добр ко всем своим созданиям, и особенно к несчастным малышам. Пааво знал, что Господь всемогущ и охотно помогает тем, кто искренне Его о чем-нибудь просит. Однако Пааво также заметил, что когда кто-либо подсоблял батюшке или матушке, ему полагалась за это оплата. И Пааво подумал: «Если б у меня было чем заплатить Господу, я попросил бы его научить меня слышать и говорить».

Пааво уже достиг шестилетнего возраста и ни разу не посетил церкви. Что ему там было делать? Он не понимал проповеди пастора, не мог слышать мессы и псалмы. Но когда рождественским утром отец заложил сани и его сестренка с братом собрались в церковь, матушка решила, что нехорошо оставлять Пааво дома одного.

— Хочешь с нами? — спросила она.

Ясное дело, Пааво хотел поучаствовать в столь необычном развлечении, как поездка в церковь рождественским утром. А поскольку двум другим детям вручили по десять пенни, чтобы положить их в мешок для сбора подаяний, то и Пааво получил свои десять пенни, но матушка позабыла рассказать об их назначении. То была крупная, увесистая монета, гораздо тяжелее одного пенни или пяти пенни, которые Пааво иной раз получал от проезжающих, когда открывал им ворота на проселочной дороге. Пааво решил, что это невероятно огромная сумма денег, он никогда прежде не был столь богат и теперь мог заплатить Господу.

Всю дорогу до церкви он размышлял о том, как бы ему подойти к Всевышнему и сказать: «Дорогой Господь, мне так сильно хочется уметь слышать и говорить, подобно другим людям! А поскольку Ты столь добр и всемогущ

и охотно помогаешь тем, кто просит Тебя, то помоги теперь Пааво, чтобы Пааво мог слышать, о чем рассказывает пастор. Тебе за это заплатят, дорогой Господь, Ты получишь десять пенни».

Потом он снова задумался: «Господь, несомненно, должен жить в церкви, но как мне обратиться к Нему, когда там столько народу? И поймет ли Он мой язык жестов?»

Пааво не находил себе места, однако не мог спросить у других седоков: ведь было темно, они не увидели бы его рук. Он задумчиво сидел и смотрел, как его отец правит. Резвый жеребец Валлакка летел вперед, оглашая звоном колокольчиков горы и холмы. До церкви было добрых полмили пути, однако они неслись, словно кубарь по проселочной дороге. Все заснеженные березки и ели, казалось, бежали навстречу Пааво, а самым удивительным было то, что и луна от них не отставала — луна, которая обычно так медленно трусила по небу.

Они подъехали к церкви. Множество лошадей и саней стояло снаружи; двери были распахнуты, а внутри оказалось до того светло, словно в Царстве Небесном. Облачка пара струились из уст прихожан, словно каждение Господу Богу.

Главный проход был переполнен, и в сутолоке Пааво разлучили с его спутниками. Будучи мал ростом и стиснут толпой народа, он продвигался вперед, сам не зная куда. Вскоре мальчик очутился прямо перед алтарем с его белым покровом, зажженными свечами и прекрасной, величественной алтарной картиной, изображавшей Спасителя на кресте. Внутри алтаря стоял пастор в белом стихаре, расшитом золотом. Бедняга Пааво по простоте душевной вообразил, что пастор и есть Господь, а потому подошел, положил свою монетку на престол и знаками выразил то, о чем так искренне желал попросить у Бога.

Пастор его не заметил: он пел свою мессу и читал молитву, которой Пааво не мог услышать. Мать заметила Пааво со своей скамьи, вышла в проход и увела мальчика с собой. Однако кое-кто еще увидел там маленького Пааво и верно истолковал его жестикуляцию. То был великий, незримый Господь Бог на небесах, который видит все, и который понимал, что познания бедняги Пааво скудны.

Малыш сидел рядом с матерью на скамье и любовался свечами, глазел на пастора и прихожан, рассматривал высокие своды церкви и прекрасные картины. Однако, лишенный возможности что-либо услышать, он взял да и задремал. Тогда Господь послал ему во сне ангела. И ангел обратился к Пааво, но ангелы общаются с детишками не словами, а посредством мыслей. И детки должны помнить, что когда в их сердцах рождаются благие помыслы, это ангел глаголет им.

Так вот, ангел позвал:

— Пааво!

— Я здесь, — откликнулся грезивший Пааво.

— Господь услышал твою просьбу, — молвил ангел. — Ты удостоен способности *слышать бессловесную речь*. Однако же знай, что ни один человек не может отплатить Всевышнему деньгами, ибо Господь настолько богат, что Ему принадлежит весь мир. Потому, когда будешь уходить из церкви, заberi свой пенни с алтаря и отдай его нищей старушке на паперти. Ибо если ты желаешь вернуть Господу мельчайшую толику Его милости к тебе, то станешь любить Его превыше всего на свете и следовать Его заповедям и будешь добр ко всем людям, а также и к животным. Ведь тот, кто по доброте сердечной делится мonetой с бедняком, — одалживает Господу².

Тут Пааво проснулся, поскольку рождественская заутреня подошла к концу и прихожане начали покидать церковь. При этом мальчик вспомнил слова ангела и попросил матушку позволить ему подойти к алтарю. Та решила, что он хочет рассмотреть алтарную картину, и охотно согласилась, дабы сынишка полюбовался столь дивным произведением искусства. Однако Пааво забрал свои десять пенни и вручил их старушке, как и наказал ангел.

Стоило им выйти из церкви и усесться в сани, как началась безудержная скачка, поскольку деревенский люд верил, что у того, кто рождественским утром по дороге домой обгонит всех остальных, летом на поле вымахает самый высокий лен. И многие нещадно хлестали своих лошадок кнутом, но Пааво слышал, как те роптали:

— Зачем ты стегашь меня? Я ведь и так несусь изо всех сил!

Пааво показалось странным, что он слышал и понимал язык лошадей. Мальчик еще не разумеет полученного им дара — слышать бессловесную речь. Однако вскоре его ожидало еще большее удивление.

Было почти восемь часов утра, но снаружи все еще стояла темень, воздух был морозным, звезды ярко сияли на небесах. Тут до Пааво, катившего с семьей по льду, сковавшему безмолвные воды, донеслась прелестнейшая музыка, какой кто-либо из смертных внимал со времен первого рождественского утра, когда пастухи услышали ангельскую песнь, распространившуюся за пределами Вифлеема. Что бы это могло быть? В тот момент Пааво не знал, он ведь никогда не слышал музыки, однако позже понял. То были утренние звезды, прославлявшие Господа.

По воздуху неслись звуки, лившиеся с небес, и находили отклик на земле. Заснеженная гора, замерзшее озеро, все деревья в лесу, белка на ели, синица на изгороди и даже сам белый лед, по которому сани скользили, как по стеклянной крыше, — все говорили друг другу: «Послушайте, как звезды славословят Господа за то, что Спаситель пришел в этот мир! Давайте же присоединим к их хору и наш прекраснейший гимн!»

Пааво слышал это, но понимал ли суть происходящего? Нет, он был голоден, он думал о свежей рождественской булочке, которая накануне так дивно благоухала в печи, а еще задавался вопросом, много ли ветчины достанется ему в рождественский обед. Дома его матушка разогрела на завтрак вчерашнюю кашу, и Пааво услышал, как та сказала деревянной ложке:

— Не съдай до конца, оставь что-нибудь батюшке!

Это позабавило Пааво, потому как было для него понятнее хвалебной песни утренних звезд. Он засмеялся, да так, что каша чуть не вывалилась у него из ложки, и знаками сказал матери:

— Каша говорит: «Оставь что-нибудь батюшке!»

— Каша рассудила справедливо, — ответила мать, — ведь батюшка тоже голоден.

Однако Пааво уже собрался дочиста выскрести миску ложкой, когда услышал внутри себя необычайно отчетливый голос, который словно бы родился в сердце и молвил ему:

— Батюшка так рано проснулся да к тому же отвез тебя в церковь; как у тебя хватает духа съесть его скудный завтрак?

Пааво покраснел от стыда и отложил ложку в сторону. Он осознал, что чуть было не совершил неправильный поступок, но еще не понимал, кто предостерег его. Может статься, ты разбираешься в этом лучше. Господу угодно, чтобы все люди слышали тихий голос, взывающий к ним из их сердец, когда они поступают несправедливо. Это голос *совести*.

С того дня Пааво становилось все более привычным внимать бессловесной речи. Он слышал, как плуг скомандовал камню на поле:

— Посторонись, чтоб я сделал пашенную полосу плодородной!

Ряпушка³ пыталась пробить головой лед и твердила:

— В озере так темно!

Ива укоряла тучу:

— С какой стати ты заслоняешь солнце, из-за чего я не могу покрыться пухом?

Изгородь спрашивала росшую подле нее сосну:

— Можно на тебя опереться, чтоб не рухнуть на землю?

Колодезь грозил бадье:

— Если еще раз ударишь меня в бок, навверх не вернешься.

Голубая анемона просила ногу Пааво:

— Будь добра, не затопчи меня насмерть!

Клюква подбадривала руку Пааво:

— Ну же, собирай меня! Я не такая уж и кислая, если добавить немного сиропа.

А шапка предупреждала голову Пааво:

— Вздумаешь бросить меня в ручей, и я убегу от тебя.

С наступлением лета Пааво услышал, как трава на лугу зашелестела:

— Теперь-то я разрастусь!

Поле просило канаву:

— Душенька, удели мне немного воды, я изнываю от жажды!

Лес внушал пожог⁴:

— Смотри за огнем, не то опалишь мою шевелюру!

Озеро спрашивало лодку:

— Тебе нравится качаться на воде?

А огромная, протяженная страна, родина Пааво, зывала к солнцу небесному:

— Любезное солнышко, твори вечернюю молитву, отправляясь на покой, и проси Господа, чтобы на завтра, взойдя в небеса, ты давало достаточно тепла и одаривало процветанием и хлебобородами моих ненаглядных деток!

Пааво настолько привык ко всему этому, что произошедшая в нем перемена совсем перестала казаться ему чем-то необычным. Мальчик удивлялся лишь, слыша голос совести. Всякий раз, когда он испытывал искушение сделать что-либо дурное, совесть предостерегала:

— Это *неправильно*!

А по вечерам, после того как Пааво был послушен и трудолюбив, кроток и услужлив, совесть одобряла:

— Это *правильно*!

Хуже всего выходило, когда мальчик собирался солгать; тогда он слышал, как совесть плачет. Если же другие были добры к нему, а он отвечал неблагодарностью, ему приходилось слушать, как тихий голосок внутри него заходится в рыданиях. Этого Пааво вынести не мог. Мальчику приходилось быть справедливым, благодарным и добрым ко всем, иначе ему не дал бы покоя надоедливый голос, непрестанно предостерегавший, порицавший или одобрявший все, чего бы он ни делал.

Пааво интересовало, слышат ли и другие люди внутри себя странный голос наподобие этого. Мальчик предполагал, что таковым наделены все, только он до того глубоко спрятан под грубошерстной курткой батюшки и шерстяной фуфайкой матушки, что Пааво никак не мог его уловить. Однажды ему припомнился случай, когда долговязый Пентту бросил кошку в колодезь и наклонился, чтобы наблюдать за тем, как она тонет. Неожиданно Пентту сам сверзился туда и непременно разделит бы участь кошки, если б Пааво с превеликим трудом не опустил ему тяжелый оцеп⁵ и не выручил из беды обоих. В тот момент Пааво показалось, что он услышал, как совесть Пентту сказала:

— Вспомни, как часто ты издевался над беднягой глухонемым, а теперь он спас твою жизнь!

В другой раз Пааво словно бы услышал, как заговорила совесть Лису. У девочки была курица, которую она очень любила, и Пааво соорудил возле курятника большую, тяжелую ловушку для крыс, поскольку те повадились лакомиться куриными яйцами. Однажды утром курочка Лису засеменила из курятника на поиски чего-нибудь вкусенького, а когда Пааво заглянул в ловушку для крыс, хохлатка лежала там мертвая и совершенно раздавленная. Неудивительно, что Лису огорчилась и рассердилась, да так, что хотела поколотить Пааво. Но в тот же миг Пааво услышал, как совесть Лису молвила:

— Чем заслужил побои этот добрый мальчик, желавший помочь тебе и уберечь яйца от крыс?

Лису устыдилась самой себя, обняла Пааво за шею, успокоила его и сказала:

— Не грусти, Пааво, ведь я понимаю, что ловушкой для крыс ты хотел принести пользу.

Пааво подрос и стал отроком. Господу было угодно, чтобы пастор устроил в деревне домашний экзамен⁶ и обратил внимание на бедного невежественного паренька. А вскоре после этого в городе учредили школу для глухонемых детей⁷, куда пастор определил Пааво. Там юноша научился читать и писать, получил более ясное представление о своем бессмертном Отце на небесах и Сыне Божьем, нашем Спасителе, чем тогда, когда был настолько мал и неразумен, что полагал, будто может расплатиться с Господом десятью пенни. А кроме того, Пааво смог обучиться хорошему ремеслу. Он был прилежным, порядочным и способным и вскоре сделался таким искусным столяром, что в целом приходе не нашлось бы того, кто умел бы мастерить такие красивые стулья и аккуратные столы, как Пааво. Все любили его, потому что он был добрым и честным человеком, неизменно милосердным и справедливым. Пааво хорошо знал, кому он обязан всем этим, и благодарил Господа за совесть — Божий голос в человеческом сердце.

Обзаведясь собственной мастерской, столяр счел, что не сможет найти себе жену лучше Лису, если только Лису не против выйти за него, беднягу глухонемого. Однако Лису не сказала «нет», она знала Пааво и понимала,

что может обрести мужа, который окажется менее молчалив, но при этом никогда не будет лучше столяра. Они поженились и сделались необычайно счастливы. Все их дети могли слышать и говорить; родители, братья и сестры Пааво и Лису часто навещали их, а матушка столяра, видя на столе горячую кашу, спрашивала маленьких внуков:

— Разве вы не слышите, как каша говорит ложке: «Не съдай до конца, оставь что-нибудь батюшке»?

При этих словах Пааво покатывался со смеху и отвечал знаками так же, как прежде отвечала ему его мать:

— Каша рассудила справедливо!

Однажды к нему явился жалкий, пропитый оборванец и попросил приюта в мастерской. То был Пентту. Пааво взял его к себе в услуженье, обучил ремеслу и радовался, что Пентту стал наконец порядочным человеком.

Ну что еще можно рассказать о Пааво? Пожалуй, то, что когда человек искренне просит о чем-нибудь Господа во имя Христа, как учит нас Слово Божье, он всегда может быть уверен, что Всевышний услышит его молитву. Однако Господь не всегда исполняет то, чего мы хотим; Он дает нам взамен нечто лучшее. Неудивительно, что бедный глухонемой мальчик попросил Господа научить его слышать и говорить. Это два великих Божьих дара, за которые все, кто получил их, должны благодарить и прославлять своего Создателя. Однако Господь вместо них удостоил Пааво тем, что было даже лучше умения слышать и говорить, а именно — способностью *слышать бессловесную речь*, что в случае с Пааво означало беспрестанное и ничем не нарушаемое выслушивание голоса совести. Когда Пааво посредством такой вот Божьей благодати сделался порядочным человеком, для него это было лучше, чем, умея говорить и при этом столько не услышав в мире, стать разгильдяем, как Пентту.

Но если тебе удивительно, что Пааво, будучи глухонемым, слышал бессловесную речь леса, озера, звезд и всего прочего на свете, то знай, что тут нет ничего необычного, ибо это слышат почти все дети. Когда ты играешь с куклами или камушками на горе, и сосновые шишки изображают твоих коров, а палочки — гостей, ты ведь всегда слышишь, как они беседуют и отвечают. Таким же манером березка могла бы разговаривать весенним вечером, а брусника на пригорке — желать тебе доброго утра. Все это — самые обычные вещи.

Павло хорошо знал, кому он обязан всем этим, и благодарил Господа за совесть — Божий голос в человеческом сердце.

ПОРТНОЙ, ЧТО СТАЧАЛ ФИНЛЯНДИЮ СО ШВЕЦИЕЙ

Случилось это лет тридцать тому назад или больше, точно не помню, только презабавная вышла история. Тикка звали его — ну, того самого портного, известного тебе, маленького добродушного паренька, который жил в Картанонкюля, в нескольких милях от Бьёрнеборга¹. Старая, ветхая лачуга, вон там, на морском берегу, служила ему жилищем. По правде говоря, прежде она походила скорее на воронье гнездо, а теперь выкрашена красной краской и щеголяет прямыми углами, крышей из дранок и занавесками на окнах. Все на свете изменяется, и хорошо если в лучшую сторону.

Тикка был деревенским портным, и притом искусным, который так хорошо умел пришивать пуговицы, что они не отрывались даже когда какому-нибудь почтенному крестьянину случалось плотно пообедать кашей с блинами. К тому же Тикка был славный молодой человек, которого все любили, работающий и веселый, степенный и трезвый, так что лучшего портного трудно было себе представить. Но бедняга имел только один недостаток, да и то не по своей вине: был он самым крошечным человеком во всей деревне, такого маленького роста, что доходил долговязому Пистари лишь до пояса, на котором тот носил нож. Уверяли, будто богатый хозяин усадьбы Анттила однажды взвесил Тикка на безмене: в нем было тогда ровно столько весу, сколько в дворовой

собаке. Правда ли это, не могу поручиться, но только был он мал, мал и тщедушен, а все-таки умел постоять за себя. Он не струсил бы перед волком в лесу, в обществе же людей был прямодушным веселым малым, который смеялся вместе с теми, кто подшучивал над ним по поводу его маленького роста. Только бы эти шутки не выходили за рамки дозволенного, поскольку Тикка при всем своем добродушии был не из тех, кто терпит что угодно. Однажды Харьюс Мортен, рослый и сильный парень, осмелился сказать, будто бы Тикка украл два локтя² сукна от куска, из которого шил Мортену куртку, и вот его-то маленький портной выгнал поленом из горницы так, что Мортен, не успев опомниться, очутился на четвереньках в сугробе.

И еще один человек терпеть не мог Тикка. То был Никку, деревенский музыкант, не желавший иметь соперников. Тикка наигрывал на гармонике так же бойко, как Никку пиликал на скрипке. Тикка купил свой инструмент в городе за три марки и, имея хороший слух, быстро научился разным песенкам и музыке для танцев. Когда деревенские ребятишки в воскресенье после обеда гоняли кубарь³ на проселочной дороге, а девушки веселились на лужайке возле лачуги портного, он сидел на пне у берега и наигрывал так, что даже кусты можжевельника пели. Музыка выходила хоть куда, да такая складная, что все ноги двигались, как по нотам, а кубарь жужжал точно по команде, и даже красный петух старухи Вииттала так хлопал крыльями, словно собирался взлететь. Никку сидел багровый от зависти и канифолил свой смычок, ожидая, что его покорнейше попросят сыграть какой-нибудь головокружительный танец, но никто и не думал кланяться ему, всем куда больше нравилась гармоника портного.

Вот так-то однажды летним вечером Тикка сидел и играл для деревенских девушек, когда портному вдруг пришло на ум, что ему уже стукнуло тридцать лет, что он скопил пятьсот марок своей проворной иглой и мог бы содержать жену. Отчего бы ему не жениться? Правда, девушки иногда подшучивали над весельчаком-портным, но все-таки любили его. Оставалось только сделать удачный выбор, и Тикка не стал долго думать. У него уже были две девицы на примете: самая маленькая и самая высокая во всей деревне; одну из них он должен выбрать. Крошечная кареглазая Майу Вииттала была ростом не выше самого Тикка, их связывала крепкая дружба с тех самых пор, как девочке исполнилось семь лет и он сшил ей из тряпок куклу в нарядной красной юбке и шелковой шапочке. Рослая же светловолосая Нилла Анттала была столь висока, что Тикка как раз доходил ей до тесемок передника, когда стоял, выпрямившись, но их тоже связывала крепкая дружба.

Тикка сделал свой выбор, и вышло так, как обыкновенно случается на свете. Маленьким парням нравятся высокие девушки, они воображают, что это придает им солидности. Тикка решил посвататься к Нилле: что-нибудь да значило иметь такую важную жену, да и богата была она в придачу. Портной нарядился в праздничное платье, вставил цветок подсолнечника в петлицу, взял с собой сватом торпаря Лейвонмяки⁴ — Лейвонмяки задолжал Тикка

тридцать марок за новую суконную куртку — и отправился воскресным утром в усадьбу Анттила. Сват, как и положено, изложил свое дело в длинной напыщенной речи. Если верить ему, то во всем приходе не было такого молодца, как маленький портной. Хозяин Анттила молча выслушал эту пространную речь, выколотил свою трубку об шесток, затем разразился веселым смехом и ответил, что Тикка мог бы сам попытать счастья у Ниллы: она как раз хотела комнатную собачку, которая умела бы прыгать через палку, а Тикка годился для этого, как и всякий другой.

Тикка не обратил внимания на его слова и пошел сам, без свата, делать Нилле предложение. Девушка посмотрела на него с высоты своего роста, точно колокольня на стог сена, похлопала, как мальчишку, по плечу и спросила, улыбаясь, что он готов сделать, чтоб заслужить ее благосклонность.

— Все! — ответил Тикка.

— Хорошо, — сказала Нилла, — мне хотелось бы иметь мягкий ковер для саней, когда я поеду в церковь. Поймай четырнадцать лисиц, сшей мне из шкур хороший ковер, и я подумаю о твоём предложении.

Тикка был ловкий охотник, он расставил капканы с отравленным кошачьим мясом для приманки и в скором времени поймал четырнадцать лисиц, сшил из их шкур ковер и отнес его Нилле.

— Это хорошо, — кивнула она, — но мне необходимо еще свадебное покрывало, оно должно быть особенно изящно и составлено из красивых перьев. Поймай триста дятлов — тебя ведь зовут Тикка¹, — сшей из их хвостового оперения покрывало, и я подумаю.

Что ж, Тикка пошел и поймал триста дятлов, сшил из их хвостов мягкое, как шелк, свадебное покрывало и принес его Нилле.

— Покрывало, правда, недурно, — сказала девушка, — но пойми, я должна очень нарядно одеться, чтоб пойти к венцу. Пойми жемчужных раковин в речках и собери мне настоящее жемчужное ожерелье, которое в два ряда обвил бы мою шею, и тогда я подумаю.

Тикка посмотрел на Ниллу снизу вверх так, как стог сена смотрит на колокольню, задумался немножко, потому что эта задача была похитрее двух прежних, но затем все-таки пошел исполнять поручение. Два прекрасных лета маленький портной не показывался в деревне. Он копался, как угорь, в речном иле, точно искатель золота промывал песок со дна озер и наконец собрал нитку настоящего жемчуга, которая два раза обвила бы шею девушки. С этим ожерельем явился он к Нилле.

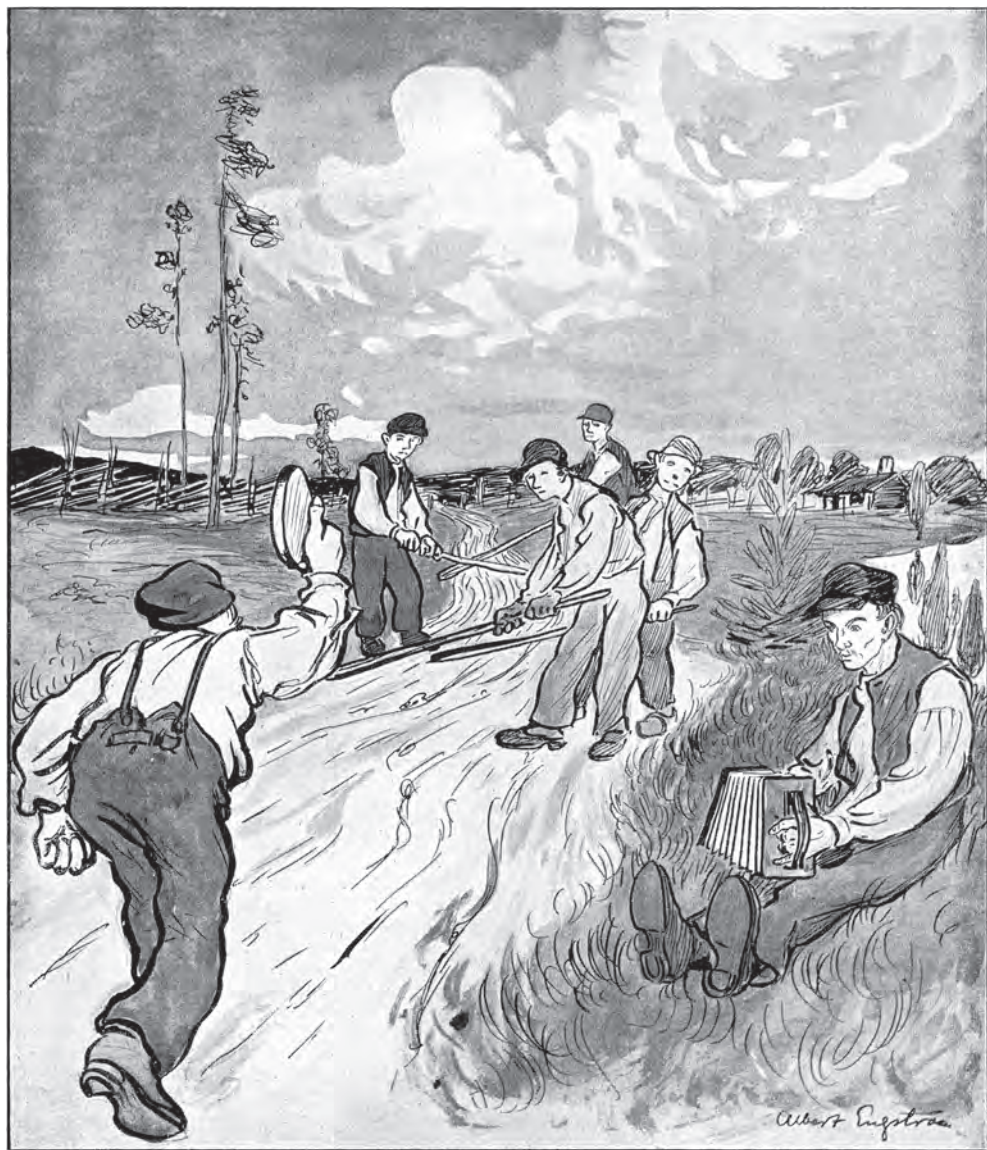
— Согласна ли ты теперь подумать о моем предложении? — спросил портной.

Нилла взвесила ожерелье на руке, примерила его, обвив вокруг шеи, и наконец ответила:

— Спрошу-ка я теперь отца.

¹ Тикка означает по-фински «дятел». (Примеч. автора.)

Когда деревенские ребяташки в воскресенье после обеда гоняли кубарь на проселочной дороге... он сидел на пне у берега и наигрывал так, что даже кусты можжевельника пели.

И стали отец с дочерью советоваться, как бы им избавиться от назойливого жениха.

— Тикка, — сказал хозяин усадьбы Анттила, — ты малый не промах, ты старателен и настойчив и можешь совершить еще великие дела. Так вот, видишь ли, есть у меня сестра, она замужем в Швеции, и мне очень хотелось бы знать, как ей там живется, но слишком далеко и трудно добираться туда морем. Благо ты такой искусный портной, так вот стачай Финляндию с Швецией через Ботнический залив, чтобы мне, не переплывая море, поговорить с сестрой, и тогда я отдам Ниллу тебе в жены.

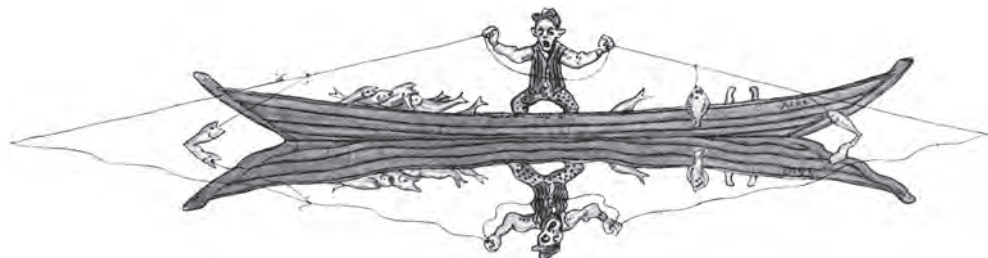
Тикка опять призадумался, стог сена еще раз взглянул вверх на колокольню, но стог этот был вовсе не глуп: он отлично понял, что значит подобное поручение. Портной подумал еще немного, стиснул зубы и ответил, что он, дескать, попытается.

Немного погодя Тикка составил план. Он побывал у всех старух в деревне и заказал им длинную рыболовную снасть. Старухи пряли и пряли целую зиму. Наконец они направили так много и такие большие связки прочной снасти, что никакая лодка не могла их поднять. Портному пришлось нанять для этого баржу. И вот однажды прекрасным летним утром он привязал один конец снасти к сосне на финском берегу, с тем чтобы закрепить другой конец на шведском. Но чтоб извлечь пользу из своей затеи, он приобрел пятнадцать тысяч рыболовных крючков и нацепил на них наживку из салаки. В таком виде его снасть должна была дать ему обильный улов.

Вот Тикка поплыл на барже и стал выкидывать свою снасть. Погода ему благоприятствовала: целую неделю море, обыкновенно бурное, было спокойно, точно простокваша, и его выдумка удалась как нельзя лучше. Через несколько дней Тикка привязал другой конец своей длинной снасти к сосне на берегу Швеции. На обратном пути он снимал с крючков попавшуюся рыбу и нагрузил свою баржу таким количеством лососей, трески, камбалы, щук, бычков и окуней, что по приезде в Бьёрнеборг Тикка устроил целую рыбную ярмарку, и его снасть окупилась с лихвой.

Смышленный портной не мешкая наведалься в усадьбу Анттила и заявил хозяину:

— Здравствуй, тестюшка! Я стачал Финляндию со Швецией; отдай теперь Ниллу за меня!

Анттила немало удивился, однако был он хитер да пронирав и тотчас на-шелся, что ответить:

— Все это прекрасно, и я верю, что ты соединил нас со Швецией, но все-та-ки недостает еще одного: ведь не могу же я с помощью твоей снасти разузнать, как поживает моя сестрица.

— Как ее зовут и где она живет? — спросил Тикка.

— Моя сестра, мадам Андерссон, живет в городе Эрегрунд, прямо напро-тив нас, на том берегу. Ты бы закинул ей крючок — глядишь, она и попадется на твою снасть.

— А если я соединю нас со Швецией так, что дорогой тестюшка сможет спросить, как поживает его сестрица и получит ответ, получу ли я тогда Ниллу себе в жены?

— Это решено и подписано, и свадьба может состояться в будущее Михай-лово воскресенье, — с довольной усмешкой отвечал Анттила, уверенный, что снова перехитрил портного.

Тикка пожелал, чтобы хозяин при свидетелях подтвердил свое обеща-ние.

— Хоть при двадцати, — согласился старик. — В доме полно народу, что вернулся из церкви.

И он со смехом рассказал всем присутствующим о своем обещании.

Харьюс Мортен, который имел виды на Ниллу и не случайно оказался в Анттиле, сказал Никку, музыканту:

— Подкараулим портняжку, когда он придет свататься к Нилле в Михай-лово воскресенье. Тогда я уведу ее прямо у него из-под носа, а ты выпрово-дишь его свадебным маршем.

Ясное дело, Никку был не прочь принять участие в такой забавной затее, и оба недруга портного условились встретиться в назначенное время.

Тикка ходил мрачный, как туча, и все ломал голову, что ему теперь делать. Не мог же он, в самом деле, выловить своей снастью какую-то мадам в Эрегрун-де или переплыть море, посадить ее на крючок и притащить сюда. Но Тикка слышал об одном новом удивительном изобретении, называемом *телеграфом*, посредством которого люди могли переговариваться на длинные расстояния по проволоке. Если бы ему удалось провести такую проволоку до Швеции, то его дело было бы выиграно. Для предприимчивого портного, который уже связал две страны пеньковым канатом, не было ничего невозможного. «Еще один стежок!» — подумал Тикка.

Он решил отправиться в Або, чтобы узнать, как ему взяться за дело. «Не могу же я спросить и получить ответ через свою снасть, — думал порт-ной. — Телеграфом, верно, называют какую-нибудь сквозную трубку».

Тикка пришел в Бьёрнеборг, наведася в Раумо⁵ и спрашивал у всех по-падавшихся ему по дороге портных, что такое телеграф. Некоторые отвечали: это колдовство. Другие говорили: это черные кожаные шары, которые под-нимают на шест. Ибо во времена, когда сюда нагрянули вражеские корабли

англичан, по берегам выставялись шесты с черными шарами, чтобы дать знать о приближении неприятеля.

Тикка двигался дальше, пришел в Нюстад и опять стал расспрашивать своих товарищей портных. Один из них сказал ему:

— Сходи-ка в гавань, там пришвартован один пароход, который завтра выйдет в море с телеграфом на борту.

Тикка пошел в гавань, нашел пароход и увидал большие круги сложенной витком медной проволоки, которую готовились опустить в море.

— Можно мне поплыть с вами? — спросил Тикка.

Случилось, что капитан парохода был в хорошем расположении духа, он посмотрел на маленького, тщедушного портного и сказал:

— Ты годился бы вместо поплавок для кабеля. Держу пари, что ты плаваешь на воде не хуже пробки.

— Я так же хорошо плаваю на воде, как всякий другой делает это в лодке, — ответил Тикка. — Я портной и однажды уже стачал Финляндию со Швецией.

— Вот и отлично! — воскликнул капитан. — Если ты такой молодец, то плыви с нами, сможешь тогда во второй раз проделать этот подвиг.

Тикка приняли на пароход и позволили помогать при разматывании проволоки. Пароход направился на запад, плыл то в тихую погоду, то во время сильного волнения, и телеграфный кабель погружался в море по мере того, как продвигались вперед. Работа была нелегка, и искусный портной пришлось как раз кстати. Когда пароход шел тихим ходом, кабель ложился легко, но случалось, налетала буря, и тогда пароход с такой силой несло вперед, что круги проволоки дымились от трения, и казалось, кабель вот-вот оборвется. Тикка неустанно следил за ним: он усердно трудился над еще одним своим великим портновским стежком, и работа эта шла у него так же ловко, как английская иголка в коленкоровую подкладку. На третий день весь кабель был уложен, и Швеция так крепко сшита с Финляндией, что шов этот держится и по сей день.

— Как хорошо мы сделали, что взяли портного с собой! — сказал капитан. — Ты молодец, Тикка, и заслуживаешь награды. Скажи, чего ты хочешь?

— Я прошу, — ответил Тикка, — чтобы мне позволили первому телеграфировать из Нюстада в Эрегрунд.

— Будь по-твоему, — был ответ. — В столь скромной просьбе отказать нельзя.

Пароход вернулся в Нюстад, и Тикка телеграфировал оттуда: *«Хозяин усадьбы Анттила спрашивает, как поживает его сестра, мадам Андерссон, в Эрегрунде?»*

Через некоторое время пришел ответ: *«Мадам Андерссон кланяется и благодарит. Она подавилась лососьей косточкой и только что вернулась от доктора, но теперь она здорова и пригласила мадам Рёрстранд на чашечку кофе».*

— Засвидетельствуйте эту телеграмму, а также и то, что я телеграфным кабелем стачал Финляндию со Швецией, — попросил Тикка капитана.

Свидетельство было дано, и Тикка отправился домой в Картанонкюля. Когда он проходил мимо торпа Вииттала, Майу мыла в ручье бидоны из-под молока. Она была так весела и прилежна, так грациозна и опрятна в своей бедной одежде и смотрела такими добрыми преданными глазами на портного, когда он шел по дороге, весь в пыли и в поту!

— Ах, до чего ж у тебя усталый вид! — воскликнула девушка. — Не хочешь ли освежиться и выпить немного кислого молока?

Тикка не возражал, и Майу принесла ему целую кружку прекрасного, освежающего кислого молока, — ведь у них на торпе была корова.

— Откуда ты идешь? — спросила она.

— Из Нюстада, я стачал Финляндию со Швецией и вот теперь иду условиться насчет оглашения в воскресенье нашей помолвки с Ниллой из усадьбы Анттила.

— Да, я знаю, — вздохнула девушка. — Счастья тебе, дорогой Тикка! У тебя будет богатая невеста.

— Слушай, Майу, — спросил портной, — посватайся кто-нибудь к тебе, стала бы ты требовать от жениха в подарок ковер из лисьих шкур, покрывало из птичьих хвостов и ожерелье из настоящего жемчуга?

— На что мне все эти побрякушки? — возразила удивленная Майу.

— Ну, а посватайся к тебе жених, послала бы твоя мать его, как последнего дурака, бродить по белу свету, чтобы стачать княжество с королевством?

Майу засмеялась.

— Матушка послала бы его почистить свои пыльные сапоги и причесать косматую голову, — отвечала она, шутливо намекая на жалкий вид портного после долгого путешествия.

— До свидания, Майу!

— До свидания, Тикка. Будь счастлив!

Портной вернулся в свою одинокую лачугу и не сомкнул глаз в эту ночь — все о сватовстве думал. На другое утро, а было как раз Михайлово воскресенье, оделся Тикка понарядней, захватил с собою свидетельство и пошел в усадьбу Анттила. Харьус Мортен и Никку уже ждали там, скрипка была настроена для свадебного марша, и все ожидали чего-то необыкновенно потешного, когда Тикка будут выпроваживать с отказом. Одна Нилла не радовалась: отец хотел выдать ее за Харьуса Мортена, которого она терпеть не могла. И девушка думала, что она все-таки была бы счастливее, сделавшись женою маленького добродушного портного.

Тикка храбро вошел в горницу и поздоровался за руку с хозяином.

— Доброе утро, старина! Вот я пришел требовать исполнения обещанного. Все здесь свидетели, что Нилла должна стать моей женой.

— Так-так, — произнес Анттила со своей хитрой усмешкой, меж тем как Никку снова начал настраивать скрипку. — Стало быть, сестрица моя в Эрегрунде попалась-таки на крючок. Славно будет узнать, как поживает эта скромница.

Тикка достал из кармана телеграмму и стал читать: *«Мадам Андерссон кланяется и благодарит. Она подавилась лососьей косточкой и только что вернулась от доктора, но теперь она здорова и пригласила мадам Рёрстранд на чашечку кофе»*.

— Это еще что такое? — воскликнул, побагровев от злости, старик Анттила. Меж тем Никку так сильно натянул струны, что квинта⁶ лопнула. — Как тебе не стыдно насмехаться надо мной?

— Вот мое свидетельство, — сказал Тикка и протянул старику бумагу.

Все столпились вокруг хозяина, чтоб взглянуть на диковинный документ. Харьюс Мортен, который не умел читать, должен был спрашивать других, что там написано. А там было написано, что портной Тикка, так-то и так, соединил две страны телеграфным кабелем через море, что он сам, собственной персоной, запрашивал по телеграфу, как поживает мадам Андерссон, и затем получил нижеследующий ответ. Что оставалось делать изворотливому хозяину Анттила? Он оказался пойманным в собственную ловушку и, не смея оспаривать обещания, данного при многих свидетелях, должен был признать, что у Тикка законные права на Ниллу. Никку спрятал под мышку скрипку с оборванной струной и незаметно скрылся. Но Харьюс Мортен надменно заявил, что не намерен отступать перед таким крошечным дятлом, пусть Нилла сама выскажется, что она думает об этом.

Нилла и в самом деле желала, чтоб выслушали ее мнение, но оно было в пользу портного. Колокольня смотрела теперь нежнейшим взглядом на стог сена и протягивала свои длинные руки, похожие на два флагштока, чтоб обнять портного, но Тикка отступил на шаг назад и сказал:

— Спасибо вам, хозяин, за то, что вы согласны теперь отдать Ниллу мне в жены. Но обстоятельства сложились так, видите ли, что я сам отказываюсь от нее. Я достаточно набегался, как последний дурак, ради нее и ради вас. Она слишком важная птица для такого маленького человечка, как я, отдайте ее тому, кто больше заслуживает этой чести и кто лучше сумеет бегать по свету с вашими поручениями! Прощай, хозяин, прощай, Нилла! Останемся все-таки добрыми друзьями.

И стог сена точно ветром сдуло, а колокольня осталась стоять одна в своем покинутом величии. Народ стал перешептываться и усмехаться; это так рассердило старика Анттила, что он разбил об печку свою лучшую трубку. Беда ведь редко приходит одна.

Вся деревня знала, что Тикка сватался, но не все знали, что невеста получила от него отказ. Велико же было удивление, когда в следующее воскресенье в церкви огласили помолвку почтенного достоуважаемого портного Йошуа Тикка с дочерью торпаря, почтенной, благонравной Марией Вииттала.

— Вот это парочка так парочка — одно конопляное зернышко женится на другом! — говорили люди, одобрительно кивая головой. — Разве конопляное зернышко подходит сосновой шишке, разве могут они ужиться в одном гнезде?

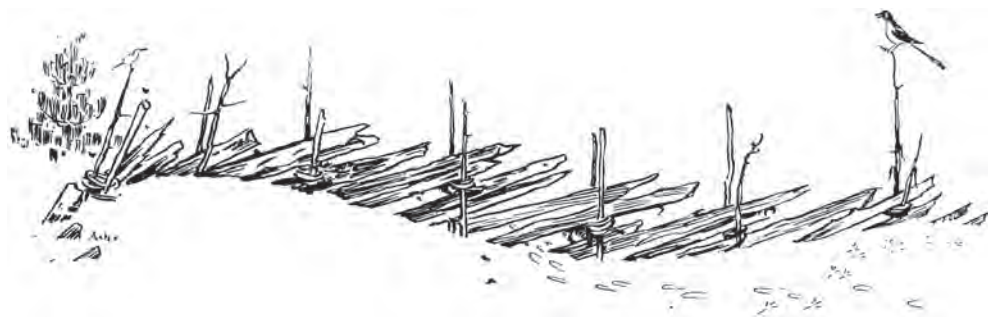
Тикка и Майу составили счастливую пару: они были совершенно одинакового роста и не имели надобности смотреть свысока друг на друга. Кроме того, молодые были одинаково богаты и трудолюбивы. Старую, ветхую лачугу они починили и выкрасили, на окне у них зацвели бальзамины, а три тучные коровы снабжали хозяев молоком и маслом. Нилла же, колокольня, с досады вышла замуж за Харьюса Мортена, и хотя Никку сыграл им свадебный марш, счастья это не принесло. Мортен промотал богатое наследство жены, доставшееся ей после отца, и заложил портному за суконную куртку жемчужное ожерелье Ниллы, между тем как ее покрывало из перьев служило пугалом для ворон, а ковер из лисьих шкур съела моль.

— Не плачь, Нилла, — утешала ее Майу. — Я сшила твоей старшей девочке новую юбку, а в следующее воскресенье приводи к нам вечером своих детей: они смогут сплясать деревенскую польку под гармонику Тикка.

И вышло так, что колокольня в своей нищете стала ниже стога сена, хотя стог сена так и не дорос до высоты колокольни. А когда Тикка и Майу, маленькие да пригожие, точно куклы, семенили по пригорку из церкви, люди говорили:

— Одного покрою парочка!

А Швеция и Финляндия пришиты друг к другу горами на севере, телеграфным кабелем Тикка и еще многим-многим другим⁷.

ДВАЖДЫ ДВА — ЧЕТЫРЕ

Заяц и белка были так дружны между собой, что называли друг друга попросту Косой и Рыжехвостая.

— Здравствуй, Косой! — говорила белка, когда они встречались в лесу.

— Здравствуй, Рыжехвостая! — приветствовал ее заяц. — Ты не слыхала сегодня лая какой-нибудь собаки?

— Кроме пономарева Приссе, никого не слыхала. Но уж Приссе-то меня ни чуточки не беспокоит.

— Ну, еще бы! Кому придет в голову бояться Приссе! — небрежно отвечал Косой. — Да будь он ростом хоть с лошадь!

— Давай-ка пойдем на промысел, — обыкновенно предлагала белка. — Все, что мы добудем, разделим поровну. Я получу ровнехонько столько же, сколько и ты, а ты получишь ровнехонько столько же, сколько и я.

— Ладно, — соглашался Косой.

Сказано — сделано. Друзья отправлялись на промысел и по-братски делили между собой добычу. Когда им попадалась рябина, белка влезала на дерево и сбрасывала красные ягоды Косому; попадалось поле с капустой — Косой отгрызал сочные кочаны и тащил их Рыжехвостой.

Как-то раз на проезжей дороге они нашли четыре яблока. Калле из поместья Нюгорт шел рано поутру в школу и нес на спине сумку. В сумке у него было полкраюшки хлеба, кусок сыру, бутылочка молока и четыре яблока,

которые ему дала мать за то, что он получил хорошие отметки. Только вот сумка оказалась дырявой, и через прореху все яблоки выпали на дорогу.

Тут Косой и Рыжехвостая принялись делить их между собой. Первой взялась за это белка и рассудила так: одно яблоко она отдала Косому, а три оставила на свою долю.

— Нет, постой-ка, — засомневался Косой, — верно ли это? — И начал делить по-своему: одно яблоко он дал белке, а три оставил себе.

— Однако, послушай, — сказала белка, — мне кажется, что так будет не лучше прежнего. — И они думали да раздумывали, как бы это ухитриться разделить так, чтобы обоим досталось поровну.

В это время Калле захотелось полакомиться по дороге яблоками. Он полез за ними в сумку и начал искать, но напрасно. «Они, верно, выпали через прореху», — подумал мальчик и повернул обратно в надежде разыскать свое потерянное сокровище. Вдруг он видит: на краю дороги сидят заяц и белка, а яблоки скатились в канаву.

— Поглядите-ка, да ведь это Косой и Рыжехвостая! — удивился Калле. — Скажите, не видали ли вы моих яблок?

— Да вот мы как раз хотели поделить между собой четыре яблока, — ответила белка, — но только не сообразим, как сделать так, чтобы нам обоим досталось поровну.

— Ну, это совсем просто, — сказал Калле. — Каждый из вас получит по два яблока.

— Ого! — удивленно воскликнули Косой и Рыжехвостая. — А откуда ты это знаешь?

— Как же мне не знать, что дважды два — четыре? Я ведь хожу в школу!

— Вот удивительно! Так в школе учат, что дважды два — четыре?

— В школе учат всему, — гордо ответил Калле.

— Подумать только! Ну, а ты, неужели же ты все знаешь?

— Да почти все. Я умею считать до семью семь, но дальше немного сбиваюсь.

Косой и Рыжехвостая не могли вдоволь надивиться такой поразительной учености. Однако они решили воспользоваться добрым советом, подобрали яблоки из канавы и начали делить их по правилу: дважды два — четыре.

— Да ведь яблоки-то мои! — вдруг вспомнил Калле.

— Смотри-ка, он и это знает! — воскликнули Косой и Рыжехвостая. — Да, чего только не знает этот мальчик! А хорошо было бы попасть в школу и сделаться такими же учеными, как и он.

— Пойдемте! — предложил Калле. — Следуйте за мной, я как раз туда направляюсь. Вы можете забраться под скамейку; только, чур, сидите там тихо: в школе шуметь нельзя.

— А собак там нет? — спросил Косой.

— Собак? Вот еще! К чему в школе быть собакам? Впрочем, иногда Приссе с пономаревым Вилле украдкой пробирается в школу, но его сейчас же выгоняют.

— А вдруг он укусит нас?

— Приссе укусит! Да он такой добрый, что только смеется, когда я тяну его за хвост.

— Смеется? — Косой и Рыжехвостая переглянулись. Никогда не слышали они, чтобы собаки смеялись; ну, да чему только не выучишься, когда попадешь в школу! Чего доброго, и они могли бы научиться смеяться.

И вот оба друга решили непременно идти с Калле в школу.

— Мы, кажется, не трусы! — сказал заяц.

Путь не оказался длинным таким хорошим прыгунам. Скоро Косой и Рыжехвостая очутились в школе; им удалось настолько тихо и ловко юркнуть под скамейку, что никто их не заметил. Дети сидели по своим местам; вошел учитель и начал спрашивать урок: сколько будет восемь восемь?

«Вот это немножко похитрее, чем дважды два», — подумали Косой и Рыжехвостая и наострили уши.

Но едва начался урок, как в класс тихонько вошел пономарев Приссе.

По всему было видно, что он привык, что его всегда выгоняют: пес поджал хвост и собирался скрыться под скамейкой. Но вдруг начал чихать, нюхать, ворчать...

— Ты опять здесь, Приссе! — закричал учитель. — Сейчас же убирайся подбру-поздорову!

Но Приссе уже был возле скамьи, где обнаружил нечто весьма подозрительное, и принялся лаять. По счастью, одно из окон было открыто.

И тут началась скачка через столы и скамьи. К неописуемому удивлению детей, в окно выскочили заяц и белка, а за ними Приссе. В классе поднялся переполох, с криками и хохотом все бросились к окну. На этот раз так никто и не узнал, сколько будет восемью восемь.

Косой и Рыжехвостая неслись что было сил к лесу, а вплотную за ними мчался добродушный Приссе. Но, увы, Приссе был теперь далеко не добродушный: хвост у него стоял торчком, язык свесился на сторону, пес даже не лаял, а только издавал какие-то тонкие, визгливые звуки, как это делают собаки, когда нападают на свежие заячьи следы. Погоня продолжалась таким образом до опушки леса. Здесь Рыжехвостой нетрудно было избавиться от беды: в одно мгновение взобралась она на высокую ель и исчезла в ее густых ветвях. Приссе, от которого так неожиданно ускользнула добыча, остановился у подножия ствола ели и начал неистово лаять. Но разве это могло помочь! Рыжехвостая не была настолько глупа, чтобы вылезти из своего убежища. Наконец, налаявшись до одури, сконфуженный Приссе вернулся в школу несолоно хлебавши.

Тем временем Косой мог спокойно искать себе спасения в лесу. Когда все наконец утихло и врага нигде не было видно, оба друга сошлись снова на полянке под можжевельным кустом. Если бы им в самом деле удалось выучиться смеяться, то, наверное, весь лес вторил бы им. Но хотя они этого искусства и не знали, все же умели быть веселы по-своему и презабавно вышучивали свое приключение.

— Мы, кажется, не трусы! — говорила Рыжехвостая и при этом пресмешно передразнивала, как Косой подпрыгивал, удирая от Приссе.

— Нет, а ты слышала, как Приссе визжал? — спросил заяц, немного сконфуженный своим хвостовством. — Никогда бы я не поверил, что Приссе умеет так нежно петь.

— Приссе такой добрый, Приссе только смеется, когда его тянут за хвост, — опять передразнивала Рыжехвостая.

— А мы-то думали, что Калле знает все!

— Положим, в школе можно выучиться многому, хотя это еще не значит, что знаешь все, если тебе известно, что дважды два — четыре.

ГОНЧИЙ ПЕС ВСЕВЫШНЕГО

Только представь себе огромный лес, высоченные деревья, свирепую бурю и маленьких детей, которые вечерней порой не могут отыскать дорогу к родной хижине!

Жилище ветров находилось в Лапландии, у подножия горного хребта Оунастунтури. К вечеру их матушка Стихия как обычно приготовила там кашу для своих сыновей.

— Чем же это надо было увлечься нынче моим пострелам, чтоб так замешкаться? — ворчала она.

Первым, кто явился домой, был Ледяной владыка, Северный ветер.

— Этот всегда приходит аккурат с наступлением сумерек, — пробормотала старуха. — Ну и чем ты сегодня отличился, мой дорогой мальчик?

— Ничем особенным, — ответил Северный ветер. — Я лишь посахарил Лапландию снегом да вымазал красным кончики носов жителей Южной Финляндии.

Вслед за ним пожаловал Облачный владыка, Восточный ветер.

— Что ты сегодня сделал? — спросила старуха.

— Не так уж и много, — был его ответ. — Я малость навел слякоти тут и там, когда расквасил дороги. Пааво Канавщик в Саариярви лишился своего сапога на болоте, а в мельничном желобе¹ Матти Мельника воды оказалось больше, чем требовалось.

Тут вернулся Солнечный владыка, Южный ветер.

— Чем ты нынче занимался? — спросила Стихия.

— Об этом и говорить не стоит, — ответил скромный Южный ветер. — Я благополучно доставил в гавань корабль с грузом кофе из Рио-де-Жанейро и просвистел «Наш край»² ветряной мельницей малыша Улле в Квастбакке.

Последним явился Морской владыка, Западный ветер.

— А чем был сегодня занят ты, сынок? — приступила с расспросами мать.

— Я порол своего синишку Юго-западного ветра за его упрямство и глупость.

— Бедный мой Юго-западный, ты опять был неразумен? Поди сюда и излей душу бабушке, а я положу тебе маслица в кашу.

— Дело было так, — начал Юго-западный ветер, глотая слезы, — я мирно собирал в лесу бруснику и запутался своими крыльями в косматой сосне. Тут я рассердился и так ободрал ее, что она сделалась похожей на сучковатую мачту. Пусть лес знает, как мешать мне!

— Вот оно что, мой мальчик, — успокаивающе сказала бабушка. — И за это ты схлопотал розгу? Иди ко мне, в придачу к каше тебе полагается не только масло, но и сахар.

— Бабуля портит ребят, — встревожено заметил Западный ветер. — Хорошая трепка идет им на пользу, когда они ввязываются в ненужные драки. Вот увидишь, наш храбрец завтра выкинет какую-нибудь очередную штуку.

Настало утро, и ветры вновь разлетелись по всему миру. Юго-западный отправился далеко в море, чтобы избежать ссоры с лесом. Он еще помнил вчерашнюю расправу и вознамерился быть миролюбивым.

Однако, весело танцуя на волнах, он повстречал пароход, полным ходом двигавшийся против ветра.

«Нет, полюбуйтесь-ка на этого наглеца! — подумал Юго-западный. — Он осмеливается мне перечить! Я прочу его».

Ух, как загудел, завыл ветер в дымовой трубе парохода! Храброе судно накренилось на бок, но выровнялось вновь вопреки Юго-западному. Ванты и реи захлестывало пеной, вода вокруг носа бурлила, словно в кипящем котле,

но пароход неуклонно двигался вперед, навстречу ветру. Тут Юго-западный расвирипел, в нем взял верх необузданный нрав, порка была позабыта, он желал проучить суденышко, осмелившееся перечить ему! Ветер почувствовал, что его крылья выросли, и взметнул ими над морем, вспенив его дальше некуда. Теперь отважный корабль, несмотря на упорную борьбу, вынужден был уступить этому могучему, непобедимому морскому орлу. Пароход сбился с курса, его вновь завалило набок, судно хотело развернуться, но потеряло управление и было выброшено на скалы. Там оно и лежало с затопленным машинным отделением, и дальнейшая судьба отважного корабля известна лишь крикливым морским чайкам.

— Потягайся-ка со мной! — взревел Юго-западный ветер, с триумфом устремляясь к ближайшему берегу. Он уже не мог укротить свою неистовую ярость. Сам того не ведая, буян подхватил маленькую парусную лодку, неосмотрительно названную «Гонимая ветром», и, словно горошину, швырнул ее на скалистый островок в заросли можжевельника.

Случилось это двадцать восьмого августа, в четверг. Лиса Мария, десяти лет, взяла с собой своего восьмилетнего братца Калле, чтобы купить у лавочника грифельную доску, поскольку в следующий понедельник должны были начаться занятия в школе. Они уже возвращались домой и выбрали короткий путь через лес, когда Юго-западный ветер налетел на эту местность.

— Послушай, как странно поют деревья! — заметил Калле, когда двое детей шагали по узенькой тропке меж сосен и берез.

— Да, деревья поют на своем языке и прославляют Господа, — сказала Лиса Мария.

— Но разве ты не видишь, как ураган чуть не до земли клонит ту березу? — снова подал голос Калле.

— Она ведь и должна склоняться перед могуществом Господа! — заметила Лиса Мария.

— Верно, но взгляни на ту высокую сосну! Разве она не переломилась пополам? Меня так пугают деревья, Лиса! Давай побежим, чтобы поскорее оказаться дома!

— Глупости, чего ты испугался? Непогоды? Какой бы сильной ни была буря — Господь гораздо могущественнее. И к тому же тебе известно, что Он оберегает нас всюду, куда бы мы ни пошли.

— Да, да, но вон повалилась другая сосна, а там и береза... Смотри, смотри! Это творится по всему лесу!

Перед ними, всего в двух шагах, упала высокая сосна, преградив дорогу своими косматыми ветвями. Бумс! — за ней другая, крак! — еще одна, и так двадцать раз подряд. Все они оказались перевернутыми вверх корнями! Рев непогоды и треск сокрушаемых деревьев заглушили все прочие звуки. Небо заволокло черной тучей, дождь лил как из ведра и сек поверженные кроны. Ураган продвигался по лесу, словно каток, и валил его гордые стволы на землю, будто те были тоненькими тростинками. Позади детей рухнуло дерево,

как раз на то место, где они стояли секундой ранее. Огромная ель упала так близко от них, что своими ветвями сорвала шапку с головы Калле и легонько царапнула Лису Марию по лбу. Третьей была высоченная осина, осыпавшая их песком, когда ее ветвистые корни размером с небольшой дом выворотило из грунта. У детей не оставалось другого выхода, кроме как заползти под поваленную сосну, укрывшую их своим толстым стволом и густыми ветвями.

Калле испуганно всхлипывал, но Лиса Мария была неустрашима.

— Взгляни, как велик Господь Своей властью! — воскликнула она. — Ничто не может противостоять Его могуществу. Разве ты не видишь, как Он на каждом шагу оберегает нас? Почему высокое дерево упало позади нас? Отчего другое дерево упало прежде, чем мы подошли к нему? Стыдно бояться, видя, какая надежная у нас охрана! Шапку твою мы найдем, и грифельная доска, как видишь, совсем не пострадала!

Теперь лес походил на огромное поле боя, покрытое мертвыми и ранеными. Но выбраться из него было нелегко. Повсюду высились груды стволов и поломанных ветвей. Ночь настала раньше, чем дети осмелились покинуть свое убежище, стало темно. Калле безутешно рыдал: неужели им, промокшим, продрогшим и голодным, придется остаться в лесу на всю ночь?

Лиса Мария не теряла мужества:

— Даже если нам придется остаться в лесу на всю ночь, это не смертельно. У нас ведь есть крыша над головой — поваленная сосна — и мягкие ветви, на которых удобно спать. Ежели Господу угодно, чтобы мы провели ночь здесь, значит, вернемся домой утром; а коли пожелает Он привести нас домой сегодня вечером, — Ему и это не составит большого труда. Понимаешь ли, Калле, Господь знает лучше, чем мы...

Видал ли ты когда-нибудь сорвавшуюся с привязи лошадь, удирающую в поле, топча все на своем пути и слепо несясь вперед? Так было и с Юго-западным ветром: дальше, прочь отсюда, пока на тебя не накинули узду! Взбуждаив море и разгромив лес, он принялся срывать попадавшие ему на пути соломенные крыши, рушить печные трубы, бить окна и опрокидывать ветряные мельницы, словно карточные домики. Его не заботили такие пустяки, как дети в лесу. Унесло ли их бурей или придавило деревьями — это значило для него меньше, чем ничего. В конце концов он начал устывать и постепенно утих. После семи часов вечера люди смогли без опаски выйти наружу. Калле уже уснул. Лиса Мария не спала, однако не осмеливалась выбраться в темноту. Между восемью и девятью часами она услышала голоса в лесу и вслед за тем заметила мерцающий огонек.

— Лиса и Калле! Лиса и Калле! — зывали голоса.

Это был их отец с работником, которые, взяв топоры и фонарь, отправились на поиски детей. Они правильно рассчитали, что те воспользовались короткой дорогой через лес.

— Проснись, Калле, батюшка пришел! — радостно воскликнула Лиса. — Ну вот, бедный малыш, теперь ты видишь: Господь знает, что делать!

Да, немало труда стоило пробраться через опустошенный лес, но на что только ни пойдет отец ради своих возлюбленных чад? Пусть ему пришлось прорубать себе дорогу, ползти и перелезать, но детям суждено было вернуться домой, и в ту же ночь они туда вернулись. Нашлась и шапка Калле.

Юго-западный ветер, разметавший море и уничтоживший лес, теперь исчерпал свою ярость и начал подумывать об ожидавшем его наказании в ущелье ветров у подножия Оунастунтури. Поздно вечером он боязливо прокрался в ущелье и тотчас спрятался за бабушкиной юбкой. К его великому удивлению, строгий отец, мудрый Западный ветер, преподал ему такой урок:

— Дикий, безрассудный и самонадеянный мальчишка, разве ты не знаешь, что я могу упрятать тебя в мешок и сунуть под рычажный молот³, дабы хорошенько помять тебе бока за все те безумства, что ты нынче совершил? Но на сей раз это сойдет тебе с рук. Ты порядком набедокурил, но действовал неосознанно, повинуюсь приказу свыше. Ты считаешь себя сильным и могучим, ты кичишься своей победой над морскими волнами, над деревьями в лесу и человеческим мастерством, однако тебе не ведомо, что ты — всего лишь пес Всевышнего, которого Он посылает, промышляя в Своих владениях. То была Его воля, а не твоя. Стыдись своей глупости! Я лишаю тебя крыльев на восемнадцать дней, и проведешь ты их заточенным в ущелье. Твое тщеславие позорно. Однако из содеянного тобой, а именно — из разрушения, со временем выйдет нечто новое и лучшее. Ступай, гончий пес, и воздай хвалу своему господину, который превращает всякое насилие и безрассудство на земле в оружие своей мудрой, милосердной любви!

КАК ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ДОСТАЛИСЬ СЕМИМИЛЬНЫЕ САПОГИ

Жили-были на краю света два тролля. Где находится этот край света — никто хорошенько не знает, но если он и в самом деле где-то есть, то не иначе как у Берингова пролива, где Старый и Новый Свет поглядывают друг на друга. Я там не бывал, но Нурденшёльд¹ говорит, что дотуда-таки порядочно далеко.

Вот тут-то и жили два тролля, два брата, как ходили слухи, хотя трудно было этому поверить. Тот, кого звали Бирребур, жил на мысе Осткап, где кончается Азия, другой же, по имени Бурребир, обретался на мысе Принца Уэльского, где начинается Америка. Пролив между ними был такой ширины, что оба брата отлично могли видеть друг друга своими зелеными кошачьими глазами и пожелать доброго здоровья, когда сосед начинал чихать.

Братья прикидывались добрыми друзьями и плавали один к другому в гости верхом на китах, да так быстро, что вода шумела и бурлила вокруг них. Простора каждому из них хватало, ведь на каждого приходилось по целой части света, однако один не переставал завидовать другому и старался ему досадить. Братья загромождали свои части света горными вершинами, одна выше другой, чтоб с них заглядывать в жилище соседа. Они то подымали бурные вихри в проливе, чтобы иметь возможность бросать песок и мелкие камни друг другу в глаза, то натравливали белых медведей одного на коров другого. А скота у таких важных господ было вдоволь! Вместо свиней у них были мамонты, вместо коров — киты, а вместо баранов — моржи.

В один прекрасный день Бирребур и Бурребир предприняли вместе с малыми троллями увеселительную прогулку на остров Святого Лаврентия, что лежит одиноко в океане немного южнее Берингова пролива. Вокруг них, насколько хватало глаз, спокойно расстилалась блестящая гладь океана, и киты косяками играли на волнах, совсем как уклейки в тихом заливе. Троллям подобная тишь показалась скучной. Чем же им поразвлечься в такую ясную погоду? И вот один стал выдувать из своих ноздрей свистящую бурю, дыхание другого густым туманом нависло над морем. Можно судить, какова вышла потеха, если киты, обыкновенно не подверженные морской болезни, и те сочли за лучшее убраться на полмили в глубь моря, тогда как троллям эта забава показалась необыкновенно занимательной.

Потом они затеяли несколько самых невинных игр: кидали друг в друга огромные валуны, словно ягоды рябины, сшибали ногами целые деревья, складывали из них костер и подпаливали друг другу бороды головешками. После вздумали они помериться силой: пытались сдвинуть горы своими плечами и выпить всю воду из океана. Однако вода ударила им в голову, они принялись бегать взапуски и, забыв, что находятся на острове, шлепнулись один за другим в воду.

— Нет, — заявил Бурребир, отирая морскую пену со своей бороды, — здесь слишком тесно бегать наперегонки. Давай-ка лучше посмотрим, кто из нас поймает солнце!

Эта выдумка показалась троллям удачной. Они решили догнать солнце, схватить его за красный воротник и спрятать в мешок. Какая чудесная тьма окутала бы тогда мир, и никогда не пришлось бы им больше щурить глаза от этого несносного дневного света!

— Давай поспорим на часть света! — закричал Бурребир. — Я догоню солнце, когда оно начнет подниматься из-за горы.

— Не велика хитрость! — возразил Бирребур. — Нужно только лечь спать на горе и встать пораньше, тогда и хватай солнце прямо за воротник. А я так обещаю догнать его там, где оно садится. Думаю, это будет потруднее.

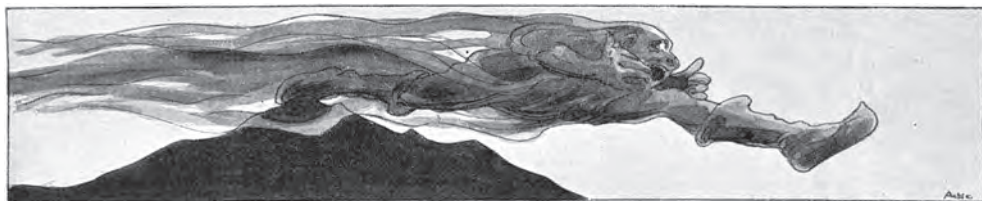
Так и порешили и поспорили на часть света. Затем братья разошлись по домам и надели свои семимильные сапоги. Бурребир соображал так: «Я побегу на восток, через Северную Америку, и если не поймаю солнце на горах Аляски, то наверняка захвачу его на Скалистых горах». Бирребур решил про себя: «Я побегу на запад, через Азию, а уж там ничего не может быть легче, как поймать солнце на большой сибирской равнине — там есть где разбежаться...» И они помчались во весь опор, так что только семимильные сапоги закричали.

Посмотрим, что вышло из этого необыкновенного состязания. Сперва я расскажу о Бурребире. Он побежал, как и хотел, в Северную Америку, через обширную равнину Аляски на восток, к горам с таким же названием, где собирался залечь и подкараулить солнце. Ему ничего не стоило пробежать сотню миль по равнине, но не так-то легко было влезать на высокие горы.

— Уф! — отдышался Бурребир, добравшись до самой высокой вершины. — Нельзя сказать, чтобы это была удобная лестница! Отдохну-ка здесь маленько и буду караулить, когда взойдет солнце.

И он уселся на вершину горы, наскреб и подостлал под себя немного мха, так как не очень-то мягкое ложе представляла собою гора, и — незаметно заснул. Не случилось тут ни будильника, ни утреннего кофе, и вышло так, что когда Бурребир проснулся, солнце стояло высоко на небе и светило ему прямо в глаза.

— Вот как, да ты еще насмехаешься надо мной! — пробормотал Бурребир себе в бороду. — Погоди же, попадешься ты мне в руки завтра утром на Скалистых горах!

Ему ничего не оставалось делать, кроме как мчаться дальше на восток к Скалистым горам и одним махом взобраться на самую высокую вершину. «Теперь я постараюсь не заснуть, — сказал себе Бурребир. — Положу в бороду осиное гнездо, а в каждый семимильный сапог — по муравейнику...»

Сказано — сделано. Легко себе представить, что этой ночью Бурребир не сомкнул глаз ни на минуту. Когда на востоке занялась утренняя заря, тролль лежал уже в засаде, спрятавшись за скалой, чтобы солнце его не заметило, и держал наготове мешок, куда намерен был засунуть дневное светило, словно брюкву, лишь только покажется его красный диск над шероховатой скалой.

— Раз, два, три... — не успел он сосчитать и до десяти, как солнце было уже тут. — Скорей, скорей!

И Бурребир схватил солнце, так что искры затрещали и посыпались во все стороны, да такие горячие, точь-в-точь, когда кузнец начинает ковать раскаленное добела железо.

— Ай, беда! Караул!

Бурребир обжег себе пальцы, спалил бороду, обжег нос и глаза, кувырком, словно мяч, скатился с горы и помчался, сам не зная куда, пока не свалился в большое Медвежье озеро, которые ты можешь отыскать на карте. Там нашел его один американский доктор, который сжалился над беднягой троллем и поместил его в какую-то больницу. Вероятно, Бурребир и по сей день лежит там с пластырем на носу. Он ждет, когда снова отрастет его спаленная борода, чтобы ему не стыдно было показаться малым троллям у Берингова пролива.

Но что же приключилось с Бирребуrom? Вот послушай. В ту пору в Кемпеле, к югу от Усаборга², жил кузнец по имени Пааво, с женою, детьми и учеником, которого звали Ойва. Это было как раз в то время, когда строили железную дорогу и у Пааво в кузнице кипела работа, только успевай справляться.

Однажды вечером, когда кузнец воротился домой усталый после дневных трудов и уселся с детьми за миску каши, Ойва вдруг воскликнул:

— Хозяин, как будто собака скребется в нашу дверь!

— Поди посмотри, — велел Пааво.

Ойва отворил дверь, и в горницу ввалился с мешком на спине старый бородатый тролль, весь в лохмотьях, не очень-то приличный гость для столь позднего времени. Дети закричали от страха.

— Тише, тише, — сказал кузнец, — ты кто такой?

— Я — Бирребур, — отрекомендовался тролль. — Целых трое суток бежал я в семимильных сапогах через всю Сибирь, чтобы догнать солнце, и теперь голоден, как кит. Мне некогда было ни причесываться, ни умываться. В первый вечер солнце забралось на ночлег в реку Лену, на другой — в Обь, а теперь, на третью ночь, оно опустилось как раз за твоей хижинкой. Я думал поймать его здесь, да, видно, оно проскользнуло в слуховое оконце и расположилось ночевать под крышей. Дай-ка мне фонарь, я пойду загляну на чердак!

— Что за чепуху ты городишь? — удивился кузнец. — Бежать вдогонку за солнцем?

— Как ты смеешь называть чепухой самую хитрую из всех моих колдовских выдумок? Я побился об заклад с Бурребиром из-за целой части света; вот у меня с собой и мешок, куда я посажу солнце. Давай сюда фонарь, не то... ты разве не слышал, что я — тролль?

И Бирребур, будто бы в шутку, выбил ногой целую стену в хижине.

— Послушай-ка, — сказал кузнец, — если ты будешь так безобразничать, то я пошлю за ленсманом³, чтобы он потребовал у тебя метрическое свидетельство. Отчего же ты не поймал солнце, когда оно опустилось в Лену или Обь?

— Потому что я не выношу сырости, она вредна для моей бороды.

— В таком случае тебе будет нелегко поймать солнце в нашей деревне. Оно село сегодня вовсе не за моей хижинкой, а опустилось в Ботнический залив.

— Ну, тогда завтра я обегу кругом Ботнический залив и захвачу солнце в Швеции или Норвегии.

— Не тут-то было, дружище, это выйдет для тебя еще хуже, ведь в Швеции и Норвегии солнце садится в Атлантический океан.

— Вот оказия-то! Как же мне тогда быть? — вздохнул опечаленный тролль. — Океан слишком мокр для меня.

— Послушай, что я скажу, — заговорил кузнец, — сперва сделай одолжение, поставь стену на место, а после потолкуем с тобой, как добрые друзья. Да не хочешь ли, старина, поесть с нами немного каши?

Старина почесал у себя за ухом, привел в порядок стену и затем подсел к столу отведать каши. Лучше бы кузнецу не приглашать его, ведь кто не знает, чем дело кончается, когда тролли садятся за стол? Сначала Бирребур съел кашу, чашку и ложку, затем масленку, блюдо с салакой и корзинку с хлебом, а потом и весь стол. Кузнец с удивлением смотрел на него, но, увидев, что тролль все еще не наелся и жадно косится на ребятишек, Пааво счел за лучшее пригласить своего гостя в кузницу.

— Прошу вас, — предложил кузнец, — может быть, там найдется что-нибудь вам по вкусу.

Гость не заставил себя долго упрашивать.

— Да, — согласился Бирребур, — у меня действительно разыгрался аппетит после прогулки через Азию. Покорно благодарю!

Вслед за тем он снова принялся за еду: сперва в его желудке исчезли щипцы, молот, кувалда, затем подковы, гвозди, уголья и под конец кузнечный мех вместо десерта.

«Посмотрим, — подумал кузнец, — будет ли этому чудовищу по зубам наковальня».

— Пожалуйста, без церемоний!

— Нет, спасибо — отвечал Бирребур, — сладкое на закуску! — С этими словами он выбрал из горна несколько раскаленных углей и осторожно, чтобы не опалить бороды, сунул их в рот. — Давненько уже я так славно не ужинал. Если к утру проголодаюсь, то смогу позавтракать кузницей и детьми.

— Да неужто? — сказал взбешенный кузнец.

— Пожалуйста, не беспокойся, за неимением лучшего и это сойдет. Но как же мне теперь, в самом деле, поймать солнце? — со вздохом спросил тролль.

— Это вовсе не мудреная штука, когда имеешь семимильные сапоги.

— Разумеется, не мудреная, если бы солнце не пряталось в воду. Видишь ли, каблук на моих сапогах сделаны из такого железа, которое бежит само по себе.

— Неужто? А можно ли приделать такой каблук к чему угодно?

— К чему хочешь. Все будет бегать само по себе. Но, кстати, я кое-что вспомнил. Каблук на моем правом сапоге отстал, когда я прыгал вчера через Уральские горы. Прибей его хорошенько к утру. Я немножко устал и лягу поспать около горна.

Бирребур стащил правый сапог с ноги, растянулся во весь рост на грязном полу и вскоре так основательно захрапел, как и подобает тому, кто за три дня пробежал всю Азию в семимильных сапогах.

Кузнец стоял в раздумье: «Съесть мою кузницу и детей на завтрак? Нет, голубчик, не выйдет. Ты и без того натворил бед в моем доме. Уж не прибить ли мне тебя, спящее чудовище? Нет, этого я не сделаю, ведь как бы то ни было, а ты — гость в моей кузнице... Или стащить с тебя и другой семимильный сапог и убежать с ними? Вот здорово было бы, но ведь это значило бы украсть, а Пааво человек честный. Знаю, что нужно делать. Пусть сапоги останутся у тролля, я лишь немножечко поколдую над правым каблуком».

— Ойва, ступай к хозяйке и скажи, что я буду сегодня ночью работать в железнодорожной кузнице. Ей нечего бояться тролля: он сейчас спит так крепко, как дохлый еж.

Кузнец взял правый сапог тролля, оторвал каблук и отправился в железнодорожную кузницу, где выковал из обыкновенного железа новый каблук, который и пригнал к сапогу на место прежнего.

«Пусть-ка теперь старое чудовище попрыгает семь миль на одной ноге», — сказал он про себя.

«Так вот как, — думал Пааво, осматривая семимильный каблук, — стало быть, ты сделан из железа, которому нипочем какое угодно расстояние? Ты отлично пригодился бы для паровоза!»

Как раз в эту ночь в железнодорожной кузнице чинили поломанное колесо паровоза. Пааво незаметно прокрался туда и подковал колесо семимильным каблуком.

«Теперь, каблук, ты можешь бегать сколько тебе угодно!» — подумал кузнец и засмеялся.

На другое утро стали испытывать паровоз, — и он побежал сам собой, помчался во всю прыть, так что с ним нельзя было справиться, и ни один тормоз не мог его остановить.

— Что это случилось с паровозом? — недоумевал машинист. — Прежде он тащился, как вол с возом сена, а теперь летит вперед как гудящий шмель.

— Паровозу кажется, что по Улеборгской дороге слишком тихо ездят, вот он и хочет показать, как ездят в Англии, — отвечал Пааво.

— Стой! Стой! — закричал машинист.

И что же? Семимильный каблук оказался настолько вышколенным, что понял команду, вернулся назад и остановился в ожидании дальнейших приказаний.

— Да это самый смысленный и проворный паровоз в мире! — воскликнул восхищенный машинист.

— Как ему не быть проворным, если он может за три дня пробежать через всю Азию, — заявил Пааво.

Когда Бирребур проснулся, на правом сапоге был уже новый каблук, тролль надел сапог и приготовился бежать за солнцем. Но стоило ему сделать первый шаг, как — о, ужас! — левая нога понеслась вперед, словно пушечное ядро, тогда как правая тащилась за ней, точно обутая в обыкновенный смазной сапог. Это оказалось чересчур неудобным. После двух или трех прыжков на одной ноге Бирребур, запыхавшись, вернулся обратно в кузницу. Как теперь быть, как же ухитриться догнать солнце на одной ноге?

Кузнец Пааво, который уже думал, что совсем отделался от этого прожорливого чудовища, теперь не на шутку испугался за свою кузницу и за своих детей.

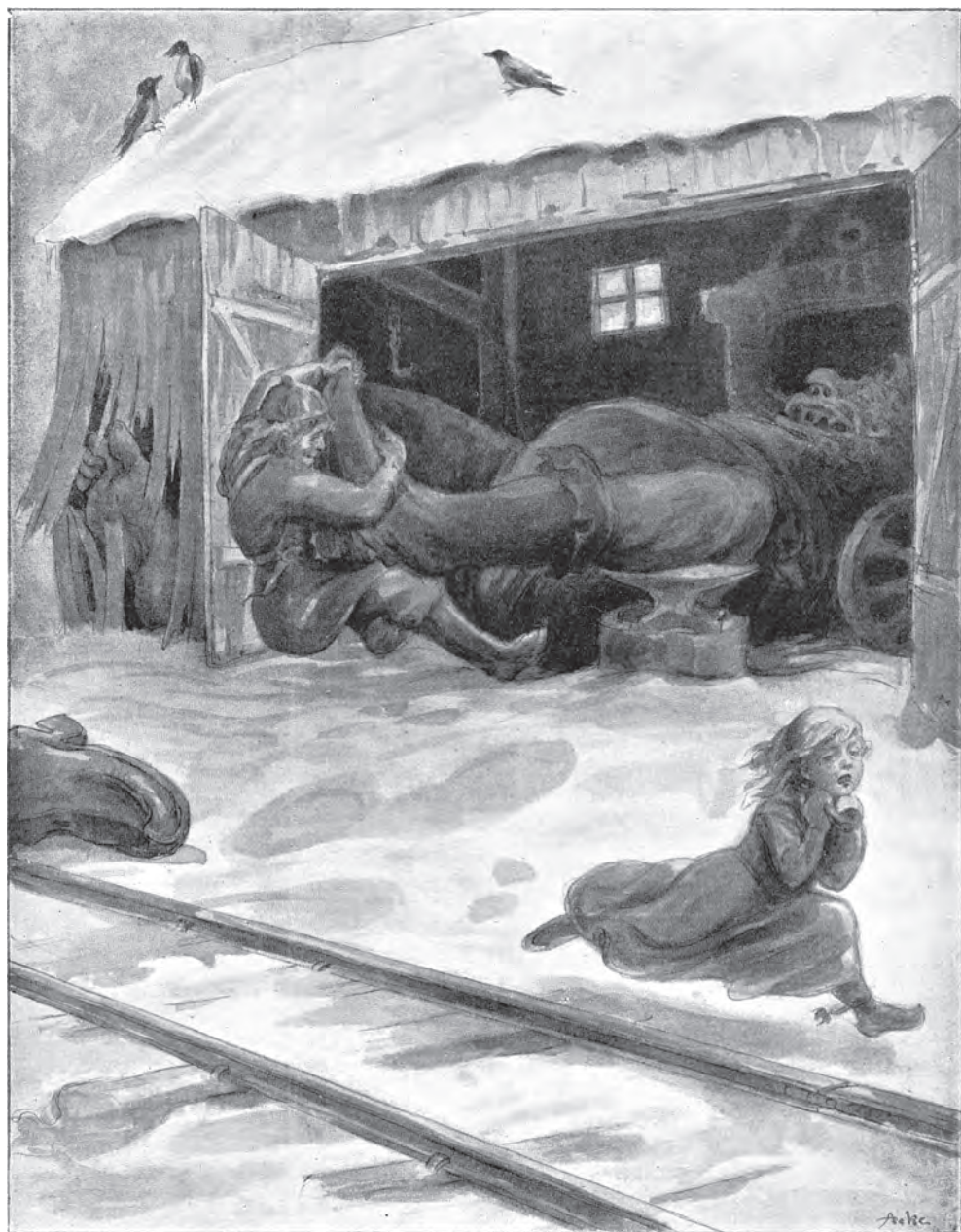
— Послушай, старина, — сказал он, — ты видел, как солнце только что спряталось за тучу?

— Видел, ну и что ж? Оно ведь это часто делает, — ответил, вздыхая, тролль.

— Ну, больше-то ему уж не придется этого делать! Ты забыл свой мешок в кузнице. А я, пока тебя не было, решил сослужить тебе службу: приладил си-лок из проволоки на верхушку сосны, из-за которой, как ты недавно видел, выглядывало солнце. Ждать пришлось недолго, скоро оно попало в западню, и я упрятал его в твой мешок.

— В мой мешок? Да ты превосходнейший из всех кузнецов от Берингова пролива до Улеборга! Я сейчас же съем тебя на радостях, так как порядком проголодался после пляски на одной ноге.

— Благодарю покорно за честь, — ответил кузнец, — но не хочешь ли ты сперва убедиться, что солнце исправно сидит в твоём мешке?

Бирребур стащил правый сапог с ноги, растянулся во весь рост на грязном полу и вскоре так основательно захрапел...

— Разумеется, хочу, милый ты мой кузнец! Где мешок?

— Вот он!

— Ишь как оно кувыркается там и кричит! (Пааво посадил в мешок поросенка). Ничего, ничего, солнышко, пищи сколько хочешь! Сиди-ка себе спокойно в мешке, а я получу за это целую часть света! Теперь наступит прекрасная тьма, и тролли будут управлять миром.

— Да ты только посмотри, — подзадоривал его кузнец и чуть-чуть приоткрыл мешок.

— Ты что делаешь? Оно может выскочить оттуда, это лукавое солнце. Я лучше сам залезу в мешок, — остановил его тролль.

Раз, два, три! — и тролль очутился в мешке, а Пааво тотчас же крепко-накрепко затянул веревку.

«Какое счастье, что тролли так непроходимо глупы», — подумал кузнец, для большей надежности завязывая веревку еще одним узлом.

В мешке поднялась теперь страшная суматоха и крик.

— Ай, оно кусается! — вопил тролль.

— Кусайся и ты! — ответил кузнец, запер кузницу и пошел домой отдохнуть после ночных приключений. Но отчего же тролль, выбивший ногой целую стену, не мог разорвать мешка? Да вот угадайте-ка, а я этого не знаю. Верно, оттого, что ноги у него болели — натер их, когда плясал на одной ноге.

Как долго тролль Бирребур сидел в мешке, куда он замышлял упрятать солнце, мне неизвестно, в газетах про это не писали. Говорили только, будто добродушный кузнец Пааво утешал своего пленника надеждой, что рано или поздно он сможет вернуться по железной дороге обратно к Берингову проливу, так как путь туда слишком далекий, на одной ноге не доскачешь. Как видно, это время действительно скоро настанет, потому что русские уже снаряжают туда своих паровых коней. Железная дорога приобрела теперь семимильные сапоги: ей не стоит большого труда пересечь всю Азию. Но сможет ли она когда-нибудь догнать солнце — это другой вопрос. Железная дорога, так же как и тролли, боится воды, а солнце имеет дурную привычку освежаться вечером в море.

Каждый раз, когда я вижу, как дети ловят зеркалом солнечный луч и заставляют его плясать на стене, — я вспоминаю о Бурребире и Бирребуре. Поймай солнце, коли сумеешь!

КАНАЛ ПРИНЦА ФЛУРИО

— Посторонись! — крикнул можжевеловый куст вереску. — Как тебе не стыдно торчать на дороге, когда тут проводят канал!

— Разве такое бывает? — возразил с удивлением вереск. — Канал? Здесь, на безводном лесном холме?

— Да, канал! Разве ты не видел, как вся лесная мелкота копается в песке? Смотри, вот они идут!

У можжевельника было столько глаз, сколько ягод. В самом деле, показались длинные ряды муравьев, несущих каждый свою былинку, и несколько сотен тысяч гусениц, пожиравших траву. Дождевые черви пробуравливали песок, жуки пытались залезать в проделанные червями отверстия, но опрокидывались на спину и беспомощно дрыгали лапками в воздухе. Кузнечики лениво сидели рядом с ними и стрекотали:

— Усердие нам в радость! Вы, голубчики, работайте, а за музыкой у нас дело не станет.

— Но какой же толк от их работы? — спросил вереск. — Я не вижу здесь никакого канала...

— А ты разве не заметил, что они проложили муравьиную тропку в песке? Таковы великие предприятия знатных господ. Сами-то они сидят дома, а других посылают на работу. Где муравей проползет, они говорят, что построили железную дорогу, где дождевая вода просачивается между булыжниками, они уверяют, что провели целый канал.

— Кто эти знатные господа?

— Что за вопрос! Флурио, принц Флурио, младший сын и любимец Лесного короля, который помолвлен с принцессой Ундой¹ Мариной, младшей

¹ Волна (лат.).

ненаглядной дочкой короля Морского. Ах, эти долгие помолвки... Одно сплошное тщеславие! Бедные дети помолвлены с самого сотворения мира. Люди, знающие толк в политике, уверяют, что это необходимо ради сохранения всеобщего мира. Ведь Лесной король и Морской вели ужасные войны между собой, и вот, чтоб положить этому конец, королевы и придумали обручить детей. Однако старая вражда все еще не улеглась между королями, и они слышать не хотят о свадьбе, прежде чем дети не вырастут.

— Я-то думал, коли кто-то помолвлен со времен сотворения мира, то он уже в больших летах! — наивно заметил вереск.

— Ну, если не с сотворения мира, то около того, — пробурчал можжевельник. — Спроси у горы, она старше меня.

— Почему же они так долго не могут вырасти, как прочие королевские дети?

— Почему? Всякий-то маленький прутик в лесу сует нынче свой нос в тайны королевских детей! Я-то умею быть скромным, но здесь, на пригорке, так много любопытного народа — брусничник, черничник, вороньи ягоды и кошачьи лапки! Но, коли между нами, я бы рассказал об этом, только пообещай молчать. Видишь ли, дело в том, что Флурио — крестник Солнцу, а Унда Марина — крестница, вот потому-то они и получили от крестного отца в дар вечную молодость, до тех пор, пока Солнце светит на небе; а я думаю, оно будет светить, пожалуй, еще несколько тысяч или миллиардов лет. Осенью же и зимой, когда наступают темные дни, королевские дети подобно личинкам бабочки забираются в свой золоченый кокон, чтобы весной снова, словно бабочки, вылететь на свет Божий. Вот потому-то, вероятно, они и не могут вырасти.

— Но для чего же принцу Флурио понадобилось рыть канал? Разве мало у него рек, холмов и речных потоков?

— Вот поди ж ты! Кажется, достаточно у него всякой воды! Правда, он самый милый принц в мире, но создан ведь как и другие мальчишки, а мальчишки не могут быть довольны, если им нельзя переделывать по-своему природу. Ты думаешь, ему живется спокойно в раззолоченном замке его отца? Не тут-то было; он построил себе хижину из ельника неподалеку отсюда, у лесного озера. Там ему весело живется со своими птицами, медведями и жуками, и туда он хочет пригласить Унду Марину отведать клюквы в меду. Но, понимаешь ли, эта морская принцесса не очень-то любит путешествовать сухим путем.

— Как не понять! Для нее-то, верно, принц и хочет прорыть канал до лесного озера.

— Тише, ради бога! Это большой секрет! Но вот как раз и сам принц.

Вереск вытянулся на своем тонком стебельке, брусничник, вороньи ягоды и черничник стали толкать друга друга, а кошачьи лапки побранились с словыми шишками и костяницей. Всем хотелось увидеть принца.

— Дорогой мой, — сказал цветок земляники сморчку, росшему на склоне холма, — позволь мне взобраться на твою широкую бурюю спину!

Еще ниже по склону, там, где начинался луг, поднялось шушуканье между всеми любопытными и болтливыми цветами:

— Принц идет, наш прекрасный принц, наш милый молодой принц! Зачем он идет сюда? И зачем он ведет с собою так много рабочих?

— Я знаю, — сказала анемона, — он хочет построить дворец.

— Или зверинец для львов, — проговорил лютик.

— О горе нам, тогда львы нас затопчут! — закричала ромашка.

— Можно уколоть им лапы, — заметил репейник.

— А я говорю вам, что он будет строить домик для бабочек и мотыльков, — перебила полевая гвоздика.

— Тогда у наших дам появятся и благородные кавалеры во время комариных плясок, — прошептал красный клевер.

— Хорошо, если так! — вздохнул шиповник. — Но можжевельник сообщил мне под величайшим секретом, что принц намеревается здесь, на лесном пригорке, проложить канал!

Всеобщее изумление.

— Канал? А что это такое?

— Никто не знает хорошенько, — объяснил папоротник, — но что тут кроется какое-нибудь канальство, в этом я уверен.

Муравьи и все прочие насекомые полагали, что совершили великое дело, проложив тропку шириной в два пальца от лесного озера к морю. Но кто не похвалил их за эту работу, так это принц Флурио.

— Эх вы, горе-молодцы! — воскликнул он. — Разве я не приказывал вам вырыть канал, а вы вместо того проложили лишь муравьиную тропку.

— Позвольте спросить, ваше королевское высочество, — запищал старый бывалый муравей, вползая на сапог принца и пошевеливая своими усиками, — чем же должен быть канал, как не муравьиной тропкой?

— Канал, — начал объяснять принц, — это широкая и глубокая канава, где можно плавать на судах и грести на лодках.

— Вот как, — промолвил муравей, — ну тогда позовите крота, он знает толк в таких вещах.

Принц велел позвать крота.

— Умеешь ли ты рыть землю?

— Как мне не уметь, — отвечал крот.

— Тогда вырой мне канал от лесного озера до моря. Если не можешь успеть один, то возьми на помощь всех крыс и мышей. Завтра вечером все должно быть готово!

— Можете быть спокойны, — отвечал крот.

На другой вечер принц пришел опять и увидел маленький проход под деревом, как раз такой ширины, что через него мог свободно пролезть крот.

— Скажите на милость! И по-твоему, *это* — канал?

— Так называем *это* мы, — заверил принца крот.

— Как глупы эти животные! Кому же теперь могу я поручить вырыть канал?

— Если я не гожусь, то, быть может, кабан возьмется за это, — пропищал крот, фыркая своим рыльцем.

Он не любил, когда его называли глупым, да еще так, чтоб все это слышали.

Принц велел позвать кабана:

— Можешь ли ты вырыть мне канал? Но настоящий канал, понимаешь? Не такой вот маленький да узкий кротовый ход.

— Для меня это пустяки, ведь я каждый день занимаюсь этим, — прохрюкал кабан.

— Хорошо, возьми с собой своих кабанят, да чтоб все было к завтрашнему дню готово. Но только помни: настоящий канал!

— Да, самый настоящий канал, — пообещал кабан.

На другой день принц вернулся и нашел весь пригорок изрытым кабанями, так что не оставалось ни единого зеленого клочка. Подобного свинства нельзя было найти на семь миль кругом!

— Как? *Это* должно изображать собою самый настоящий канал?

— Так называем *это* мы, — прохрюкал кабан.

Кроткий принц потерял наконец терпение, и его хлыст для верховой езды заплесал по спинам кабанов, так что их щетина встала дыбом от испуга.

— Ах, несчастный я принц, неужели я должен тащить теперь моих слонов из Африки?

Звери не смели ничего возражать. Только в ветвях старой сосны у опушки леса послышалось какое-то брюзжанье.

— Что ты там бурчишь, матушка сосна? — нетерпеливо спросил принц.

— Сам себе лучший слуга, — пробормотала сосна.

— Что ты говоришь? Кто такой — Сам?

— Тот Сам, который велит другим делать то, что может исполнить сам. Тот Сам, у которого — две молодые сильные руки, а между тем он посылает маленькие слабые существа выполнять работу, в которой они ничего не смыслят.

— Не на меня ли ты намекаешь? — спросил немного смущенный принц.

— Сам — достаточно умен, чтоб отгадывать загадки, — отвечала сосна.

Флурио задумался.

— Пожалуй, ты отчасти права, матушка. Давайте-ка сюда лопату!

Принцу Флурио принесли лопату, и он начал копать. Сначала дело не спорилось; не привык он к такой грубой работе. Сперва получилась у него яма, затем кривой желоб. Но Флурио был понятлив, и работа стала его развлекать. Он взял шнур, протянул прямую линию до берега, отмерил ширину и глубину и стал так молодецки работать лопатой, что к вечеру канал был готов. Только у самого озера был оставлен узкий песчаный перешеек, который следовало прорыть в назначенную минуту, чтобы наполнить канал водой. Сюда Флурио поставил своего самого преданного медведя и отдал ему приказ прокопать перешеек, когда он подаст сигнал своим охотничьим рожком.

— Теперь буду ждать Унду Марину! — весело воскликнул принц Флурио и удовлетворенно вытер пот со лба, потому что работа была не из легких.

* * *

Был вечер дня летнего солнцестояния; ты ведь знаешь, что это за вечер — без темноты, без ночи, тихо дремлющий, незаметно сливающийся с утренним светом. Насколько хватало глаз, расстиралось широкое, безбрежное море, блестящее, как поднос из полированного серебра, до туманного горизонта, где виднелись между небом и землей волшебные Острова-Пушинки¹. Море было спокойно, но не совсем гладко, не совсем безмолвно: длинными блестящими грядами перекатывался прибой, ударяясь о песчаный берег, и когда вода с шумом разливалась среди прибрежных камней, слышался таинственный гул, словно звук отдаленной грозы. Заходящее солнце примешивало золото и пурпур к серебристому блеску моря. Его большой красный диск в нерешительности остановился над водой, точно девушка, которая боится сойти в купальню и спрашивает: «Окунуться ли мне? Не слишком ли тут глубоко?» Наконец солнце решилось окунуться, медленно, осторожно, сперва опустив ноги, затем руки, а потом и совсем с головой. Бух! — и весь громадный огненный шар разом нырнул в горячие волны, так что искры забежали по воде. Дневное светило погрузилось в волны, но лишь на короткий миг, точно плещущееся дитя, которое, зажав нос, окунается с головой в воду, чтоб вслед за тем со смехом

показаться на поверхности с намокшими локонами. Да, море есть и еще выше, на севере, где дневное светило катится, словно волчок, по краю вод и вообще не смеет окунуться. Должно быть, там слишком глубоко для него.

На берегу, точно огромное спящее птичье гнездо, раскинулся лес. Яркий свет разливался над ветвями и макушками деревьев, вся листва казалась прозрачной, все ветки были расшиты золотом, но под сенью еловой хвои притаились ночные тени. Однако лес не был совсем безмолвным: певчий дрозд распевал свои хорошенькие песенки, а когда он отдыхал, из канавы вокруг ржаного поля доносился резкий голос кулика. Когда же умолкал и этот, то к отдаленному гулу моря примешивался легкий шелест, похожий на шепот ветра в молодой листве. Однако то был не ветер, — он спрятался куда-то на отдых, — то были пляски все новых и новых мириадом комаров среди деревьев, под свою собственную музыку. Отчего бы им и не поплясать! Ведь им был отпущен всего лишь один день жизни, но то был длинный-предлинный день — день без ночи, и им надо было пользоваться временем, чтобы насладиться жизнью.

Принц Флурио сидел на скале у берега. При каждом всплеске волны он думал, что видит белые плечи Унды Марины, однако то была не она, а лишь легкая белая пена, таявшая вокруг прибрежных камней. Молодому принцу ожидание показалось утомительным; он вырезал себе дудочку из камыша и издал протяжный чистый звук, который пронесся над морем и, казалось, оставил по себе след на поверхности воды.

Тогда поднялся вал выше предыдущих, с ослепительно-белым гребнем на волнистой спине: то была не исчезающая пена, а юная прекрасная морская принцесса, показывавшая свои белые плечи над серебристой волной. Ее длинные золотистые волосы качались на воде, она плыла, рассекая волны одной рукой, а другой посылала воздушные поцелуи берегу. Вскоре она была уже там; снова перекатился вал до прибрежных камней, но на этот раз не растаяла его пена, теперь у ног Флурио очутилось самое веселое, самое очаровательное дитя десяти-двенадцати лет.

— Противная девчонка! — бранился Флурио, со смехом выжимая воду из ее длинных локонов. — Я так долго ждал тебя, что успел насчитать до десяти тысяч следов твоих ножек на песке у этого сказочного берега.

— Тебе больше нечего было делать? — заливаясь звонким хохотом, спросила Унда Марина. — Учись у меня уму-разуму! Я плыву с Антильских островов из Вест-Индии и услышала твою дудочку в Балтийском море. Поверишь ли, Флурио, мне пришлось учинить суд в королевстве моего отца.

И Унда Марина рассказала сказку о торговце невольниками: тот вез груз живого товара, за который она предложила ему корзину, полную жемчуга, однако работороговец потребовал целое море золота. Тогда Унда Марина навела его корабль на риф у Антильских островов; судно разбилось, жадный владелец его отправился сам искать золота на дне морском, а невольников принцесса спасла и доставила обратно в Африку.

...то была не исчезающая пена, а юная прекрасная морская принцесса, показывавшая свои белые плечи над серебристой волной.

— Теперь ты Расскажи мне сказку, — продолжала Унда Марина, склоняясь мокрой головкой к его колену. — Я устала, я так долго нынче плыла. А когда я слушаю тебя, мне кажется, что это шелестит лес.

— Когда же я слушаю тебя, — сказал Флурио, проводя рукой по ее волосам, — мне кажется, что это волны поют. Отчего море и лес так любят друг друга, но все равно обречены на вечную разлуку?

— Потому что больше всего любят то, чего больше всего недостает, — отвечала Унда Марина, бросив свой дивный, словно привидевшийся в мечте, взгляд на принца.

Флурио, погруженный в свои мысли, сломал дудочку. Затем, взяв принцессу за руку, начал рассказывать ей сказку о березе:

Ты взгляни, как чешут березки волны кудрей,
Когда ветер резвится среди их ветвей;
Как легко они дышат зеленой листвою,
Умываются чистой, прохладной росой.

Высоко на холме, над водой, я березу видал,
Ствол был ровен ее, и как снег он блистал;
Были кудри ее так мягки, так листва зелена,
Что не встретишь деревьев милей, чем она.

Да, любил я ее и под ней отдыхал,
Надо мною в ветвях птичий хор распевал:
То ведь пела она про весенний расцвет...
О, береза моя, пой о том сотни лет!

Лютый холод нагрянул и снежная выюга,
Но теплом ядохнул над озябшей подругой;
А как лес застонал под палящим огнем,
Ее ствол и вершину кропил я дождем.

Раз пришел старый дед себе дров нарубить,
Но на камень топор я сумел обратить.
Следом бабка решила нарезать ветвей:
Только пальцы изранены стали у ней.

Вот явился певец, беден он и слепой:
— О, береза моя с шелестящей листвою,
Коль согласишься ты кантеле² стать,
Будешь всех слаще в мире звучать!

Я было руку простер, чтоб ее защитить,
Но береза позволила ствол свой срубить:
Сделавшись кантеле, звуков полна,
Слаще всех в мире запела она!

*...она предложила ему корзину, полную жемчуга,
однако работровец потребовал целое море золота.*

Когда он кончил, то увидел, что Унда Марина заснула, прислонившись головкой к его колену.

Флурио слегка улынулся.

— Ну не глупец ли я, если убаюкиваю маленьких девочек сказками? Просыпайся, моя сонная черноглазая крошка, у меня кое-что хорошее приготовлено для тебя. Садись-ка в мою лодку!

— Не лучше ли мне отправиться вплавь? — спросила полусонная Унда Марина.

— Где это слыхано, чтобы принцесса сама плыла к королевскому замку? Не бойся, моя лодка бела как снег, с голубой каймой, точно небо и море.

— Это — цвета флага Финляндии, — добавила Унда Марина.

Они поплыли к устью канала, собственноручно вырытого Флурио и причинившего ему так много неприятностей.

— Теперь ты увидишь мой замок в лесу!

— Благодарю покорно, я никогда не путешествую по суше, — смеясь, отвечала Унда Марина.

— погоди, будь внимательна!

И Флурио подал условленный сигнал, затрубив в охотничий рожок.

Он был уверен, что канал в один миг наполнится водой, однако медведю понадобилось время, чтоб прорыть небольшую канавку. Молодым людям пришлось ждать довольно долго, пока не показалось несколько капель воды на дне канала.

— Неужели я должна тут плыть? — лукаво спросила морская принцесса.

Потеряв терпение, принц подавал сигнал за сигналом своим рожком. Наконец в канале зажурчал маленький ручеек.

— Теперь поплывем, — сказал Флурио.

Бедный мальчик! Он забыл про уклон от большого лесного озера там, наверху, к еще более обширному морю внизу. Маленькая канавка, прорытая медведем в песчаном перешейке, мало-помалу все более и более расширялась

в сыпучем песке. Напор воды становился все сильнее и наконец прорвал весь перешеек...

Флурио с трудом ввел лодку на небольшое расстояние в узенький ручеек, как вдруг этот ручеек превратился в речку, речка в целую реку и река, наконец, в стремительный поток, который увлекал за собой землю, камни, деревья и громадные куски, оторванные от берега. Все перемешалось в этом бурлящем мутном водовороте, который поглотил половину лесного пригорка с его муравьиными тропками, кротовыми норами, кабаньей работой, брусничником, черничником, вереском, любопытными цветами и сплетником можжевельным кустарником. Ничего не оставалось делать бедному принцу, как спасаться изо всех сил и, обхватив за талию свою маленькую принцессу, вынести ее из этого ужасного водоворота. Однако Флурио попал теперь в стихию, с которой был так же мало знаком, как морская принцесса с твердой землей. Поток опрокинул принца и засыпал обломками его же собственного замка, крытого ельником, замка, который, подпрыгивая, несясь вдоль водопада. И Флурио погиб бы, если бы не Унда Марина, очутившаяся теперь в своей стихии: она ухватила левой рукой за его развевающиеся волосы, правой гребя при этом к морю, и благополучно высадила Флурио на сказочном берегу.

— Признай, что мой отец, море, сильнее твоего отца, леса, — сказала морская принцесса, когда они вновь сидели на скале.

— Однако мой отец отнимает у твоего каждые двадцать лет по целому графству в Финляндии, — возразил Флурио.

Молодые люди спорили иногда, но продолжали любить друг друга. Между тем солнце вынырнуло после своего непродолжительного купанья в золотистых волнах. Летний вечер незаметно перешел в летнее утро, которое отражалось в веселых глазах обоих детей, сиявших чистым счастьем детства.

Когда они расстались, Флурио отправился осматривать восхитительный когда-то мысок, где он выстроил подле лесного озера хижину из ельника. Местность была неузнаваема, так изменилось все вокруг. Мыс исчез, хижина исчезла; берег превратился в грязное глиняное поле, а озеро иссякло; только кое-где, в более глубоких местах, стояли лужицы воды. От канала не осталось и следа на опустошенном лесном холме.

Флурио с досадой думал о приятном сюрпризе, что готовил он для своей милой Унды Марины и что так головокружительно провалился.

— Это предательство со стороны Морского короля! — воскликнул он, гневно топнув ногой.

— Прошу вас, не затопчите последние искорки моей несчастной жизни, — жалобно застонал под его ногами болтливый можжевельный куст, валявшийся с вырванными корнями в глине. — Ваше высочество правы, это ужасное предательство. На вашем месте я отомстил бы, осушив море.

— Но где тогда будет жить моя невеста?

— Какой-нибудь лягушачий пруд всегда найдется на суше, — рассудил можжевельник.

Старая сосна, которая полагала, что каждый сам себе лучший слуга, стояла на прежнем месте, где была когда-то опушка леса. Она слишком крепко срослась со скалой, чтоб поток мог унести ее в своем стремительном течении. Опять что-то бормотала сосна в свою мохнатую хвою, и принц хотел знать, о чем она говорила.

— Что посеешь, то и пожнешь, — проворчала сосна.

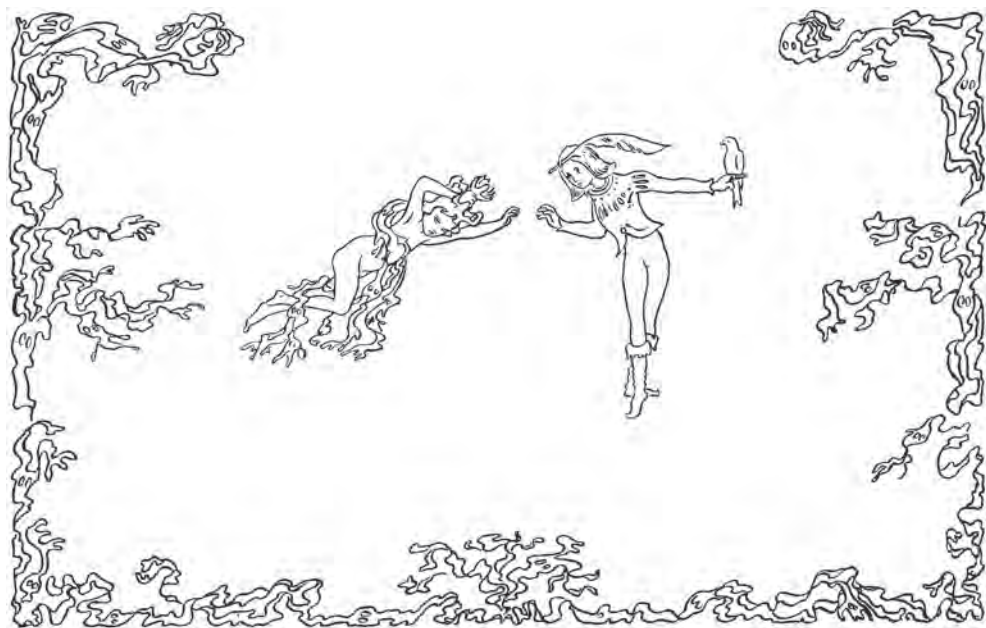
— Вот как! Не ты ли посоветовала мне рыть канал?

— Да, Сам.

— Я понимаю. Сам был прав, роя канал, но Сам был глуп, роя канал на песчаном склоне холма?

— Сам был не более как мальчишкой.

— Покорно благодарю! Теперь Сам будет умнее. Это была его последняя ребяческая шалость.

СИНА ИЗ СОММАРБЮ

Жители деревушки Соммарбю¹ были падки на красивые имена. Когда сапожник услышал, что портной окрестил своего мальчугана Агасверусом¹, он чуть не позеленел от зависти и назвал своего сына Зефиринусом². Потом у портного родилась дочь, нареченная им Евфросиной³. Сапожнику опять сделалось завидно, и он твердо решил выбрать для своей новорожденной дочери имя, которое затмило бы все прочие имена. Он искал и искал в календаре до тех пор, пока не наткнулся на восьмое сентября, значившееся как Мурмесса. Вот это было бы имя так имя, доселе его не носил ни один христианин! Восьмого сентября в старину справляли службу по Богоматери, Деве Марии, вот почему стали называть этот день Мурмесса, что по-шведски означает «материнская месса».

Тем не менее сапожник счел, что имя подходит как нельзя лучше, и девочку нарекли Мурмессой. Но ты думаешь, у жителей деревушки имелось достаточно времени, чтобы произносить столь длинные имена? Нет, они, конечно же, сократили их. Агасверус стал Сверу, Зефиринус — Рину, Евфросина — Синой, а Мурмессу прозвали Мурсой, потому как имя Месса слишком уж отдавало церковью и не годилось для простонародья.

Через некоторое время умер сапожник, а вскоре после этого — жена портного. Вдовец и вдова рассудили, что могли бы составить неплохую партию, ведь они были соседями, и вот портной женился на вдове сапожника. Так все четверо детей — Сверу, Рину, Сина и Мурса — оказались в одной семье и сделались в каком-то смысле братьями и сестрами, хотя и не кровными, потому что у каждой пары «брат-сестра» были разные родители.

И все бы ничего, если б сапожникова вдова, а теперь жена портного, не оказалась вздорной. Прежняя супруга портного была кроткой, но теперь он попал под каблук, а вернее — под ремень, который новая жена захватила с собой из мастерской сапожника. То был устрашающий ремешок, при помощи которого новая жена портного стала главенствовать в доме.

Иной раз и не угадаешь, в кого уродились дети. Из отпрысков портного Сверу был злонравным, а Сина — добросердечной; из сапожниковых детей

¹ Летняя деревня (швед.).

Рину был добрым, а Мурса — злой. Двое благочестивых детей держались вместе и хорошо ладили, тогда как их злонравные брат и сестра почти все время дрались, за исключением тех случаев, когда им нужно было объединиться против добрых детей.

Новая жена портного — ее звали Приска, и это имя также считалось весьма утонченным, — отводила душу на детях, когда ей надоедало лупить мужа. Правда, двое злонравных ребятишек были ее любимчиками; она признавала в них родную кровь. Добрые же дети подвергались побоям и лишению пищи всякий раз, когда она находила повод к ним придраться. Сину она прямо-таки видеть не могла; совсем не по нутру ей было, что этот ребенок не перечил ей и всегда был послушен, терпелив и усерден в любой работе. В свою очередь, Мурса являла собой подобие матери; она умела драться, увильнуть от своих обязанностей, а иногда и привирать, что, по мнению матушки Приски, украшало речь девочки.

— Нынче ты пойдешь на пастбище с соседскими коровами⁴, — однажды утром сказала Приска Сине.

Была ранняя весна, еще не везде показалась земля и маловероятно было отыскать на лугах зеленую былинку. Но в соседском сарае закончилось сено, и коровы вот уже две недели жевали солому.

— Да, матушка, — ответила Сина.

— Вот кусок хлеба, тебе должно хватить его до вечера.

— Да, матушка.

— Да, да! — проворчала Приска. — Ничего другого и не услышишь! Смотри не замерзни, лентяйка!

— Бег меня согреет, — ответила Сина.

— Не смей убежать от коров! Ты должна целый день сидеть на одном месте.

— Я постараюсь, матушка.

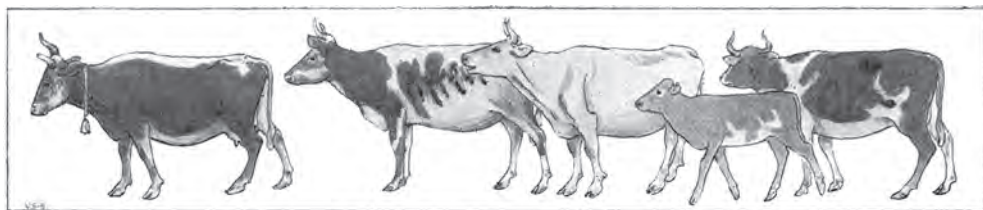
Эта малютка была неисправима с ее неизменным «да, да». Мурса заявила, что не знает ничего хуже школы, однако ей со Сверху приходилось ее посещать; двое других детей нигде не учились.

Сина отправилась на пастбище; ей тогда было восемь лет. Девочке не позволили надеть башмаков, потому что она истрепала бы их на лесном пригорке; не было на ней и чулок; да и что бы она с ними делала без башмаков? На ней была лишь короткая шерстяная юбка, надетая поверх сорочки, и Приска полагала, что этого было достаточно.

Сина пришла на соседский скотный двор. Она взяла с собой короткий рябиновый прутик, но только для видимости: девочка никогда не ударила бы живое существо. Она повела за собой коров, и поначалу это было совсем не просто. Животные впервые после шестимесячного заточения в темном коровнике увидели солнце и вдохнули свежий весенний воздух. То-то весело было наблюдать их удивление и радость! Они устали на белый свет, выбежали, как безумные, задрав хвост и не разбирая дороги. Среди них затесались два теленка: чего только не выделявали они своими длинными тощими ногами! В стаде был и бык, а все вместе — бык, семь коров и два теленка. Это следовало помнить Сине, чтобы не позволить никому из них заблудиться в лесу. Бык был единственным, кто не терял чувства гордости, удостаивая вольную Божью природу своим высоким присутствием. Он издавал лишь протяжное «Му-у-у» в знак своего расположения.

Немало труда стоило придать отплясывавшей процессии надлежащий вид с коровой-вожаком во главе, но Сине наконец это удалось, и она привела своих подопечных на лужайку у лесного пригорка. Летом весь пригорок был красным от земляники, но сейчас там еще лежали грудки снега среди увядшей, бурой травы, оставшейся с осени, и паутиноподобное покрывало — в тех местах, где были высокие сугробы. Но за неимением лучшего коровы могли отыскать здесь хоть немного корма — засохшую березовую листву и прутья черники. Некоторые листья уже сгнили и их нельзя было есть, однако другие были желтыми и красными, в случае крайней нужды годились и они. Коровы отведали черничных прутьев; жевать их было трудно, как и картофельные очистки беднякам.

Ух, до чего холодный был ветер! Он пробирался под тонкую короткую юбочку и чуть не сдувал бедняжку Сину. Приведя своих коров на пастбище, она отыскала себе удобное местечко на пригорке, откуда могла видеть всех своих коров и где ее укрывал от ветра огромный валун. Затем она позавтракала половиной данного ей куска хлеба. Не сделать ли ей берестяной чаши и подоить

одну из коров, подозвав ту к лесному пригорку? Нет, нынче коровы должны были нагулять телятам молоко лучше прежнего, и Сина знала, что им не представится другой возможности, а потому не желала оставлять телят без угощения.

Время тянулось медленно, пока она сидела позади огромного валуна; у нее не было с собой книги, потому что она не умела читать, и ей пришлось придумать себе занятие. У нее под рукой имелись щепки, кусочки коры и сосновые шишки. Возле валуна девочка построила себе маленькую хижину, соорудила забор, ворота, коровник, воткнула по четыре палочки в каждую из семи сосновых шишек, и у нее вышло семь настоящих тучных коров. У быка должны были быть рога; они их и получил, палочек-то было предостаточно. Теперь ей понадобилась маленькая скромная женщина, которая ухаживала бы за коровами. Сина надела на кусок коры юбочку из красных листьев, приладила голову из половинки еловой шишки, из прошлогодней брусники сделала глаза, нос и рот. На ручки и ножки пошли палочки. Коровам, понятное дело, также требовались корм и питье: в качестве сена сгодился мох, а у подножия валуна оставался снег. Сина положила перед коровами комочек снега; они немного подождут, и тот растает.

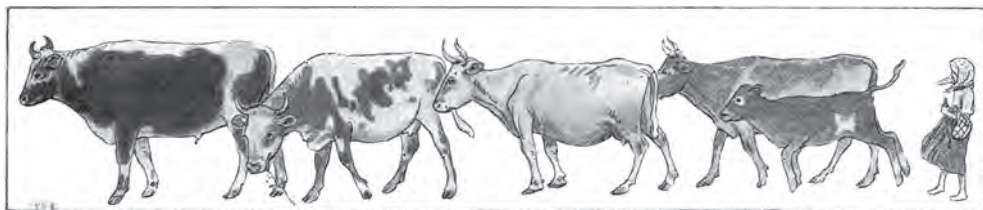
Но что же это за усадьба, если в ней нет хозяина? Сина решила из пня сделать своего папочку портного; он должен стать хозяином усадьбы и выглядеть лучше остальных. Он сидел бы на столе и шил, а рядом с ним лежали бы ножницы, иглолка с ниткой и портновский утюг. Да, мудрено было изготовить такие замысловатые вещицы, и к тому же возле валуна не было подходящей древесины. Девочке нужно было поискать в лесу, но только не очень далеко: она должна была присматривать за своими коровами.

И вот Сина сделала несколько шагов и стала искать среди деревьев. В вереске под высокой сосной что-то лежало. Что бы это могло быть? Маленькая серая птичка, и она была мертва, она замерзла до смерти!

Своей окоченевшей рукой Сина подобрала птичку и подышала на нее. Нет, та была холодной и мертвой. Но что если засунуть ее под сорочку и отогреть у своей груди? Она решила попробовать. И птичка показалась ей ледышкой, когда коснулась маленького девичьего сердечка. Зябко снаружи, зябко внутри, ух! Сина начала дрожать от холода. Но, полежав несколько минут так близко от ее горячего сердца, птичка пошевелила крылышками.

— Она жива! Она жива! — воскликнула девочка.

Сина пришла в неописуемый восторг, снова положила птичку себе на ладонь и поцеловала ее клювик.

— Маленький, невинный дружок, спасибо, спасибо, что ты ожил! Расскажи мне, кто ты и как замерз до смерти!

Птичка несколько раз тряхнула своими онемевшими крылышками, расправила их и, щебеча, полетела прочь.

— Это жаворонок! — воскликнула Сина, счастливая и разочарованная одновременно. — Маленькое неблагодарное создание! Но это не имеет значения, лишь бы он снова не замерз.

Тут Сина вспомнила о своей усадьбе. Хозяин должен был изображать ее папочку портного, но где ей найти хорошего портного посреди леса?

Малютка решила посмотреть под высокими деревьями. В одном из сугробов там лежало нечто необыкновенное, лучшего портного ей было не сыскать. То был сухощавый, старый, выкорчеванный и поваленный сосновый пень, растопыривший свои корни и ветви. У него были руки и ноги; на месте, предназначенном для головы, имелся соответствующего размера узел с седой бородой и отметинами, похожими на глаза, нос и рот. С большим трудом Сина доволокла пень до своей усадьбы, досуха обтерла его мхом и поставила возле усадебных ворот. В хижине он не помещался — проломил бы крышу, но все равно годился как нельзя лучше. Такой славный молодец! А как он походил на папочку Сины! Недоставало лишь портновского утюга и ножниц, но их можно было сделать из палочек. Сина представила, что сама она — матушка Приска и, уж конечно, добра к своему скромному мужу. Но вот беда, малютка совсем забыла про коров! Их должно было быть десять; она как раз умела считать до десяти. Один, два... где же рыжий теленок?

— Сиппиду!

Теленок исчез.

Нужно было что-то предпринять. Сина сбежала на луг и спросила у коровы-вожака, в обязанности которой входило направлять и охранять остальных. Корова-вожак обернулась и укоризненно взглянула на девочку, словно хотела сказать: ты ведь телятница, вот и верни мне мое рыжее дитя!

Сина испугалась. Она искала на лугу, на лесном пригорке, везде! Нет рыжего теленка. Она поискала под бревнами и камнями, она взглянула вверх, на деревья, как будто теленок мог спрятаться там, чтобы досадить ей. Рыжего хвоста она там не увидела, но зато заметила коричневый хвостик, мелькавший

среди ветвей. Белка! Но на что ей белка? Ведь девочка не могла отвести ее домой и сказать: «Это теленок!»

Сина уселась на камень. Поплакать или пообедать? Но куда девалась половина куска хлеба, которую она приберегла на обед? Исчезла, как и теленок! Хлеб упал на мох, белка скользнула с дерева, села на задние лапки, ухватила кусок хлеба передними, впиалась в него зубами, кивнула и начала лакомиться. Сина не смогла удержаться от смеха, хоть ей и было горько.

— Вот жадина! Она уплетает мой обед, а я на это смотрю. Ну, на здоровье! Я хоть и голодна, но ты, быть может, еще голоднее.

В довершение всего показался гадкий Сверу, направлявшийся сюда с проселочной дороги.

— Мать послала меня проверить, как ты присматриваешь за коровами. Где они? Ага, на лугу. Их должно быть десять. Один, два, три... восемь. Куда девались телята?

— Телята? — переспросила насмерть перепуганная Сина.

— Да, оба теленка. Может, волк их забрал?

— Миленький Сверу, помоги мне их отыскать!

— Сама ищи, — ответил Сверу.

— Миленький Сверу, попроси Рину немедленно прийти сюда, чтобы помочь мне их отыскать!

Сверу захохотал.

— Рину сидит в погребке за то, что пролил молоко из миски, когда искал на полке свой складной нож. Мать заперла его там, а вечером, когда ты вернешься домой без телят, она запрет и тебя. А теперь прощай. Что это за дрянь у тебя возле камня?

И с этими словами он подошел и ударом ноги разнес в щепки красивую, недавно построенную усадьбу с забором, воротами и всеми коровами в коровнике.

Сина посмотрела на свою усадьбу, взглянула на седой пень, оставшийся в одиночестве, и подумала в своем сердце:

«Будь ты моим настоящим папочкой, помог бы мне сейчас. Но ты всего лишь жалкий старый пень».

— Не плачь, я помогу тебе! — раздался возле нее хриплый голос.

Сина огляделась по сторонам в крайнем изумлении. Насколько хватало глаз, ни на лугу, ни на дороге, ни на лесном пригорке не было видно ни одного живого существа, за исключением коров и роя комаров, танцевавших в лучах солнца кадрили над руинами ее усадьбы. Всюду царила весна, но в опечаленном сердце Сины была зима.

— Я здесь, — снова молвил голос. И тут Сина, к своему великому ужасу, поняла, что к ней обращался пень — старый пень, изображавший ее папочку портного!

— Почему ты меня боишься? — продолжил пень. — Я всего лишь жалкий старый пень. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, — сказала Сина. Она отметила для себя, что чем больше пень говорил, тем отчетливей становился его голос. Это было подобно тому, как замерзший жаворонок поначалу тихонько пошевелил крыльями и наконец защебетал.

— Это хорошо, — молвил пень. — Теперь послушай, что я тебе скажу! У своего детского сердечка ты отогрела моего замерзшего жаворонка и вернула его к жизни. Несмотря на мучившую тебя жажду, ты позволила телятам напиться молока, а белке — съесть твой хлеб, хотя сама была голодна. Не думаешь ли ты, что все животные и растения, вплоть до ничтожнейших лесных пней, понимают, когда кто-то к ним добр? Но так оно и есть! А разве ты не знаешь, что во всех животных и растениях обитает живой дух? Да, он в каждом из них, однако он заточен в своей оболочке в отличие от твоей свободной души. Он сотворен тем же Создателем и живет собственной жизнью, как ты живешь своей. Он изъясняется на своем языке, но людям его язык непонятен; вот они и заявляют: «Растения не могут говорить, животные не могут говорить». Это потому, что взрослые люди и маленькие старички отделились от природы. Однако все в природе наделено даром речи. Добрые, неиспорченные дети понимают язык природы, тогда как другие считают это всего лишь выдумкой и называют сказкой, но помни, что это было; в ней куда больше правды, чем думают люди.

Сина больше не боялась, только была удивлена и счастлива. Она ведь знала из сказок, что все в природе умеет говорить, но немногие понимают эти речи. А она поняла каждое словечко; сейчас ее интересовало лишь, кем был пень.

Пень продолжил, словно угадав ее мысли:

— Тебе интересно, кто я? Жалкий старый пень и ничего больше. Когда-то я был огромным деревом, состарился, как и другие, и был сломлен бурей. Бросишь меня в огонь — и я сгорю; расколешь на части — и останутся одни щепки. Но как бы жалок и недолговечен я ни был — я все же крохотная частица великой живой природы, и вся сила, которой Господь наделил природу, заключена и во мне. Что подвластно природе, могу сделать и я, но не более. Ну, а ты — доброе дитя, ты вытащила меня из сугроба, высушила и поставила охранять твою усадьбу. Поэтому я отблагодарю тебя. Сколько у тебя пальцев на обеих руках?

Этого Сина не знала. Но, умея считать до десяти, она сочла их и ответила:

— Десять.

— Хорошо, — молвил пень. — Добрые феи в сказках обычно исполняют три желания, но я буду более щедрым, чем они. Я исполню столько желаний, сколько у тебя пальцев на обеих руках, и сообразно моим возможностям. Заметь, что я могу дать тебе только то, что дает природа, но не в силах изменить волю Господа и сердца людей. Каждое такое желание — это впустую потраченный палец. Поэтому хорошенько думай и делай разумный выбор! Теперь начнем. Пожелай чего-нибудь! Большой палец правой руки!

— Чтобы мои телята вернулись целые и невредимые! — без колебания пожелала Сина.

Пень отломил от своей сучковатой груди сухую веточку, поднес ко рту и подул в нее, точно в дудочку. Тотчас из-за камней, к великой радости Сины, вышел на своих тощих ногах сначала рыжий, а за ним и белый теленок.

— Зачем вы сбежали? — спросил пень. — Зачем доставили этой славной пастушке столько хлопот?

— Нас утащил волк, — ответили телята. Да-да, ответили, ведь и они умели говорить!

— Волк? И не разорвал вас сию же минуту на куски?

— Собрался было, да увидел тебя на пригорке и струсил.

— Добро. Возвращайтесь теперь на луг к своим матушкам и больше не убегайте!

Пристыженные телята удалились, а пень продолжил:

— Указательный палец правой руки!

— Поесть бы чего-нибудь, — сказала Сина. — Я замерзла и проголодалась.

Снова заиграла дудочка. Вдруг непонятно откуда появилось блюдо с дымящимся горячим пълтом⁵ и деревянная ложка. Пень с удовольствием наблюдал за голодным ребенком, наслаждавшимся едой. За пълтом неожиданно последовала чаша теплого молока.

— Средний палец правой руки! — продолжил пень, когда Сина поела.

— Пусть бык с коровами и телятами также наедятся до отвалу! — попросила Сина.

Заиграла дудочка, и луг тотчас покрылся роскошной зеленью, среди которой голодные создания бродили по высокой траве и топтали больше, чем успевали съесть. Сина восторженно захлопала в ладоши.

— Сиппиду, — воскликнула она, — это тебе не черничные прутья!

— Безымянный палец правой руки! — продолжил пень.

— Чтобы у всех людей, у всех животных и у всех растений всегда было доволь еды! — воскликнула Сина в радостном стремлении обеспечить всех теми же благами, что достались ей самой.

— Дитя, — молвил пень, — мне жаль, но сейчас ты напрасно потратила свой палец. Всеблагий Отец природы и людей, насыщающий все живое, мудро считает полезным иной раз испытать веру своих чад, на время лишая их хлеба насущного. Это твое желание я не могу исполнить. Мизинец правой руки!

Немного подумав, слегка приунывшая Сина ответила:

— Пусть матушка будет добра к моему батюшке!

— Еще один потраченный впустую пальчик, дитя мое. Моли Господа, чтобы Он обратил злое сердце твоей матушки к любви и доброте, поскольку сам Он преисполнен любви ко всему, что создал. И это желание я не в силах исполнить. С правой рукой покончено. Теперь хорошенько думай! Большой палец левой руки.

Пень отломил от своей сучковатой груди сухую веточку, поднес ко рту и подул в нее, точно в дудочку.

Сина ответила чуть не плача:

— Мне бы очень хотелось видеть матушку, Сверу и Мурсу добрыми и счастливыми, но я не смею этого желать. Можно попросить, чтобы меня отпустили в школу?

— Можно. Завтра утром ты начнешь учиться. Указательный палец левой руки!

— И чтобы у меня был настоящий печатный букварь с петушком! ⁶

— У тебя будет печатный букварь с петушком. Глупенькая, ты получила бы его и без моей помощи. Не трать драгоценнейших желаний на подобные пустяки! Средний палец левой руки!

— Нет, пенечек, даже и не знаю, чего еще пожелать... Да, погоди-ка! Батюшка становится неповоротлив от непрерывного сидения на столе со скрещенными ногами. Ему нужно ездить верхом. Пошли ему хорошенькую лошадку!

— Ай-ай, это опасная забава для хилых ног портного. Твой отец когда-нибудь бывал в седле?

— Нет, не думаю. Но это так красиво, когда фогтов⁷ Калле едет в церковь на лошади с пером в шляпе. Я хотела бы, чтоб мой папочка глядел таким же молодцом.

— Ну, обучить его верховой езде я не могу, однако завтра утром его лошадь будет стоять, оседланная, во дворе. Теперь у тебя осталось два пальца. Безымянный палец левой руки!

— Два пальца? Добрейший пенечек, подскажи мне, чего пожелать, сама-то я уже и не знаю! Попросить для батюшки денег?

— Придумай что-нибудь получше!

— Хорошо, тогда для Мурсы я прошу рисовую колбасу⁸, для Рину — книжку с картинками, для Сверу... пока не придумала... а для матушки... чего бы пожелать для матушки?

— Сверу разнес в щепки твою усадьбу, а матушка послала тебя мерзнуть на холодном ветру.

— Нет-нет, пусть Сверу получит новую шапку, а матушка — ситцевое платье, тогда они подберут.

— Ты пожелала четыре подарка вместо одного. Так тому и быть, ты их получишь. Но в твоём распоряжении остался лишь один палец. Теперь пожелай что-нибудь разумное для себя! Мизинец левой руки!

— Знать бы еще, что именно! Разумно будет пожелать все деньги на свете, или сделаться императрицей, или знать букварь наизусть, или пару новых чулок, потому что у старых уже порваны пятки? Или воскресным утром получать два кусочка сахара в кофе вместо одного? Или... но как же я смогу отвести домой быка и коров с телятами, когда в лесу промышляют волки? Если бы все десять в скором времени благополучно вернулись в коровник!

— Смотри, они уже бредут домой по проселочной дороге. Все вернутся целыми, невредимыми и сытыми.

— Они уже идут? Нет, погоди-ка! Мне ведь еще нужно что-нибудь себе пожелать.

— Твое последнее желание исполнено. Ты можешь просить хоть всю жизнь, но вот исполнить желаемое уже не в силах ни ты, ни я. Дети часто просят о мелочах, когда вольны желать значимого, но тебя больше заботило благополучие других, нежели собственное. Старый седой пень не упрекает тебя. Теперь ступай домой и всегда оставайся Божьим чадом, поскольку и ты — доброе дитя природы. Прощай, малютка Сина!

Когда Сина воротилась со скотом, матушка Приска стояла у соседских ворот с ключом от погреба в руках. Она уже сообщила соседке:

— Девчонка позволила волку утащить двух телят, за них нам придется расплачиваться, так что пусть посидит в погребе семь дней и ночей.

Пересчитав и осмотрев скотину, соседка сказала:

— Да ведь все на месте. Нет, только поглядите, какими справными они стали, прямо лоснятся! Это настоящее чудо, если учесть, что ранней весной подножный корм скуден. Такой превосходной пастушки у нас никогда не бывало.

— Но тогда, выходит, Сверу солгал мне! — воскликнула Приска. Сверу как раз подошел пожелать сестре весело провести время в погребе. Это надо было видеть! Сверу схлопотал такой основательный удар метловищем по спине, что Сине пришлось за него заступиться:

— Не бей его, матушка! Телят не было, когда Сверу приходил ко мне на пригорок. Но потом они вернулись.

Вся деревня недоумевала, с чего коровы сделались такими тучными. Но еще большее удивление произвела красивая оседланная лошадь, появившаяся на дворе портного следующим утром. Чей же мог быть этот славный жеребчик? Может, помещика из господской усадьбы?

— Это твоя лошадь, батюшка, — сказала Сина, не в силах скрыть свою радость. — Теперь ты можешь ездить верхом каждый день.

— Ездить верхом? — засмеялся портной. — Вот это будет зрелище!

— Попробуй, — сказала Сина.

Портной поддался уговору, сел на спину лошади и тотчас грохнулся на землю, как мешок.

— Ай-ай-ай! — вздохнул он. — Но дело пойдет лучше, когда я поупражняюсь.

— Смотрите, у меня книжка с картинками! — завопил Рину.

— А у меня — новая шапка! — крикнул Сверу.

— А у меня — рисовая колбаса! — ликовала Мурса.

— Что, ради всего на свете, это значит? — воскликнула матушка Прииска. — У меня появилось новехонькое ситцевое платье!

Сина украдкой улыбнулась, но остальные это заметили.

— Тебе что-то известно! — закричали они. — Ты знала о новой батюшкиной лошади. Расскажи! Расскажи!

Бедняжка Сина не умела врать. Ей пришлось рассказать обо всем, что случилось с ней в тот удивительный день, когда она пасла соседских коров. Малютка умолчала лишь о том, как была добра к животным.

— Сина, — молвила матушка Прииска, — ты не глупая девочка, ты добыла мне красивое ситцевое платье и сегодня же пойдешь в школу. Мурса хочет ее бросить: по ее словам, это худшее, что она знает.

Мурса ведь не призналась, что из школы ее выгнали за лень.

Сина поблагодарила. Она уже получила настоящий букварь с петушком.

— Матушка, — попросила Мурса, — позволь мне завтра пасти соседских коров!

Мать не возражала, ведь Мурса могла принести ей длинный рулон полотна для простыней.

А Мурса сказала Сверу:

— Было бы здорово получить возможность, как и Сина, пожелать все, чего мы хотим!

— Да, — согласился Сверу, — я пойду с тобой.

На следующее утро Мурса и Сверу отправились с соседским скотом на пастбище. Они запаслись едой и теплой одеждой. Палкой коров пригнали на луг, который вновь был увядшим и жухлым, и как только скот оказался на пастбище, Сверу и Мурса сели подкрепиться возле разоренной усадьбы Сины. Пень так и стоял там — седой, старый и безмолвный. Дети с любопытством

рассматривали его: возможно ли, чтобы такой жалкий деревянный истукан дал тебе все, что пожелаешь? Они решили попробовать.

— Трухлявый, — обратилась к пню Мурса, — пошли мне жемчужное ожерелье!

— А мне — ружье! — потребовал Сверу.

— Хочу быть самой красивой в церкви, — добавила Мурса.

— А я хочу перестрелять всех жаворонков и белок в здешнем лесу! — заявил Сверу.

Пень по-прежнему молчал, но будь там Сина, она, вероятно, заметила бы, что его борода пошевелилась, словно он улыбнулся. Не мог же он разговаривать с теми, кто его не понимал!

Тогда Сверу начал сердиться.

— Да ты и ухом не ведешь? Я научу тебя слушаться, старое засохшее пугало!

С этими словами Сверу отвесил пню такой ловкий удар своей палкой, что тот повалился на землю.

— Зачем ты это сделал? — ахнула Мурса. — Теперь он обозлится и не даст нам никаких подарков!

Она подняла старый пень и помаслила его рот, чтобы задобрить.

— Слушай, пень, — угрожающе сказал Сверу, — живо давай мне ружье, или я тебя подожгу! У меня в кармане есть спички.

— Не смей этого делать! — закричала Мурса.

— Еще как сделаю! — засмеялся Сверу и достал спичку. — Так получу я ружье или нет?

Пень молчал. Мурса попыталась вырвать спичку из рук брата, но тот оттолкнул ее, и девочка скатилась с пригорка.

— Значит, ружья мне не видать! — крикнул Сверу. — Я научу тебя слушаться, старая развалина!

И он поднес зажженную спичку к длинной бороде пня. Борода была сухой и вспыхнула, как порох, огонь занялся, и вскоре весь пень полыхал. Надо думать, ветру только этого и было нужно; да и кто не знает весеннего ветра? Вот уже несколько недель он подметал луг и высушивал лес. Теперь для него нашлась новая работа, ветер напряг свои легкие и хорошенько дунул на пламя. С пня оно перекинулось на мох, с моха — на вереск, с вереска — на можжевельниковые кусты, с них — на ели и так далее, в лес, на сосны и березы; ух, ну и костер запылал! Скоро весь огромный лес был охвачен огнем и дымом, ветер танцевал с пламенем полку и перебросил его на сухую листву луга. Бык, коровы и телята бросились удирать, задрав хвосты, но волки приметили их, как и отсутствие на лесном пригорке внушающего страх пня. Ясное дело, волки не упустили такой возможности. Бедные коровы и телята, я не берусь рассказывать, что с ними случилось!

Мурса прибежала домой и сообщила о несчастье. За ней следовал ревуший бык; он был единственным четвероногим, кому удалось спастись. Вся деревня

пришла в движение, местные жители бросились тушить лесной пожар. Но что они могли сделать? Лес пылал, а луг являл собой пепелище. От Сверху нашли лишь сапог. Пень рухнул на мальчугана и поджег его одежду. Никогда не следует бросать вызов силам природы.

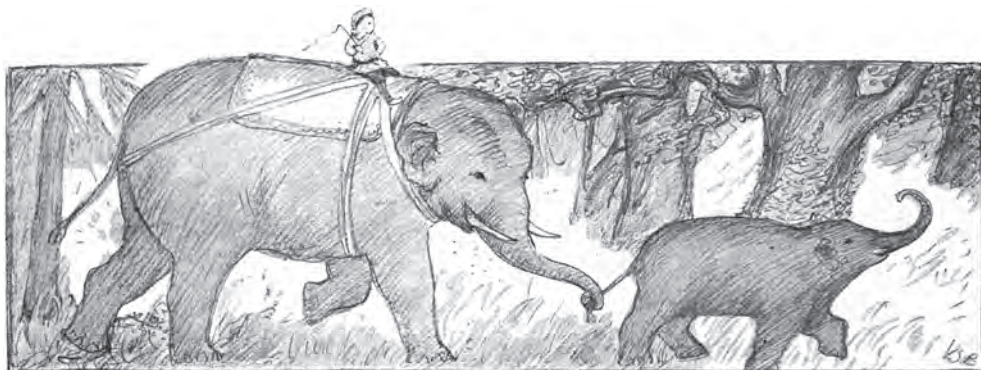
Портному посчастливилось, что сосед удовлетворился новой лошадью, отданной ему взамен коров и телят. Но нет худа без добра. С того дня Приска переменилась. Она не могла забыть, что сама навлекла на детей беду в надежде получить длинный рулон полотна для простыней. Даже Мурса, раскаявшись и устыдившись, стала доброй девочкой. Она, Рину и Сина скоро сделались хорошими друзьями.

Следующей весной трое детей взошли на пригорок, где приключилось несчастье со Сверху и коровами. От леса остались лишь обгорелые пни, больше похожие на трубочистов, чем на портных, а на почерневшем лугу поднялись из пепла редкие зеленые стебельки. Ласковая, могучая весна, что призывает из природных недр новую жизнь, уже начала устранять следы разрушения на этом опустошенном пепелище.

Напрасно дети искали загадочный пень, некогда бывший хозяином в усадьбе Сины.

— Знаешь, Сина, — сказала Мурса, — я думаю, что никакой это был не пень, а сам Лесной король. Говорят, он принимает иное обличье перед детьми и охотниками.

— Да, так гласит сказка, — молвила Сина. — Но я слышала, как пень сам говорил, что ничем не отличается от других пней. Почему тогда он сгорел? Просто пока он был цел, в нем обитал живой дух, как и во всех растениях и животных. Нужно по-доброму относиться к растениям и животным, Мурса. Никогда не следует огорчать живой дух, что царит в них!

УПЛЕТАЯ БУТЕРБРОДЫ

Мама чистила малину за большим кухонным столом. Викке сидел босой на табурете и уплетал бутерброд. Его мокрые башмаки грустно стояли у печи и тосковали по солнцу.

— Когда я вырасту, а мамочка станет маленькой, я буду возить ее в коляске, чтобы мамочка не промочила себе ноги. Мамочке не нужно бояться, потому что я сам буду катить коляску.

— Спасибо, Викке.

— Я построю мамочке золотой дворец с четырьмя окошками, и мамочка будет моим маленьким ребеночком. Я буду причесывать и купать мамочку, чтобы она была настоящей красавицей, а мамочка не должна сопротивляться, ведь мамочка знает, что это для ее же блага.

— Но, Викке, я ведь уже была когда-то маленькой, а где в то время был ты? Ты не причесывал меня, не возил в коляске и не строил для меня золотого дворца. Как ты мог быть таким незаботливым?

— Не помню, мамочка.

— Нет, тогда я не видела своего мальчика. Должно быть, он собирал в лесу ягоды. А когда я выбегала под дождь, как ты имеешь обыкновение делать, в лужах хлюпало: плюх, плюх! Викке, Викке, можно ли было позволять мне так сильно мочить ноги?

— Но мамочка, почему ты меня не искала? Я тогда был большим?

— Уж не знаю, большим ты был или маленьким, я ведь тебя не видела. Я и не предполагала, что на свете есть какой-то Викке. Но была я в то время малюткой, и у меня имелась мама, совсем как у тебя, и она причесывала и купала меня, словно фарфоровую куколку.

— Да, а когда ты выросла, твоя мама стала маленькой, и ты носила ее в корыто. Ты построила для нее дворец?

— Как бы я его построила, будучи девочкой? Когда я выросла, моя мама сделалась настолько мала, что я не смогла ее отыскать. Я видела пустой диван,

где она раньше сидела, держа меня на руках. Я видела ее красивое синее платье, висевшее в шкафу, ее Псалтырь, который она обыкновенно брала с собой в церковь и где крупными буквами было написано ее имя. Я больше не чувствовала ее рук, обвивавшихся прежде вокруг моей шеи, ее поцелуя на своем лбу и ее доброго, согревающего взгляда, устремленного на меня. Я перестала слышать, как она читает вместе со мной вечернюю молитву: «Бог, что дорожит детьми...»¹

— Она сбежала от тебя?

— Однажды она заснула, а потом ее не стало. Никто не заботился обо мне так, как она.

— Я забочусь, мамочка!

— Ты так думаешь? Когда ты вырастешь, а я сделаюсь маленькой, ты забудешь меня, как сказку, слышанную накануне.

— Ну, нет. Я ведь помню Робинзона Крузо и Сампо Лопаренка, который ездил верхом на волке².

— Когда ты вырастешь, а я стану маленькой, у тебя появится другая матушка, Викке. Тогда у тебя будет великая мать — Отчизна. Защити ее и построй ей золотой дворец!

На короткий миг Викке сделался необычайно задумчивым. Его мысли совершили круг, словно зайцы в лесу, и вернулись аккуратно туда, откуда начали свой путь.

— Когда вырасту, — сказал мальчуган, — я построю корабль и поплыву в Африку и убью всех тигров и змей, но не трону львов, потому что они станут моими охотничьими собаками. Слоны будут моими лошадьми, и я сооружу для них конюшню размером с церковь. Я буду кататься на них верхом, а они вытопчут лес, словно траву. Мамочка когда-нибудь каталась на слоне?

— Нет, но разве твой славный Гролле больше не годится для верховой езды?

— Видишь ли, мамочка, у Слейпнира, лошади Одина³, было восемь ног, а у Гролле их всего четыре.

— Но ведь у слонов их тоже всего четыре, а у бедного маленького Викке — только две.

Викке задумался.

— Когда я вырасту, мамочка, то убью всех разбойников, всех волков и всех турок.

— Ну-ну, не будь таким кровожадным! Тебе придется отправить турок в школу, чтобы сделать их христианами.

— А когда я пойду в школу, мамочка?

— Когда выучишь все буквы.

— Я уже знаю А, Б, Д. Я могу сосчитать до четырнадцати: один, два, три, пять, шесть, тринадцать, четырнадцать.

— Да, я слышу. А кем ты думаешь стать после окончания школы? Принцем, священником, мещанином, крестьянином, нищим, бродягой...

— Милая мамочка, можно мне еще бутерброд?

— Сходи к буфету и сделай себе сам! Так кем ты думаешь стать, когда вырастешь таким же большим, как папа?

— Я буду королем... Но здесь так мало масла!

— Довольствуйся малым! Протягивай ножки по одежке. Зачем тебе быть королем?

— Затем, что тогда я смогу делать все, что захочу.

— Вот как? Рассказать тебе сказку?

— Да, мамочка. Только длинную.

— Ну, эта будет не очень длинной. Мальчики и девочки собрались как-то на лугу вечером, в канун праздника Середины лета⁴. И вот решили они избрать себе короля, при котором могли бы делать все, что им угодно.

— И выбрали своим королем льва?

— Одни предлагали выбрать льва, другие — орла⁵, но третьи побоялись быть съеденными. Некоторые вспомнили о Рождественском гноме, только как бы он стал королем в середине лета? А вышло так, что все они проголодались и единогласно выбрали своим королем бутерброд.

Викке выглядел весьма удивленным, однако у него был полный рот, и мальчик не мог говорить.

— Да, бутерброд был провозглашен королем, и его торжественно передавали по кругу. Затем дети съели своего короля. Им как раз этого хотелось, ведь они желали делать только то, что им вздумается.

— Но, мамочка, расскажи, пожалуйста, длинную сказку! — настойчиво просил Викке, немного разочарованный бутербродным королем.

— Ну так слушай! Я знавала трех молодых кедров с горы, над которыми всходила луна и которых частенько задевали крыльями ветры, возвращавшиеся спать в ущелье. Кедров звали Златоверхий, Сереброверхий и Пуховерхий. Так нарекли их звезды, а Облачная королева стала им крестной матерью. Все трое были счастливы и преисполнены надежды чем-нибудь отличиться в этом мире. А поскольку кедры стояли высоко и каждое утро упивались молоком Облачной королевы, на солнышке они быстро росли и гордо взирали на маленьких людишек в долине.

«Сдается, они там невесть что о себе возомнили!» — говорил можжевельный куст воронике. И принимался тянуться кверху, пытаясь стать деревом, но всякий раз безуспешно: его иглы напрочь увязли в болоте.

Однажды вечером, когда Северный ветер катил над горой колесницу Облачной королевы, лошади запутались своей упряжью в густых кронах кедров, и колесница с Облачной королевой повисла на их ветвях. Можно было подумать, что на горе завязалась потасовка! Ветер выл, Облачная королева рыдала, а можжевельник сказал воронике:

«Вот к чему приводят столь длинные челки нынешней молодежи. Скорее беги к портному, сосед, и одолжи ножницы, чтоб я остриг кроны кедровых молодцев!»

«Прочь, мелюзга, я сам справлюсь!» — рявкнул Северный ветер и с таким остервенением принялся трепать шевелюры кедров, что сумел вызволить лошадей и выровнял колесницу. Но Златоверхий, Среброверхий и Пуховерхий стояли оскорбленные своей наружностью свежестриженных школьников. Ни один магистр не покусился бы теперь на их вихры.

«Выше нос, мальчики! — прокричала Облачная королева, когда Северный ветер уносил ее прочь. — Из-за меня вас оттаскали за волосы, я же и оплачу вам. Каждый крестник может сам выбрать свое предназначение в этом мире!»

Вот это было по-королевски! Три кедра продолжали упиваться молоком и набираться сил из горы. Скоро их кроны сделались гуще прежнего, и кедры превратились в высоченные деревья, в которых вили гнезда орлы и куда нравилось целиться молнии. Но звезды прознали про обещание Облачной королевы, и им стало любопытно, какой участи желают себе кедры, набравшие высоту.

«Голубчик, — сказали звезды Западному ветру, сидевшему на горе, свесив крылья, — спроси у них, чего они желают!»

Западный ветер игриво колыхнул кроны кедров и пропел Златоверхому:

«Коль обещали с тобой расплатиться,
Чем бы ты в мире хотел отличиться?»

«Я желаю вознестись выше всех, ведь моя крестная — Облачная королева!» — ответил Златоверхий.

«Так, — молвил Западный ветер и обратился к Среброверхому:

«Коль обещали с тобой расплатиться,
Чем бы ты в мире хотел отличиться?»

«Я желаю стать самым значимым, потому что набирался сил из горы», — ответил Среброверхий.

«Что ж, — молвил Западный ветер и пропел Пуховерхому:

«Коль обещали с тобой расплатиться,
Чем бы ты в мире хотел отличиться?»

«А я желаю стать самым трудолюбивым, потому что Господь предназначил меня принести пользу миру», — ответил Пуховерхий.

«Понятно!» — заключил Западный ветер и одним прыжком достиг ближайшей звезды, чтобы сообщить пожелания деревьев. Можжевельник легонько толкнул в бок воронику и сказал:

«Слышишь, сосед, что говорят кедры? Ну, поживем — увидим!»

Тут мама умолкла, словно сказка подошла к концу.

— И что с ними стало? — с любопытством спросил Викке.

— После этого я уехала из дому, — продолжила мама, — и долгое время отсутствовала. Воротившись назад, я захотела поприветствовать своих старых друзей кедров, но на горé от них остались лишь обрубленные пни. Солнце по-прежнему светило на высоких и низких, ветры резвились среди скал, а облака молчаливо плыли по вечернему небу.

«Но что же стало со Златоверхим, Среброверхим и Пуховерхим?» — спросила я себя.

«Я расскажу тебе, — ответил резковатый голос со склона горы, и я узнала можжевельниковый куст. — Из Златоверхого, желавшего вознестись выше всех, сделали башенный шпиль, увенчанный ржавым флюгером, который постоянно препирался с ветрами⁶. В один прекрасный день, когда флюгер основательно

разозлил Северного ветра, тот не придумал ничего лучше, как разнести в щепки всю башню. Среброверхий хотел сделаться самым значимым, но это казалось невозможным, ведь его разрубили на мелкие части, одна из которых стала кегельным королем⁷. Правда, тот был целых три кварта⁸ высотой, а остальные восемь кегель — только два кварта, и когда катившийся по дорожке шар сбивал их все, за исключением кегельного короля, мальчишка-кегельщик, дабы заработать монетку, кричал что есть духу: „Ура, ура нашему великому королю!“».

— А Пуховерхий? Что стало с Пуховерхим?

«Пуховерхий не отличался чрезмерной высотой, но зато был самым выносливым, — рассказывал можжевельник. — Подумывали распилить его на доски, но понадобилась по-настоящему крепкая и прочная ось водяного колеса для большой мельницы у реки, и во всем лесу не нашлось дерева лучше Пуховерхого. Это вокруг него теперь вращается огромное мельничное колесо. И он выдерживает его. Вот уже много лет он трудится на мельнице, и даже когда Златоверхий со Среброверхим канут в небытие, Пуховерхий по-прежнему будет радеть о людском хлебе».

Викке сидел смирно и, казалось, вновь погрузился в раздумье.

— Вот и сказке конец, — молвила мама. — О чем ты задумался?

— Я думаю, не сделаться ли мне мельником, — ответил Викке. — Мамочка жила бы со мной на мельнице.

— Так ты решил не строить для меня золотого дворца?

— Ах, мамочка, но разве нельзя вызолотить мельницу?

НУЖНО БЫТЬ ХИТРЫМ

Петтер Мортенс пришел на мельницу за своей мукой.

— Столько-то и столько-то должно было получиться муки, — заметил Петтер, — потому что я принес сюда столько-то и столько-то ржи.

— Вышло на каппу¹ больше, — ответил Маттс Мельник, а у финнов — Милли Матти.

— Да будет тебе, — отмахнулся Петтер.

— Но это так, — настаивал Матти, — потому что ты принес мне столько-то и столько-то.

Матти был непреклонен. Чего бы тогда с ним спорить Петтеру, если он получил больше, чем ожидал? А уж кто злился, так это мельникова жена Майя.

— Послушай, Матти, — сказала она своему старику, — ты настолько безнадёжно глуп, что можешь запросто проглотить и ложку, когда уплетаешь кашу. Зачем ты подарил Петтеру каппу муки, если он этого не хотел?

— Потому что она по справедливости была его, — простодушно ответил Матти.

— И что с того? Она полагалась тебе, ведь он от нее отказывался. Своя рука к себе гребет, нужно быть хитрым!

Матти восхищался мудростью Майи, превосходившей его собственную. Она была себе на уме и всегда умела хитрить! Но однажды посетовала:

— Крысы едят нас поедом.

— Меня они не тронули, — сказал Матти.

— Они пожирают все, что у нас есть, — пояснила Майя. — Прошлой ночью они прогрызли дыру в мешке Миккельсона.

— Ну так расставь ловушки!

— Думаешь, крысы на это купятся? Как бы ни так! Они слишком хитры. Но я-то похитрее их. Я поставлю крысиный капкан и насыплю над ним гору муки, тогда они его не заметят.

Майя поставила на полу мельницы крысиный капкан и замаскировала его мукой. Вскоре она услышала крик малыша Матти, да такой громкий, что он заглушил шум мельничного колеса.

— Что стряслось с мальчишкой?

Малыш Матти был свободолюбивым парнем трех лет и предпринял вылазку без надзора. Неудивительно поэтому, что правой ногой он угодил в крысиный капкан.

— Поймала кого-нибудь? — спросил Матти-старший со своего места у воронки² наверху мельницы.

— Только мальчишку, который уродился в своего глупого папашу, — ответила Майя, высвобождая жертву капкана.

«Теперь я буду хитрее, — подумала Майя. — Что им сделают капканчики да ловушки? Для их поимки я сооружу гору!»

Вслед за тем Майя притащила старую негодную створку водяного шлюза, тяжелую, словно дверь, поставила ее на ребро и подперла палкой, к другому концу которой прикрепила кусок жареного сыра.

«Запах сыра привлечет их, они захотят попить. Вся крысиная стая наперегонки бросится грызть угощение, и — бум! — ее пришибет створкой».

На следующее утро Майя сторала от любопытства. Створка и впрямь упала, но край ее был приподнят. Под ней лежало не меньше шести крыс, а может и вся дюжина. Майя торжествующе подняла створку и увидела лучшую свою курицу, раздавленную горой, предназначавшейся крысам.

— Поймала кого-нибудь? — крикнул сверху Матти.

— Как же, поймала! — ответила Майя, чуть не плача. — Я начинаю уподобляться тебе, отец! Как я могла позабыть, что куры имеют обыкновение прокрадываться на мельницу, дабы склевать свою долю из мешков с зерном?

Война с крысами ненадолго прекратилась. Однако неблагодарные нахлебники так мало понимали миролюбивые намерения Майи, что совсем потеряли стыд. В конце концов они изгрызли в клочья сапоги Матти и чулки Майи.

— Только взгляните, какими прожорливыми они стали! — воскликнул Матти.

— Делать нечего, — сказала Майя, — придется одолжить кошку у пономаря. Его жена уверяет, что это хитрейший крысолов, которого когда-либо видели.

— Ну-ну, — сказал Матти. — Лишь бы крысолов не одурачил тебя.

— Я-то побольше смыслю, чем кошка и ты сам! — огрызнулась Майя.

Майя одолжила пономареву кошку и так щедро накормила ее молоком и мучной кашей, что она с полнейшим безразличием взидала на крыс.

— Ах, вот как! — воскликнула Майя. — Считаешь себя умнее меня?

После чего она два дня держала крысолова впроголодь, добившись этим того, что кошка сцапала ее лучшего цыпленка. Надо же чем-то полакомиться, коль приглашена в гости.

— Поймала кого-нибудь? — спросил Матти.

— Как бы не так! — воскликнула Майя. — Но погоди, теперь-то она сперва проголодает, а потом посидит запертой на мельнице!

Кошка проголодалась и притаилась в засаде, намередаясь наконец выполнить то, что от нее требовалось. В каждом углу мельницы пахло крысами.

Только они не уступали в сообразительности кошке и остерегались покидать свои норы. Кошке пришлось ждать. Однако она не зря считалась столь необычайно хитрой, как отрекомендовала ее жена пономаря. На полу мельницы лежал пустой мешок. «Если я сейчас заберусь в него, — подумала кошка, — крысы учуют лишь запах муки и решат, что я убежала».

И кошка спряталась в мешке. Только напрасно она это сделала. Потому что той ночью у Матти было много работы, и мельник с фонарем в руке ходил проверять, достаточно ли зерна в воронке, чтобы не перегрелись жернова. Вдруг в пустом мешке, лежавшем на полу, что-то зашевелилось.

«Ага, — подумал Матти, — уж не крысы ли там? Не видать им больше сапог и чулок, нынче в этом мешке окажется лучшая мука. Я обману их. Ведь нужно быть хитрым».

Матти осторожно затянул ремень на мешке, закинул его на спину и отнес к мельничному желобу³. Там бурлил стремительный поток, Матти так долго держал мешок под водой, что находившиеся в нем крысы не могли не захлебнуться.

«Как они бьются и пищат, бедолаги! — думал Матти. — Уф, до чего ж паршивая работенка! Однако на сей раз я обведу вокруг пальца Майю, которая столь непостижимо хитра!»

Когда его жертвы затихли, Матти отправился домой, прихватив с собой мешок, который он положил на стул подле кровати, где висела юбка Майи. Утром Майя потянулась за юбкой и, к своему удивлению, обнаружила мокрый мешок.

— Что это? — спросила она.

— Молодой картофель, — ответил Матти. Он еще никогда в жизни не чувствовал себя таким хитрым. Молодой картофель! А потом окажется, что в мешке — крысы, за которыми так долго и тщетно охотились! Матти сделалось безумно весело, и он чуть не скатился с постели.

— Послушай, муженек, — строго сказала Майя, — тебе на роду написано быть одураченным, а не пудрить мозги другим. Живо развязывай мешок!

Ремень перерезали, и в мешке оказалась уже знакомая нам кошка пономаря, в том же виде, в каком она появилась на свет, с тою лишь разницей, что теперь кошка была окоченевшей. Безудержное веселье Матти внезапно улетучилось.

— Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! — были первые слова, сорвавшиеся с испуганных губ Майи. Она присовокупила к ним лишь то, что часто и небезосновательно прибавляют:

— Дурак и доброхот!

Когда к ней вернулась толика ее прежнего самообладания, она добавила:

— Теперь не остается ничего другого, как сжечь мельницу!

— Неужто? — испугался Матти.

— Да, — заявила Майя, — нужно быть хитрым!

— Неужто? — еще раз повторил Матти.

СТРЕКОЗА И ДОМОВЫЕ

Утром накануне Рождества спящую стрекозу, закутанную в зимнее одеяние, разбудил солнечный луч.

«Весна пришла, — подумала она, выбралась наружу и расправила свои крылышки. — Ой, как холодно! Где же весна?»

Стрекоза отправилась на поиски цветов, но всюду натыкалась на сугробы, попробовала отыскать знакомое голубое озеро, но нашла лишь белый лед. Поутру солнце было сонным, а к вечеру сделалось хмурым. Скоро стемнело, и стрекоза из последних сил забралась под кору ели, красовавшейся на лесном пригорке.

Ель оказалась весьма необычной, имевшей свою историю. Прежде здесь был торп Рисбакка¹, однако торпарю надоело жить в лесной глуши, и он переехал в Квастбакку, поближе к деревне, чтобы общаться с людьми. У него жили два домовых; старший переехал с ним и стал родоначальником домовых Квастбакки. Младший же остался в лесу и сделался главой рода домовых Рисбакки. Они расплодись в большом количестве, чинили старую торпарскую хижину и хозяйничали бы в ней до скончания веков. Но лил дождь, пекло солнце, хижина все более ветшала и в конце концов разрушилась до такой степени, что от нее осталась лишь печная заслонка. Тогда домовым Рисбакки пришлось переехать и поселиться в молоденькой ели, выросшей на месте хижины. «Нам тут ничуть не хуже», — решил волшебный народец.

Долгое время домовые Рисбакки счастливо жили здесь, каждый под своей веткой. Правда, с едой у них было неважно, но зато имелась крыша над головой, хоть и худая. Они стали заботиться о ели, как прежде заботились о хижине, и воевали с надоедливыми дятлами, белками и муравьями. Настырней всех была ворона, не оставлявшая попыток построить на ели гнездо, но с ней хозяева не церемонились, и всякий раз гнездо оказывалось выброшенным на пригорок.

За день до нынешнего Рождества все домовые Рисбакки собрались на ели, так что на каждой ее ветке слышался приглушенный гул голосов малюток ниссе в красных колпачках и с бородой елового мха. Нужно было решить, как отпраздновать сочельник. Некоторые посоветовали иллюминировать ель светлячками, которые мерцали бы при свете северного сияния, но их неоткуда было взять в это время года. Тогда кто-то предложил сварить в лунном свете кашу из еловой хвои, и все с этим согласилось. Бедняги домовые убеждены, что для празднования Рождества не может быть ничего торжественнее поедания каши, и среди людей есть немало тех, кто не знает лучшего.

К вечеру домовые сбились с ног, собирая на большой кусок бересты словую хвою, которую они намеревались сварить в лунном свете. А чтобы не испытывать недостатка комочков в каше, добавили туда словых шишек. Но в это время к пригорку подъехал на лыжах Улле — Улле из Квастбакки, — ветряной мельницей которого Южный ветер когда-то насвистывал свои песенки². С той поры Улле сделался почти взрослым и сегодня отправился на поиски подходящей рождественской ели. Ель из Рисбакки показалась ему как будто нарочно созданной для столь великой чести, и — тук! тук! — несколькими ловкими ударами топора он повалил деревце на землю.

Домовые имеют обыкновение никогда ничему не удивляться в этом мире; он полагают, что все происходит так, как и должно быть. Увидав поверженную ель, они забрались под ее густые ветви и сказали друг другу:

— Смотрите, никак ветром повалило!

Улле водрузил ель на длинные сани и принялся толкать их перед собой по снегу. Работа была не из легких, но домовые ему помогали, и ель благополучно прибыла в Квастбакку.

Уже стемнело, и домовые Квастбакки поспешили зажечь в хижине ветвистые праздничные свечи. Старый торпарь читал вслух из Библии, а свечи горели так ярко, что он прекрасно обходился без очков. Его жена готовила вечернюю кашу, а дети овечьими ножницами нарезали гирлянды стружек для рождественской ели. Тут все услышали, что во двор вернулся Улле.

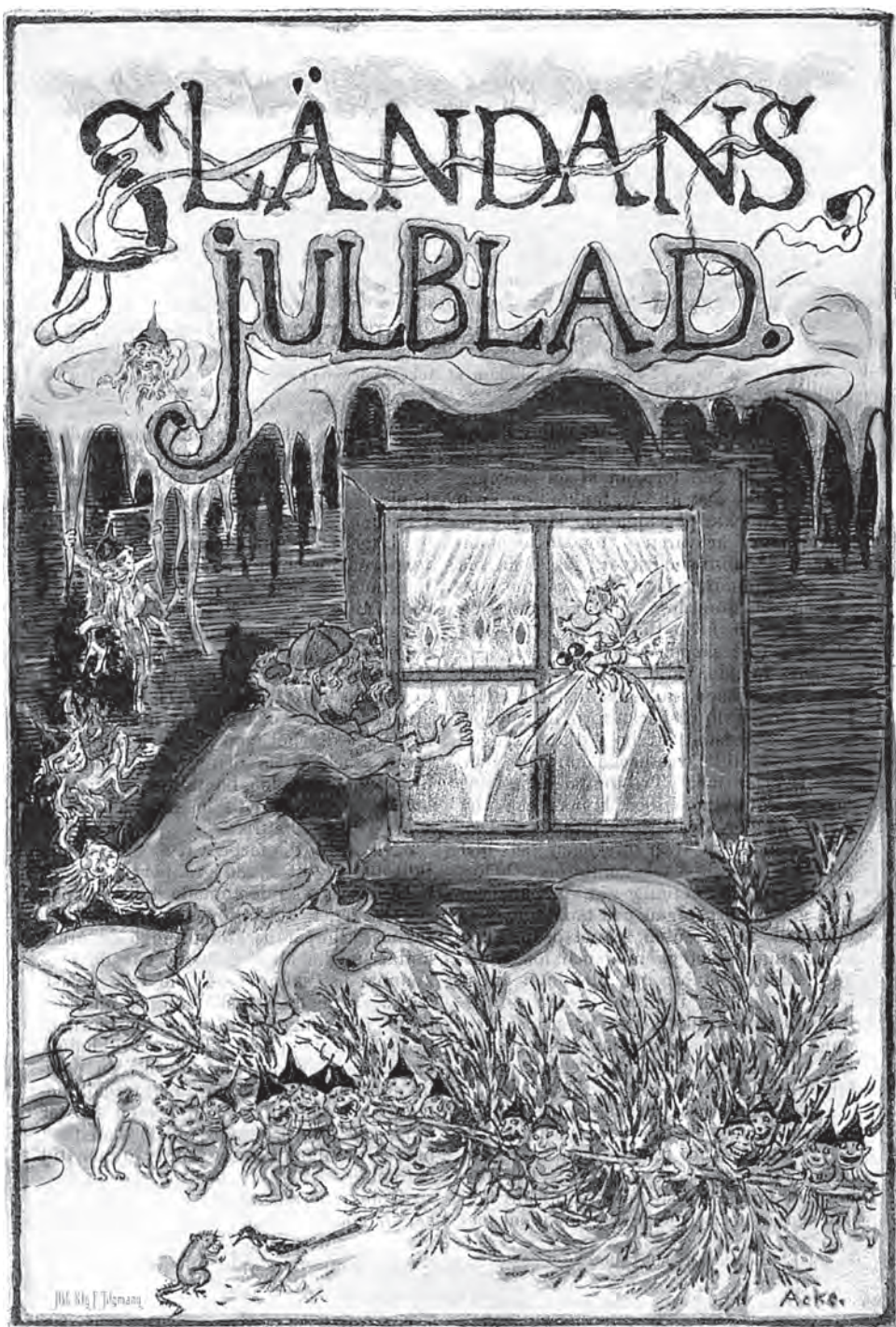
Ель вывалили из саней, и все домовые попадали в сугроб.

— Смотрите, — опять сказали они друг другу, — мы обрели новое жилье! А вот и наш старый знакомый, кот Мурре из Рисбакки! Какая приятная встреча!

Самые любопытные, желая осмотреться, вскарабкались по ледяным сосулькам, свисавшим с крыши хижины. Но, приметив поднимавшийся из трубы дым, спустились обратно и закричали:

— Мы сварим здесь кашу на печной трубе!

Стрекоза, дремавшая под словой корой, проснулась от света, лившегося из окна, и снова выбралась наружу — посмотреть, не пришла ли весна. Тотчас на нее запрыгнула Искорка и принялась летать, сидя у стрекозы на спине. Ты знаешь Искорку, лучезарного эльфа? Она — дитя солнечного и лунного сиянья, живущее среди звезд и каждый день отправляющееся на землю с первым лучом света. Ребячески капризная, она устраивается там, где ей вздумается: то на крыльях жаворонка, то на цветке черемухи, то в радостных глазках детей или, как сейчас, на случайно подвернувшейся стрекозе. Искорка — камеристка³ эльфов, жизнерадостность, детское счастье; Искорка — самое бескорыстно доброе, самое пленительно веселое, самое милое сердцу и прекрасное, но в то же время чуточку легкомысленное, пугливое дитя, бегущее от тьмы и печали и полагающее, что весь мир создан для комариных плясок. Такова Искорка, теперь ты с нею знаком, а она летит себе, сидя меж крыльев стрекозы, и направляет ее к свету.

*Тотчас на нее запрыгнула Искорка и принялась летать,
сидя у стрекозы на спине.*

Какое счастье, что оконное стекло не позволило стрекозе с Искоркой угодить прямиком в пламя! Иначе прощай, невиннейшая насмешка в мире! Стекло пропело старую песенку «Смотри, но не трогай», а тут еще подкрался Улле, осторожно поймал рукой стрекозу с Искоркой, внес их в горницу и накрыл перевернутым стаканом. Там стрекоза и провела в заточении всю рождественскую ночь, Искорка же скользнула сквозь стенку стакана, помня предупреждение оконного стекла о пламени, и встретила сочельник в радостных глазках детей.

Улле установил ель на прочное основание, а дети украсили ее всем, чем могли. Ни яблок, ни разноцветных конфет у них не было, но матушка купила в городе четыре имбирных пряника, по одному для каждого жадного ротика, — их-то детки и поедали глазами весь вечер, прежде чем решились попробовать на вкус. Рождественский гном с подарками не удосужился заглянуть в дверь бедной торпарской хижины; вместо него явилась Искорка, принесла радость, и вокруг ели начали водить хоровод, при виде которого иголки деревца встали дыбом, а Мурре и Миссе принялись бросаться детям под ноги.

В самый разгар веселья на чердаке поднялась такая возня и беготня, словно двадцать ворон повздорили из-за дохлой мыши.

— Улле, — сказал торпарь, — пойди и выясни, в чем дело!

Побывав на чердаке, Улле со смехом воротился назад.

— Это домовые Квастбакки выгоняют домовых Рисбакки, — доложил он. — Домовые Рисбакки пожаловали сюда вместе с елью и надумали у нас обосноваться. Но когда они захотели сварить кашу на печной трубе, домовые Квастбакки решили, что это уж слишком, и погнали прочь домовых Рисбакки.

— Бедняжки, — вздохнула торпарка, — из чего же они варят свою кашу?

— Да каша у них из еловой хвои и шишек, — ответил Улле.

— Нет, погодите, — молвила его матушка. — Я ведь знаю домовых Рисбакки еще с тех времен, когда мы жили там. Это услужливый народец, который всегда чем-нибудь помогает ближним. Они чинили нашу хижину, подметали пол, ухаживали за коровами, принося тем самым богатый урожай. Прежде они неизменно получали миску мучной каши на Рождество, а теперь настолько обеднели, что варят еловую хвою! Нет, это выше моих сил, мне горько от того, что они влачат столь жалкое существование! Ступай, Улле, и попроси их подождать на сеновале, я сварю им такую же кашу, как и домовым Квастбакки. И скажи здешним домовым, чтобы оставили в покое своих кузенов. Где бы приютить домовых Рисбакки? Не могу же я расквартировать их на скотном дворе, чтобы они враждовали там с нашим волшебным народцем!

— Я знаю подходящее место, — успокоил ее торпарь. — Мельницу у стремнины, построенную минувшим летом, еще никто не занял. Домовые Рисбакки переберутся туда и не пустят на мельницу крыс и мышей. Ну и, в-третьих, они получают счастливую возможность круглый год варить там мучную кашу, в то время как нашим домовым придется довольствоваться картофельными очистками!

...они получают счастливую возможность круглый год варить там мучную кашу...

Сказано — сделано. Улле отправился с этой радостной вестью к домовым Рисбакки. Они не только не были смущены постигшим их изгнанием, считая его предопределенным, но и не удивились тому, что теперь так хорошо устроились. Домовые Рисбакки также приняли это как должное. А домовым Квастбакки в наказание за то, что слишком много о себе возомнили и выгнали своих двоюродных братьев, предстояло целый год перебиваться картофельными очистками, тогда как домовых Рисбакки ожидала мучная каша.

Все это видела и слышала стрекоза, сидя под стаканом и ожидая весну в рождественскую ночь. А Искорка резвилась в счастливых глазках детей до тех пор, пока они не заснули.

ПРИМЕЧАНИЯ

Произведения, представленные в настоящем сборнике, даются в переводах современников скандинавского писателя (М. Гранстрем и А. Гурьевой¹, М. Благовещенской², В. Смирнова³, неустановленного лица, сотрудничавшего с книгоиздателем Н. Аскархановым⁴) и Д. Кобозева, который к тому же отредактировал и дополнил дореволюционные переводы, сверив их с оригиналом. За основу были взяты тексты из восьмитомного собрания сказок, рассказов, стихотворений и пьес Топелиуса «*Läsning för barn*» («Детское чтение»), изданного в Стокгольме и Хельсингфорсе в 1906–1907 гг.,⁵ а также первые журнальные публикации некоторых сказок, по той или иной причине не включенных автором в упомянутое собрание.

Топелиус не оставил нерушимого свода сказок и рассказов для детей: отдельные произведения, помещенные им в первые издания, впоследствии получали новые заголовки, частично редактировались или почти полностью перерабатывались автором, исключались из последующих сборников или меняли свое местоположение в томах «Детского чтения». Поэтому в настоящем издании сказки и рассказы в основном расположены в хронологическом порядке, однако имеются и некоторые отступления от этого принципа, обусловленные концепцией предлагаемой книги и попыткой возможно точнее передать творческий замысел писателя.

При составлении примечаний были учтены сведения, почерпнутые из новейшего авторитетного издания: Topelius Zacharias, *Läsning för barn*, utg. Ulrika Gustafsson och Hanna Kurtén med inledning av Olle Widhe, Zacharias Topelius Skrifter X:1, Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland 2021.

---

¹ Сказки З. Топелиуса, профессора Александровского университета в Гельсингфорсе / Пер. с швед. М. Гранстрем и А. Гурьевой. — Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, ценз. 1882.

Сказки З. Топелиуса, профессора Александровского университета в Гельсингфорсе / Пер. с шведск. М. Гранстрем. — 2-е изд., доп. — Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, ценз. 1886.

² Избранные сказки / З. Топелиус; Пер. М. Благовещенской. — 2-е изд. Кн. 1–2. — Санкт-Петербург: О. Н. Попова, 1913.

Сказки Топелиуса / Пер. со швед. М. Благовещенской. — Санкт-Петербург; Москва: М. О. Вольф, [19--].

³ Перевод сказки «Муравьенок, побывавший у доктора» взят из № 9 иллюстрированного журнала для детей «Родник» за 1900 г.

⁴ Сказки Топелиуса: Пер. со швед. / З. Топелиус. — Санкт-Петербург: Н. Аскарханов, ценз. 1897.

⁵ Topelius Zacharias, *Läsning för barn I–VIII*, Samlade Skrifter 26–33, Stockholm: Bonniers, och Helsingfors: Edlunds 1906–1907.

ШКАТУЛКА ДОМОВОГО
(ELIS SKRIN)
(с. 13)

Впервые (в виде вступления к серии сказок и рассказов Топелиуса) опубликовано в № 1 детского журнала «Trollsländan» за 1871 г. Возможно, прообразом Эли послужил придуманный шведским писателем Дядюшкой Адамом (К. А. Веттербергом, 1804–1889) домового из детского журнала «Linnea».

¹ *...он знаком со стрекозой, летающей в зимнюю пору...* — См. сказку «Стрекоза и солнечный луч».

ЦЕРКОВНЫЙ ПЕТУХ-ФЛЮГЕР
(KYRKTUPPEN)
(с. 14)

Впервые опубликовано в 1847 г. в первом выпуске сборника «Сказки», а затем — в четвертом томе сборника «Детское чтение» (1871). По своей художественной манере произведение очень близко к истории Х. К. Андерсена «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях» (1859). Но так как последняя написана значительно позднее сказки Топелиуса, то можно предполагать, что в данном случае Андерсен испытал непосредственное влияние прозы финского сказочника.

¹ *Нет, его стоило угостить хорошей березовой кашей.* — Т. е. наказывать, выпороть.

² *Известный канатный плясун Караматти...* — Этот образ, вероятно, вдохновлен итальянской цирковой династией Караматти, гастролировавшей по Европе с конца XVIII в. В 1830 г. выступление А. Караматти в Финляндии, сопровождавшееся фейерверком, произвело сильное впечатление на двенадцатилетнего Топелиуса.

«РЕФАНУТ»
(REFANUT)
(с. 20)

Впервые (под названием «Корабль „Рефанут“») опубликовано в 1847 г. в первом выпуске сборника «Сказки». Позднее автор переработал произведение, озаглавил его иначе и поместил в пятом томе сборника «Детское чтение» (1880).

¹ *Шхуна «Надежда»...* — Фрегат с таким названием принадлежал брату матери Топелиуса, купцу Густаву Турдину, владевшему им совместно с несколькими другими горожанами Ньюкарлебю, среди которых был и Цакариас Топелиус-старший.

² *Ванты* — канатные растяжки между мачтами и бортом парусного судна, служащие для придания мачтам устойчивого вертикального положения.

³ *Марс* — площадка на вершине мачты, служащая для наблюдения за горизонтом, а также для работ по управлению парусами.

⁴ *Бовен-брам-рей* — парус над третьим снизу реем. *Рей (рея)* — подвижной поперечный брус на мачте, который служит для крепления прямых парусов.

⁵ *Боцман* — должность младшего командного состава экипажа судна, непосредственный начальник палубной команды. В оригинале у автора моряка зовут Брас-Матте. *Брас* — корабельная снасть, служащая для поворота рея в горизонтальной плоскости.

⁶ *Псалтырь* — одна из книг Библии, содержит 150 псалмов.

⁷ *Нок-рей* — концевой отдел реи.

⁸ *...не слыхали о таком во всех трех королевствах...* — Т. е. в Дании, Швеции и Норвегии.

⁹ *Торнео* — шведское название финского города Торнио. В дальнейшем все города Финляндии, имеющие двойное — шведское и финское — название, даются в шведском написании.

¹⁰ *Вентерь* — рыболовная снасть в виде суживающейся мешкообразной сети, натянутой на обручи; мережа.

¹¹ *Троль* — в скандинавской мифологии сверхъестественное, чаще злобное и уродливое существо, враждебное людям.

¹² *В горах Косамо...* — Местность неподалеку от границы с Россией. Славится великолепной нетронутой дикой природой.

¹³ *Форштевень* — массивная часть судна, являющаяся продолжением киля — основной продольной днищевой связи на морском судне. Образует носовую оконечность судна.

¹⁴ *Бушприт* — горизонтальный или наклонный брус, выступающий с носа судна. Служит для вынесения вперед носовых парусов и улучшения маневренных качеств судна.

¹⁵ *Тавастланд* — одна из девяти исторических областей, на которые прежде делилась Финляндия; имела титул графства.

¹⁶ *Нодендаль* — город в лене Або, у побережья. *Лен* — административная единица в Швеции, округ.

¹⁷ *Кварт* — старинная мера длины, равная четверти метра.

¹⁸ *Лиминго* — муниципалитет в лене Улеаборг. *Улеаборг* — шведское название центра лена — города Оулу.

¹⁹ *Каянеборг* — замок-крепость на острове близ города Каяна (Кайаана). Основан в 1604–1619 гг.

²⁰ *Мамура* — многолетнее травянистое растение семейства розовых с красными сладкими, ароматными ягодами, напоминающими ежевику.

²¹ *...мальчишки на аландском берегу...* — Имеются в виду мальчишки с Аландских островов Балтийского моря.

²² *Зеландия* — самый крупный остров в Балтийском море, часть территории Дании.

²³ *Гофмейстер* — придворный чин и должность лица, в ведении которого находились придворный штат, осуществление придворного церемониала и т. п.

²⁴ *Хельсингёр* — город на северо-восточном побережье датского острова Зеландия.

²⁵ *Зюйдвестка* — круглая мягкая шляпа из непромокаемой материи с широкими полями, откидывающимися спереди, надеваемая моряками в непогоду.

²⁶ *Фок-мачта* — передняя мачта на судне.

ЛАСТОЧКА ИЗ ЕГИПТА (SVALAN FRÅN EGYPTI LAND) (с. 31)

Впервые опубликовано в 1847 г. в первом выпуске «Сказок», а затем — в четвертом томе сборника «Детское чтение» (1871). Мотив трех даров вплетен здесь в педагогический поучительный рассказ, иллюстрирующий три различных отношения к жизни.

¹ *Туда бежал Христос со своими родителями от преследований царя Ирода.* — После того как волхвы, принеся свои дары младенцу Иисусу, не вернулись к царю Ироду, праведному Иосифу во сне явился ангел, повелевший: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его» (Евангелие от Матфея, 2:13).

² *Сеннар* — султанат, существовавший в XV–XIX вв. на юге современного Судана. В 1821 г. был завоеван армией египетского паши Мухаммеда Али (1769–1849) и стал частью владений Египта.

³ *Кордофан* — историко-географическая область в Судане, между долиной Белого Нила на востоке, горами Дарфура на западе, Сахарой на севере. В 1821 г. Кордофан был покорен турецко-египетскими войсками и вошел в состав Египетского Судана.

⁴ *Фогт* — должностное лицо, ведавшее определенным административным округом и наделенное судебной, административной и фискальными функциями.

⁵ *...писала стихи, которые можно было читать задом наперед.* — Т. е. перевертыши или палиндромы — стихи, которые читаются по буквам одинаково как слева направо, так и справа налево.

⁶ *Локоть* — старинная мера длины, около 0,6 метра.

ОСТРОВА-ПУШИНКИ (FJÄDERHOLMARN) (с. 39)

Впервые опубликовано в 1848 г. во втором выпуске «Сказок», а затем — в пятом томе сборника «Детское чтение» (1880).

¹ *Ботнический залив* — залив в северной части Балтийского моря, расположенный между западным побережьем Финляндии, восточным побережьем Швеции и отделенный от основной части моря Аландскими островами. Является самым крупным и самым глубоким заливом Балтийского моря.

² *...а поутру вновь подымается над добрыми и злыми.* — «Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Евангелие от Матфея, 5:45).

³ *Готланд* — крупнейший остров в Балтийском море, принадлежащий Швеции. Согласно преданию, остров был заколдованным: днем он погружался под воду, а ночью всплывал.

⁴ *«Собачьи ушки»* — загнутые уголки книжных страниц.

⁵ *«Малыш Лассе» и «Принцесса Линдагуль»* — только две из них. — См. упомянутые сказки в настоящем сборнике.

МЕДВЕДЬ (SKOGSBJÖRN) (с. 47)

Впервые (под названием «Шкатулка красного дерева») опубликовано в 1848 г. во втором выпуске «Сказок». Позднее автор переработал произведение, озаглавил его иначе и поместил в шестом томе сборника «Детское чтение» (1884). В «Медведе» использован мотив шведской народной сказки «Два сундучка»: злая мачеха дурно обращается со своей падчерицей, которая в итоге становится богатой, а родная дочь мачехи попадает в беду.

¹ *Раумо* — шведское название финского города Ра́ума, расположенного на западе страны, у Ботнического залива.

² *Марс* — см. примеч. ³ к сказке «Рефанут».

³ *Бушприт* — см. примеч. ¹⁴ к сказке «Рефанут».

⁴ *Кливер* — косой треугольный парус, прикрепленный к снасти, идущей от мачты к бушприту. *Шкот* — снасть, служащая для растягивания нижней части паруса. *Заикотить* — означает частично связать парус, чтобы уменьшить его площадь.

⁵ *Риксдалер* — шведская серебряная монета, которую начали чеканить в 1604 г. Денежная единица Швеции в 1777–1873 гг.

⁶ *Бак* — носовая часть верхней палубы морского судна.

⁷ *Аландское море* — условное название для водного региона, расположенного в Ботническом заливе, между материковой Швецией и Аландскими островами.

⁸ *Ют* — кормовая часть верхней палубы морского судна.

⁹ *Сажень морская* — единица длины, равная 1,83 метра.

¹⁰ *Катехизис* — начальный курс христианского богословия, изложенный в форме вопросов и ответов.

¹¹ *Ахтерштевень* — брус, являющийся продолжением киля — основной продольной днищевой связи на морском судне. Образует заднюю оконечность корабля.

¹² *Форштевень* — см. примеч. ¹³ к сказке «Рефанут».

¹³ *Он также был брошен в маленькой корзинке в реку Нил, и все-таки остался жив и выбился в люди.* — Подразумевается библейский пророк Моисей.

¹⁴ *...которая умела плести тончайшие кружева...* — Город Раумо до сих пор славится своими кружевными изделиями. С 1971 г. в конце июля здесь ежегодно проводится «Кружевная неделя», когда организуются конкурсы на скорость и красоту плетения, устраиваются концерты и выставки, различные детские мероприятия.

¹⁵ *...а непогода прибила его лодку к берегам Островов-Колючек.* — См. сказку «Острова-Пушинки».

¹⁶ *Линёк* — короткая смоленая веревка с узлом на конце, служившая на морских судах для телесных наказаний матросов.

ПРИНЦЕССА ЛИНДАГУЛЬ
(PRINSESSAN LINDAGULL)
(с. 64)

Впервые опубликовано в 1848 г. во втором выпуске «Сказок», а затем — в пятом томе сборника «Детское чтение» (1880). После выхода в свет этой

сказки рецензенты восхваляли ее как «фантастическое творение, наполненное ароматом цветов, волшебством и любовью».

¹ *Джиннистан* — согласно персидской фольклорной традиции, сказочная пустыня, населенная духами или демонами.

² *Загрос* — горная цепь, отделяющая Иранское нагорье от равнин Месопотамии.

³ *Цитра* — музыкальный инструмент в виде треугольного ящика с натянутыми на нем струнами, которые приводят в действие щипком или особыми наперстками.

⁴ *Мухаррем* — название первого месяца мусульманского лунного календаря.

⁵ *...нареченный в честь князя тьмы Ариманом.* — От имени божества Анхра-Майнью, олицетворяющего злое начало и тьму у древних народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока.

⁶ *...названного Ормуздом в честь князя света.* — От имени божества Ахумаразда, олицетворяющего доброе, светлое начало.

⁷ *Пьексы* — специальная обувь для лыж.

⁸ *...длиною в три локтя...* — См. примеч. ⁶ к сказке «Ласточка из Египта».

⁹ *...и перенес в прекрасный грот на Фьедерхольме, Островах-Пушинках...* — См. сказку «Острова-Пушинки».

¹⁰ *Пальт* — кушанье из теста, как правило с мясной начинкой, национальное блюдо Швеции и Финляндии.

СВЯТАЯ НОЧЬ (DEN HELIGA NATTEN) (с. 84)

Впервые (под названием «Рождественский козел») опубликовано в 1849 г. в третьем выпуске «Сказок». Позднее автор переработал произведение, озаглавил его иначе и поместил в шестом томе сборника «Детское чтение» (1884).

¹ *Рождественский козел* — одна из главных фигур-масок рождественских представлений, маскарадов, игр во времена Топелиуса. Среди ходивших по дворам ряженных непременно был кто-нибудь, изображавший козла. Он обычно нес корзину с рождественскими подарками. Эта маска восходит к языческим временам празднования Рождества, когда козел символизировал плодородие и достаток.

² *Сириус* — самая яркая звезда ночного неба.

³ ...о чем упомянуто в евангельской истории про Рождество. — При первой публикации далее следовало иное окончание сказки:

В жалком ослином хлеву сидела Богоматерь, Дева Мария, со своим малюткой на руках, а над хлевом светилась огромная, прекрасная лучезарная звезда, тогда как сияющие ангелы Божьи реяли в вышине на крыльях света и прославляли младенца столь сладостно-неземными песнопениями, что по щекам Марии струились слезы радости. Однако в щели ветхого хлева задувал холодный ночной ветер, и младенцу Иисусу было зябко на коленях матери.

В хлеву среди ослов затесался козел, облаченный в теплый и пушистый мех наимягчайшей шерсти. Мария обратилась к козлу:

— Дружочек, удели мне немного шерсти из твоего роскошного меха — согреть моего малютку, который озяб!

Но козел оказался сварливым и жестоким.

— Всяк сам себе ближе, — ответил он, — мех нужен мне самому для согрева. — И не дал Богоматери ни единой шерстинки своего изобилия.

Вслед за тем нелюбезный, самолюбивый козел услышал голос, молвивший ему:

— Несчастный козел, ты не ведаешь, что натворил: ты пожалел ничтожную часть своего богатства для Сына Божьего в ночь Его рождения, вот почему отныне каждую рождественскую ночь ты обречен скитаться по свету в холод и стужу. Твой мех не защитит тебя, тебе придется мерзнуть и тщетно просить чего-либо, чтобы согреться. Тем самым ты будешь искупать свою вину перед малышами до тех пор, пока их молитвы не освободят тебя.

Козел тотчас ощутил приговор в действии. Он ринулся в горы, но его одолел сон, в котором он пребывал до следующего Рождества, когда очнулся и был вынужден начать свое долгое путешествие. Вот так и донныне бродит козел каждую рождественскую ночь по земле и слышит, как голоса природы твердят друг другу:

— Нынче Святая ночь, нынче никто не должен причинять другому зла!

Козел это слышит и не может отделаться от голосов, потому что той ночью они раздаются всюду: в горах, в долинах, в лесу и на равнинах, высоко в небе и глубоко в море. Козел нарушил мирный покой Святой ночи, он одиноко бредет своей студеной дорогой, но при этом знает, кого ищет. Он отыскивает детей, дабы с их помощью искупить свою вину перед Младенцем в яслях. Он старается всеми способами завоевать их благосклонность, он приносит им прелестнейшие рождественские дары, и все же малыши редко когда вспоминают поблагодарить его. Бедный Рождественский козел! Когда другие счастливы, он опечален: дети ждут не дождутся его появления, а покидает он их, будучи позабытым; приходит к ним такой нагруженный, а удаляется с пустой корзиной. Детям до этого нет дела: они насмехаются над козлом, дергают его за бороду, прячутся от него. И хотя каждое Рождество ему оказывают такой скверный прием, скиталец возвращается на следующий год со столь же прекрасными, да, пожалуй, даже и более роскошными подарками. Рождественский

козел, верно, думает: «Быть может, на этот раз я смогу расположить к себе детей и их благосклонностью сократить срок моих скитаний».

Вот я и рассказал тебе, кто такой Рождественский козел, а значит, выиграл у тебя весь чернослив в мире. И когда весь этот чернослив будет посажен (если никто не съест его раньше) и из всех этих косточек вырастут деревья, и все эти деревья произведут на свет новые плоды и новые деревья, Рождественский козел все еще будет бродить по земле в Святую ночь. (*Пер. с швед. Д. Кобозев.*)

СТАРАЯ ХИЖИНА (GAMLA STUGAN) (с. 90)

Впервые опубликовано в 1849 г. в третьем выпуске «Сказок», а затем — в четвертом томе сборника «Детское чтение» (1871). Прообразом «старой хижины» послужила постройка общего пользования на островке Алёрн архипелага Ньюкарлебу, вероятно, сооруженная в XVIII в. для того, чтобы наблюдать из нее за прибывающими кораблями. Топелиус неоднократно бывал там в детстве, а при посещении острова летом 1835 г. нацарапал на стене обветшавшей хижины прощальное приветствие. В 30–40-х гг. XIX в. на острове появилось большое количество частных вилл, и к 1860 г. от «старой хижины» не осталось и следа.

¹ *Мамура* — см. примеч. ²⁰ к сказке «Рефанут».

² *Аркадия* — образ идеальной страны, счастливой, беззаботной жизни.

³ *Тебе ведь наверняка известно об Островах-Пушинках, Фьедерхольме?* — См. сказку «Острова-Пушинки».

КНУТ ДУДАРЬ (KNUT SPELEVINK) (с. 106)

Впервые опубликовано в 1849 г. в третьем выпуске «Сказок». Позднее автор практически полностью переписал произведение и поместил его в шестом томе сборника «Детское чтение» (1884).

¹ *Вентерь* — см. примеч. ¹⁰ к сказке «Рефанут».

² *Катехизис* — см. примеч. ¹⁰ к сказке «Медведь».

³ *Камеристка* — служанка, обычно поверенная в сердечные тайны своей госпожи.

⁴ *...а Унда Марина — принцесса, ненаглядное дитя Морского короля.* — См. сказку «Канал принца Флурио».

ВИПЛАУСТИГ
(WIPPLUSTIG)
(с. 121)

Впервые (под названием «Виплусти и Старичок с луны») опубликовано в 1852 г. в четвертом выпуске «Сказок». Позднее автор переработал произведение, озаглавил его иначе и поместил в шестом томе сборника «Детское чтение» (1884). Прозвище главного героя можно перевести с шведского как «Вип Зазывала».

¹ *Мамелюки (мамлюки)* — воинская часть Великой армии французского императора. С 1800 г. они активно участвовали во всех его военных кампаниях. Это были бесстрашные воины, с детства обученные верховой езде и владению оружием. Представляли собой легкую конницу, основным маневром которой были стремительные атака и отступление после нападения на неприятеля.

² *Ленсман* — исполнительный полицейский чин в сельских местностях Финляндии, Норвегии и Швеции, аналогичный по положению становому приставу в дореволюционной России.

³ *Лот* — старинная мера веса, в Швеции соответствовавшая примерно 26 граммам.

⁴ *Великий Могол* — властитель империи, созданной тюрками после завоевания ими в XVI веке Индии и прилегающих к ней земель.

⁵ *Сленгполька* (швед. slängpolska) — «круговая пляска», согласно шведско-русскому словарю 1847 г.; шведский народный танец.

⁶ *Фанданго* — испанский народный танец.

⁷ *Колбасные палочки* — деревянные стерженьки, которыми закалывают концы колбас. В Скандинавии сделать что-либо из колбасной палочки означает «сделать из ничего», «сварить кашу из топора».

ПИККУ МАТТИ
(PIKKU MATTI)
(с. 131)

Впервые опубликовано в 1852 г. в четвертом выпуске «Сказок», а затем — в четвертом томе сборника «Детское чтение» (1871).

¹ *Торп* — участок земли, арендуемый безземельным крестьянином — торпарем.

² *Тот, кто не понимает финского языка, догадается, что это значит.* — Пикку означает по-фински «маленький».

³ *Ряпушка* — вид пресноводных рыб из рода сигов.

⁴ *Тинг* — местный суд с участием присяжных, наиболее уважаемых жителей прихода.

⁵ *Надеюсь, ты помнишь Виплустига?* — См. сказку «Виплустиг».

⁶ *Ленсман* — см. примеч. ² к сказке «Виплустиг».

⁷ *Бруфогт* или *мостовой смотритель* — должностное лицо, отвечавшее за содержание дорог и мостов в приходе.

⁸ *Лакричные палочки* — сладости, изготавливаемые из сока корня солодки.

⁹ *Кивер* — высокий военный головной убор из жесткой кожи с козырьком.

¹⁰ *...никогда не наденет старый бьёрнеборгский мундир!* — Мундир Бьёрнеборгского полка шведской армии.

¹¹ *...неужели думаешь, что я когда-нибудь это забуду?* — По всей видимости, Топелиус изобразил здесь Г. М. Армфельта (1757–1814) — шведского государственного деятеля, фаворита и «правую руку» королей Густава III (1746–1792) и Густава IV Адольфа (1778–1837). Он участвовал в Русско-шведской войне 1788–1790 гг., во время которой в сражении при Савитайпале 4 июня 1790 г. был тяжело ранен в плечо. В 1805 г. непродолжительное время занимал пост генерал-губернатора Финляндии (вероятно, к этому времени и относятся события, описанные в рассказе). В 1811–1813 гг., будучи доверенным лицом императора Александра I (1777–1825), состоял генерал-губернатором Великого княжества Финляндского.

¹² *...и чтобы продлились дни твои на земле!* — Пятая заповедь Закона Божьего (Исх. 20:12).

БЕРЕЗА И ЗВЕЗДОЧКА (BJÖRKEN OCH STJÄRNAN) (с. 143)

Впервые опубликовано в 1852 г. в четвертом выпуске «Сказок», а затем — в третьем томе сборника «Детское чтение» (1867). Это одно из самых любимых в Финляндии произведений Топелиуса.

¹ *...бушевала война...* — Подразумевается Северная война, во время которой с 1713 по 1721 год территория Финляндии была занята русскими войсками. Большое количество населения было взято в плен для подневольного труда в России, особенно для строительства Петербурга. К написанию этой сказки Топелиуса подтолкнула также история его прадеда, во время войны угнанного в рабство, но через много лет сумевшего вернуться на родину, неуклонно двигаясь на закат солнца. О прототипе героев «Березы и звездочки» Топелиус писал,

что «юность Кристоффера была сказкой, о которой долгие годы будут рассказывать детям и внукам».

² *Как в сказке юная жена рыцаря Синяя Борода...* — Речь идет о старофранцузской сказке «Рауль, рыцарь Синяя Борода», обработанной и изданной французским писателем-сказочником Шарлем Перро (1628–1703) в 1697 г.

³ *Вавилон* — древний город в Месопотамии. Имеется в виду одно из преданий о завоевании Иудеи вавилонянами, когда были взяты в плен многие израильтяне (См. псалом 136 из книги Псалтырь).

⁴ *Когда пастухи или ночью в Вифлеем, их вела туда звезда.* — Подразумеваются персонажи повествования о Рождестве Иисуса Христа из библейского Нового Завета, шедшие поклониться родившемуся в Вифлееме Младенцу (Евангелие от Матфея, 2:1–12).

⁵ *Он, который вывел детей Израиля из рабства...* — Имеется в виду рабство израильтян в Египте во власти фараонов и его окончание и Исход из Египта под предводительством Моисея, которому Бог повелел вывести свой народ из земли Египетской. Изложено в библейском Пятикнижии (главным образом в книге Исход, главы 1–15).

МАЛЫШ ЛАССЕ
(LASSE LITEN)
(с. 151)

Впервые опубликовано в 1880 г. в пятом томе сборника «Детское чтение».

¹ *...и вылавливал детишек своей длинной удочкой.* — См. сказку «Острова-Пушинки».

² *Нурдениэльд (Нордениэльд) Нильс Адольф* (1832–1901) — шведский полярный исследователь, член Петербургской Академии наук, совершил ряд полярных экспедиций на Шпицберген и в Гренландию. В 1878–79 гг. на бывшем китобойном судне «Вега» впервые в истории осуществил сквозной проход Северным морским путем с запада на восток с одной зимовкой.

НОРА, НЕ ЖЕЛАВШАЯ БЫТЬ РЕБЕНКОМ
(NORA, SOM EJ VILLE VARA BARN)
(с. 160)

Впервые опубликовано в № 2 детского журнала «Еос» за 1854 г., а затем — во втором томе сборника «Детское чтение» (1866).

¹ ...и с этими словами бросила Лилипута и Розу Ведерфлюкт... — Прозвище куклы можно перевести как «Изголодапрочь», поскольку в шведском языке слово *väderflykt* (букв. «побег от погоды») часто употребляется в контексте поездок к солнцу в теплые страны в зимний период.

² *Фрёкен* — барышня, форма вежливого обращения к незамужней девушке в скандинавских странах.

³ *Полька-мазурка* — бальный танец XIX века, сочетающий в себе движения мазурки и шаги польки.

⁴ ...словно *Неряха Петер* в книжке. — Герой одного из десяти назидательных стихотворений сборника «Забавные рассказы и смешные картинки для детей от 3 до 6 лет», опубликованного в 1845 г. немецким психиатром Генрихом Гофманом (1809–1894) и с 1847 г. издававшегося под названием «Неряха Петер».

⁵ *Kåpor* — теплый женский головной убор с лентами, завязывавшимися под подбородком.

⁶ *Вадмал* — грубая шерстяная ткань, из которой в старину изготавливали одежду в скандинавских странах.

⁷ ...им принадлежит Царство Небесное. — «Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Евангелие от Матфея, 19:14).

КРЕПОСТЬ ХРАБРОГРАД (FÄSTNINGEN HJÄLTEBORG) (с. 166)

Впервые (под названием «Оборона финской крепости») опубликовано в № 4 детского журнала «Еос» за 1854 г., а затем — во втором томе сборника «Детское чтение» (1866).

¹ *Кварт* — см. примеч. ¹⁷ к сказке «Рефанут».

² *Сандельс Юхан Август* (1764–1831) — шведский фельдмаршал, национальный герой Швеции и Финляндии. Реплика защитника снежной крепости отсылает читателя к стихотворению «Сандельс» из первой части «Сказаний прапорщика Столя» (1848) финского поэта Ю. Л. Рунеберга (1804–1877), где говорится, что генерал «ест завтрак, ничуть не спеша», в то время как неприятель идет на приступ.

³ *Флагтух* — прочная шерстяная ткань, из которой шили флаги.

ПРЕКРАСНЕЙШЕЕ В ЛЕСУ
(DET VACKRASTE I SKOGEN)
(с. 172)

Впервые опубликовано в № 13 детского журнала «Eos» за 1854 г., а затем — во втором томе сборника «Детское чтение» (1866). Сюжет этой сказки незамысловат, а деревья, наделенные чертами людей, являются предостерегающим примером тщеславия и себялюбия.

¹ *Фридрих II* (1712–1786) — прусский король (с 1740 г.) и полководец (в результате его завоевательной политики территория Пруссии почти удвоилась).

КУВШИНКА
(NÄCKROSEN)
(с. 175)

Впервые опубликовано в № 19 детского журнала «Eos» за 1859 г., а затем — во втором томе сборника «Детское чтение» (1866). В этом произведении прослеживается влияние сказки Х. К. Андерсена «Дюймовочка» (1835), столь же густонаселенной нежеланными женихами.

¹ *Водяной* (швед. Näcken) — согласно шведской фольклорной традиции, сверхъестественное существо, обитающее в воде. Перед людьми предстает в образе мужчины, красивого спереди и безобразного сзади, играющего на скрипке (в некоторых источниках указываются арфа и флейта) возле водопадов, на берегах озер или рек.

МАЛИННЫЙ ЧЕРВЯК
(HALLONMASKEN)
(с. 181)

Впервые (с подзаголовком «Сказка») опубликовано в № 19 детского журнала «Eos» за 1854 г., а затем — во втором томе сборника «Детское чтение» (1866). Зерна этой сказки заложены еще во вступлении к «Церковному петуху-флюгеру» (1847).

¹ *Мамура* — см. примеч. ²⁰ к сказке «Рефанут».

² *Роговик* или *дёрён* — полукустарник семейства кизилковых с деревянистым корневищем и травянистым однолетним стеблем. В данном случае подразумевается *дёрён шведский*.

САМПО ЛОПАРЕНОК
(SAMPO LAPPELILL)
(с. 189)

Впервые опубликовано в № 4 и № 5 детского журнала «Еос» за 1860 г., а затем — во втором томе сборника «Детское чтение» (1866).

¹ ...или, как их еще называли, *лопарь* и *лопарка*. — Употребляемое в литературе старое название народа саамов, живущих на севере Финляндии, Швеции, Норвегии, а также на западе Мурманской области России.

² *Францен Франс Микаэль* (1772–1847) — прославленный шведско-финский поэт, автор псалмов, с 1834 г. служивший епископом. Топелиус приводит строки из сочинения Францена «Эмили, или Вечер в Лапландии», иллюстрированного в четвертом томе его «Поэтических опытов», увидевшем свет в 1832 г. (см. ил. на с. 431).

ЖЕМЧУЖИНА АДАЛЬМИНЫ
(ADALMINAS PÄRLA)
(с. 201)

Впервые (с подзаголовком «Сказка») опубликовано в № 3 детского журнала «Еос» за 1856 г., а затем — во втором томе сборника «Детское чтение» (1866). Смирение является одним из идеалов для сказочных персонажей Топелиуса. Недостаточно смиренные подвергаются бедности, тяжелому труду или другим невзгодам. В «Жемчужине Адальмины» достижение идеала воспитания не обходится без вмешательства сверхъестественных сил — сказочных фей.

¹ *Катехизис* — см. примеч. ¹⁰ к сказке «Медведь».

РОЖДЕСТВО У ТРОЛЛЕЙ
(TROLLENS JUL)
(с. 210)

Впервые (с подзаголовком «Новейшая сказка») опубликовано в № 2 детского журнала «Еос» за 1857 г., а затем — в третьем томе сборника «Детское чтение» (1867). Мотив детей, грезящих в сочельник, роднит произведение с «Щелкунчиком и Мышиным королем» (1816) Э. Т. А. Гофмана.

¹ *Рождественский козел* — см. примеч. ¹ к сказке «Святая ночь».

² ...куда верхом на старшем вожаке волков ездил Сampo Лопаренок? — См. сказку «Сampo Лопаренок».

³ *Локоть* — см. примеч. ⁶ к сказке «Ласточка из Египта».

⁴ *Вифлеем* — город на юге Израиля, где, согласно Евангелию, родился Иисус Христос. Звезда, явившаяся с востока, остановилась над местом, где находился младенец Иисус.

ВЕЛИКИЕ ПЛАНЫ БЕРЕЗКИ
В ПОРУ «МШИСТЫХ УШЕК»
(BJÖRKENS STORA PLANER
UNDER MÖSSÖRONTIDEN)
(с. 217)

Впервые опубликовано в № 10 детского журнала «Еос» за 1857 г. Позднее автор переработал произведение и поместил его в третьем томе сборника «Детское чтение» (1867).

¹ «*Собачьи ушки*» — см. примеч. ⁴ к сказке «Острова-Пушинки».

² *Возле дороги стояла небольшая торпарская хижина.* — См. примеч. ¹ к рассказу «Пикку Матти».

³ *...повторял помойный ушат.* — При первой публикации финал сказки был иным, а вместо синицы в ней фигурировал зяблик:

— Слава богу, дети образумились, — сказала однажды торпарка. — Я ведь порола их, да так, что розга совсем истрепалась. Суну-ка я ее обратно в метлу, а из метлы устрою пугало для конопляника, тогда от розги еще будет хоть какая-то польза на свете.

Сказано — сделано. Метлу приспособили под пугало среди конопли, и розга красовалась на самой его макушке. Все воробы в ужасе разлетелись, словно розга служила им предостережением. Метла также обзавелась теперь двумя руками, а на них висели лоскуты от синей косынки и несколько осколков стекла, брякавших при каждом дуновении ветра.

— Да, ну и вид у тебя! — воскликнул помойный ушат, который как-то раз выставили сушиться на пригорке.

— Замолчи, — шикнуло на него пугало, — никому не известно, что еще может из меня выйти!

— Посмотрим, — ответил помойный ушат.

В это время показался зяблик, пролетавший мимо. Пугало тотчас его узнало, зашевелило лоскутами и зазвенело стекляшками, да так, что зяблик обратился в бегство, только его и видели! Он терпеть не мог пугал, этот добряк зяблик, ведь на них не было славных почек, годных в корм.

Что тут остается сказать? Пугало до сих пор торчит посреди конопляника и ждет лучших времен. У него иные взгляды на жизнь, чем у помойного ушата. Хотя березка и не стала корзинкой на столике принцессы, метле не дано было

SKALDESTYCKEN

AF

FRANS M. FRANZEN

Spring min snälla Ren
Öfver berg och fält.
Vid min flickas tält
Får du krafsa sen;
Ymnig' mossor der
Under drifvan är.

Sid. 83.

*Титульная страница четвертого тома
«Поэтических опытов» Ф. М. Францена, 1832 г.*

подметать пол в ее покоях, а розге не довелось сечь шитые золотом камзолы маленьких принцев, никому не известно, суждено ли удостоиться великой чести пугалу. Возможно, оно понадобится королю, чтобы заставить трепетать непокорный народ, а значит, еще может стать королевским пугалом.

Однако мы прекрасно видим, что не следует слишком задаваться в пленительную пору «мшистых ушек».

Что же до старой кривой рябины, то она спокойно и скромно остается на прежнем месте и никогда не мечтала сделаться великой и знатной и жить при дворе короля. Но всякий раз по весне рябина выделяется своим белым убором и так сладостно благоухает, что вся окрестность наполнена ее ароматом. Цветы на лугу как один величают дерево их доброй, любимой тетушкой, а человеческие дети жалуют рябину, какой бы кривой она ни была, за ее приветливый аромат и скромную доброту. (*Пер. с швед. Д. Кобозев.*)

ЗИМНЯЯ СКАЗКА
О НЕБЕСНОВЫСОКОЙ И ОБЛАКОБОРОДОЙ
(VINTERSAGAN OM SKYNÖG OCH MOLNSKÄGG)
(с. 223)

Впервые опубликовано в № 4 детского журнала «Eos» за 1859 г., а затем — во втором томе сборника «Детское чтение» (1866).

¹ *Торнарь* — см. примеч. ¹ к рассказу «Пикку Матти».

АНЕМОНА
(HVITSIPPAN)
(с. 233)

Впервые опубликовано в № 14 детского журнала «Eos» за 1862 г., а затем — во втором томе сборника «Детское чтение» (1866). К этому сюжету автор уже обращался в своей ранней сказке «Тинг цветов» (1852), которую позже счел слишком «взрослой» и решил не переиздавать.

СТРЕКОЗА И СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ
(SLÄNDAN OCH SOLSTRÅLEN)
(с. 237)

Впервые опубликовано в декабре 1867 г. в рождественском выпуске детского журнала «Trollsländan».

¹ *...когда не достать муки с мельницы...* — Для Финляндии 1867 год, когда была опубликована эта сказка, ознаменовался большим неурожаем.

² *Капитолий* — один из семи холмов, на которых возник Древний Рим.

³ *Гарибальди Джузеппе* (1807–1882) — итальянский полководец, революционер и политический деятель. В 1862 и 1867 гг. безрезультатно пытался вооруженной силой освободить Рим от власти Папы.

⁴ *Люткен Кристиан Фредерик* (1827–1901) — датский зоолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1897 г.

⁵ *...подобно Ионе, в чреве кита...* — Библейский пророк Иона за непослушание Господу провел в чреве кита трое суток.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЕККИ (PEKKAS ÄFVENTYR) (с. 242)

Впервые опубликовано в № 2 детского журнала «Trollsländan» за 1868 г., а затем — в четвертом томе сборника «Детское чтение» (1871). В изящной аллегории с характерной для этого жанра персонификацией пороков и расплаты за них находчивый и бесстрашный Пекка выдерживает одно испытание за другим. В неурожайные 1866–1868 гг. голод воспринимался как наказание за людскую лень и безбожие. Лев выражает мораль истории, изложенную в последней строфе: благородным мужеством можно преодолеть жизненные испытания.

КАК НАХОДЯТ СКАЗКИ (HURU MAN HITTAR SAGOR) (с. 249)

Впервые опубликовано в № 42 детского журнала «Trollsländan» за 1868 г., а затем — в четвертом томе сборника «Детское чтение» (1871). Сказка расширяет представление о том, что сотворенное Господом — это еще одна Библия, доступная для прочтения лишь внимательным.

¹ *Осенняя беседа стрекозы с малюткой Марией.* — См. сказку «Стрекоза и солнечный луч».

² *...нынче стоит лето Святой Бриты.* — Такое название («Лето Святой Бриты») носит одна из глав романа «Герта, или История одной души» (1856) шведской писательницы Ф. Бремер (1801–1865).

³ *...в честь шведской святой Бриты.* — Память о всевозможных святых живет в народе еще со времен католичества.

⁴ *Ты забыла «Жемчужину Адальмины», «Великие планы березки» и сотню других сказок?* — См. упомянутые сказки в настоящем сборнике.

⁵ *Магистр* — ученая степень, обращение к преподавателю.

⁶ *Орден Святого Станислава* — орден Российской империи с 1831 до 1917 года. Самый младший по старшинству в иерархии государственных наград, главным образом для отличия чиновников. Имел четыре степени; в 1839 г. четвертая была упразднена.

⁷ *Шиньон* — накладные волосы на затылке в виде косы, локонов и проч., используемые для создания прически.

⁸ *Торпаль* — см. примеч. ¹ к рассказу «Пикку Матти».

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ В НОЯБРЕ (SOLSTRÅLEN I NOVEMBER) (с. 255)

Впервые опубликовано в № 46 детского журнала «Trollsländan» за 1868 г., а затем — в четвертом томе сборника «Детское чтение» (1871).

¹ *Месса* — многоголосное циклическое хоровое произведение религиозного содержания, музыкальная часть католической обедни.

² *...и пытался спеть басом: «Осень настала, бурь слышен рев...»* — Песня «Осень настала» для мужского хора а capella шведского композитора У. В. Уддена (1799–1868) на стихи поэта и придворного проповедника К. Ф. Дальгрена (1791–1844).

³ *...где Спаситель обещает милость и прощение разбойнику на кресте.* — «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Евангелие от Луки, 23:43).

ЮНЫЙ ВСЕЗНАЙКА (EN LÄRD GOSSE) (с. 262)

Впервые опубликовано в двух частях в № 20 и № 21 детского журнала «Trollsländan» за 1869 г. Первая часть называлась «Премудрый мальчик», а вторая — «Тот, кто знал почти все на свете. Продолжение „Премудрого мальчика“». Позднее автор переработал произведение и поместил его в шестом томе сборника «Детское чтение» (1884).

¹ *Мамзель* — искаженное мадмуазель, барышня.

² *Реальное училище* — звено догимназического образования, соответствовавшее трем старшим классам современной общеобразовательной школы.

³ *Марка* — национальная валюта Финляндии до перехода на евро в 2002 г.

⁴ «*Собачьи ушки*» — см. примеч. ⁴ к сказке «Острова-Пушкин».

⁵ *...прихватил с собой «Зоологию» Люткена...* — См. примеч. ⁴ к сказке «Стрекоза и солнечный луч».

ДАР МОРСКОГО КОРОЛЯ (HAFSKONUNGENS GÅFVA) (с. 271)

Впервые опубликовано в № 24 и № 25 детского журнала «Trollsländan» за 1869 г., а затем — в четвертом томе сборника «Детское чтение» (1871). Топелиус использует здесь мотив сказки братьев Гримм «О рыбаке и его жене» (1812).

¹ *Фунт* — мера веса, соответствует 425 граммам.

² «*Калевала*» — карело-финский эпос о подвигах и приключениях героев сказочной страны Калева. Составлен из народных песен (рун) Э. Лённротом (1802–1884) и опубликован в 1835 и 1849 гг.

³ *Но на самом деле она припоминала несколько старых волшебных рун...* — Здесь подразумеваются древние скандинавские песни-заговоры.

⁴ *...старика мучило сознание, что он нарушил четвертую заповедь...* — Речь идет о Четвертой заповеди Закона Божьего. Согласно ей, необходимо помнить субботний день для того, чтобы проводить его свято, отказавшись от труда.

⁵ *Камеристка* — см. примеч. ³ к сказке «Кнут Дударь».

КУРОЛЕСИУС (BULLERBASIUŠ) (с. 282)

Впервые опубликовано в № 50 и № 51 детского журнала «Trollsländan» за 1870 г., а затем — в четвертом томе сборника «Детское чтение» (1871).

¹ *...хочет прочесть ему про Люнкентуса...* — Шведская народная сказка. В позднейших обработках в ней говорится о солдате, который

вызывает трех принцесс с помощью тролля Люнкентуса. У братьев Гримм встречается подобный сюжет в сказке «Подземный человечек».

² ...или про рыцаря Синяя Борода. — См. примеч. ² к сказке «Береза и звездочка».

³ *Мелюзина* — согласно средневековой легенде, фея водных источников.

⁴ *Иоаннов день* — праздник летнего солнцестояния у народов Европы, приуроченный к церковному празднику Рождества Иоанна Крестителя (24 июня).

⁵ *Анилин* — органическое соединение, бесцветная маслянистая ядовитая жидкость, употребляемая при изготовлении анилиновых красок, сложных лекарств, взрывчатых веществ.

РИДА-РАНКА
(RIDA RANKA)
(с. 291)

Впервые опубликовано в 1871 г. в четвертом томе сборника «Детское чтение». В сказке фигурируют реальные исторические личности: король Хокон Магнуссон (1340–1380), король Магнус II Эрикссон (1316–1374), его супруга королева Бланка Намюрская (1320–1363), правитель Швеции и основатель Стокгольма Биргер Ярл (ок. 1216–1266), дочь датского короля Вальдемара IV Аттердага (1320–1375) Маргарета Датская (1353–1412), впоследствии ставшая женой короля Хокона; ее главная придворная дама Мерта Ульфсдоттер (1319–1371) со своей дочерью Ингегерд Кнутсдоттер (1356–1412), росшей вместе с будущей королевой Маргаретой; сын Маргареты — принц Олаф Хоконссон (1370–1387). Сюжет этой сказки вдохновил выдающегося финского художника А. Эдельфельта (1854–1905) на создание картины «Королева Бланка» (1877), изображающей материнскую любовь и радость. Соотечественники художника приняли работу с огромным восторгом. В виде репродукций картина стала одним из самых популярных произведений скандинавского искусства того времени.

¹ *Локоть* — см. примеч. ⁶ к сказке «Ласточка из Египта».

² *Камеристка* — см. примеч. ³ к сказке «Кнут Дударь».

³ *Скачки с кольцами* — рыцарская забава, состоявшая в том, что всадник на всем скаку старался продеть копьё в одно или несколько подвешенных колец.

⁴ ...как рыцарь Нильс Эббесен прикончил угнетателя крестьян графа Герта. — Нильс Эббесен (1308–1340) был датским дворянином и военачальником, 1 апреля 1340 г. убившим фактического правителя Дании графа Герхарда III (Герта), непопулярного в народе.

ЛУЧШИЙ ПУТЬ
(DEN BÄTTRE VÄGEN)
(с. 302)

Впервые опубликовано в № 5 детского журнала «Trollsländan» за 1871 г., а затем — в четвертом томе сборника «Детское чтение» (1871). Сказка проповедует один из аспектов воспитания самого автора: с детства его учили самоотвержению. Топелиус вспоминал, как однажды он подобно сказочному Туттели разом съел свою долю сладостей, которую его сестра сумела сохранить до следующего дня.

МУРАВЕЙГРАД И СЕДОМОХАЯ
(MYREBORG OCH GRÅMOSSA)
(с. 306)

Впервые опубликовано в № 34 детского журнала «Trollsländan» за 1871 г., а затем — в пятом томе сборника «Детское чтение» (1880). Исследователи часто сравнивают эту сказку с «Последним сном старого дуба» (1857) Х. К. Андерсена.

¹ *Тантал* — в древнегреческой мифологии лидийский или фригийский царь, наказанный за оскорбление олимпийских богов вечными муками: в частности, стоя по горло в воде, он не мог утолить жажду, поскольку вода уходила от его губ.

² *...ибо кто ищет, тот находит.* — Евангелие от Луки (11:10).

³ *...«они уже получили награду свою».* — Евангелие от Матфея, 6 глава.

МУРАВЬЕНОК, ПОБЫВАВШИЙ У ДОКТОРА
(MYRAN, SOM FOR TILL DOKTORN)
(с. 311)

Впервые опубликовано в № 14 детского журнала «Trollsländan» за 1873 г., а затем — в пятом томе сборника «Детское чтение» (1880).

¹ *Хельсингфорс* — шведское название столицы Финляндии Хельсинки.

² *Все мы — горюны.* — Как и в сказке «Муравейград и Седомохая» (1871), автор использует здесь игру слов: по-шведски «stackar» означает муравейник, а «stackare» — бедолага, горюн.

³ *...как Кристина Нильссон выступает в опере под звуки «Польки Водяного».* — В сказке упоминается опера «Гамлет» (1868) французского композитора А. Тома (1811–1896). Под звуки «Польки Водяного»

прославленная шведская певица Кристина Нильссон (1843–1921) в образе Офелии выплывала на сцену на листе кувшинки.

⁴ *Эверт Фридрих Вильгельм* (1823–1894) — немецкий гидротерапевт, возглавлявший некогда популярную водолечебницу «Вильгельмсбад» в Хельсингфорсе. С 1902 г. на ее месте возвышается здание Финского национального театра. В 1863 г. Топелиус, болевший воспалением легких, прибегал к помощи гидротерапии.

⁵ *Бек Юхан Якоб* (1824–1879) — известный финский хирург-самоучка, не получивший университетского образования. По воспоминаниям современников, отличался редкостной добротой.

⁶ *Васа* — город и порт в финляндской провинции Эстерботтен у Ботнического залива. С 1867 г. и до конца своих дней доктор Бек занимал должность городского фельдшера Васы.

⁷ *...а маленькая провозвестница весны летала на своих шумных крылышках над зеленеющим лесным пригорком.* — См. сказку «Стрекоза и солнечный луч».

ЗВЕЗДОКАЯ (STJÄRNÖGA) (с. 315)

Впервые опубликовано в № 50 и № 51 детского журнала «Trollsländan» за 1873 г., а затем — в пятом томе сборника «Детское чтение» (1880).

¹ *По пустынным горам ехал лопарь в пулке, запряженной оленем...* — См. сказку «Сампо Лопаренок» и примечания к ней.

² *Локоть* — см. примеч. ⁶ к сказке «Ласточка из Египта».

³ *Полость* — покрывало для ног седока в экипаже или санях.

⁴ *...что «не видел глаз и не слышало ухо».* — «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2:9).

СПИЧКА (TÄNDSTICKAN) (с. 325)

Впервые (с подзаголовком «Сказка Ц. Топелиуса») опубликовано в ежегоднике «Svea» за 1880 г. (вышел в декабре 1879 г.), а затем — в пятом томе сборника «Детское чтение» (1880). В основу сказки легло действительное происшествие: 20 августа 1874 г. в море неподалеку от Бьёрнеборга сгорел колесный пароход «Эстерботтен» с пассажирами и грузом спичек и сигар

на борту. Причиной пожара стала зажженная спичка, неосторожно оброненная пассажиром судна, моряком Юэлем Сёдерлундом.

¹ *Бьёрнеборг* — шведское название финского города Пори, расположенного на западном побережье Финляндии, в 20–30 км от Ботнического залива.

² *Васа* — см. примеч. ⁶ к сказке «Муравьенок, побывавший у доктора».

СИККУ
(SIKKU)
(с. 330)

Впервые опубликовано в 1880 г. в пятом томе сборника «Детское чтение». У главного героя сказки Сикку немало общих черт с Куллерво из карело-финского эпоса «Калевала». И тот и другой — бедные пастухи, их единственное богатство — нож, а хозяйки скупы и позволяют себе положить в узелок с провизией камень вместо хлеба.

¹ *Карл XII* (1682–1718) — король Швеции в 1697–1718 гг., полководец, потративший большую часть своего правления на продолжительные войны в Европе.

² *Мамура* — см. примеч. ²⁰ к сказке «Рефанут».

³ *...то была троллиха из торпа Алли.* — См. примеч. ¹ к рассказу «Пикку Матти».

⁴ *...в те времена южная часть страны была охвачена военными действиями.* — Автор подразумевает Северную войну, в ходе которой территория Финляндии (в те времена — восточная часть Швеции) была занята русскими войсками с 1713 по 1721 год. Как было принято тогда при ведении войны, русские солдаты, в особенности казаки, подвергали захватываемые территории разграблению. Казаки вывозили детей и женщин в Петербург, где затем дешево продавали их.

МАЛЬЧИК, СЛЫШАВШИЙ БЕССЛОВЕСНУЮ РЕЧЬ
(GOSSEN, SOM HÖRDE DET TYSTA TALA)
(с. 337)

Впервые опубликовано на финском языке в № 2 и № 3 детского журнала «*Lasten kuvalehti*» за 1882 г. (под названием «*Poika, joka kuuli hiljaisuuden puhuvan*»), а затем на шведском — в шестом томе сборника «Детское чтение» (1884).

¹ *Кубарь* — деревянный конус с резьбой, на которую наматывалась веревочка. Дергая за веревочку, дети заставляли кубарь быстро вращаться и гоняли его при помощи кнута.

² *Ведь тот, кто по доброте сердечной делится монетой с бедняком, — одалживает Господу.* — «Милосердный к бедным одалживает Господу, и Он воздаст ему за содеянное» (Притч. 19:17).

³ *Ряпушка* — см. примеч. ³ к рассказу «Пикку Матти».

⁴ *Пожога* — место, выжженное под пашню.

⁵ *Оцеп* — длинный колодезный шест, служащий рычагом для подъема воды, журавль.

⁶ *Домашний экзамен* — экзамен, который во времена Топелиуса приходские пасторы Финляндии и Швеции устраивали в сельской местности, дабы проверить знание прихожанами Библии и Катехизиса (см. примеч. ¹⁰ к сказке «Медведь»).

⁷ *...учредили школу для глухонемых детей...* — Школа для глухонемых была учреждена в Борго в 1846 г. Карлом Оскаром Мальмом (1826–1863).

ПОРТНОЙ, ЧТО СТАЧАЛ
ФИНЛЯНДИЮ СО ШВЕЦИЕЙ
(SKRÄDDAREN, SOM TRÅCKLADE
HOP FINLAND MED SVERIGE)
(с. 346)

Впервые опубликовано в № 16 и № 17 детского журнала «Nya Trollsländan» за 1885 г., а затем — в седьмом томе сборника «Детское чтение» (1891).

¹ *Бьёрнеборг* — см. примеч. ¹ к сказке «Спичка».

² *Локоть* — см. примеч. ⁶ к сказке «Ласточка из Египта».

³ *Кубарь* — см. примеч. ¹ к сказке «Мальчик, слышавший бессловесную речь».

⁴ *...взял с собой сватом торпаря Лейвонмяки...* — См. примеч. ¹ к рассказу «Пикку Матти».

⁵ *Раумо* — см. примеч. ¹ к сказке «Медведь».

⁶ *Квинта* — первая, самая высокая по тону струна у скрипки (ми).

⁷ *А Швеция и Финляндия пришиты друг к другу горами на севере, телеграфным кабелем Тикка и еще многим-многом другим.* — Подразумевается общность языков и культуры.

ДВАЖДЫ ДВА — ЧЕТЫРЕ
(TVÅ GÅNGER TVÅ ÄR FYRA)
(с. 356)

Впервые опубликовано в 1888 г. в альманахе «Julhelsning», а затем — в седьмом томе сборника «Детское чтение» (1891). В оригинале зайцу и белке даны распространенные в Швеции и Финляндии прозвища этих животных — Йессе и Курре соответственно.

ГОНЧИЙ ПЕС ВСЕВЫШНЕГО
(EN HÖG HERRES JAKTHUND)
(с. 360)

Впервые опубликовано в 1890 г. в альманахе «Alli Tryggs julhelsning», а затем — в седьмом томе сборника «Детское чтение» (1891). Сцена в пещере ветров роднит это произведение с «Островом блаженства» (1824–1827) П. Д. Аттербума и «Райским садом» (1839) Х. К. Андерсена.

¹ *Мельничный желоб* — желоб, по которому вода поступает на мельничное колесо.

² *...и просвистел «Наш край»...* — Песня композитора Ф. Пациуса (1809–1891) на стихи финского поэта Ю. Л. Рунеберга, национальный гимн Финляндии.

³ *Рычажный молот* — старинный тип молота, часто приводившийся в движение водяным колесом.

КАК ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ДОСТАЛИСЬ
СЕМИМИЛЬНЫЕ САПОГИ
(HURU JÄRNVÄGEN FICK SJUMILSSTÖFLAR)
(с. 365)

Впервые опубликовано в 1891 г. в седьмом томе сборника «Детское чтение». Произведение является примером того, как повествования Топелиуса охватывают обширные пространства и педагогически сочетают сказочные элементы с современными автору географическими и техническими знаниями. Эта своеобразная двойственность отражена уже в заглавии сказки, где на равных с железной дорогой фигурируют семимильные сапоги.

¹ *Я там не бывал, но Нурдениэльд говорит...* — См. примеч. ² к сказке «Малыш Лассе».

² *Улеборг* — шведское название города Оулу, расположенного на западе Финляндии, у Ботнического залива.

³ *Ленсман* — см. примеч. ² к сказке «Виплустиг».

КАНАЛ ПРИНЦА ФЛУРИО (PRINS FLORIOS KANAL) (с. 373)

Впервые опубликовано в 1891 г. в седьмом томе сборника «Детское чтение». Исследователи считают, что при написании этой сказки Топелиус черпал вдохновение в баснях Эзопа. Трудолюбивые муравьи и беззаботные кузнечики также фигурируют в произведениях баснописца Ж. де Лафонтена.

¹ *...где виднелись между небом и землей волшебные Острова-Пушинки.* — См. одноименную сказку Топелиуса.

² *Кантеле* — карело-финский струнный щипковый музыкальный инструмент, похожий на гусли.

СИНА ИЗ СОММАРБЮ (SYNE I SOMMARBY) (с. 385)

Впервые (с подзаголовком «Весенняя сказка») опубликовано в № 8, № 9 и № 10 детского журнала «Nya Trollsländan» за 1892 г., а затем — в восьмом томе сборника «Детское чтение» (1896).

¹ *...портной окрестил своего мальчугана Агасверусом...* — Т. е. библейским именем персидского царя Ксеркса (ок. 519 г. до н. э. — 465 г. до н. э.).

² *...назвал своего сына Зефиринусом.* — Т. е. именем Папы Римского Зефирина (ум. в 217 г.), возведенного в сан святого.

³ *...нареченная им Евфросиной.* — Т. е. именем Святой Евфросины Александрийской (ум. ок. 470 г.).

⁴ *Нынче ты пойдешь на пастбище с соседскими коровами...* — В оригинале у автора стадо принадлежит рустхоллару — землевладельцу, обязавшемуся содержать конного воина.

⁵ *Пальт* — см. примеч. ¹⁰ к сказке «Принцесса Линдагуль».

⁶ *...печатный букварь с петушком!* — Изображение петуха, считающегося символом бдительности и наблюдательности, было заимствовано из немецких букварей.

⁷ *Фогт* — см. примеч. ⁴ к сказке «Ласточка из Египта».

⁸ *Рисовая колбаса* — колбаса, начиненная рисом с печенью, мясом и проч.

УПЛЕТАЯ БУТЕРБРОДЫ
(MELLAN SMÖRGÅSARNA)
(с. 399)

Впервые опубликовано в 1894 г. в альманахе «Jultomten», а затем — в восьмом томе сборника «Детское чтение» (1896).

¹ «*Бог, что дорожит детьми...*» — старинная детская молитва не-установленного автора. Известна с 1780 г., когда была опубликована под названием «Общая молитва для малышей».

² ...и *Сампо Лопаренка, который ездил верхом на волке*. — См. сказку «Сампо Лопаренок».

³ *Один* — верховный бог скандинавской мифологии.

⁴ *Праздник Середины лета (Midsommar)* — день летнего солнцестояния у народов Европы, отмечается в ближайшую после 19 июня субботу. Основные торжества происходят накануне. Во времена Топе-лиуса праздник был приурочен ко дню рождения Иоанна Крестителя (24 июня).

⁵ *Одни предлагали выбрать льва, другие — орла...* — Намек на «шведского» льва и «русского» орла, фигурировавших на гербе Финляндии во времена подчинения Швеции и Российской империи соответственно.

⁶ ...увенчанный *ржавым флюгером, который постоянно препирался с ветрами*. — Автор возвращается к теме своей ранней сказки «Церковный петух-флюгер» (1847).

⁷ *Кегельный король* — самая высокая кегля в девятикегельном боулинге, устанавливаемая в центре ромба из остальных восьми кегель.

⁸ *Кварт* — см. примеч. ¹⁷ к сказке «Рефанут».

НУЖНО БЫТЬ ХИТРЫМ
(SLUG SKALL MAN VARA)
(с. 405)

Впервые опубликовано в № 4 журнала «Folkets blad» за 1893 г. и рождественском альманахе «Jultomten» того же года, а затем — в восьмом томе сборника «Детское чтение» (1896).

¹ *Каппа* — старинная финская мера объема сыпучих веществ, равная 5 литрам.

² *Воронка* — часть мельничного постава, через которую вводится зерно.

³ *...и отнес к мельничному желобу.* — См. примеч. ¹ к сказке «Гончий пес Всевышнего».

СТРЕКОЗА И ДОМОВЫЕ
(SLÄNDAN OCH TOMTARNE)
(с. 409)

Последняя волшебная сказка Топелиуса, опубликованная его дочерью Тойни в декабре 1897 г. в «Sländans julblad» — рождественском выпуске детского журнала «Sländan». 12 марта 1898 г. Топелиуса не стало. См. также сказку «Стрекоза и солнечный луч».

¹ *Прежде здесь был торп Рисбакка...* — См. примеч. ¹ к рассказу «Пикку Матти».

² *...ветряной мельницей которого Южный ветер когда-то насвистывал свои песенки.* — См. сказку «Гончий пес Всевышнего».

³ *Камеристка* — см. примеч. ³ к сказке «Кнут Дударь».

Д. Кобозев

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Кобозев. Дядюшка Цакрис</i>	5
---	---

ШКАТУЛКА ДОМОВОГО

Шкатулка домового. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	13
Церковный петух-флюгер <i>Перевод М. Благовещенской под редакцией Д. Кобозева</i>	14
«Рефанут». <i>Перевод под редакцией Д. Кобозева</i>	20
Ласточка из Египта <i>Перевод М. Благовещенской под редакцией Д. Кобозева</i>	31
Острова-Пушинки. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	39
Медведь. <i>Перевод М. Благовещенской под редакцией Д. Кобозева</i>	47
Принцесса Линдагуль <i>Перевод М. Благовещенской под редакцией Д. Кобозева</i>	64
Святая ночь. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	84
Старая хижина. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	90
Кнут Дударь. <i>Перевод М. Гранстрем под редакцией Д. Кобозева</i>	106

Виплаустиг. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	121
Пикку Матти. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	131
Береза и звездочка <i>Перевод М. Благовещенской под редакцией Д. Кобозева</i>	143
Малыш Лассе. <i>Перевод М. Гранстрем под редакцией Д. Кобозева</i>	151
Нора, не желавшая быть ребенком. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	160
Крепость Храброград. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	166
Прекраснейшее в лесу. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	172
Кувшинка. <i>Перевод М. Гранстрем под редакцией Д. Кобозева</i>	175
Малинный червяк. <i>Перевод под редакцией Д. Кобозева</i>	181
Сампо Лопаренок. <i>Лапландская сказка</i> <i>Перевод М. Благовещенской под редакцией Д. Кобозева</i>	189
Жемчужина Адальмины <i>Перевод М. Благовещенской под редакцией Д. Кобозева</i>	201
Рождество у троллей <i>Перевод М. Гранстрем под редакцией Д. Кобозева</i>	210
Великие планы березки в пору «мшистых ушек» <i>Перевод Д. Кобозева</i>	217
Зимняя сказка о Небесновысокой и Облакобородой <i>Перевод М. Гранстрем под редакцией Д. Кобозева</i>	223
Анемона. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	233
Стрекоза и солнечный луч. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	237
Приключения Пекки (<i>В голодный год, весной 1868 г.</i>) <i>Перевод Д. Кобозева</i>	242
Как находят сказки. <i>Осенняя беседа стрекозы с малюткой Марией</i> <i>Перевод Д. Кобозева</i>	249
Солнечный луч в ноябре. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	255
Юный всезнайка. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	262
Дар Морского короля <i>Перевод М. Благовещенской под редакцией Д. Кобозева</i>	271

Куролесиус. <i>Перевод М. Гранстрем под редакцией Д. Кобозева</i>	282
Рида-ранка. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	291
Лучший путь. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	302
Муравейград и Седомохая. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	306
Муравьенок, побывавший у доктора <i>Перевод В. Смирнова под редакцией Д. Кобозева</i>	311
Звздоокая. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	315
Спичка. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	325
Сикку. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	330
Мальчик, слышавший бессловесную речь. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	337
Портной, что стабал Финляндию со Швецией <i>Перевод под редакцией Д. Кобозева</i>	346
Дважды два — четыре <i>Перевод М. Благовещенской под редакцией Д. Кобозева</i>	356
Гончий пес Всевышнего. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	360
Как железной дороге достались семимильные сапоги <i>Перевод под редакцией Д. Кобозева</i>	365
Канал принца Флурьо. <i>Перевод под редакцией Д. Кобозева</i>	373
Сина из Соммарбю. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	385
Уплетая бутерброды. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	399
Нужно быть хитрым. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	405
Стрекоза и домовые. <i>Перевод Д. Кобозева</i>	409
Примечания <i>Д. Кобозева</i>	415

Цакариас Топелиус

ШКАТУЛКА ДОМОВОГО

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Редактор и составитель примечаний
Д. Кобозев

Компьютерная верстка,
обработка иллюстраций
В. Шабловского

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Бумага матовая мелованная Омела 115 г/м²

Сдано в печать 08.04.2023
Объем 28 печ. листов
Тираж 3000 экз.
Заказ № 25930

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-ПРИНТ»,
196643, Россия, г. Санкт-Петербург, п. Сапёрный,
ш. Петрозаводское, д. 61, строение 6,
тел. (812) 462-83-83, e-mail: office@ldprint.ru.

Датский критик и литературовед Г. Брандес справедливо заметил, что «почти во всех странах наступает такой момент, когда литература внезапно как бы открывает то, что до сих пор в обществе оставалось незамеченным... В Дании ребенка открыл Х. К. Андерсен». Без преувеличения то же самое можно сказать и о Цакариасе Топелиусе (1818—1898), одном из величайших сказочников мира и необычайном патриоте своей родины: ребенка в Финляндии открыл он.

То обожание, которое оказывали маленькие финляндцы к своему любимому автору и то громадное влияние, которое он имел на них, отчасти объясняет финский поэт К. А. Тавастшерна: «Все свойства таланта, необходимые чтобы занять

и увлечь детей, были у него налицо. Чего прежде всего следует требовать от сказки? „Чтобы она была поэтична, — говорит Брандес. — Затем, чтобы она была сказочна. Вот почему поэт должен уметь целиком переноситься в сказочный мир; должен уметь совершенно отождествляться с ребенком, вполне усвоить себе круг его представлений, его образ мыслей“».

Топелиус так и поступал. Для него не существовало ничего неодушевленного; на что бы ни падал его взор, все одухотворялось, все оживало! По своей простоте и наивности все его сказки вполне доступны пониманию детей. А между тем сколько высоких, благородных чувств пробуждают они в маленьких сердечках, учат их терпению, любви к родине, к природе, ко всем людям.

«Счастлив тот старец, который после безмятежной, тихой жизни, отходя в вечность, может сказать себе, что он, подобно матери, убаюкивал своими стихами и сказками страдания собственных детей и вселял в них мир и покой». Такой фразой заканчивает очерк о Топелиусе французский литератор и переводчица Ж. Куссанж. Но эта характеристика писателя кажется неполной. И в самом деле, вряд ли Топелиус пользовался бы столь широкой известностью не только в Европе, но и далеко за ее пределами, если бы всего лишь «вселял мир и покой и усыплял страдания».

Для того, чтобы до глубокой старости ежедневно получать по несколько писем от своих маленьких и взрослых читателей; для того, чтоб его смерть облекла в национальный траур всю страну; чтобы ко дню похорон писателя со всех концов родины, даже из самых глухих закоулков, специальные поезда массами привозили желающих проводить к могиле останки своего любимого автора — для этого нужно нечто большее.

Нужно, чтобы писатель сумел найти доступ к сердцам своих современников, вдохнул в них веру в идеал, стремление к духовному подъему и заставил полюбить не только родину, но и человека вообще!

И все это сделал Топелиус.

В предлагаемой книге собраны лучшие образцы его сказок и рассказов для детского чтения.

